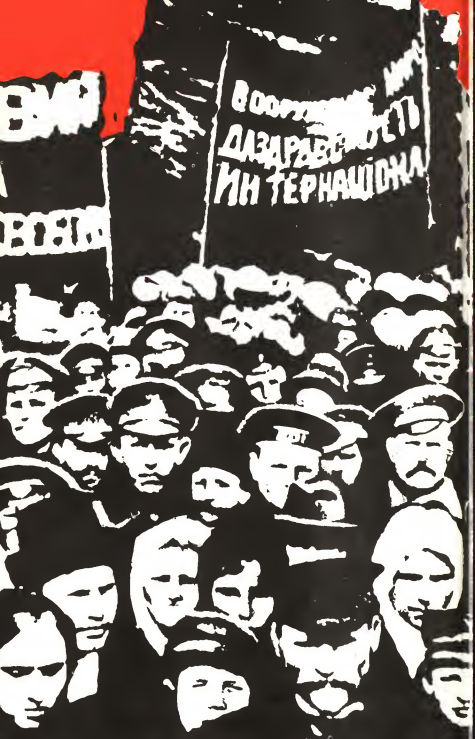
К.Т. СВЕРДЛОВА
ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ
СВЕРДЛОВ



К. Т. СВЕРДЛОВА

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СВЕРДЛОВ

МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1976

3КП1(092)
С24

Издание третье

С $\frac{70302-308}{078(02)-76}$ Б3—053—017—76

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В этой книге публикуются воспоминания К. Т. Свердловой о выдающемся деятеле Коммунистической партии и Советского государства, одном из ближайших соратников Владимира Ильича Ленина — Якове Михайловиче Свердло́ве.

Клавдия Тимофеевна Свердлова (1876—1960) — друг, соратник и жена Я. М. Свердлова, член партии с 1904 года, активный участник революций 1905 и 1917 годов. В 1905—1906 годах была членом Екатеринбургского и Пермского комитетов РСДРП, делегат IV съезда партии от уральской большевистской организации. В годы подполья вела активную партийную работу, неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению, отбывала крепость и ссылку. С июля 1917 года заведовала издательством Центрального Комитета партии «Прибой» в Петрограде. 30 марта 1918 года К. Т. Свердлова (Новгородцева) была утверждена Центральным Комитетом партии помощником секретаря ЦК РКП(б) и работала в Секретариате ЦК. После 1920 года работала на руководящей издательской работе и в системе народного просвещения.

В работе над книгой, помимо личных воспоминаний, К. Т. Свердловой (Новгородцевой) широко использованы партийные документы, архивные материалы и многочисленные воспоминания старых большевиков.

Литературная запись воспоминаний К. Т. Свердловой и подготовка прижизненных изданий книги к печати осуществлены сыном Якова Михайловича и Клавдии Тимофеевны — А. Я. Свердловым.

Издательство благодарит за помощь в подготовке настоящего издания книги В. Я. Свердлову и Н. Н. Подвойскую-Свердлову.

Глава первая

ТОВАРИЩ АНДРЕЙ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Впервые мы встретились с Яковом Михайловичем Свердловым на Урале, в Екатеринбурге (ныне Свердловск), в далекие, незабываемые дни первой русской революции.

...Шел октябрь 1905 года. По всей стране катилась волна массовых политических стачек и демонстраций. Пролетариат России поднимался на вооруженную борьбу с царским самодержавием. В деревнях пылали пожары крестьянских восстаний.

В эти дни, в середине октября, я была до суда освобождена из екатеринбургской тюрьмы, где просидела около полугода. Арестовали меня еще весной в связи с провалом нашей подпольной типографии, в работе которой я как член Екатеринбургского комитета РСДРП принимала активное участие.

Очутившись на воле, я, соблюдая всяческие предосторожности, прежде всего связалась с товарищами из Екатеринбургского комитета. Основной вопрос, который нужно было решить, и решить безотлагательно, был — что делать дальше? Мне казалось, что работать в Екатеринбурге, где меня слишком хорошо знали местные жандармы и шпики, я уже не смогу. А в том, что они меня действительно хорошо знали, хотя им и не была известна моя принадлежность к комитету, я окончательно убедилась еще в день ареста. В тюрьму меня тогда доставил сотрудник охранки, в присутствии которого дежурный надзиратель принялся заполнять тюремную анкету. Я сидела, накинув на голову большой вязаный платок, и односложно отвечала на многочис-

ленные нудные вопросы. Когда дело дошло до примет, надзиратель предложил мне снять платок, намереваясь разглядеть, какого цвета у меня глаза и какой формы нос (все эти вопросы стояли в тюремной анкете), но сотрудник охранки перебил его.

— Пусть себе сидит! — заявил он с издевкой. — Нам ее приметы наизусть известны. Я тебе все сам перечислю и не глядя в лучшем виде!

Этот разговор я не забыла. Ну как, думалось мне, смогу я дальше работать в Екатеринбурге, как буду поддерживать связь с товарищами, рискуя ежеминутно провалить каждого, с кем придется встретиться? Как и многие рядовые работники партии, я не сразу осознала те изменения, которые произошли в нашей стране, в каждом ее городе за несколько месяцев 1905 года. Я не отдавала себе полностью отчета, насколько изменились условия партийной работы в связи с бурным подъемом революционного движения.

Как ни жалко было расставаться с родным городом, где прошли мое детство и юность, где впервые я окунулась в гущу революционной борьбы и вступила в ряды большевистской партии, где жили друзья и товарищи, решение мое казалось мне единственно правильным: из Екатеринбурга надо уезжать! Надо перебраться в другой город, где охранка меня не знает. Связаться там с партийной организацией и возобновить работу на новом месте.

С этим я и пришла к товарищам, с которыми удалось встретиться, и с моими доводами согласились. Вопрос о моем отъезде был решен. И вот, когда все сомнения были уже позади и со дня на день я собиралась покинуть Екатеринбург, мне неожиданно передали, что я должна встретиться с товарищем Андреем.

Товарищ Андрей! Это имя я слыхала, хотя сама не видела товарища Андрея ни разу. Под этим именем Яков Михайлович Свердлов появился в Екатеринбурге в конце сентября 1905 года, будучи направлен на Урал Центральным Комитетом партии в качестве представителя, или, как тогда говорилось, агента ЦК.

О появлении в Екатеринбурге нового агента ЦК мне стало известно еще во время пребывания в тюрьме. Как ни старалось тюремное начальство нас изолировать, сведения с воли, пусть неполные и отрывочные, к нам все же проникали. То одному из заключенных

большевиков ловко переправляли коротенькую записку, то другому говорили пару слов при свидании, и мы в общих чертах знали, что делается в городе, в партийной организации.

Товарищи с воли сообщали, что новый агент ЦК — товарищ Андрей за короткий срок перевернул всю работу екатеринбургской партийной организации. Передавали, что он замечательный организатор, агитатор и пропагандист, что он всюду побывал, со всеми перезнакомился, ответил на многие недоуменные вопросы.

Агенты ЦК и ранее приезжали на Урал. Центральный Комитет партии постоянно направлял лучших партийных работников в качестве своих агентов в различные районы страны для организации на местах партийной работы и помощи местным товарищам, но ни об одном из агентов ЦК, бывавших до этого в Екатеринбурге, сдержанные и скупые на похвалу уральцы так горячо не отзывались, как о товарище Андрее.

Твердили об Андрее и комитетчики, с которыми удалось повидаться по выходе на волю. Тем более неразумным показалось мне предложение о встрече с ним. В самом деле: вопрос о моем отъезде решен, мнение комитета известно, работать в Екатеринбурге мне больше не придется. Так зачем же товарищу Андрею встречаться со мной? Просто из любопытства? А что, если я наведу шпиков на его след? Стоит ли рисковать провалом такого ценного работника из-за одной-единственной встречи, которая никому ничего не даст? Примерно так я рассуждала и так ответила товарищу, который передал мне о предстоящей встрече.

Однако все мои доводы не возымели ровно никакого действия. Мне ответили, что товарищ Андрей обязательно беседует с каждым партийным работником, уезжающим из Екатеринбурга, и тем более считает необходимым встретиться со мной, поскольку я являюсь членом Екатеринбургского комитета. Что же касается опасности провала, то надо вести себя крайне осторожно, во что бы то ни стало избежать слежки и не дать филерам выследить товарища Андрея. Все это и комитет, и сам товарищ Андрей предусмотрели, необходимая конспирация будет при встрече обеспечена, в остальном же товарищи полагаются на меня.

Указания были достаточно твердые, и несколько дней спустя в назначенное время я направилась в

условленное место, где меня должен был ждать один из членов нашей организации. По дороге я основательно плутала, пробираясь с улицы на улицу проходными дворами, и пришла к месту встречи, только убедившись, что слежки за мной нет.

Товарищ уже ждал. Он взял меня под руку, и мы, словно гуляющая парочка, направились на главную улицу и смешались с шумной праздной толпой.

Невдалеке от плотины через реку Исеть мой спутник указал мне на прогуливавшегося с независимым видом молодого, очень молодого человека, совсем юношу. Внешний вид юноши ничем на первый взгляд не привлекал внимания. Был он среднего роста, стройный, подтянутый. Густые волнистые черные волосы упрямо выбивались из-под слегка сдвинутой на затылок кепки. Сухощавую фигуру ловко облегала простая черная косоворотка, на плечи был накинут пиджак, и от всей складной подвижной фигуры так и веяло юношеским задором. Все на нем было поношено, но выглядело чисто и опрятно.

Общее впечатление было благоприятным. Однако до чего же молод! Неужели это и есть тот самый товарищ Андрей, о котором столько говорили? Я вопросительно взглянула на своего спутника. Он молча, чуть приметно кивнул головой, отпустил мою руку и, замедлив шаг, начал отставать. В свою очередь, товарищ Андрей, заметив нас, свернул в тихий переулок, и вскоре я присоединилась к нему.

Разговор сразу начался живо и непринужденно, будто мы не впервые встретились, будто давно и хорошо знали друг друга. Поистине обаятелен был голос Андрея — глубокий и мягкий бас, поначалу никак не вязавшийся с его некрупной фигурой. Но уже через несколько минут впечатление несоответствия сглаживалось, физический облик Андрея как бы сливался с его духовным обликом, и казалось, что иначе этот человек говорить и не мог.

Много лет прошло с тех пор, забылись детали этого свидания, стерлись в памяти отдельные мелочи, отдельные штрихи, но разве забудешь то неизгладимое впечатление, которое с первой же встречи произвел на меня Яков Михайлович Свердлов!

— Что же, — начал Андрей, — собираетесь удирать с Урала?

Удирать? Удирать я не собиралась. Спокойно и обстоятельно я изложила ему все свои доводы, неопровержимо, как мне казалось, доказывавшие необходимость отъезда из Екатеринбурга.

Андрей умел внимательно слушать, умел сразу ухватить самую суть вопроса, вовремя подсказать нужное выражение, слово.

— Начнем с того, — заговорил, выслушав меня, Андрей, — что партии сейчас особо нужны люди, знающие местные условия. Вы вели кружок на заводе Ятеса, знаете Верх-Исетский завод, знаете людей, специфику местной работы. И вас знают рабочие, знают в организации. Где же вы принесете больше пользы: здесь или на новом месте? Ответ ясен. Интересы партии требуют, чтобы вы сейчас работали в Екатеринбурге.

Опасность провала? Угроза слежки? Невозможность посещать конспиративные квартиры, рабочие собрания, встречаться с людьми? Справедливо. Но справедливо для вчерашнего дня. Ваши рассуждения совершенно правильны, если исходить из прежних условий, но сегодня обстановка иная. Завтра она изменится еще больше. Поднимается мощная революционная волна. Движение растет и ширится по всей стране, растет на Урале, в Екатеринбурге. Буквально ежедневно в него вливаются все новые и новые массы, прежде всего передовых рабочих. Если даже количество шпиков увеличится — а это так быстро и просто не сделаешь, — то и тогда шпикам за всеми не уследить. Они будут сбиты с толку, вынуждены будут кидаться от человека к человеку, со следа на след. Значит, наша задача облегчается. Кроме того, — улыбнулся Андрей, — шпики для того и существуют, чтобы их водить за нос. Чем более вы уверены в возможности слежки, тем умнее и осторожнее будете действовать, тем ловчее проведете шпиков. А кому, как не вам, родившейся и выросшей здесь, в Екатеринбурге, знающей каждый двор и каждый закоулок, оставлять их в дураках!

Решение комитета об отъезде? Мы уже говорили с товарищами. Кое-кто поторопился, соглашаясь с тем, что вам необходимо уехать. Сейчас комитет решил, что уезжать вам не следует и надо оставаться в Екатеринбурге.

От всего стройного здания моих рассуждений и ре-

шений не осталось и камня на камне. Андрей разбил все мои резоны, представляя факты в новом, неожиданном для меня свете, делая в этом простом на первый взгляд и обыденном разговоре такие глубокие и ясные обобщения и выводы, что мне самой мои собственные позиции уже казались нелепыми и беспомощными.

Не прошло и получаса, как я поняла, что решение мое об отъезде было неправильно, что надо оставаться в Екатеринбурге. Оставаться не просто потому, что принято новое решение, но потому, что это решение глубоко правильно, а все мои рассуждения были ошибочны.

Смело и решительно ломал Андрей сложившиеся у меня, да и у многих других уральцев понятия о требованиях конспирации, разъяснял, что в новых условиях эти требования могут стать тормозом в работе. После беседы с ним стало ясно, что подъем революционного движения ставит новые задачи, которые нужно по-новому решать.

В этом коротком разговоре Яков Михайлович, которому едва исполнилось тогда двадцать лет, осветил нашу работу с позиций общероссийской борьбы пролетариата и крестьянства и сумел открыть передо мной новые горизонты.

Я осталась в Екатеринбурге.

Так началась наша совместная работа с товарищем Андреем — Яковом Михайловичем Свердловым.

УРАЛ

Революционная работа на Урале была в те годы, в начале XX века, сопряжена с рядом особых, характерных именно для Урала трудностей, отличалась значительным своеобразием, связанным с особенностями развития уральского пролетариата, его историей и условиями существования.

Урал был первым в России центром отечественной металлургии. Еще во времена Петра, в начале XVIII века, возникли на Урале крупные металлургические заводы и горнорудные предприятия. С развитием капитализма в России центр металлургической промышленности перемещался на юг, где создавались оснащен-

ные более совершенной техникой передовые предприятия. На южных заводах царили чисто капиталистические порядки. Рабочий был связан с хозяином тем, что продавал ему свою рабочую силу. Иначе обстояло дело на Урале.

После отмены в России крепостного права рабочие Урала перестали быть собственностью хозяина, были освобождены от обязательных работ на заводах, но весь Урал, огромнейший район страны, на площади которого свободно могли бы разместиться несколько европейских государств, был опутан крепкими цепями многочисленных пережитков крепостничества. Рабочие уральских заводов были прикованы к заводчикам полукрепостной зависимостью, связаны с хозяином тысячами вековых предрассудков. В отличие от рабочих Петербурга и Москвы, юга и запада России рабочие уральских горнозаводских предприятий родились и выросли на заводах, где до этого жили в постоянной кабале их отцы, деды, прадеды, работавшие на отцов, дедов и прадедов нынешних хозяев уральских заводов.

Только в марте 1863 года рабочее население Урала было освобождено от обязательных работ на заводах. Рабочие были наделены приусадебными участками, покосами на заводских дачах, им было предоставлено право пользования хозяйским лесом и ловли рыбы в заводских прудах и озёрах. Все это привязывало рабочего к заводу не менее крепко, чем крепостное право.

В то же время ни приусадебный участок, ни покос не могли прокормить рабочую семью, и основным средством существования оставался заработок на заводе. А заработать становилось все труднее и труднее. Южнорусская металлургическая промышленность успешно конкурировала с уральскими заводами, и, чтобы сохранить барыши, уральские заводчики стали устанавливать новые машины, переоборудовать производство, сокращать количество рабочих.

Росла безработица. На ряде заводов рабочие вынуждены были работать неполную неделю, неполный рабочий день. Заработки резко падали, а идти на новые места в поисках новых заработков было трудно: держал свой домишко, приусадебный участок, покос.

Среди рабочих усиливалось озлобление, росло стремление к борьбе с существующими порядками.

Между тем такие испытанные средства борьбы, как стачка, забастовка, не всегда на Урале давали результаты. На ряде предприятий сам хозяин был не прочь сократить рабочий день или даже остановить завод на два-три дня. Успех могла принести только хорошо организованная, длительная и упорная забастовка.

Сложность заключалась и в том, что уральские заводы не концентрировались в городах, но были разбросаны по всему Уралу, отстояли зачастую на десятки и сотни верст друг от друга, от железных дорог, от крупных населенных пунктов.

Понятно поэтому, с каким неодобрением относились мы, уральские большевики, к попыткам отдельных приезжих товарищей мерить уральские условия на общий аршин.

Тем временем и до Урала докатились отзвуки залпов, прогремевших 9 января 1905 года на Дворцовой площади в Петербурге. Общий подъем революционного движения в стране находил живейший отклик среди уральских рабочих. Забастовки, пусть не всегда удачные, вспыхивали то здесь, то там, перекатывались с завода на завод, пожаром классовой борьбы охватывали весь Урал.

Почти пять месяцев без перерыва бастовали рабочие Сысертского завода. Вызов казаков на завод, угрозы заводоуправления — ничто не могло сломить рабочих, они упорно и настойчиво добивались удовлетворения своих требований. Забастовки происходили в Лысьве, Чусовой, Юсове, Перми, Алапае...

В разных концах Урала звучали призывы к борьбе. Поднимался рабочий Урал, расправлял свои могучие плечи, решительно вставал на путь борьбы с царским самодержавием.

Перед уральскими социал-демократическими организациями стояла задача — повернуть накопившуюся веками ненависть к предпринимателям-заводчикам и к представителям царской власти — полиции, чиновникам — на путь организованной классовой борьбы. Для этого нужно было вести неослабную борьбу с эсерами, меньшевиками, анархистами, вырвать из-под влияния мелкобуржуазных элементов ту часть уральского пролетариата, которая еще недостаточно разобралась в обстановке и прислушивалась к эсерам и меньшевикам.

Организация — вот что прежде всего нужно было уральским большевикам, широким рабочим массам и всем трудящимся Урала.

А этого-то как раз нам и не хватало! К началу первой русской революции, к 1905 году, на Урале имелась сравнительно развитая сеть социал-демократических организаций. Но организации эти были разобщены, распылены, не связаны единым руководством, действовали зачастую порознь.

Розалия Самойловна Землячка *, работавшая тогда агентом ЦК и приезжавшая на Урал в начале 1905 года от Бюро комитетов большинства, писала 16 февраля Надежде Константиновне Крупской: «Здесь я застала дела в ужасном виде. Комитет целиком провалился. Оказались группы по разным городам без комитета».

В ряде партийных организаций Урала царили разброд и шатания, не было четкой политической линии, не велось должной борьбы не только с меньшевиками, но даже с эсерами. Кое-где бытовали граничившие с оппортунизмом примиренческие настроения.

В условиях, когда стремительно развертывавшиеся революционные события требовали полного напряжения сил, огромной энергии, глубокого понимания политической обстановки, умения правильно оценить текущие события и использовать революционные выступления рабочих для подъема всего движения на новую, высшую ступень, местные уральские комитеты РСДРП еле успевали справляться с повседневной работой. Комитеты выпускали листовки, руководили отдельными забастовками и выступлениями, выводили в ряде мест рабочих на демонстрации, даже приступали кое-где к созданию боевых групп, но организующей силой, направляющей все движение в целом, стать не смогли. Общеуральского партийного центра не было. Именно поэтому так нужны были Уралу опытные организаторы, агитаторы и пропагандисты, которые знали бы и понимали местные условия, сумели бы найти общий язык с уральскими рабочими, сплотить и объединить партийные организации Урала.

* Р. С. Землячка — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, участник революционного движения с 1890-х годов. После Октября — на руководящей партийной и советской работе. Неоднократно избиралась членом ЦК и ЦКК ВКП(б).

Все это, конечно, понимал Ленин, знал и учитывал Центральный Комитет. Поэтому ЦК и направил на Урал такого опытного, несмотря на свою молодость, сильного и уже проверенного на большой практической работе организатора, каким был Яков Михайлович Свердлов.

«В эту эпоху, — говорил Ленин в речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова, — в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера...» Именно такой человек и нужен был Уралу.

Вскоре после приезда Свердлова сначала Екатеринбург, а затем и весь Урал почувствовали присутствие крупного организатора.

Поселился Свердлов в Екатеринбурге, старом административном центре горного Урала. В те дни Екатеринбург был и революционным центром для близлежащих крупных заводов. Отсюда давались указания, посылалась литература, направлялись агитаторы на Сысертский, Алапаевский и другие заводы, в Челябинск, Тюмень, Златоуст, Нижний Тагил...

С жизнью и работой партийной организации Яков Михайлович ознакомился очень быстро.

В первые же дни после приезда он побывал на занятиях кружков, на квартирах ряда товарищей, на заседании комитета. Он обладал такой памятью, что стоило ему раз встретиться с человеком, как образ нового товарища отчетливо запечатлевался в ней на многие годы. Я не раз поражалась, наблюдая, с какой легкостью и быстротой Яков Михайлович, не имея никаких записей, восстанавливал в памяти буквально все о товарище, которого видел лет десять-двенадцать назад.

Уже тогда, в 1905 году, в Екатеринбурге проявилась и другая отличительная черта Якова Михайловича — его редкая интуиция, умение с первого взгляда определить сущность, наклонности, способности человека и найти каждому такое дело, на котором он мог бы наиболее полно проявить себя.

Побывав в рабочих кружках, Свердлов начал смело выдвигать на активную партийную работу молодежь из числа рабочих-кружковцев.

Скоро вокруг Якова Михайловича сплотился надеж-

ный актив из опытных подпольщиков, вышедших в октябрьские дни из тюрьмы, и молодых большевиков-организаторов, непосредственно связанных с рабочими. Среди них были Н. Н. Батурин, Н. Е. Вилонов, Сергей Черепанов, Мария Авейде, Камаганцев (Кузьма), Ф. Ф. Сыромолотов, А. Е. Минкин и ряд других.

Николай Николаевич Батурин и Михаил Вилонов были к тому времени уже закаленными большевиками, прошедшими большую школу революционной борьбы.

Батурин был направлен на Урал Центральным Комитетом партии и работал в Екатеринбурге в качестве агента ЦК.

Немалый опыт имел за плечами и Михаил Вилонов. Его хорошо знал и высоко ценил Ленин. В 1909 году Владимир Ильич писал Горькому, что русский рабочий класс «выкует превосходную революционную социал-демократию в России, выкует скорее, чем кажется... Такие люди, как Михаил (Вилонов. — *К. С.*), тому порукой».

Сереже Черепанову было всего 24 года. До 1905 года он работал техником на екатеринбургской электростанции. В 1917 году он был одним из популярнейших агитаторов среди солдат Петроградского гарнизона. Он участвовал в организации большевистской «Солдатской правды» и в работе Военной организации при ПК и ЦК большевиков, был активным участником Февральской революции и июльских событий 1917 года.

После Октября Черепанов работал в Томске, был председателем Томского губсовнархоза, членом Сибирского областного комитета партии. Затем был направлен ЦК РКП(б) для революционной работы в колчаковский тыл, в Тюмень. В августе 1918 года Сергей Черепанов был схвачен колчаковцами и расстрелян.

Мария Оскаровна Авейде была из тех людей, которые на всю жизнь связали себя с партией, и не было такого положения, при котором она хотя бы на время прерывала партийную работу. Молодая, невысокого роста полная блондинка, со спокойными, на первый взгляд даже несколько ленивыми движениями, всегда ровная, она брала на себя самые рискованные, самые опасные партийные задания и выполняла их легко и просто. Был, например, такой случай. В январе 1906 года в Самаре (ныне Куйбышев) театр, где происходил митинг, оцепили казаки. Собравшихся выпускали по

одному и каждого из выходивших обыскивали — искали оружие. Многим угрожала опасность. Мария не растерялась. Она накинула на плечи большую шаль, спрятала под одежду сколько было возможно оружия, оказавшегося у товарищей, и смело направилась к выходу.

Столь по-детски наивно было миловидное лицо Маруси, столько простодушия было во всей ее фигуре, что стоявшие у входа казаки просто вытолкнули ее из театра, приняв за любопытную бабенку, случайно попавшую на митинг. Все сошло благополучно. А ведь при малейшем подозрении Мария Авейде была бы обыскана, и тогда ей грозил неминуемый расстрел. «Послужной список» молодой революционерки был исключительно богат и говорил за себя сам: многочисленные аресты и обыски, участие в боевых дружинах и вооруженных выступлениях — чего только не было в этом списке! Каким мужеством нужно было обладать, чтобы, зная, что тебе грозит, так спокойно пройти со скрытым под одеждой оружием мимо казачьих постов!

После Октябрьской революции, в 1918 году, М. О. Авейде работала в Самаре. С захватом Самары белочехами Мария Оскаровна стала одним из руководителей большевистского подполья. Она располагала крупными партийными суммами, но сама постоянно жила в крайней нужде, чуть не впроголодь.

Белочешская разведка выследила Оскаровну, арестовала и отправила в Сибирь, но Мария Оскаровна сумела бежать из колчаковского эшелона смерти. Она добралась до Екатеринбурга и сразу же взялась за работу. А в Самаре в это время у нее оставались трое маленьких детей, которых она горячо любила. В Екатеринбурге Мария Авейде вновь была арестована, подвергалась зверским пыткам и издевательствам и перед отступлением колчаковской армии была расстреляна белыми. Так окончилась чудесная, светлая жизнь нашей Оскаровны.

Вот такие-то люди и составили осенью 1905 года ядро большевистской организации Екатеринбурга, стали ближайшими товарищами и помощниками нашего Андрея — Якова Михайловича Свердлова.

Выйдя из тюрьмы, я вскоре почувствовала, как изменилась работа организации, как по-новому пошло

дело. Прежде всего бросалось в глаза, что появилось много новых людей, организация выросла. Каждый член организации имел от комитета или своей партийной группы определенное задание. Не было человека, кто не знал бы, что ему делать. Появилась уверенность, что, справившись с заданием, каждый получит сейчас же новое. Все как-то особо дорожили порученным делом: пропагандисту хотелось, чтоб его хвалили члены кружка; разносчик прокламаций хотел, чтоб весь завод или вся улица говорила о том, как ловко разбросаны прокламации. Я заметила, что товарищи, которых я знала и раньше, теперь выполняли несравненно более сложные поручения. Мне казалось, что наши люди сильно выросли, пока я сидела в тюрьме.

Быстро росло количество кружков. Кружковцы стали выступать на летучих митингах у заводских ворот, когда смена уходила с работы. Агитация в городе развертывалась все шире. Стали созывать многолюдные митинги, которые проводились преимущественно за городом, большей частью на так называемых Каменных палатках, сохранившихся и поныне. Яков Михайлович постоянно выступал на митингах. Даже глубокой осенью, невзирая на дождь и слякоть, рабочие охотно ходили за город послушать Андрея. Он становился любимым оратором екатеринбургских рабочих.

Помню один из первых больших митингов, на котором я была вместе с товарищем Андреем. Митинг состоялся вблизи вокзала, там, где теперь высятся корпуса Уралмашзавода. Яков Михайлович пришел на митинг одним из первых, уж такая была у него привычка. Переходя от одной группы рабочих к другой, он знакомился с рабочими, оживленно разговаривал, задорно шутил. Говорил Андрей с каждым как с добрым знакомым, держался очень просто, по-товарищески. Самые замкнутые люди, беседуя с ним, быстро оживлялись и становились разговорчивыми. Простота Андрея была настолько естественна, так подкупала, что быстро располагала к нему и вызывала на откровенность любого собеседника.

Митинг начался. Андрей призывал рабочих к решительной борьбе с самодержавием, разъяснял политику партии. Он говорил так же просто, как беседовал с людьми до митинга. Его жесты были скупы, речь понятна и убедительна. Она захватывала слушателей с

первых же слов, зажигала сердца жаждой борьбы, верой в победу.

Каждому, кто попадал в те дни на заседание Екатеринбургского комитета, бросалось в глаза, что руководит в комитете молодой Свердлов, волевой, организованный, энергичный.

Казалось просто невероятным, что этот юноша сумел так быстро сосредоточить в своих руках все нити руководства организацией, добился такого успеха. Никакого чуда в этом, конечно, не было. На Урале имелись все объективные предпосылки для перелома в партийной работе и мощного подъема революционного движения. Они состояли как в общем подъеме революционной волны по всей стране, неизбежно влиявшем на ход событий на Урале, как в том, что в периоды революционных бурь и потрясений сознание масс проясняется с неслыханной быстротой и все новые и новые слои втягиваются в активную революционную деятельность, так и в том, что всем ходом предшествующих событий уральский рабочий класс и трудовое крестьянство были подведены вплотную к суровым, решительным боям с царизмом.

Но сами по себе объективные условия не дадут желаемых результатов, не приблизят победы, если не суметь глубоко их понять и не использовать на благо революции.

Якова Михайловича Свердлова и отличало от многих из нас, уральских работников, умение правильно оценить обстановку, увязать практические задачи сегодняшнего дня с общими задачами революционной борьбы российского пролетариата. Поэтому его приезд и внес так быстро перелом во всю нашу работу.

Влияние, которое оказал Яков Михайлович на развитие и укрепление большевистских организаций Урала, на рост революционного движения, объяснялось и тем, что уже ко времени приезда на Урал у товарища Андрея был за плечами немалый опыт организационной партийной работы.

Опыт практической организаторской работы сочетался у Якова Михайловича со значительными теоретическими познаниями. Революционную теорию он изучал неустанно, используя полученные знания в своей повседневной практической деятельности. «Книгу, — говорил

2*

он, — проверял жизнью, жизнь — книгой. Такова была моя учеба».

С первых дней своей революционной деятельности Свердлов воспитывался на ленинской «Искре», на работах Ленина и трудах Маркса и Энгельса.

Каждую статью Ленина, появлявшуюся в большевистских газетах «Пролетарий», затем «Новая жизнь», доходивших до нас, Яков Михайлович рассматривал как партийную директиву; старался извлечь непосредственную пользу для нашей повседневной работы из каждой ленинской статьи, каждой работы. Этого он требовал от всех партийных работников Урала.

С исключительным вниманием относился Яков Михайлович к письмам, которые мы изредка сначала в Екатеринбурге, затем в Перми получали из ЦК. Писала эти письма, как правило, Надежда Константиновна Крупская, ближайший помощник Ленина, много лет ведавшая связью большевистского ЦК с местами.

Исключительное внимание к ленинским указаниям многократно увеличивало силу и быстроту ориентировки Якова Михайловича, помогало ему успешно решать все вопросы текущей работы.

Всю свою сознательную жизнь, даже в годы сурового подполья и строжайшей конспирации, Свердлов был тесно связан с широкими народными массами, беспрестанно общался с рабочими, не только учил их, но и сам постоянно учился у передовых рабочих.

Пройдя большую и всестороннюю школу подпольной работы в Нижнем, Сормове, Костроме, Ярославле, Казани, Яков Михайлович прекрасно понимал значение организации, роль организационной работы. Воспитанный на ленинских принципах организационного построения партии, неумолимый враг всякой расплывчатости и неопределенности, он глубоко усвоил ленинские слова: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»

Яков Михайлович был человеком редкого личного обаяния. В бытность на Урале ему постоянно приходилось ночевать где придется, бывать на десятках квартир, у десятков товарищей. Он часто бывал у рабочих и вскоре стал желанным гостем в рабочих семьях. Если ждали его прихода, хозяйка до блеска чистила самовар, убирала и мыла квартиру, доставала все лучшее из своих скудных запасов. Сам Яков Михайлович,

придя в рабочую семью, всегда находил ласковое слово для хозяйки, забавную шутку для ребят, помогал ставить самовар, затопить печь, качал люльку. Яков Михайлович покорял людей своей страстностью и искренностью убеждений, был чуток и внимателен к товарищам, уважал чужое мнение. Он был прям и правдив, не хитрил и не обманывал, не занимался интригами и политиканством. Никогда и никому ничего не обещал он зря, а уж если обещал, то свои обещания выполнял непременно.

Если Андрей говорил, что он будет на том или ином митинге или собрании, на занятии того или иного кружка, все знали, что он непременно будет. Если Андрей обещал кому-нибудь материальную помощь, то каждый знал, что как бы трудно ни было, но помощь будет оказана.

Борьба за интересы трудящихся, за дело партии была целью и смыслом всей жизни Якова Михайловича, в этой борьбе он находил свое счастье. В одном из писем Яков Михайлович писал: «Борьба людей за господство новых начал жизни полна захватывающего интереса. Принять участие в этой борьбе — огромное наслаждение». Так мыслил, так чувствовал Яков Михайлович, и его чувства передавались товарищам, в общении с ним отходило на второй план, забывалось все мелкое, узколичное, эгоистическое, хотелось работать и и работать, целиком отдавая себя делу революции.

Яков Михайлович превосходно умел ободрить приунывшего товарища, вдохнуть в него энергию, столь нужную уверенность в собственных силах. Ему верили, к нему шли с самыми разнообразными вопросами, не только деловыми, но и личными, интимными. Был, например, у нас в организации молодой активист, рабочий, фамилии его не помню. Работал он хорошо, с душой, пользовался авторитетом среди товарищей, только дома дела у него никак не ладились. Жена, женщина недостаточно развитая, ела его поедом.

— Пропадешь со своими собраниями, — бушевала она, — куда я с малыми детьми денусь? Не бросишь политику — один конец! Ребят в омут покидаю и сама туда головой...

Как он ни бился, как ни пытался ее вразумить, ничего не получалось — чем дальше, тем хуже. И товарищам признаться не хотел: стыдился несознательно-

сти собственной жены. Только когда стало уже совсем невмоготу, пришел к товарищу Андрею и выложил все как есть. Внимательно выслушал Яков Михайлович товарища и день-два спустя сам отправился к его жене. Та поначалу и слушать его не хотела, чуть кипятком не ошпарила, только Яков Михайлович не отступил. Ласково, терпеливо разъяснял он озлобившейся, замученной нуждой женщине, чем занимается ее муж, для чего. Говорил о ее тяжкой доле, о будущем ребятишек, за счастье которых надо бороться. И убедил. После нескольких бесед с Яковом Михайловичем она разрешила мужу заниматься «крамольными» делами, а там и сама стала выполнять различные поручения партийной организации.

Сережа Черепанов горячо полюбил молоденькую учительницу, как и он, активную большевичку Марусю. Но Сергей считал, что любовь несовместима с революционной работой, пытался подавить в себе искреннее чувство, мучился сам и мучил Марусю. От наблюдательности Якова Михайловича не укрылась разыгравшаяся между молодыми людьми драма. Он вызвал Сергея на откровенный разговор и быстро убедил его, что хорошая, настоящая любовь дает человеку новые силы и не может мешать революционной борьбе. Вскоре Сергей и Маруся поженились и создали дружную, крепкую семью. Яков Михайлович был одним из самых веселых и шумных гостей на их свадьбе.

В пермской организации работала шестнадцатилетняя Шура Костарева. Несмотря на свою молодость, Шура зарекомендовала себя сметливой, преданной девушкой. Комитет решил поручить Шуре работу в «технике», то есть в подпольной типографии. Это означало, что ей придется перебраться на конспиративную квартиру, где помещалась типография, жить там неделями, неделями ни с кем не встречаться и никуда не выходить. Шура гордилась оказанным ей доверием, рвалась к работе, но возникло неожиданное препятствие. Отец Шуры, кадровый мотовилихинский рабочий, человек крутой и суровый, мог выгнать Шуру из дому, если бы она исчезла неведомо куда, неведомо насколько. Причины же своего исчезновения Шура, по соображениям конспирации, не могла объяснить даже отцу. Как тут быть? С кем посоветоваться? И Шура поделилась своим горем с Андреем.

Через два-три дня вечером Яков Михайлович зашел к отцу Шуры. Он, конечно, ничего не сообщил ему о типографии, но сказал, что Шуре по делам надо будет на время уйти из дому. В тот же вечер старик отец заявил Шуре:

— Иди, доченька! Иди, коли Андрей говорит. Он плохому не научит.

Яков Михайлович отличался неистощимой бодростью и жизнерадостностью. За четырнадцать лет совместной жизни и работы я не помню его хмурым, угрюмым, раздраженным. Он, казалось, не знал, что такое усталость, уныние, растерянность. Помню, как много позже Яков Михайлович рассказывал нам, близким товарищам, как он однажды чуть не погиб при побеге из нарымской ссылки, когда лодка, на которой он находился, перевернулась среди бушующей Оби. Вспоминая этот эпизод, Яков Михайлович на минуту задумался, весело улыбнулся и, встряхнув своей пышной шевелюрой, сказал:

— О чем я думал в этот момент, на самом пороге смерти? Да о том, что все-таки мне повезло. Ведь смерть-то могла быть и похуже!

Где бы Яков Михайлович ни находился, вокруг него постоянно группировался народ. Несмотря на всю его требовательность и деловую суровость, с ним было радостно и легко работать.

Мы, конечно, не знали тогда, как оценивали каждого из большевиков царские жандармы, неотступно следившие за активными работниками большевистской партии. Только после Октябрьской революции стали нам известны документы охранки.

Начальник Пермского охранного отделения писал в Пермское губернское жандармское управление: «Товарищ Андрей» или «Михайлович» (под кличкой «Михайлович» Я. М. Свердлов был известен в Перми. — *К. С.*), после объявления всемилостивейшего манифеста 17 октября 1905 года руководил всеми происходившими в Екатеринбурге беспорядками и постоянно председательствовал и ораторствовал на всех происходивших там митингах революционного характера...»

А события между тем нарастали. Газеты, товарищи, приезжавшие из центральных районов страны, сообщали все новые сведения.

«Барометр показывает бурю!.. — писал 18 октября

1905 года в «Пролетарии» Ленин. — И не только барометр показывает бурю, но все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой...»

В начале октября всю страну охватила всеобщая политическая стачка, докатившаяся и до Урала. Перед нашей партийной организацией, как и перед всей партией, встали новые задачи.

●

Всеобщая стачка нанесла сокрушительный удар царскому самодержавию. Русский царизм зашатался. Насмерть перепуганное размахом революционной борьбы пролетариата, царское правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки.

17 октября 1905 года появился пресловутый царский манифест, провозглашавший свободу слова, собраний и союзов. Была объявлена амнистия политическим заключенным.

Манифест этот привел в восторг лишь либеральную буржуазию да меньшевиков, мечтавших о депутатских мандатах пусть хоть в совещательной думе. Большевики, передовые рабочие прекрасно понимали, чем было вызвано опубликование этого куцего манифеста и какие цели он преследует. Недаром такую популярность завоевали тогда смелые, хлесткие стихи:

Царь испугался, издал манифест:
Мертвым — свободу, живых — под арест!

Нужно было раскрыть глаза рабочим массам и всем трудящимся на лживость и фальшь царских обещаний.

В ночь после опубликования манифеста Екатеринбургский комитет партии отпечатал прокламацию, разъяснявшую истинный характер манифеста, разослал агитаторов на заводы, дал лозунги для изготовления знамен и призвал все население Екатеринбурга на общегородской митинг.

Утром 19 октября Екатеринбург был охвачен небывалым оживлением. Главные улицы заполнились возбужденным народом. Полиции нигде не было видно, но порядок соблюдался безупречный. На центральной городской площади было особенно людно. Сюда по при-

зыву городского комитета партии собрались рабочие екатеринбургских заводов, много было учащейся молодежи, немало служащих, даже приказчиков. Комитетчики, партийные активисты собирали пустые ящики и сооружали из них самодельную трибуну. Среди всех, конечно, был и Андрей. Он подбадривал товарищей, весело шутил, давал последние указания.

Боевая дружина, созданная в Екатеринбурге еще летом 1905 года, получила указание комитета обеспечить порядок на митинге и охрану ораторов. А об охране нужно было очень крепко позаботиться.

Я не была в эти часы на площади и невольно стала свидетельницей того, как в прилегающих закоулках готовилась к выступлению черная сотня.

Используя объявленные в манифесте «свободы» и амнистию, комитет решил ускорить освобождение из тюрьмы наших товарищей. В николаевской тюрьме, в Нижней Туре, содержались активные работники комитета: Вилонов, Батурин и ряд других. Зная нравы николаевских полуроток (так называлась эта тюрьма), мы боялись за жизнь наших товарищей, и комитет поручил мне отправиться к прокурору Казицыну и на основании манифеста добиваться их немедленного освобождения. Сперва я побывала в окружном суде, но, не застав там прокурора, прошла к нему на квартиру.

После продолжительных препирательств мне удалось добиться от Казицына, чтобы он дал специальную телеграмму начальству Николаевки насчет наших товарищей, копию которой я взяла себе, чтобы переправить Михаилу Вилонову.

Еще подходя к квартире прокурора, находившейся там, где теперь помещается дом № 3 по улице 8 Марта, я заметила сидящих возле домов на скамеечках и просто на панели и прохаживающихся взад и вперед людей, весь облик которых выдавал погромщиков. Большинство из них было одето в поддевки, в руках у многих были тяжелые палки и увесистые дубины.

Бесчинства черной сотни грязной, кровавой волной катились в эти дни по России, о них было известно всякому, кто хоть раз держал в руках даже буржуазную либеральную газету. Увидев этих людей поблизости от площади, где должен был состояться митинг, я поняла, что стягиваются силы черносотенцев и готовится нападение на митинг. Получив копию телеграммы,

я настойчиво попросила Казицына подойти к окну и показала ему вооруженных бандитов, собиравшихся прямо под окнами прокурорской квартиры. Господин прокурор пренебрежительно пожал плечами:

— Ну что же, гуляют люди и гуляют. День воскресный, погода хорошая. Ваши товарищи тоже небось сегодня по улицам гуляют. А если человек пошел погулять, то почему не взять тросточку?

Прокурор находил, по-видимому, совершенно естественным, что «тросточки» эти весили никак не меньше пятнадцати-двадцати фунтов каждая и скорее напоминали оглобли! «Наивность» господина прокурора была понятна. Погромщики действовали при прямом попустительстве властей, полиции, больше того, именно власти и полиция были организаторами и вдохновителями погромов. Когда черносотенцы встречали серьезный отпор, на помощь им спешили обычно казаки.

Позже мы узнали, что екатеринбургских черносотенцев благословил на «ратные подвиги» сам архиерей.

Пока я сидела у прокурора, пока передавала в тюрьму копию телеграммы, митинг начался. Открытие его долго откладывали, ждали, когда подойдут рабочие самого крупного в Екатеринбурге Верх-Исетского завода. Но верхисетцы задерживались, а народ стал волноваться, и пришлось начинать, так и не дождавшись их.

Первым поднялся на трибуну товарищ Андрей. Не успел он сказать и нескольких слов, как толпа погромщиков ринулась из близлежащих улиц на площадь, размахивая дубинками и оглашая воздух омерзительной бранью. Они рвались к трибуне, к Андрею. Однако пробиться было не так-то просто. Вокруг трибуны сгрудились дружинники, кое у кого из них были револьверы. Грянуло несколько выстрелов. Погромщики опешили, попятились назад, иные бросились наутек. Храбры они были только тогда, когда не встречали никакого сопротивления, при малейшем же отпоре сразу терялись. Но и наши боевики действовали робко, нерешительно. Им не хватало боевого опыта, они не были как следует подготовлены к серьезным схваткам. Погромщики оправились и перешли в наступление, а на подмогу им уже спешили казаки.

Воспользовавшись временным замешательством нападавших, наши товарищи отступили к зданию Волжско-Камского банка, выходившему на площадь. Из бан-

ка мелкими группами, по два-три человека, они вышли через задние двери во двор и оттуда на соседние улицы.

В тот же вечер было назначено собрание Екатеринбургского комитета с активом организации.

Многие из нас шли на Верх-Исетский завод, где проводилось собрание, с поникшими головами. После жестокого поражения, нанесенного нам черносотенцами, тяжко было смотреть друг другу в глаза, кое-кому казалось, что все потеряно.

Впервые я увидела тогда Якова Михайловича в момент поражения, в минуту неудачи. И вот тогда, пожалуй, мне до конца стало ясно, почему так быстро признали его уральцы. Яков Михайлович вел собрание, и ни тени растерянности не было ни в одном его слове, жесте. Он был спокоен и бодр. Начал Яков Михайлович с того, что указал нам на недопустимость вешать нос из-за отдельных поражений. Революция-то на подъеме, говорил он, революция нарастает, и разгром отдельного митинга ничего не может изменить.

С большевистской прямотой Яков Михайлович вскрыл причины нашей неудачи. Он сказал, что винить нам, кроме самих себя, некого. Кто, в самом деле, виноват, что наиболее сильный рабочий коллектив Екатеринбурга — Верх-Исетский завод, который мог бы разогнать погромщиков, из-за плохой организации дела опоздал на митинг? Особо подчеркнул Яков Михайлович недостаточную готовность, нерешительность и слабость боевой дружины.

С ядовитым сарказмом обрушился Яков Михайлович на одного из боевиков, Ивана Бушена, потрясенного тем, что своим выстрелом он ранил черносотенца, и закатившего в начале собрания настоящую истерику.

— Ты что же, Ванюша, — говорил Яков Михайлович, — революцию в белых перчаточках хочешь делать? Без крови, без выстрелов, без поражений? Тогда, голубчик, ступай к либералам, с рабочими тебе не по пути!

Собрание прошло спокойно, по-деловому. Было решено направить в боевую дружину лучшие силы. Начальником боевой дружины назначили Федора Федоровича Сыромолотова.

В дни погрома Яков Михайлович был как никогда собран, подтянут, во всю нашу работу вносил атмосфе-

ру спокойствия, уверенности. Он не давал товарищам впадать в панику, старался извлечь уроки из временных поражений. Выступление черной сотни против мирной демонстрации многим открыло глаза. Сговор между погромщиками, полицией и духовенством вызвал возмущение не только среди рабочих, но и в широких общественных кругах, среди интеллигенции и даже части либеральной буржуазии. Всколыхнулись самые глубокие, стоявшие ранее в стороне от общественного движения низы. Желание во всем разобраться, понять суть происходящих событий было огромно. Обстановка все более благоприятствовала развертыванию работы в массах. Так было по всей России, так было и у нас на Урале.

«Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются, — писал в эти дни Ленин. — Захвачена свобода собраний, союзов, печати... необходимо использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий простор».

В Екатеринбурге началась полоса открытых многолюдных митингов и собраний, народ валил на них валом. Екатеринбургский комитет учитывал обстановку, руководствовался указаниями Ленина и все шире развертывал работу. Два больших театра в городе фактически оказались в руках комитета РСДРП.

Первая неудача с митингом научила нас предусмотрительности, заставила лучше и тщательнее готовить каждое выступление. Теперь перед каждым митингом заранее намечались ораторы, распределялись темы выступлений, организовывалась охрана. Помещение всегда заполнялось до отказа, преимущественно рабочими и крестьянами. Яков Михайлович не пропускал ни одной возможности выступить перед многолюдным собранием, выступал чуть ли не ежедневно, а нередко и по нескольку раз в день. Он выступал не только перед рабочими, но и на собраниях городских мещан, а то и приказчиков, учитывая тягу самых широких слоев населения к борьбе за демократические преобразования. Но на первом плане всегда оставался, конечно, пролетариат.

Говоря о повседневной борьбе рабочих за улучшение экономического положения, Яков Михайлович подчеркивал связь ее с политической борьбой русского пролетариата, разъяснял программу социал-демократии,

горячо призывал готовиться к решающей борьбе с самодержавием.

Как верный ученик Ленина, он развертывал перед слушателями перспективы перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую, говорил, что демократическая республика «...лишь этап на пути осуществления конечных целей социал-демократии — замены капиталистических производственных отношений социалистическими».

Слушали Андрея затаив дыхание, слушали Батурина, Черепанова, Авейде, других большевиков. В эти дни десятки тысяч уральских рабочих и крестьян в первый раз услышали правдивое большевистское слово. У многих из них жизнь повернулась по-новому. Те из молодежи, кого ранее увлекали трескучие фразы эсеров и анархистов, после социал-демократических митингов брались за социал-демократическую литературу, поворачивались спиной к эсерам и анархистам. Пользуясь «свободами», Екатеринбургский комитет большевиков, руководимый Я. М. Свердловым, собирал тысячи уральских рабочих и крестьян под боевое ленинское знамя. Влияние большевиков росло на глазах.

Яков Михайлович нередко бывал на заводах, выступал перед рабочими непосредственно в цехе. Вот как описывает одно из таких выступлений бывший рабочий Верх-Исетского завода старый большевик П. З. Ермаков:

«На Верх-Исетском заводе в листовом цехе собрался митинг, человек более двухсот. Корпус был длинный. Хоть весь завод собирай. Никаких механизмов нет, только железо лежит в тюках. Здание светлое, одна сторона кругом в рамах.

Собрались прямо после работы. Митинг открылся. Предоставили слово Андрею.

Его внимательно слушали, очень уважали Андрея. Я заранее расставил патрули по всем проходным, чтобы полиция нас врасплох не застала. Рабочие вооружились кто железиной, кто камнем, кто чем. Кой-кто из дружины имел браунинги. У меня был маузер. Вдруг вбегают, кричат: «Полиция!»

Мой брат, Алексей Захарович, схватил одежду рабочую, шапку, закутал Андрея, подмазал его маленько и через котлы, через задний двор и заднюю проходную будку вывел его на Китайскую гору».

Популярность Андрея среди рабочих росла с каждым днем. Он стал не только любимым оратором, но и признанным председателем всех крупных митингов и собраний. А председатель он был незаурядный. Несколькими спокойными словами он мгновенно утихомиривал разбушевавшиеся страсти, своим могучим голосом перекрывал любой крик и шум наших противников, пытавшихся сорвать собрание.

Как-то в конце ноября 1905 года эсерам удалось захватить Екатеринбургский городской театр. Они широко разрекламировали свой митинг. Рабочие пришли охотно, и помещение быстро заполнилось до отказа. По сцене самодовольно расхаживал вырядившийся в красную шелковую косоворотку местный эсеровский «лидер» и потирал руки, предвкушая успех. Как только водворилась тишина, он открыл собрание и предложил избрать председателем одного из самых «почтенных» эсеров Екатеринбурга. Но не тут-то было!

— Долой! — гремел зал. — Товарища Андрея председателем, Андрея, Андрея!

— Позвольте, — лепетал растерявшийся эсер, — это наш митинг. Мы, эсеры...

Голос его тонул в нарастающем гуле.

— Председателем Андрея! — неслось со всех сторон.

Свердлов появился на трибуне, и зал разразился аплодисментами. Яков Михайлович по-хозяйски, как ни в чем не бывало повел собрание, в конце которого единодушно была принята большевистская резолюция. Таких случаев было немало.

Охрана митингов и поддержание порядка на них были возложены на боевую дружину.

После печального урока, данного нам 19 октября черносотенцами, работа дружины была перестроена. Руководствуясь решениями III съезда партии, обязавшего все партийные организации «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата», Екатеринбургский комитет возглавил всю деятельность боевой дружины. Работа по вооружению рабочих развернулась во всю ширь. В отряды были направлены наиболее стойкие, надежные партийные работники.

Яков Михайлович тщательно наблюдал за организацией и обучением боевой дружины, за подбором кадров боевиков. Дружинники не ограничивались трени-

ровкой в стрельбе, как раньше, но изучали тактику уличного боя, технику вооруженной борьбы. Все женщины, члены партии, проходили курс первой медицинской помощи, практиковались в больницах.

III съезд партии призвал партийные организации приступить «к выработке плана вооруженного восстания». План восстания был составлен и у нас, в Екатеринбурге. Оружие добывалось при помощи сочувствовавших нам инженеров с Ижевского оружейного завода, причем перевозка его производилась так конспиративно, что не было случая, когда транспорт с оружием попал бы в руки полиции.

Крупные партии оружия поручалось провозить наиболее смелым, находчивым товарищам. Как-то одному товарищу пришлось везти большую, тяжелую корзину с оружием, поднять которую было не под силу одному человеку. Тогда наш боевик вырядился богатым купцом, раздобыл свадебное убранство для одной из девушек — работника партийной организации, игравшей роль невесты. «Молодые» сложили оружие в объемистый сундук, в какие укладывали приданое купеческие дочери. На вокзале «купец» подозвал носильщиков, обещал им щедро заплатить и предупредил, чтоб они были поосторожней, так как в сундуке хрусталь, серебро и другая ценная утварь. Взявшись под руки, весело улыбаясь, шли разряженные товарищи за носильщиками, жандармы им козыряли, никому и в голову не приходило, что за «приданое» лежит в богатом купеческом сундуке.

Результаты перестройки работы дружины сказались быстро. Дружинники так решительно пресекали всякие попытки сорвать наши собрания, что черносотенцы вскоре стали не на шутку бояться дружинников. Дисциплина дружины и ее вооружение — многие дружинники имели даже винтовки — производили надлежащее впечатление даже на полицию.

Однажды группа пьяных погромщиков пыталась ворваться в Верх-Исетский театр, где шел большевистский митинг. Бывшие настороже дружинники моментально окружили черносотенцев, угрожая оружием, загнали их в холодную пустую комнату, продержали там несколько часов и выпустили только тогда, когда митинг окончился и театр опустел.

Весь октябрь и ноябрь 1905 года Яков Михайлович

почти безвыездно работал в Екатеринбурге. Екатеринбургский комитет за это время провел большую работу по подготовке кадров пропагандистов и агитаторов из среды рабочих и учащейся молодежи, создал крепкую боевую дружину, развернул профсоюзную работу, организовал Совет рабочих депутатов. Число членов партии росло изо дня в день. Рабочие почувствовали силу организации, лучшие, передовые из них вступали в партию.

В городе ранее существовала сеть кружков разных типов. Теперь все кружки повышенного типа объединили и по инициативе Якова Михайловича создали рабочий университет, или партийную школу, как ее по-разному тогда называли. Человек тридцать пять, отобранных из рабочих кружков и из учеников Уральского горного училища, изучали в этой школе программу и тактику партии, политическую экономию, историю рабочего движения на Западе. Одним из основных преподавателей университета был Н. Н. Батурин. Он читал историю рабочего движения. Яков Михайлович вел занятия по тактике и программе партии. Вся теоретическая подготовка пропагандистов была насыщена актуальным политическим содержанием.

Среди рабочих и ремесленников города ширился интерес к профессиональным союзам, которых до 1905 года на Урале было очень мало. Комитет всемерно поддерживал этот интерес, помогал организовать новые профессиональные союзы. Яков Михайлович неустанно разъяснял рабочим, каким мощным оружием в борьбе против капиталистов является объединение рабочих в профессиональные союзы. Он говорил: «Рабочие должны организоваться в союзы по профессиям для защиты своих профессиональных интересов. Эти союзы должны поставить своею целью борьбу с капиталом за лучшие условия труда».

В октябрьские дни, в разгар борьбы с царизмом, повсеместно стали создаваться Советы рабочих депутатов.

Екатеринбургский Совет был создан и начал свою работу под руководством Якова Михайловича. На многолюдном митинге Свердлов призвал рабочих всех екатеринбургских заводов послать своих представителей в Совет. «Избирайте от каждых 50—100 человек по одному депутату, и пусть они наметят план борьбы, — пи-

сал Яков Михайлович в воззвании Екатеринбургского комитета РСДРП к рабочим. — В единении ваша сила. Составьте Совет рабочих депутатов и поручите ему руководить вашей борьбой».

НАША КОММУНА. КОНЕЦ КОНСТИТУЦИОННЫХ «СВОБОД»

В дни «свобод» изменился и наш быт, что было особенно важно для Михаила Вилонова, Николая Николаевича Батурина и Якова Михайловича, так как они были, пожалуй, самыми бездомными и неустроенными из всех нас — екатеринбургских комитетчиков.

Яков Михайлович приехал в Екатеринбург с подложным паспортом. Профессиональному революционеру паспорта приходилось менять часто, не только при переезде из города в город, но нередко и в одном городе при неизбежных переменах квартир. Постоянного жилья у Якова Михайловича не было, одежда у него была ветхая, питался он кое-как, где и чем попало.

Когда полицейский гнет после царского манифеста несколько ослаб, группа членов Екатеринбургского партийного комитета решила объединиться и зажить коммуной. Поселились мы в Верх-Исетском поселке, возле завода. Участниками нашей коммуны, кроме Якова Михайловича и меня, были Н. Н. Батурин, М. О. Авейде, Михаил Вилонов, Крысин (Леший), еще кое-кто из товарищей. Кроме того, постоянно жили товарищи, приезжавшие из различных городов и с заводов Урала. Жили мы без прописки. Хозяин дома сочувствовал революционерам и охотно предоставил нам помещение.

Совместная жизнь дала возможность наладить быт и организовать более или менее регулярное питание. Товарищи, недавно перенесшие тяжелое тюремное заключение, подвергавшиеся побоям и пыткам — Батурин и Вилонов, — могли хоть немного окрепнуть.

В жизни нашей коммуны строжайше соблюдалась неписаная конституция. На каждый день назначалось двое дежурных, в обязанность которых входила уборка квартиры, занимавшей два этажа, и приготовление обеда и чая. Дежурили все члены коммуны по очереди. Мне постоянно приходилось дежурить в паре с Нико-

лаем Николаевичем Батуриным, и хлебнула же я с ним горя!

Николай Николаевич был образованнейший марксист, прекрасный, чуткий товарищ. Человек он был скромный, большой души, и все мы его горячо любили. Но в практической жизни он был неправдоподобно рассеян!

Никогда нельзя было предугадать, что именно «отчудит» наш Николай Николаевич. То, ставя самовар, он насыпал его доверху раскаленными углями и принимался усердно раздувать, забыв налить воду, и самовар распаивался. То ставил на плиту кастрюлю с супом, клал все, что надо, наливал воду, а потом забывал о кастрюле, и суп выкипал.

Но коммуна имела не только бытовое значение. Она стала подлинной штаб-квартирой комитета и намного облегчила работу. Теперь не надо было бегать друг за другом по городу, все регулярно собирались, сообща обсуждали наиболее важные вопросы, принимали нужные решения. Каждый день подводился итог проделанной работы и намечались планы на завтра.

С утра сюда приходили пропагандисты, агитаторы, боевики, рабочие — все, у кого было дело к комитету.

По вечерам квартира пустела. Все расходились по рабочим собраниям, по митингам. А по ночам многие, и в первую очередь Яков Михайлович, садились за книги.

К сожалению, наша коммуна просуществовала всего около двух месяцев, после чего нам вновь пришлось перейти на нелегальное положение и скрываться в разных местах.

●

В декабре 1905 года в небольшом финском городе Таммерфорсе большевики собрались на свою партийную конференцию. На конференции были представлены многие партийные организации России. Руководил работой конференции Ленин.

Уральские большевики избрали своим делегатом на Таммерфорсскую конференцию Я. М. Свердлова. Помню, как покидал он Екатеринбург, отправляясь в Таммерфорс. Впервые представилась Якову Михайловичу возможность участвовать в общероссийской конферен-

ции большевиков. Впервые мог он осуществить свою заветную мечту — встретиться с Лениным, вождем и учителем. Об этой встрече больше всего мечтал Яков Михайлович, о Ленине он беспрестанно говорил перед отъездом. Но мечтам его на этот раз не суждено было сбыться. В дороге Свердлова захватила вспыхнувшая по всей стране всеобщая железнодорожная забастовка. Яков Михайлович задержался в пути и прибыл в Таммерфорс, когда конференция уже закончилась и большинство делегатов разъехалось. Уехал и Ленин.

На обратном пути на Урал Свердлов стал очевидцем последних дней героического восстания московского пролетариата. Яков Михайлович выступал на многолюдных собраниях, в частности в «Аквариуме», но задерживаться в Москве он не мог — надо было скорее возвращаться на Урал.

В эти дни и на Урале разыгрался один из самых выдающихся эпизодов борьбы уральских рабочих с царизмом в революции 1905 года. 9 декабря стали крупнейшие на Урале мотовилихинские казенные пушечные заводы. По призыву Пермского комитета партии рабочие Мотовилихи дружно присоединились ко всеобщей политической стачке. Забастовка переросла в восстание. Губернские власти перетрусили не на шутку. 12 декабря управляющий Пермской губернией Стрижевский в панике доносил шифрованной телеграммой управляющему министерством внутренних дел:

«В Мотовилихе рабочие, руководимые революционерами, поддерживая железнодорожную забастовку, прекратили работы, захватили в свои руки завод, коим самовольно распоряжаются. Население призывается к вооруженному восстанию; ходят группы заводских парней, вооруженных ружьями. Полицейская власть бессильна...»

Было приказано любой ценой «водворить порядок» на мотовилихинских заводах. Против восставших рабочих были брошены полиция, казаки, войска. Два дня длилась героическая борьба рабочих против во много раз превосходивших сил противника. Но слишком неравны были силы. Мотовилихинское восстание было залито кровью. Лучшие люди Мотовилихи, вожаки мотовилихинских рабочих или погибли в боях, или были схвачены и брошены в тюрьмы. Спастись удалось одиночкам. Социал-демократическая организация Мотовилихи бы-

ла разгромлена, начался разгром всей пермской организации.

Известия о мотовилихинских событиях дошли до Якова Михайловича, когда он был еще в Москве.

Поражение Декабрьского восстания в Москве, разгром восставших в Мотовилихе, повсеместный переход царского правительства в наступление на рабочий класс свидетельствовали о переломе в ходе революции. Было ясно, что царизм мобилизовал на подавление революции все силы.

Большевики, возглавляемые Лениным, трезво анализировали события. Они говорили, что революция была огромной школой для русского и международного пролетариата, показала силу и слабости русского рабочего класса, что из революционных событий надо извлекать все уроки, готовясь к грядущей борьбе за власть. Без паники, без растерянности, медленно и с боями отступали рабочие и крестьяне под озверелым натиском царизма и буржуазии.

Нужно было быстро перестроить партийные организации, готовить партию, рабочий класс, весь народ к новым, решающим битвам. Эти сложнейшие вопросы во весь рост встали перед Я. М. Свердловым во время его пребывания в Москве, они заполняли его мысли в долгие часы утомительного пути из Москвы на Урал. Положение было исключительно сложным.

«Российская социал-демократическая партия переживает очень трудный момент, — писал в феврале 1906 года Ленин. — Военное положение, расстрелы и экзекуции, переполненные тюрьмы, измученный голодом пролетариат, организационный хаос, усиленный разрушением многих нелегальных опорных пунктов и отсутствием легальных, наконец, споры о тактике, совпавшие с трудным делом восстановления единства партии, — все это неминуемо вызывает известный разброд партийных сил».

Яков Михайлович Свердлов всецело руководствовался ленинской оценкой текущего момента. Всю свою волю и энергию он сосредоточил на скорейшей перестройке уральской партийной организации. Он думал о том, как вывести из-под удара выросшие в революционных боях кадры партийной организации, как обеспечить наиболее безболезненный переход к нелегаль-

ным формам работы и получше расставить людей для борьбы в новых, более сложных условиях.

Уже по пути в Екатеринбург у Якова Михайловича сложился в голове план коренной перестройки уральских партийных организаций соответственно изменившимся условиям.

А Екатеринбург доживал последние дни конституционных иллюзий. Открытые митинги и собрания прекратились, выступать на публичных митингах большевики уже не могли.

Доклад о московских событиях Яков Михайлович сделал еще на широком партийном собрании, но это было последнее такое собрание в те годы.

Повальные обыски и аресты начались в Екатеринбурге в январе 1906 года, но нас они не застали врасплох.

Первый удар жандармы и полиция намеревались нанести нашей штаб-квартире, коммуне, рассчитывая сразу обезглавить комитет. Силы были мобилизованы немалые. Однажды ночью в Верх-Исетский поселок нагрянули жандармы, полиция, казаки. Весь квартал, где находилась коммуна, был оцеплен. Приостановили все движение на прилегающих улицах. Несмотря на позднее время, за оцеплением собирались толпы рабочих, и весть о налете на следующий же день разнеслась по городу.

На штаб-квартиру повели организованный штурм. «Стратеги» от жандармерии немало, видимо, постарались, составляя план операции. Пока одна группа полицейских ломилась в ворота, другие перелезали через забор и со всех сторон кидались на приступ. Уйти из дому не мог ни один человек. Пристав, руководивший налетом, заранее потирал руки и предвкушал похвалы начальства за поимку всего руководства большевистской организации Екатеринбурга. Ведь хорошо было известно, что все мы находились длительное время в этом доме.

Какова же была ярость пристава, когда дом оказался пустым! Не только никого из нас, но и ни единого клочка бумаги обнаружить в доме не удалось.

Своим провалом полиция была целиком обязана предусмотрительности Якова Михайловича Свердлова. Сразу же по приезде из Москвы он приступил к переводу организации на нелегальное положение, и начал

он, естественно, с актива. По предложению Якова Михайловича возле штаб-квартиры было сначала организовано дежурство, а затем мы все перебрались на различные конспиративные квартиры, и гостеприимный дом опустел.

Работа по переводу организации на нелегальное положение облегчалась тем, что мы никогда особо не обольщались конституционными «свободами». Яков Михайлович неустанно разъяснял нам, что до окончательной победы революции далеко, что в ходе событий могут быть всевозможные повороты, к которым всегда надо быть готовыми. Государственный строй, говорил Яков Михайлович не в меру увлекавшимся товарищам, не изменился, помещичье-самодержавный режим с его бюрократией не ликвидирован. Охранка, полиция, тюрьмы не уничтожены, значит, и мы не имеем права ликвидировать наш нелегальный аппарат. Указания Якова Михайловича вытекали из установок Ленина, постоянно и настойчиво подчеркивавшего даже в дни наибольшего подъема революции, что нельзя чрезмерно увлекаться дарованными царем «свободами» и преждевременно говорить о ликвидации конспиративного аппарата партии.

Екатеринбургская партийная организация, руководствуясь указаниями Ленина, всемерно использовала легальные возможности, но сохраняла и нелегальный аппарат. В состоянии постоянной готовности поддерживались конспиративные и явочные квартиры, отрабатывались система связи, пароли, все мы были готовы в любой момент к переходу на нелегальное положение.

Екатеринбург к этому времени фактически уже становился центром всей партийной работы на Урале, поставщиком партийных кадров для многих уральских партийных организаций. Уделяя большое внимание подготовке организаторов, пропагандистов, агитаторов, создавая партийную школу в Екатеринбурге, Яков Михайлович думал обо всем Урале, а не только об одной екатеринбургской партийной организации.

По возвращении из Москвы Яков Михайлович сразу приступил к решительному перераспределению партийных кадров, к перестановке работников. Предложенный им план был детально рассмотрен и полностью одобрен Екатеринбургским комитетом партии.

Екатеринбургских большевиков, прошедших хорошую школу партийной работы, разослали в разные города и на различные заводы Урала. На смену им вызвали товарищей из других уральских городов.

Переброска, с одной стороны, способствовала укреплению местных партийных организаций, а с другой — сохраняла партийные кадры от преследования полицейских ищеек и от провала. Товарищи ехали на места, где они не были известны жандармам и шпикам, охранка теряла их след, и на новом месте они могли действовать спокойнее и увереннее. Революционная работа продолжалась без перебоев. Такого большого и смелого перераспределения партийных сил Урал еще не знал.

Когда екатеринбургская организация подвела итоги работы за последние месяцы, все единодушно признали, что работа проделана немалая. В организации сложились надежные группы пропагандистов из рабочих и группы боевиков, выделились хорошие организаторы на заводах. Эсеры окончательно потеряли авторитет в рабочей среде. Настроение рабочих масс, несмотря на начинающиеся репрессии, было бодрое. Надежда на конечную победу глубоко жила в сердцах рабочих.

После неудачной попытки захватить нашу штаб-квартиру местные власти начали проводить обыски по всему городу. Чтобы устрашить большевиков и всех, кто им сочувствовал, первые обыски производились с участием казаков. Оцепляли не только отдельные дома, но и целые кварталы. Прямо на улицах хватали множество людей, непричастных к революционной работе. Город был объявлен на военном положении. Полиция лихорадочно искала Андрея. Но все ее усилия были тщетны. В конце концов за голову Андрея была назначена награда — пять тысяч рублей, сумма по тем временам огромная. Однако и это не помогло. Ловко ускользая от расставленных повсюду сетей, сбивая со следа шпиков и вызывая неистовую злобу у жандармского начальства, Андрей оставался неуловимым. И хуже всего для полиции и жандармов было то, что он не исчез, не забился куда-нибудь в нору, не отсиживался в бесплодном ожидании лучших времен, а вел кипучую и энергичную работу, руководил всей деятельностью партийной организации, неустанно звавшей рабочих на борьбу с самодержавием.

Между тем вопрос о дальнейшем пребывании Якова Михайловича в Екатеринбурге волновал всех работников комитета. С каждым днем ему становилось все труднее и опаснее оставаться в городе. Ведь время «свобод» кончилось! Условия изменились. Если в период всеобщего революционного подъема можно было пренебречь тем, что местная охранка хорошо знала того или иного большевика, то теперь, когда реакция перешла в наступление и каждого из нас в любую минуту могли схватить, не считаться с этим было нельзя.

Все шпики Екатеринбурга, все филеры были мобилизованы на розыски Андрея. Их усердие подогревала обещанная награда. Да и не в них одних было дело. Слишком многие слышали товарища Андрея на митингах и собраниях в дни «свобод», слишком много екатеринбуржцев знало его в лицо, и в любой момент он мог быть опознан и задержан.

Якова Михайловича, конечно, тщательно оберегали. Мало кто знал, где он бывает, где ночует, с кем встречается. Каждая встреча проводилась при строжайшем соблюдении всех правил конспирации. Никогда и никому заранее не давался адрес, не обусловливалось место встречи. Тех, с кем нужно было повидаться Якову Михайловичу, проводили на явку особо доверенные товарищи. И все же оставаться ему далее в Екатеринбурге было слишком рискованно.

Взвесив все, комитет решил, что Андрею пора покинуть Екатеринбург и перебраться в Пермь. В Перми мало кто знал Якова Михайловича в лицо (хотя имя Андрея и там было известно), следовательно, меньше было вероятности, что его там обнаружат. Впрочем, это подсказывали и интересы работы.

Фактически к 1906 году Яков Михайлович возглавил работу уже по всему Уралу. Теперь он постоянно ездил по различным городам Урала, бывал на удаленных от крупных городов заводах, направлял всю деятельность уральской партийной организации. Сплочению ее он придавал первостепенное значение. Сейчас все предпосылки к организационному объединению большевиков Урала были созданы, во все основные пункты были направлены крепкие работники, и надо было завершить оформление областной организации.

Пермь тогда была губернским центром Урала. Почти весь Урал по административному делению входил в состав Пермской губернии, вблизи Перми находился крупнейший на Урале Мотовилихинский завод, и основывать областной партийный центр целесообразнее всего было тогда в Перми.

Вопрос был решен. Однако практически осуществить принятое решение было не так просто.

Прежде всего надо было снабдить Якова Михайловича надежными документами. Мы сами на Урале паспортов не изготовляли и пользовались обычно чужими паспортами, которые нам предоставляли сочувствовавшие партии, но находившиеся вне подозрения люди, чаще всего из числа либеральных интеллигентов. Некоторые из нас поддерживали личные отношения с такими либералами, и те охотно отдавали свои паспорта, вручавшиеся нелегалам по усмотрению комитета. Владелец паспорта через какое-то время заявлял о пропаже, платил штраф, получал новый, а по его паспорту в другом городе жил подпольщик. Облегчалась передача паспорта тем, что фотографий на них тогда не было.

Якова Михайловича снабдили паспортом, который пожертвовал комитету сын классной дамы Екатеринбургской женской гимназии, студент Петербургского университета Лев Герц. С этим паспортом Яков Михайлович и должен был выехать в Пермь. Но как выбраться из Екатеринбурга? В городе был всего один небольшой вокзал, где и надо было садиться на поезд, идущий в Пермь. Народу на вокзале бывало обычно мало, зато постоянно торчал специальный жандарм, прекрасно знавший приметы Андрея и неоднократно видавший его в дни «свобод». Он пристально осматривал публику, и миновать его было трудно. Вот этого-то жандарма и надо было как-то убрать во время посадки на поезд или хотя бы отвлечь его внимание. Эта задача была возложена на одного из самых ловких наших товарищей.

В назначенный день «взявший на себя» жандарма товарищ появился на вокзале. Он был одет в прекрасную барскую шубу с бобровым воротником. Из-под распахнутой шубы виднелся дорогой костюм, на внушительном животике поблескивала золотая цепочка. Все необходимое мы одолжили у одного богатого либерала, который сочувствовал революционерам и кое в чем по-

могал нам. Конечно, он не знал, какую службу сослужит в этот день одолженное им «обмундирование».

Небрежно постукивая по полу дорогой тростью с набалдашником слоновой кости, «барин» величественно вошел в зал первого класса и поманил пальцем вытянувшегося в струнку жандарма:

— Эй, любезный! Возьми-ка билет первого класса до Перми, да живо. Сдачи не надо!

Весь внешний облик, манеры, тон «барина», пухлый бумажник, который он небрежно вынул из кармана, давая деньги на билет, произвели на жандарма неотразимое впечатление. К тому же щедрый «барин» снисходительно кивнул в сторону буфетной стойки и разрешил жандарму выпить пару рюмок коньяку, швырнув буфетчику несколько серебряных монет.

Преисполненный рвения жандарм рысью кинулся к кассе, растолкал толпившихся возле окошечка пассажиров и сунул деньги кассиру. Надо сказать, что полицейские, жандармы и прочие «блюстители порядка» охотно и часто выполняли подобные поручения богачей.

Как ни энергично действовал жандарм, возня с билетом отняла у него минут пять-десять, а в это время неуловимый Андрей, повязанный платком, как человек, страдающий зубной болью, незаметно проскользнул к подошедшему поезду. В предотъездной толкучке «барин» передал билет другому товарищу, тот — Андрею, раздался третий звонок, паровоз дал прощальный гудок, и Свердлов благополучно покинул Екатеринбург, воспользовавшись билетом, купленным ретивым служакой — жандармом.

Мне было поручено подготовить пристанище в Перми. Выехав из Екатеринбурга на несколько дней раньше Якова Михайловича, я на первое время сняла номер в пермской городской гостинице — номерах, как тогда называли подобные гостиницы. Как и у Якова Михайловича, у меня были документы на чужое имя, и, пользуясь тем, что в Перми нас мало кто знал, мы могли рискнуть и остановиться в номерах на неделю-другую, хотя подпольщики, как правило, гостиницами не пользовались. К гостинице пришлось прибегнуть потому, что надежных конспиративных квартир партийная организация в Перми не имела, а помещать Якова Михайловича на квартире, которая была или могла оказаться на примете у полиции, было недопустимо.

Поселились мы с Яковом Михайловичем вместе, как до этого вместе жили в Екатеринбурге. Мы не оформляли официально наших отношений, да и нелегко было революционеру в царской России узаконить свой брак. Церкви, церковного брака мы, конечно, не признавали. Я уж не говорю о том, что стоило человеку, находившемуся на нелегальном положении, жившему по чужим документам, попытаться прибегнуть к церковному обряду и назвать свое настоящее имя, как его немедленно бы схватили.

Нас, однако, мало тревожило, что брак наш не был узаконен церковью. Наша семья была неизмеримо крепче тысяч семей, оформленных по всем законам царского времени. Отсутствие «законного» брака тяжело сказывалось лишь тогда, когда нас разлучали жандармы и мы лишены были возможности видеться, лишены права помогать друг другу.

Такова уж была судьба профессиональных революционеров.

По новому распределению партийных обязанностей на Якова Михайловича, помимо руководства работой по всему Уралу, было возложено налаживание организации в Перми и Мотовилихе, а я должна была заниматься только Пермью.

После разгрома декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе пермская тюрьма была переполнена. Полиция не церемонилась. Рабочих, раненых во время декабрьских боев, сажали за решетку, швыряли в холодные, сырые камеры. Оставшихся на воле членов партии можно было пересчитать по пальцам. Жандармы разгромили почти все явочные квартиры, все перевернули вверх дном.

Из всего комитета РСДРП уцелел только один товарищ, молодой мотовилихинский рабочий Миша Туркин, носивший довольно мудреную партийную кличку «Трататон». С ним первым и встретился Яков Михайлович сразу по приезде в Пермь. Встреча произошла в гостинице, и вот как запомнилась она Туркину: «В феврале приехал из Екатеринбурга Михайлыч — Свердлов и его жена Ольга — Новгородцева *. Встретил я их, помнится, в номерах. Михайлыч выглядел как истый джентльмен: крахмальный воротничок, манжеты и все

* Ольга — мой псевдоним на Урале, Новгородцева — девичья фамилия.

остальное. Но под этой показной стороной я сразу почувствовал хорошего друга-товарища, с которым можно обо всем говорить. Впоследствии я убедился, насколько умел он очаровывать, привлекать к себе товарищей. К работе он приступил с места в карьер».

Казалось, что после тяжкого разгрома быстро возобновить работу невозможно, надо какое-то время выждать. Но тем и сильно рабочее движение, что не только победы, но и жестокие поражения собирали под знамена партии лучших представителей рабочего класса, осознавших в дни поражений, что такое царское самодержавие, какова на деле «царская милость».

В ПЕРМИ

Сразу же по приезде в Пермь Яков Михайлович приступил к собиранию сил, к восстановлению большевистской организации в Мотовилихе. В то же время он не упускал из поля зрения и Пермь, заводы Лысьвы, Чусовой, Кизела. Все нити общеуральской работы тянулись к нему, под его руководством все шире разворачивалась подготовка уральской областной партийной конференции.

Встретившись в первый же день после приезда с Туркиным, Яков Михайлович вместе с ним пешком отправился в Мотовилиху, где на квартире мотовилихинского рабочего Кайгородова провел небольшое собрание, в котором участвовало пять-шесть человек. Каждому из присутствовавших он дал задание приступить к восстановлению связей с уцелевшими участниками большевистской организации и вовлечению новых людей из числа тех, кто хорошо проявил себя в дни восстания и после его разгрома.

Через несколько дней на другой квартире, у П. М. Обросова, Яков Михайлович провел более широкое собрание, на котором четко поставил задачу создания крепкой нелегальной организации в Мотовилихе. На этом собрании он набросал на листе бумаги схему построения организации, объяснив, какова должна быть ее структура и как надлежит осуществлять связь между отдельными участниками.

Затем последовал ряд коротких собраний с участием мотовилихинских партийцев и представителей революционно настроенной молодежи. Каждого из них Яков

Михайлович подробно инструктировал. Он рассказывал, как надлежит беседовать с рабочими, на что обращать внимание, какие вопросы прежде всего затрагивать. Во все цехи завода Яков Михайлович направлял лично им проинструктированных людей.

Миша Туркин в первые дни работы Якова Михайловича в Мотовилихе был его ближайшим помощником. Туркин знал Мотовилиху как свои пять пальцев, знал все входы и выходы, всех уцелевших большевиков, многих рабочих, знал также в лицо шпиков пермской охранки, что было далеко не лишним. Это помогало своевременно обнаружить слежку.

Встречался Яков Михайлович с Туркиным обычно ранним утром, и они появлялись в Мотовилихе, пока филеры не выходили еще на посты. Шли они, конечно, порознь, никогда на улице друг с другом не заговаривали, будто не замечали друг друга, и никто со стороны не мог заподозрить, что эти два человека знакомы и тесно связаны.

После первых же встреч с узким активом Яков Михайлович стал знакомиться с мотовилихинскими рабочими. Он шел из одной рабочей квартиры в другую, подбадривал людей, вселял в них веру в собственные силы, в грядущую победу пролетариата. Вскоре и среди мотовилихинских рабочих он стал таким же близким, своим, как был в Сормове, Казани, Екатеринбурге.

Организация быстро набирала силу. Арестованных партийных работников заменила молодежь. Стягивались товарищи из других городов. В Мотовилихе Яков Михайлович встретил старых друзей-сормовчан: Ваню Чугурина*, Гришу Котова, Ваню Савинова, скрывшихся из Нижнего после поражения сормовского восстания и проживавших в Мотовилихе на нелегальном положении.

После приезда Свердлова большевистская организация Мотовилихи зажила полнокровной жизнью.

Ранней весной в лесу, за полноводной Камой, мотовилихинцы провели первую после 1905 года массовку, на которую собрались десятки рабочих Мотовилихи и

---

* Иван Чугурин — бывший сормовский рабочий, друг Я. М. Свердлова. С 1905 года профессионал-революционер. Слушатель созданной Лениным в 1911 году под Парижем, в Лонжюмо, школы партийных работников. Активный участник Октябрьского восстания в Петрограде. После Октября — на руководящей хозяйственной работе.

члены боевой дружины РСДРП. Собрание открыл мотовилихинский рабочий большевик Вася Фролов, предоставивший слово для доклада об уроках Декабрьского восстания и текущем моменте «товарищу Михалычу». Вот как вспоминает это собрание Клаша Кирсанова *: «Казалось, перестали шелестеть сосны. Глаза всех впились в лицо Михалыча. Он стоял на коленях в кругу собравшихся, присевших тоже кто на корточки, кто прямо на землю. Глаза Михалыча, лучистые, глубокие, из-за стекол пенсне смотрели в лица всем... А голос звучал призывом: «Товарищи! Наступление на самодержавие будем продолжать! Будем создавать военные организации. Товарищи члены боевых дружин! Храните и умножайте ваше оружие. Пойдем работать в войска, будем склонять армию на сторону народа!.. Да здравствует революция!» Все повторили эти лозунги».

Успешно развертывалась работа в Перми. Яков Михайлович руководил деятельностью Пермского комитета, вникая во все мелочи и детали повседневной работы. Здесь, как и в Мотовилихе, создалось надежное ядро крепких большевиков, складывалась боеспособная нелегальная организация.

Любопытно сейчас читать документы охранки того периода. «Спокойствие водворилось лишь видимое, — вынуждена была констатировать пермская охранка. — Деятельность преступного сообщества, именующего себя ПК РСДРП... не только не прекратилась, но стала принимать все более широкие размеры».

Охранка установила и виновника этого оживления в работе пермской организации большевиков. Начальник Пермского охранного отделения писал в Пермское жандармское управление, что в 20-х числах января 1906 года в Пермь приехал «из Екатеринбурга, для постановки новой организации (Пермского комитета РСДРП), в качестве организатора некий «товарищ Андрей Михайлович...», которому удалось «в короткое относительно время сорганизовать довольно серьезную организацию... поставив несуществовавшие здесь ранее военную и типографскую технику, и присоединить к комитету «боевую организацию».

Охранка не ошибалась. Оживилась вся партийная ра-

* Клавдия Ивановна Кирсанова — жена Ем. Ярославского. Старая большевичка, профессиональный революционер. Последние годы жизни — лектор ЦК ВКП(б).

бота. В комитете было проведено четкое распределение функций. Подготовкой пропагандистов, например, руководил А. Н. Соколов, чудесный, отзывчивый товарищ, в прошлом студент-медик, работавший в Перми в качестве профессионального революционера. Активную работу вели в комитете Ваня Чугурин, Марк Минкин, Вина Лобова, Саня Ашихмина, автор этих строк и еще ряд товарищей.

Весной 1906 года в Перми была оборудована крупная подпольная типография. Типография имела около пяти пудов шрифта, большой запас бумаги. Работали в ней переехавший из Екатеринбурга Александр Минкин (Марк), Шура Костарева и Миша Туркин. Помещалась типография сначала на Камышловской улице, а затем ее перевели на Монастырскую, во флигель, расположенный в глубине двора одного из домов *.

Особое значение придавал Яков Михайлович работе среди военных. Этим делом он занимался сам, а деятельным его помощником была Клаша Кирсанова, совсем еще юная, на редкость энергичная и жизнерадостная девушка. Непосредственность Клаши порой вызывала у нас смех, иногда же бывала прямо-таки опасной. Помню, как однажды, встретив меня на улице, она радостно бросилась ко мне, крича во весь голос: «Ольга, товарищ Ольга!» — и была немало удивлена, когда я невозмутимо прошла мимо, не обратив на нее никакого внимания. И лишь потом, когда мы ей разъяснили, что ее обращение ко мне на людной улице по партийной кличке да еще с добавлением «товарищ» могло провалить и меня и ее, она поняла свою оплошность. Однако работу среди солдат Клаша вела с подлинным энтузиазмом и большим мастерством. Она была превосходным агитатором и неплохим организатором. При ее непосредственном участии среди солдат Пермского гарнизона создавались социал-демократические кружки, распространялись прокламации и партийная литература.

Огромная организационная работа, проделанная Яковом Михайловичем и его многочисленными помощниками, привела к тому, что были заложены прочные основы объединения всех уральских большевистских организаций. Увенчалась она созывом в феврале 1906 года в Екатеринбурге Уральской областной конференции, за-

* Ныне здесь, на улице Орджоникидзе (бывшей Монастырской) помещается музей подпольной литературы. *(Ред.)*

вершившей организационное объединение большевистских организаций Урала. На конференции были представлены Пермская, Екатеринбургская, Нижне-Тагильская, Уфимская, Вятская, Тюменская и другие уральские организации РСДРП. В работе конференции участвовали Я. М. Свердлов, Н. Н. Накоряков, М. О. Авейде, Сергей Черепанов, Алексеев — всего около двадцати пяти человек. Мне на конференции быть не удалось.

По рассказам участников конференции, проходила она под руководством Якова Михайловича. Он был автором почти всех резолюций, принятых конференцией. Эти резолюции, основывавшиеся на ленинских указаниях, насквозь проникнутые боевым большевистским духом, сыграли огромную роль в последующем развитии партийной работы на Урале. На них строилась вся работа наших агитаторов и пропагандистов.

Конференция положила начало крепкой общеуральской большевистской организации, которую не сломили последующие годы реакции.

Вновь избранный областной комитет РСДРП, следуя указаниям Ленина, энергично развернул работу по подготовке масс к новому революционному подъему. Возглавил областной комитет Яков Михайлович Свердлов.

Все более прочное место начинал занимать Урал в общепартийной жизни России. Опыт боевых организаций Урала, уставы, разработанные в Перми и на Южном Урале, были использованы Первой конференцией военных и боевых организаций РСДРП, проходившей в ноябре 1906 года в Финляндии. Средства для созыва этой конференции были даны уральской боевой организацией через одного из ее членов. На средства же большевистской уральской организации были изданы протоколы конференции.

Из двадцати участников конференции пять являлись представителями уральских организаций (Локоцков Ф. И., Кадомцев И. С., Фортунатов Е. А., Кадомцев Э. С. и Алексеев). В состав бюро, избранного на конференции, вошел и представитель Урала Э. Кадомцев.

Много сил отнимала у нас беспрестанная борьба с эсерами и меньшевиками. Влияние эсеров было подорвано на Урале еще в ходе революционных событий 1905 года. С меньшевиками дело обстояло несколько иначе. Осенью 1905 года, в дни наивысшего революци-

онного подъема, многие из меньшевиков шли зачастую с большевиками, но после первых же поражений они поддались панике и вслед за своими вождями вопили, что не надо было браться за оружие. Меньшевики вносили смуту и дезорганизацию во всю партийную работу. Мы расходились с ними по всем коренным вопросам.

Необходимо было вести решительную борьбу с меньшевистской идеологией, вырвать из-под влияния меньшевиков те незначительные группы уральских рабочих, которые еще шли за ними. В то же время обстановка требовала единства всех сил пролетариата, и борьбу с меньшевизмом приходилось вести, оставаясь в единой организации..

Принципиальность большевиков-уральцев, сплотившихся вокруг Я. М. Свердлова, твердо стоявших на ленинских позициях, привела к тому, что в течение 1906 года меньшевики на Урале были повсеместно разбиты.

В апреле 1906 года у нас в Перми происходили выборы делегата на IV съезд РСДРП, и на них мы одержали полную победу над меньшевиками. Кандидатуры делегатов обсуждались на многолюдном собрании, состоявшемся за городом. Голосование было открытое.

Разумеется, кандидатура Якова Михайловича не вызывала никаких сомнений, но мотовилихинские рабочие решительно заявили, что ввиду начавшихся арестов Андрею уезжать нельзя.

Недавно у всех на глазах, в тяжелой обстановке Андрей заново создал в Мотовилихе сильную организацию, и в организаторский талант Андрея глубоко верили все, кому пришлось с ним поработать. С доводами мотовилихинцев согласились. Вынужден был согласиться с ними и Яков Михайлович, как ни хотелось ему побывать на съезде, как ни рвался он встретиться с Лениным. Тогда вместо Якова Михайловича делегатом съезда избрали меня. Участвовала я в работах IV съезда РСДРП под псевдонимом «Яковлев».

Проводить съезд у себя на родине, в России, мы в годы царизма, конечно, не могли, и IV съезд Российской социал-демократической рабочей партии собрался в Стокгольме, столице Швеции.

До Стокгольма мне удалось добраться не без труда. Мало того, что постоянно приходилось быть начеку, чтобы не попасть в лапы охранки, охотившейся за каждым

большевиком, всяческие препятствия чинили нам также меньшевики, участвовавшие совместно с большевиками в созыве IV съезда. Нелегок был для меня и вопрос экипировки: кроме простенькой ситцевой блузки, недорогого пальтишка да платка на голову, у меня ничего не было, даже чемодана, а ехать надо было как-никак за границу. Собрав что удалось и чуть не разорив нашу скудную партийную кассу, товарищи снарядили меня в путь, и я отправилась в Петербург, где была первая явка.

Напутствуя меня, Яков Михайлович вновь и вновь подчеркивал: главное, держись Ильича! Слушай и запоминай каждое его слово. Вернешься — спросим. Смотри ничего не упусти! Предупреждал он меня и о возможных кознях со стороны меньшевиков, ухо с которыми советовал держать востро.

До Петербурга я добралась благополучно, но в Питере сразу же начались неприятности. Явка оказалась в руках меньшевиков, шедших на любые подвохи, лишь бы обеспечить себе большинство на съезде. Меня встретил какой-то довольно противный плюгавый тип, нервно теребивший свою реденькую рыжеватую бороденку и беспрестанно отплевывавшийся. С места в карьер, едва узнав, что я большевичка, он нагло заявил, что полномочий на участие в съезде с решающим голосом у меня нет, и если я на съезд и поеду, то только с совещательным голосом.

Страшно захотелось плюнуть на него и самостоятельно двинуться дальше, но следующей явки я не знала, дать ее должен был мне этот меньшевик, и приходилось с ним как-то ладить. Однако и уступать свой мандат я не собиралась. Решительно заявив, что избрана не с совещательным, а с решающим голосом, я сказала, что запрошу подтверждение избравшей меня на съезд пермской организации, до получения же подтверждения не двинусь с места.

Ответ из Перми не заставил себя ждать, и меньшевику ничего не оставалось делать, как сообщить дальнейшую явку — в Гельсингфорсе. Назвал он мне и кличку того, к кому в Гельсингфорсе я должна была обратиться: «Черт».

«Ну, — подумалось мне, — попала из огня да в полымя! Уж если ты таков, то какие же каверзы придумает этот самый «Черт» на мою голову?»

«Черт», однако, оказался чудесным товарищем, обаятельнейшим человеком, твердым большевиком-ленинцем. Принял он меня очень приветливо и попросил немного подождать в Гельсингфорсе, пока подъедет еще несколько человек, чтобы отправиться в Стокгольм не в одиночку.

Через день-два подобралась целая группа — пять человек. «Черт» снабдил нас подробными инструкциями, и мы двинулись в путь. Кроме меня, в нашей компании были делегат от Иваново-Вознесенска, назвавшийся Ретортиным (А. С. Бубнов); Михайлович (П. Тучапский) — кажется, меньшевик, с Украины; еще один товарищ, имени которого я не запомнила, и средних лет миловидная, скромная женщина, которую «Черт» представил как товарища Саблину, избранную на съезд в Казани.

Едва мы сели в Гельсингфорсе на пароход, как между нами завязалась оживленная беседа. Выяснилось, что, кроме Саблиной, никто из нас за границей ранее не бывал, и все нам было в новинку. Уж не знаю, в силу ли того, что Саблина единственная из нас не впервые ехала за границу, а скорее из-за ее личного обаяния, но как-то само собой получилось, что с первых шагов мы признали в ней вожака нашей небольшой группы. Когда же речь зашла о партийных делах, то и тут осведомленность Саблиной оказалась прямо-таки поразительной. Она знала буквально все, что делалось в каждой организации. Меня, например, изумило, насколько хорошо она знала положение дел на Урале, с каким знанием дела расспрашивала о нашей областной конференции, о товарище Андрее. Я не удержалась и, когда мы остались с глазу на глаз, прямо спросила ее, откуда ей известны все подробности. Саблина улыбнулась:

— Ведь вы, товарищ Ольга, Клавдия Новгородцева?

Я опешила. Своей настоящей фамилии я никому, даже «Черту», не называла.

— Я думаю, — продолжала между тем Саблина, — нам пора познакомится. Моя фамилия Крупская.

Крупская! Мне сразу все стало ясно. Вот она какая, автор писем, служивших нам маяком в нашей работе, к которым с таким уважением относился Яков Михайлович! Так состоялось наше знакомство и началась многолетняя дружба с Надеждой Константиновной Круп-

ской, другом, помощником и женой Владимира Ильича Ленина.

Мы разговорились. Как выяснилось, и Надежда Константиновна, и Владимир Ильич знали о том влиянии, которым пользовался Яков Михайлович на Урале, с интересом следили за его работой, расспрашивали о нем товарищей, встречавших Якова Михайловича в Поволжье и на Урале.

Путь от Гельсингфорса до Стокгольма недолог. Время пролетело незаметно, и вот мы уже в столице Швеции. К началу съезда мы несколько запоздали, и, когда приехали, работа съезда была уже в полном разгаре. Вот там-то, в Стокгольме, мне и довелось впервые увидеть Ленина.

Обстановка на IV съезде создалась сложная, меньшевики были в большинстве, и нам пришлось вести с ними отчаянную борьбу. Почти каждый вечер после окончания очередного заседания большевистская часть съезда собиралась в каком-либо небольшом скромном ресторане. Приходил Владимир Ильич, начинался оживленный обмен мнениями, намечался план действий на следующий день. Ничего официального в этих собраниях не было, велась живая, непринужденная беседа, центром которой неизменно был Ленин, умевший внимательно выслушать каждого, бросить меткую реплику, дать мудрый совет, растолковать любой самый сложный и запутанный вопрос.

Когда же беседа кончалась, Владимир Ильич обращался к Сергею Ивановичу Гусеву, делегату московских большевиков:

— Сергей Иванович, спойте что-нибудь. Очень просим.

И Гусев запевал. Другие подхватывали, и долго лились привольные русские и революционные песни.

Бросалось в глаза: насколько прост и внимателен был Ленин с нами, своими единомышленниками и учениками, настолько непримирим и беспощаден был он на заседаниях съезда с оппортунистами, предателями революции. Камня на камне не оставлял он от многословного разглагольствования меньшевиков, и нередко меньшевистские лидеры выглядели в жестоких схватках с Лениным совершенно беспомощными.

Располагая большинством голосов, меньшевики провели на съезде по важнейшим вопросам свои резолюции,

но для нас, большевиков, руководством к действию были предложения Ленина, меньшевистские же резолюции мы не собирались принимать во внимание. В таком духе я и сделала сообщение по возвращении в Пермь на заседании комитета.

Яков Михайлович и другие товарищи полностью со мной согласились. По решению Пермского комитета была созвана сравнительно широкая сходка, на которой я выступила с докладом о IV съезде РСДРП. В своем докладе основное внимание я уделила изложению ленинских резолюций, разъяснив, что эти резолюции нам и надлежит рассматривать как партийные решения, хотя они и были отвергнуты меньшевистским большинством съезда. Меньшевистские резолюции я подвергла самой решительной критике, упомянув их лишь вскользь.

Вслед за мной выступил Яков Михайлович, целиком сосредоточивший внимание слушателей на тех практических выводах, которые вытекают для нашей организации из ленинских резолюций.

Подавляющее большинство собравшихся поддержало нас, и пермская организация, как и ее комитет, твердо осталась на большевистских, ленинских позициях вопреки меньшевистским решениям IV съезда РСДРП.

ОХОТА ЗА АНДРЕЕМ

Несмотря на то, что розыски Андрея велись жандармами с неослабной силой, что крупная награда, назначенная за его голову, подогревала рвение многочисленных шпиков и филеров, жандармам длительное время не удавалось напасть на след Свердлова. Места встреч, места собраний хранились в строгой тайне. Никто в Пермском комитете не знал, куда и когда выезжает Свердлов.

Надежно была поставлена охрана собраний. Когда товарищ Андрей выступал среди рабочих, участники собрания, окружив его плотным кольцом, не допускали полицейских приблизиться, после же окончания речи скрывали Андрея в толпе, переодевали и отправляли в безопасное место.

Охранка бесновалась. В самом деле, известный всему Уралу революционер товарищ Андрей продолжает свою «преступную» деятельность буквально у нее на глазах:

то с одного, то с другого завода поступают от осведомителей донесения о приездах и выступлениях Андрея, а поспеть вовремя и арестовать его не удается!

Из Перми летели телеграммы в разные города Урала, даже на Волгу. Губернское жандармское управление било тревогу, требовало ареста Андрея, время шло, а он все оставался на свободе.

Трудно перечислить все те места, где побывал Яков Михайлович весной и летом 1906 года. Кажется, только вчера он проводил очередное заседание Пермского или Уральского областного комитета в Перми, а сегодня уже появляется в Екатеринбурге. Напали там жандармы на его след, а он уже в Уфе. Телеграфируют в Уфу — Андрей снова в Перми.

Товарищ Андрей появляется в Тирляне, Алапаевске, Сысерти, Кушве, Нижней Туре... Он инструктирует местных большевиков, проводит заседания комитетов, выступает на рабочих митингах и собраниях. Охранники мечутся из конца в конец Урала — тщетно! Вот он на Режевском заводе, выступает на многолюдной рабочей сходке возле пруда.

Стражники оцепили место собрания, ждут появления Андрея. Брать его прямо на сходке, на глазах у рабочих, они не решаются. Вот, когда участники собрания начнут расходиться, тогда другое дело. Ждут час, два. Сходка кончилась. На берегу — никого. А где же товарищ Андрей? Еще до конца собрания его перевезли на лодке через пруд, там заранее были приготовлены лошади, и поминай как звали!

Нижний Тагил. На берегу речки Выйки, у подножия горы Елизаровой, нелегальное партийное собрание. «Тихо стало, — вспоминает участник собрания уральский писатель А. П. Бондин, — когда заговорил товарищ Андрей. Глубокий взгляд умных глаз через пенсне приковывал внимание десятков слушателей. Чеканная речь мелодически и убедительно звучала...

Свердлов говорил о борьбе с капитализмом, о проведении идеи революционной национализации земли, вооружении народа, о беспощадной борьбе большевиков с предателями и провокаторами».

Но это выступление было одним из последних выступлений Андрея на Урале в годы царизма.

Работать и скрываться становилось с каждым днем труднее. Испробовав все средства, охранка с удвоенной

энергией засылала в наши ряды все новых провокаторов, требовала большей активности от старых. Провокатору удалось пробраться и в Пермский комитет. Секретным сотрудником охранки оказался особо доверенный человек комитета, заведующий оружейным складом боевой дружины Яков Вотинов.

В апреле месяце был арестован кружок пропагандистов в полном составе. В руки жандармов попали конспекты очередной беседы, нелегальная литература, оттиски партийной программы. Вместе с пропагандистами был арестован и их руководитель Саша Соколов. Обыски на квартирах и характер допросов арестованных, ставший известным на воле, показали комитету, что арест не был случайным, что охранному отделению помогает опытный провокатор.

Яков Михайлович принимал все меры предосторожности. Он не ночевал двух ночей подряд в одной и той же квартире, избегал днем показываться на улице. Еще большей конспиративностью, чем раньше, обставлял он свои непрекращавшиеся выезды из Перми.

Но если можно было ускользнуть от шпика, уйти от филера, то очень трудно было скрыться от провокатора, работавшего рядом с тобой и выдававшего себя за твоего единомышленника, товарища...

10 июня 1906 года Яков Михайлович вернулся в Пермь из очередной поездки. Было решено, что в эту ночь мы уедем из Перми, где оставаться далее было просто невозможно. В связи с нашим отъездом надо было перераспределить работу между остающимися товарищами, кое-кого перебросить в другие города, иных, наоборот, вызвать в Пермь. Для этого в тот же день назначили заседание комитета.

С трудом удалось нам с Яковом Михайловичем добраться до конспиративной квартиры, где должен был собраться комитет. Вскоре после выхода из дома, в котором мы встретились, к нам привязались шпики, и не один, а несколько сразу. Перескакивая с одного извозчика на другого, пользуясь проходными дворами, нам удалось от них отвязаться. Выбравшись на окраину города, мы убедились, что слежки за нами нет.

— Дело плохо, — сказал Яков Михайлович. — Как видно, они нас все же выследили, а брать не берут, вот что странно. Подумай сама, шли буквально по пятам и не тронули. Хотел бы я знать, где тут собака зарыта?

Мне и самой все это казалось крайне подозрительным. Было ясно, что охранка затеяла какую-то пакость и нас не трогают неспроста. Мы решили, что, очевидно, какой-то провокатор (а что в комитете провокатор есть, мы давно были уверены и кое-кого уже начали осторожно проверять и выключать из работы) успел сообщить охранке о предстоящем собрании. Вероятно, охранка хотела узнать наши планы на будущее, разведать, какие указания даст Яков Михайлович комитету, и поэтому решила не мешать нам собраться, а после заседания схватить всех его участников.

— Ну что ж, — подытожил Яков Михайлович наши рассуждения, — решит быстрота. Ведь выхода-то у нас все равно нет. Не можем же мы бросить все и удрать. Собрание провести надо, надо лишь побыстрей уйти с него, чтобы опередить погоню. Риск, конечно, велик, но все равно ничего другого нам не остается.

До конспиративной квартиры нам удалось добраться без особых осложнений. Не обнаружили мы шпиков и возле дома, где происходило собрание. По-видимому, если охранке место заседания было известно, она расставила филеров вдалеке от дома, чтобы не спугнуть нас раньше времени. Товарищи были уже в сборе, и, не теряя ни минуты, Яков Михайлович начал заседание. Быстро были обсуждены и решены все вопросы, каждому из присутствующих Свердлов дал четкие, конкретные указания. Был он спокоен, невозмутим...

Как только заседание окончилось, Яков Михайлович предложил товарищам расходиться по одному, по двое, как это обычно делалось.

— Мы с Ольгой идем первыми, — решительно сказал он, — следующие выходят минут через пять-десять... Будьте здоровы, товарищи!

Расчет был прост. Надо было уйти поскорей, чтобы успеть достигнуть Камской пристани, где легче всего было затеряться, прежде чем присутствовавший на собрании провокатор даст знать о нашем уходе охранке.

Но на этот раз мы недооценили наших противников. Слишком уж крупной «дичью» являлся товарищ Андрей, и охота за ним была организована по всем правилам. В облаве участвовали десятки полицейских, жандармов, шпиков. Даже из Екатеринбурга вызвали несколько филеров, хорошо знавших Андрея в лицо.

Слежку мы заметили, не пройдя и полдороги до при-

стани. Как мы и предполагали, полиция оцепила весь квартал, где проходило заседание комитета, на тот случай, если находившийся на заседании провокатор не успеет своевременно сообщить об уходе Якова Михайловича.

— Давай в переулок, — тихо сказал Яков Михайлович, — а там на первого попавшегося извозчика. Будь что будет!

Мы свернули в один из переулков, где виднелось несколько извозчичьих пролеток. Но странное дело: пустой до этого переулок стал быстро заполняться. Навстречу нам шли какие-то подозрительные типы. За нами раздавались шаги. Штатские и военные так и устремились в этот ничем не примечательный переулок, на перекрестке замаячили полицейские. Вот и извозчик.

— На пристань, — обратился к нему спокойно Яков Михайлович.

— Занят, — последовал ответ.

Следующий ответил то же самое. Все ясно. Теперь выдержка, главное — выдержка. Взявшись под руку, мы быстро обменивались последними фразами, но шли так спокойно, с таким безмятежным видом, что полицейский чиновник, который должен был нас арестовать, поравнявшись с нами, заколебался и... прошел мимо.

Неужели проскочили? Но нет... Не сделали мы и нескольких шагов, как сзади раздалось: «Этих хватай, чего зеваешь?» — и на нас кинулось несколько человек. Якова Михайловича толкнули в одну пролетку, меня — в другую, на подножки вскочили полицейские, раздались свистки, и лошади понеслись.

Охранка могла торжествовать: наконец-то Андрей, неуловимый Андрей пойман! Однако радость была недолгая. Можно было арестовать Свердлова, бросить в тюрьмы десятки и сотни большевиков, но повернуть историю вспять, задушить мощное революционное движение, охватившее весь пролетарский Урал, было невозможно.

Несмотря на то, что с середины 1906 года начался спад революционного движения, несмотря на все неистовство реакции, ближайшие же политические кампании показали, насколько прочны были теперь позиции большевиков на Урале, какое крепкое и боеспособное большевистское ядро сплотил и воспитал посланец ЦК Яков Михайлович Свердлов.

Глава вторая

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ДЕТСТВО

Когда товарищ Андрей впервые появился на Урале, мало кто из нас, уральских большевиков, знал, какой жизненный путь уже прошел он к этому времени. Лишь постепенно, по клочкам и отрывкам, из случайных и редких воспоминаний и рассказов (Яков Михайлович не любил говорить о себе) мы узнавали некоторые подробности его жизни. Но и то знали мало. И лишь многие годы, прожитые с Яковом Михайловичем, рассказы его отца, брата, сестер, изучение различных документов дали мне возможность восстановить более или менее полную картину его детства и юности.

Яков Михайлович Свердлов родился 23 мая (4 июня) 1885 года в Нижнем Новгороде. В те отдаленные годы Нижний Новгород мало чем отличался от других крупных приволжских городов. Грязные, в большинстве своем немощеные улицы, двух-трехэтажные каменные дома в центре и покосившиеся хибарки на окраинах, буйный разгул на знаменитых нижегородских ярмарках и сонная одурь большую часть года, гомон и суета на пристанях летом и тишина на городских улицах и в переулках — таков был Нижний в конце прошлого века.

Но в жизнь купеческого, торгового, мещанского города все более мощно врывалась новая струя. На одной из его окраин рос и расширялся промышленный гигант дореволюционной России — Сормовский судостроительный завод.

Невыносимые условия существования толкали рабочих Сормова на борьбу за свои права, а общий труд

на огромном заводе сплачивал и объединял людей в могучий боеспособный коллектив. Естественно, что с начала 900-х годов Сормово становится центром революционного движения в Нижнем.

На жизнь нижегородцев революционизирующее влияние оказывало и то, что, считая Нижний городом «благонадежным», царское правительство нередко высылало туда из других городов России студентов, замешанных в революционных выступлениях, и иных представителей интеллигенции: журналистов, писателей, не внушавших доверия царской администрации. В Нижнем часто селились революционные элементы, отбывшие ссылку в более отдаленных местах и лишенные права проживания в столицах — Питере и Москве.

Здесь, в Нижнем, протекали детство и первые годы юности Якова Михайловича Свердлова, здесь началось его формирование в профессионального революционера, большевика.

В центре Нижнего Новгорода, на Большой Покровке, находилась граверная мастерская Михаила Израилевича Свердлова, отца Якова Михайловича. При мастерской же в небольшой комнатке ютилась вся семья. Чтобы справиться с нуждой и прокормить детей, отцу и матери приходилось работать не покладая рук. Отец Якова Михайловича был искусным мастером граверного дела. Мать — Елизавета Соломоновна, умная, развитая женщина, — умела поддерживать в семье порядок. Несмотря на скудость средств, дети всегда были чисто одеты и накормлены. Но всего важнее было то, что Елизавета Соломоновна умела каждому сказать ласковое слово, дети крепко любили ее и помогали чем могли. С самого раннего возраста они приучались обслуживать себя, помогали матери готовить пищу и чинить одежду, стирать и штопать, а отцу — работать в мастерской. Дети не знали, что такое праздность, безделье, пустое и бессмысленное времяпрепровождение. Но при этом они оставались детьми, живыми и подвижными, у них хватало времени для ребячьих игр, забав, развлечений. Семья была трудолюбивая, дети росли в здоровой, бодрой обстановке, их сверстники любили забегать к Свердловым, где всегда было людно и весело.

Нередким гостем Свердловых был живший в те годы в Нижнем Максим Горький, близко знавший эту дружную, интересную семью.

Яков рос озорным, неугомонным мальчиком, организатором забав ребятишек всей улицы. Любимым местом ребячьих развлечений была Волга. Яков увлекался греблей и плаванием, азартно состязался с учениками речного училища и нередко выходил победителем в этих состязаниях. Товарищи любили его за смелость и находчивость, за прямоту и правдивость.

Особенно часто Яков бывал в семье Лубоцких. Володя Лубоцкий * был одним из наиболее близких товарищей Якова.

Очень рано Яков узнал нужду, увидел, что в мире царит несправедливость, что богатые имеют все, а большинство народа работает на них и не имеет ничего.

Читать Яков научился почти без посторонней помощи, и вскоре любимыми его авторами стали такие писатели, как Степняк-Кравчинский, Джованьоли, Войнич. Яков увлекался подвигами Спартака, борьбой Андрея Кожухова и Овода, мужеством и беззаветной храбростью Гарибальди.

Нелегко было родителям Якова платить за обучение детей в гимназии, за дорогую гимназическую форму, но они, отказывая себе во всем, упорно стремились дать детям образование, экономя каждую копейку.

Еще в городском начальном училище Яков обнаружил незаурядные способности. Легко давалась ему учеба и в гимназии. Но чем шире становился круг его интересов, чем больше задумывался он над окружавшей его действительностью, тем острее чувствовал сухость и казенщину гимназических уроков, бездушие и несправедливость классных наставников, заискивавших перед детьми богачей и беспрестанно придиравшихся к ребятам бедных родителей. Не находя ответа на волновавшие их вопросы у гимназических учителей, Яков Свердлов и Владимир Лубоцкий начинают все больше увлекаться такими книгами, чтение которых было строго запрещено гимназистам.

Живейший интерес вызывают у друзей «Былое и думы» Герцена, «Письмо к Гоголю» Белинского, «Что делать?» Чернышевского, книги Добролюбова, Писарева.

---

* Владимир Михайлович Лубоцкий (Загорский) — активный деятель большевистской партии. С 1918 года секретарь Московского комитета РКП(б). 25 сентября 1919 года погиб при взрыве бомбы, брошенной эсерами в помещение МК РКП(б).

Все чаще происходят у Якова стычки с классным наставником, невзлюбившим не в меру любознательного и непокорного гимназиста, постоянно ставящего его в тупик своими неожиданными вопросами. Все чаще сыплются на Якова выговоры гимназического начальства, все чаще подвергают его наказаниям.

Якову и Владимиру было около пятнадцати лет, когда они впервые узнали о революционном подполье. Темными, глухими ночами, при свете маленькой керосиновой лампочки Свердлов и Лубоцкий, забравшись на чердак в доме Лубоцких, с волнением читали прокламации, распространявшиеся в Нижнем среди гимназистов. Перед друзьями открывались новые горизонты, новые перспективы. «Что, — думали они, — может быть увлекательнее, интереснее революционной работы?» Они мечтали о том, как будут водить за нос самодовольных городовых и жандармов, как, каждодневно рискуя собой, бросят вызов самому самодержавному строю. Сколько романтики было в их юношеских мечтах!

Не сразу Яков и Владимир нашли себе применение, немало мальчишеского было поначалу в их мыслях, планах, поступках. В четырнадцать-пятнадцать лет добыли они оружие и запрятали его на чердаке квартиры Свердловых, перебравшихся из комнаты при мастерской в небольшой флигель в том же дворе. Тайну свою подростки хранили свято.

В 1900 году умерла мать Якова. Ее смерть была для семьи тяжким ударом. Отцу одному нелегко было прокормить многочисленных ребят, поддерживать порядок в доме. Усилилась нужда. Якову после четвертого класса пришлось оставить гимназию и думать о заработке. Впрочем, уход из гимназии мало его огорчил: надоели беспрерывные издевки учителей и гимназического начальства, а знаний, к которым он стремился, гимназия все равно не давала. Якова все сильнее влекла революционная борьба.

Сознавая, что отцу трудно содержать семью, Яков ушел из дому и зажил самостоятельно. Он перебрался в Канавино, в пригород, населенный преимущественно рабочими, и поступил учеником в аптеку.

Тяжелая работа поглощала почти весь день. Приходилось делать десятки утомительных, скучных дел. Но Яков не падал духом. Пристрастившись к чтению, он

с первых же дней начал развивать интерес к книгам и у своих товарищей по работе. Яков читал им вслух книги, устраивал беседы, отвлекал товарищей от бесцельного шатанья по городу, от картежной игры.

Благодаря жизнерадостному, общительному характеру Яков быстро завоевал любовь и доверие товарищей. Нередко можно было видеть, как старшие ученики уступали подростку, покоренные его горячими речами, и усаживались в кружок послушать увлекательную книгу.

Яков говорил в глаза хозяину канавинской аптеки неслыханные вещи: о слишком продолжительном рабочем дне, об утомительном труде, о нищенской плате, о плохом обеде, которым кормили учеников. Худенький невысокий подросток с умными черными глазами не давал себя в обиду. На резкость отвечал резкостью, постоянно вступался за товарищей, будоражил их и открыто обличал несправедливость.

В Канавине возникло то повседневное общение Якова Свердлова с рабочими, которое оказало решающее влияние на весь его дальнейший путь. Здесь, в Канавине, он познакомился с помощником провизора, оказавшимся социал-демократом, первым социал-демократом, с которым встретился Яков Свердлов.

Между тем недовольство хозяина строптивым учеником росло. После очередного столкновения пятнадцатилетний подросток был вышвырнут на улицу и остался без средств к существованию. Устроиться на работу было нелегко. Пришлось репетировать гимназистов младших классов, бегать по урокам, переписывать роли для театра, править корректуру, лишь бы заработать на пропитание.

В 1901 году Яков Свердлов и Владимир Лубоцкий становятся членами нижегородской подпольной организации социал-демократов.

Нижегородский комитет партии поручает Якову распространять прокламации, листовки. Он собирает товарищей детских игр, увлекает их своим энтузиазмом и примером, и быстрые, ловкие подростки разносят прокламации по дворам города, опускают в ящики для писем у дверей домов, расклеивают на заборах.

Нередко посещает Яков отца. Старшие дети — Зиновий и Софья — ушли к этому времени из семьи, но

дома оставались младшие сестра и два брата *. Все они охотно помогали Якову, особенно сестра Сара. Ей можно было поручить отнести конспиративную записочку товарищу и быть уверенным, что она точно выполнит поручение. Она знала, кому можно передать записку, а кому нельзя. Знала, что в случае опасности записку надо проглотить, чтобы она не попала в руки жандармов или полиции.

Самые теплые отношения сохранились у Якова и с отцом. Отец в глубине души сочувствовал сыну и горячо любил его. Если у него была хоть малейшая возможность, он охотно оказывал материальную помощь Якову и искренне обижался, когда тот в шутку называл его эксплуататором за то, что в отцовской мастерской работало несколько подмастерьев.

Квартира Свердловых становится явочной квартирой нижегородских большевиков. В ней нередко скрываются день-два, а то и неделю нелегальные, избегающие встречи с полицией. Убежищем им служит все тот же чердак, где Свердлов и Лубоцкий раньше хранили оружие.

Отец Якова делает вид, что не замечает, как в сенях его квартиры появляются посторонние люди и поднимаются по лестнице на чердак, как сестренка Якова таскает наверх хлеб, будто не слышит осторожных шагов над головой. Словно невзначай он бросает:

— Круглое-то окно на чердаке не надо забивать. Вдруг пожар в доме, мало ли что, всегда можно на крышу выбраться, а там и в переулок. Так-то! — и хитро улыбается.

С рабочими мастерской отца Яков поддерживал товарищеские отношения и тесную связь. Здесь в полной тайне изготовлялись печати для партийных организаций, подделывались полицейские штампы для паспортов, через рабочих мастерской добывался шрифт для подпольной типографии. Все делалось осторожно и конспиративно. Если бы полиция вздумала произвести обыск, вряд ли она обнаружила бы что-либо «недозволенное».

---

* Братья Якова Михайловича — Зиновий (1884—1966), Вениамин (большевик, 1887—1940) и Лев (1893—1914). Сестры — Софья (1882—1951), Сара (1890—1964) оказывали Якову Михайловичу постоянную помощь в революционной работе. Отец Якова Михайловича умер в 1921 году. *(Ред.)*

Эти годы были годами становления Российской социал-демократической рабочей партии. В январе 1900 года Владимир Ильич Ленин, отбыв ссылку в селе Шушенском, вернулся в Центральную Россию и развернул напряженную работу по организации общерусской политической газеты, которая должна была стать агитатором, пропагандистом, организатором широчайших народных масс. Этот гигантский, титанический труд Ленина завершается выходом в декабре 1900 года первого номера «Искры».

Теперь у революционных социал-демократов, у рабочих была своя газета. Она раскрывала широкие перспективы, освещала стоявшие перед рабочим классом задачи, отвечала на самые насущные вопросы нараставшего движения.

Не оставался в стороне и Нижний Новгород. Поводом для одной из первых нижегородских политических демонстраций послужила высылка из города Максима Горького.

7 ноября 1901 года Нижний облетела весть: жандармы высылают Горького. Ему запрещено жить в Нижнем!

Несмотря на ненастную погоду, на снежный вихрь, слепивший глаза, на вокзале, идти к которому надо было через широкую Оку, где ничто не укрывало от бушевавшего ветра, собралась многочисленная группа молодежи, учащихся, ремесленников. Горького окружила плотная толпа, в которой раздавались возгласы: «Да здравствует свободное слово!», «Да погибнет деспотизм!», лились революционные песни.

Горький уговаривал провожавших разойтись. «Я совершенно не ожидал... Я крайне растроган, — говорил взволнованный писатель. — Но меня беспокоит: вы все-таки рискуете...»

Когда поезд тронулся, толпа провожавших вышла с вокзала и демонстрацией, с пением революционных песен прошла по всей главной улице Нижнего. Трамваи останавливались, к демонстрантам присоединялись прохожие, и перед зданием театра, на центральной площади, возник митинг. Эта демонстрация была отмечена Лениным в № 13 «Искры» как одна из демонстраций,

знаменовавших начало мощного народного протеста против царского произвола.

Полиция, никак не ожидавшая такого организованного выступления, настолько растерялась, что даже не пыталась помешать демонстрантам.

Хотя полиция и не решилась воспрепятствовать демонстрации, наиболее активных участников полицейские заметили и еще на вокзале переписали. Среди них был и шестнадцатилетний Яков Свердлов. Некоторое время спустя его арестовали, правда, ненадолго. «3 декабря арестован, — писала 20 декабря 1901 года «Искра», — бывший гимназист Свердлов по подозрению в участии в демонстрации 7 ноября».

Так имя Свердлова впервые появилось на страницах ленинской «Искры».

К РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗРЕЛОСТИ

Постепенно Нижегородский комитет РСДРП стал давать Свердлову все более серьезные задания. Яков уже не только распространял листовки, обеспечивал организацию «техникой» — шрифтами, печатями, паспортами, но был направлен пропагандистом в рабочие кружки Сормова.

С первых же шагов пропагандистской работы Яков понял, что у него не хватает знаний, чтобы ответить на возникающие у рабочих вопросы.

На столе у юноши появляются книги по политической экономии, истории культуры, истории рабочего движения в Западной Европе, «Манифест Коммунистической партии», а вскоре и «Капитал» Маркса.

Нелегко было в те годы молодому человеку разобраться в многочисленных политических течениях и оттенках и избрать правильный путь, но Яков Свердлов не сбился с дороги. Постоянным руководителем для него становится ленинская «Искра». Она помогает ему встать на ноги. С «Искрой» идет он в рабочие кружки, вступает в споры кое с кем из старших товарищей, тяготевших к меньшевизму. Призыв «Искры» — готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, отвечал заветным мечтам юного Свердлова и, казалось ему, был адресован таким, как он.

«Вот это относится ко мне», — думал Яков, читая «Насущные задачи нашего движения» — ленинскую статью, напечатанную в первом номере «Искры».

Партийная работа в Нижнем и Сормове разворачивалась все шире.

По поручению комитета Яков организовывал новые кружки среди рабочих, доставал для них литературу. Близких товарищей он поражал своей энергией. В течение дня он успевал побывать в разных концах Нижнего и Сормова. Любую партийную работу он выполнял легко и радостно, никогда не отказывался от самого маленького, незаметного дела, если оно было нужно партийной организации.

«В первый период своей деятельности, — говорил Ленин о Свердлове, — еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции».

Товарищи, вспоминая семнадцати-восемнадцатилетнего Свердлова, рассказывают, что вокруг него группировалось молодое поколение революционно настроенных рабочих — это были преданные помощники Нижегородского комитета. Помогая расти товарищам, Яков Свердлов и сам рос в гуще рабочей молодежи, учился у нее пониманию жизни, великой силе товарищества, солидарности, стойкости и непреклонности.

В апреле 1902 года в Нижнем умер высланный туда под надзор полиции студент Казанского ветеринарного института социал-демократ Рюриков. Эта смерть взволновала весь город. Партийная организация решила принять участие в похоронах. Однако полицмейстер, боясь возможных демонстраций, четыре дня не разрешал родственникам Рюрикова хоронить умершего юношу и запретил отпевать его в городской церкви.

Но в день похорон народ пришел и в кладбищенскую церковь. Собралась большая толпа. После окончания церковного обряда зазвучал похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой...». Появились траурные ленты с надписями от руки. Среди присутствующих распространялись прокламации. Был здесь, конечно, и Яков. Кладбище оцепили, составили протокол, и фамилия Свердлова вновь попала в полицейские списки. Грозил новый арест, и Яков на несколько дней скрылся. Надо было избежать ареста, ведь приближа-

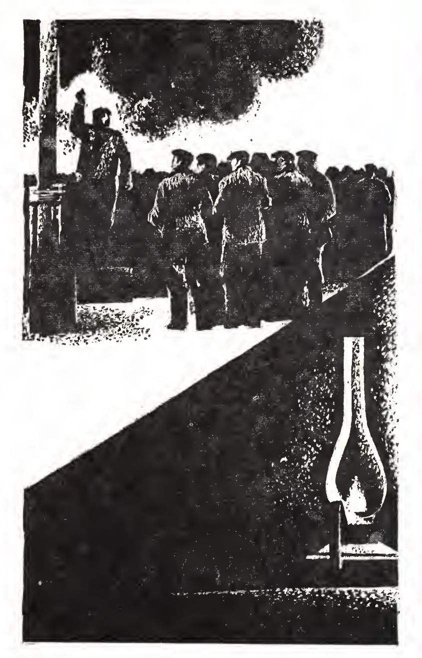
лось 1 мая, готовились демонстрации и в Нижнем и в Сормове, не мог же Яков провести эти дни за тюремной решеткой!

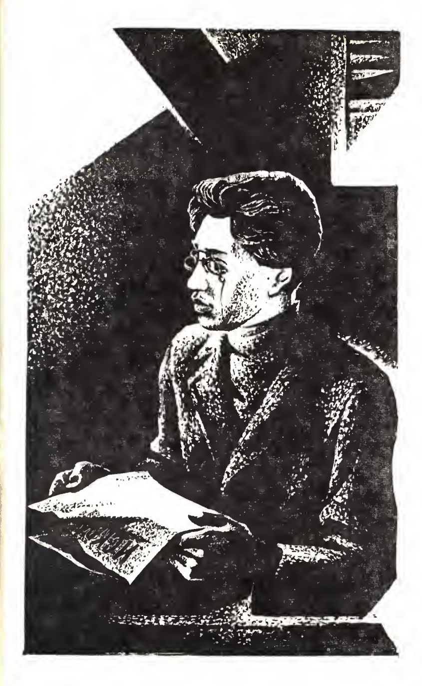
1 мая 1902 года памятно для России рядом политических демонстраций, среди которых выделяется демонстрация в Сормове, с такой силой описанная Горьким в его замечательном произведении «Мать». Демонстрация была организована Нижегородским и Сормовским комитетами социал-демократической партии. В ней приняли участие тысячи рабочих, во главе которых шел Петр Заломов и его товарищи. Демонстрация была разогнана полицией и войсками, а ее руководители брошены в тюрьму.

Свердлов участвовал в подготовке демонстрации. Через несколько дней, 5 мая, полиция напала на его след, и Яков вновь был арестован, арестовали и его младшего брата — Вениамина. 15 мая Максим Горький писал из Арзамаса Пятницкому: «В Нижнем ужасные творятся вещи! Страшные дела! Пойманы и посажены в тюрьму отвратительные преступники, политические агитаторы, рррреволюционеры, числом двое, сыновья гравера Свердлова — наконец-то! Теперь — порядок восторжествует и — Россия спасена!.. Преступники изловлены 6 мая, во время демонстрации, на улице... Старшему из них уже 15 лет, а младшему 13. Третий брат их — 6 годов — еще в тюрьму не посажен. Четвертый (Зиновий. — *К. С.*) сейчас сидит у меня и хохочет, нераскаянная душа! Этот самый старый — 18 лет».

Действительно, 5 (а не 6) мая нижегородская молодежь провела в центре города революционную демонстрацию. Она началась вечером, когда на улицах было полно народу. Из толпы прогуливающихся выделилась группа человек в тридцать, подняла красное знамя с лозунгом «Долой самодержавие!» и с революционными песнями направилась к Большой Покровке. Демонстрацией руководил Владимир Лубоцкий.

После сормовских событий полиция была настороже. Молодежь быстро окружили и участников демонстрации попытались усадить на подводы, чтобы отправить в тюрьму. Задержанные отказались ехать и пошли пешком под конвоем полиции. По дороге в тюрьму они запели революционную песню, конвоиры пустили в ход кулаки и нагайны. По уличным панелям за арестован-





ными шла многочисленная толпа, и самый арест превратился в демонстрацию.

Лубоцкий, отвечая на насилие, ударил пристава, и это ему обошлось дорого. Участников сормовской и нижегородской демонстраций судили одновременно, и царский суд зверски расправился с ними: шесть сормовчан — Заломов, Самылин, Быков и другие — и двое юных нижегородцев — Моисеев и Лубоцкий — были лишены всех прав и пожизненно сосланы в самые отдаленные места Сибири.

Якова освободили из тюрьмы через две недели после ареста. Он снова энергично берется за работу, но теперь действует еще осторожнее, чем раньше, еще больше ценит дни пребывания на свободе, не под тюремным замком, когда можно отдаться партийной работе. У Якова уже тогда вырабатывается правило: ничего не откладывать на завтра. Ведь в любой момент могут снова посадить за решетку.

В 1902 году в Нижнем появилась книга Владимира Ильича «Что делать?». Свердлов читал и перечитывал ее, вдумываясь в каждую ленинскую фразу.

В это время у Якова выработалась еще одна привычка: каждый день заканчивать работой над книгой. Случалось, что он поздно возвращался домой после тяжелого дня, когда неоднократно приходилось ускользать от шпиков. Но не было такого вечера, чтобы Свердлов час-другой не провел за книгами Ленина, Маркса, за изучением истории, политической экономии. Он читал, делал выписки, не раз возвращаясь к особенно сложным, взволновавшим его вопросам.

●

После сормовской демонстрации работать стало труднее — полиция усилила надзор, увеличилось число шпиков, стороживших на улицах, но в то же время и рабочие почувствовали свою силу. Появилась большая тяга к подпольным кружкам, нелегальные книги и прокламации брались нарасхват и зачитывались до дыр. Несмотря на преследование и аресты, нижегородская организация социал-демократов росла.

Жандармы старались теперь не выпускать Свердлова из поля зрения, вести за ним неослабный надзор.

Несмотря на молодость Якова, жандармы оценили его как опасного врага самодержавия.

Начальник Нижегородского розыскного отделения доносил в департамент полиции:

«Проживающий в Нижнем Новгороде Яков Свердлов... является активным революционным деятелем, собирается везти в Пензу нелегальные издания. Яков Свердлов находится в тесной связи с негласно поднадзорным Сергеем Сомовым... близко стоит к рабочим кружкам, является деятельным членом организации...»

Примерно в это время Яков организовал небольшую подпольную типографию, всю работу в которой вели участники созданного им революционного кружка из учащейся молодежи, куда входили Николай Растопчин, Вера Савина, Маша Щепетильникова и еще несколько человек.

Узнав, что родителей Веры Савиной почти никогда не бывает дома, Яков принес к ней на квартиру гектограф, добытый через аптекарских учеников, с которыми он не терял связи, желатин, бумагу и организовал печатание прокламаций. Он же был и автором большинства из них. Печатать кружковцам приходилось много. Кружковцы усовершенствовали работу, и их гектограф давал двести пятьдесят оттисков вместо обычных ста. Им удалось добиться такого устройства гектографа, что в случае внезапного нападения полиции его можно было быстро уничтожить, не оставляя никаких следов. Печатали не только прокламации, а целые брошюры, готовили к печати даже «Манифест Коммунистической партии».

Вспоминая о работе кружка, Вера Васильевна Савина пишет: «Иногда Яков нам с Машей Щепетильниковой давал срочную работу на ночь, и мы, прикрыв в своей комнате подушками щель у двери, чтобы родные не видели ночью света, работали до утра. Распространять листовки вначале он нам не давал. Боялся, что по неопытности мы попадемся, но позже стал поручать и это... Яков Михайлович был очень подвижным, живым, веселым и необычайно острым на язык. Чувство юмора не покидало его никогда. Говорил он умно и зажигательно. Несмотря на то, что мы с Машей были старше Якова Михайловича, он в своих убеждениях и суждениях был уже совершенно взрослым человеком, а мы представляли из себя совсем сырой материал».

Накопленный опыт борьбы с полицейскими ищейками и природная сметливость помогали ему быстро обнаружить слежку, когда привязывался очередной шпик, пытаясь установить квартиры, которые Яков посещал, и людей, с которыми он встречался. Нелегко было следить за ним, он умел путать след и уходить от преследования. Ведь Якову не было еще восемнадцати лет, и он водил шпиков за нос с мальчишеским задором и азартом. Это была опасная, но необходимая борьба. Если не помогали проходные дворы, которые Яков изучил во всем городе, и шпик не отвязывался, он направлялся на пустынный берег Волги, куда не рисковал сунуться ни один самый ретивый шпик, боясь встречи с рабочими. Такая встреча могла кончиться печально. Рабочие, особенно заводская молодежь, охотно разделывались с усердными слугами охранки. Кое-кому из них доставалось крепко — они недосчитывались зубов, а то и ребер.

Нередко Яков обманывал шпиков, пользуясь потайным ходом, устроенным им в квартире отца. Перед квартирой Свердловых были просторные сени, одна дверь из которых вела в жилые комнаты, а другая — в уборную. В стене уборной Яков вынимал доску, и там образовывалась узкая щель, ведущая в сени соседней квартиры, где помещалась ювелирная мастерская. Среди подмастерьев-ювелиров у Якова было немало приятелей.

Когда шпики начинали его преследовать слишком настойчиво, а идти к Волге времени не было, Яков с невозмутимым видом направлялся в квартиру отца. Сестра помогала ему вынуть доску в уборной и ставила ее на место. Шпики пристально следили за дверью квартиры Свердловых, а Яков тем временем выходил из ювелирной мастерской в соседний переулок и как сквозь землю проваливался.

Накапливался опыт, росло и мастерство революционной работы. В конце 1902 года Нижегородский комитет РСДРП возложил на Якова новое ответственное задание. Ему была поручена организация крупной подпольной типографии.

Типографию намеревались оборудовать в центре города, на одной из главных улиц, в большом, богатом доме. Перед тем как привлечь Якова к этому делу, товарищи из комитета уже подобрали квартиру. Хозяйка

квартиры хотя и сочувствовала революционному движению, но непосредственного участия в партийной работе не принимала и была вне подозрений. Казалось, чего лучше? Но, осмотрев помещение, Яков сразу от него отказался. Он заметил, что у ворот дома постоянно торчит дворник, прекрасно, по-видимому, знающий своих жильцов. Этот цербер пристально присматривался к каждому постороннему и зверем глядел на тех, что одеты победнее. Обратил Яков внимание и на то, что невдалеке от дома, на углу, находится полицейский пост. «Как, — думал Яков, — избежать докучливых расспросов дворника? Как мимо него и постовых проносить бумагу, краски? Как выносить готовые прокламации?» Это были мелочи, но без учета таких мелочей конспиративную работу вести нельзя. Яков отказался от намеченной квартиры и подобрал для подпольной типографии помещение в Сормове, в рабочем поселке, где жандармы чувствовали себя куда менее уверенно, чем в центре города.

После того как типография была оборудована, Яков постоянно появлялся в Сормове. Он руководил ее работой, обеспечивал доставку текстов, бумаги, красок. Когда кончали печатать, Свердлов обязательно беседовал с товарищами, сообщал им партийные новости, последние сведения о борьбе рабочих у нас и за границей. Для них такие беседы были особо важны и необходимы, потому что в силу особой конспирации они не могли ходить на нелегальные партийные собрания, да и вообще избегали лишний раз выходить из квартиры, где помещалась типография, и жили настоящими отшельниками.

Работавшая в те годы в сормовской типографии Катя Сотникова вспоминает такой случай. Однажды Яков оставил в типографии текст воззвания к сормовским рабочим. Воззвание нужно было отпечатать за одну ночь в двух тысячах экземпляров. Катя в этот день оставалась одна в типографии, а тут, как назло, печатный станок испортился, и сколько она ни мучилась, наладить его не могла. Работа остановилась. Тогда Катя решила рискнуть и поехала в город к Якову, хотя по правилам конспирации делать это было строжайше запрещено. Но листовки с воззванием нужно было обязательно отпечатать, и Катя пошла на нарушение правил.

Яков Михайлович немного пожурил Катю за самовольное появление в городе, однако согласился с ней, что иначе поступить было нельзя, немедленно собрался, и они пешком отправились в Сормово. Путь не близкий, а дело было зимой. Валил снег, ветер так и хлестал в лицо. Особенно туго пришлось в открытом поле, где метель разгулялась вовсю. Одежонка же у Якова была плохонькая — осеннее пальтишко, ношеное-переношеное, да старая отцовская шляпа. Однако он, казалось, и не замечал непогоды. Смеялся и шутил как ни в чем не бывало, подбадривал изрядно продрогшую Катю, спрашивал, не трудно ли ей, не устала ли. Так добрались они до дома, где находилась типография. Надо было пройти через двор в подвальное помещение. Катя принялась ласкать хозяйскую собаку, чтобы та случайно не залаяла, а Яков тем временем проскользнул в подвал.

Прежде чем зажечь лампу, занавесили окна. В подвале зверски холодно. Печь топили рано утром, и она давно остыла, а ночью не топили, чтобы не вызвать у кого-нибудь подозрения. Еле-еле отогрев иззябшие руки у лампового стекла, Яков Михайлович и Катя принялись за работу. Станок был быстро налажен, и в пятом часу утра две тысячи прокламаций были готовы.

Яков, хоть и не спал всю ночь, тут же поспешил уйти, чтобы выбраться из Сормова до появления на улицах жандармов и филеров.

В НИЖЕГОРОДСКОЙ ТЮРЬМЕ. ПОРА УЕЗЖАТЬ!

Несмотря на непрерывную слежку и донесения секретных сотрудников охранки о революционной деятельности молодого Свердлова, жандармам никак не удавалось выяснить, в какой момент будут у него на руках нелегальные прокламации, листовки, типографский шрифт. А это было важно. Им хотелось захватить Якова с поличным, чтобы можно было, изобличив его в «противоправительственной» деятельности, отдать под суд и надолго запрятать в тюрьму или выслать в отдаленные места. При отсутствии же улик приходилось ограничиваться административной мерой наказания, а этого охранке было мало. Охранка решила совершить внезапный налет, и в ночь с 13 на 14 апреля 1903 года Яков был вновь, в третий раз, арестован. На сей раз

жандармам повезло. У Якова обнаружили 24 экземпляра различных листовок Нижегородского комитета РСДРП. Правда, доказать, что они написаны рукой Свердлова или им лично напечатаны, охранке не удалось, для передачи дела в суд материалов было недостаточно, но в тюрьме под следствием Якова продержали около полугода.

Можно было бы думать, что арест, тюрьма, строгий режим, изоляция от внешнего мира, решетки на окнах и замки на дверях полностью выводят революционера из строя, обрекают его на тягостное бездействие. В ряде случаев так и бывало. Но не таков был Яков Михайлович, чтобы впасть в уныние, чтобы хоть один день сидеть опустив руки. Ведь он знал, что рано или поздно тюрьмы не миновать, и был готов на любые лишения.

В тюрьме Свердлов не прекращал кипучей революционной деятельности. Вынужденный перерыв в практической работе он прежде всего использовал для упорной, настойчивой учебы, для овладения революционной теорией. Многое может рассказать толстая клеенчатая тетрадь, хранящаяся ныне в Музее Революции в Москве, которую вел в 1903 году в нижегородской тюрьме восемнадцатилетний Свердлов.

В ней запись прочитанных книг, выписки и конспекты по политэкономии и истории, алгебраические задачи, стихи. Круг интересующих Свердлова вопросов весьма обширен. Он изучал политическую и историческую литературу, иностранные языки, занимался математикой, читал художественную прозу и поэзию. За время пребывания в тюрьмах при помощи одних лишь словарей Яков Михайлович настолько изучил немецкий и французский языки, что довольно свободно и бегло читал по-немецки, например, Маркса, Гильфердинга, Гейне, Гёте.

Но не одной учебой занимался Яков Михайлович в нижегородской тюрьме. Он использовал каждую возможность для установления связи с волей. Товарищам, выходившим на свободу, Свердлов давал различные поручения, указывал, с кем и как надлежит связаться, причем никогда не разрешал ничего записывать и неизменно требовал, чтобы все адреса, имена были заучены наизусть. Он организовал получение известий с воли, проявляя при этом редкую изобретательность и находчивость.

Уже во время пребывания в нижегородской тюрьме, как и при всех последующих арестах, Яков Михайлович организует учебу товарищей по заключению. Он советует им, что читать, на что при чтении обращать внимание, помогает лучше усвоить прочитанное, снабжает книгами, организует лекции, беседы, диспуты.

Молодым по революционному опыту товарищам (по возрасту-то он был одним из самых молодых) Яков рассказывал, как надо держаться на допросах, разъяснял, с какой осторожностью надо отвечать на вопросы, так как ответ на самый, казалось бы, невинный вопрос может помочь следователю запутать арестованного. О делах же партийной работы вовсе не следует говорить ни слова.

В августе 1903 года жандармы вынуждены были выпустить Якова из тюрьмы за недостаточностью улик. С каким наслаждением вздохнул он полной грудью после четырехмесячного пребывания в душной, промозглой камере! Через день после освобождения Яков с сестрой и приятелем отправился на пароходе в деревню Кстово, верст за пятьдесят от Нижнего. Выйдя на берег и очутившись среди просторного луга, Яков скинул пиджак, встал на голову и пошел колесом. Еле удалось спутникам угомонить вырвавшегося на волю узника. Но как ни хорошо было вдали от шумного города, уже на следующий день Яков спешит в Нижний.

Дав себе всего день-два отдыха, Яков с головой уходит в кипучие революционные дела. Он там, где в этот момент всего нужнее. Он агитатор и пропагандист, оратор и массовик, один из организаторов и активнейший участник летучих сормовских митингов.

Проводились эти митинги так: незадолго до конца смены Якова тайком проводили на завод. По окончании смены, когда тысячи рабочих сплошной волной устремлялись к выходу, в проходной искусственно создавали затор, и немедленно образовывалась огромная толпа. В центре этой толпы рабочие на руках высоко поднимали Якова, и он произносил горячую, зажигательную речь. Беря факты из жизни сормовчан, Свердлов увязывал их с положением русского рабочего, звал к борьбе. Пока растерявшаяся охранка успевала что-либо предпринять, Яков заканчивал речь и, окруженный плотной стеной рабочих, выходил за пределы завода.

В июле 1903 года за границей состоялся II съезд РСДРП. Съезд подвел итоги длительной и упорной борьбы Ленина против оппортунистов, за создание партии нового типа, положил начало боевой, подлинно революционной марксистской партии рабочего класса — партии большевиков.

Известия о съезде и происшедшем на нем расколе па большевиков и меньшевиков дошли до Нижнего Новгорода только осенью 1903 года. Кое-кто в Нижегородском комитете — Грацианов и другие — встал на сторону меньшевиков, но лучшая часть организации пошла за большевиками. К тому времени в Нижнем уже сформировалась крепкая группа ленинцев, и ведущее место среди них занял юный Свердлов. С первой же минуты Яков Михайлович безоговорочно встал на ленинские позиции, стал непримиримым большевиком, каким и оставался до последних дней своей жизни. Иначе и быть не могло. Ведь Свердлов политически вырос и сформировался среди сормовских рабочих, на ленинской «Искре», служившей ему компасом и путеводной звездой. Революционная работа в гуще сормовского пролетариата каждодневно подтверждала правильность ленинского курса. Не было для молодого Якова более великого имени, более непререкаемого авторитета, чем имя и авторитет Ленина.

По свидетельству Емельяна Ярославского: «После раскола в партии Свердлов является первым организатором большевистской группы в Нижнем Новгороде. Он — самый молодой из всех. Там работали в то время такие старики, как Семашко, Владимирский, работал там Десницкий (Строев), Д. Павлов и другие крупные работники. Несмотря на это, все отдавали должное талантливости, энергии и организаторским способностям тов. Якова.

Он сумел собрать все группы рабочих, недовольных меньшевистским комитетом, и фактически создать свой комитет — большевистский».

Однако работать в родном городе Я. М. Свердлову становилось с каждым днем все труднее. Полиция не давала покоя. В середине сентября 1903 года, через месяц после освобождения из тюрьмы, его вновь, в четвертый раз, арестовали, вскоре выпустили, затем по-

следовал новый арест, а в феврале 1904 года Свердлов был на два года подвергнут гласному надзору полиции по месту жительства.

Гласный надзор связывал Якова по рукам и ногам. Продолжать активную партийную работу в Нижнем он не мог, а жизнь вне революционной деятельности потеряла для него всякий смысл.

Встал вопрос об отъезде из Нижнего, об окончательном переходе на нелегальное положение.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

В 1904 году Северный комитет РСДРП, объединявший Верхнюю Волгу, Ярославль, Нижний Новгород и Кострому, решил послать Якова Михайловича на работу в Кострому.

Еще закладывая основы большевистской партии, Владимир Ильич Ленин неоднократно подчеркивал необходимость создания кадров профессиональных революционеров. По мысли Ленина, профессиональный революционер должен был целиком посвятить себя партийной работе, которая становилась его профессией. Он должен был обладать широким пониманием задач партии, выдержанностью в вопросах теории и практики, организационной смелостью в борьбе. Должен был изучать все способы и приемы борьбы с врагом, внушать всем своим поведением, самим образом своей жизни уважение даже противникам.

Ленинское толкование задач, стоящих перед профессиональным революционером, вызывало у Свердлова, как и у других юных большевиков, живой отклик и стремление стать таким, каким должен был быть, по мнению Ленина, профессиональный революционер.

Переход на нелегальное положение, жизнь по подложным документам, всецело посвященная партийной работе, необходимость вечно скрываться от преследования полиции — все это было логическим продолжением того жизненного пути, который избрал Яков Михайлович Свердлов и по которому он уверенно шел.

Теперь у Якова Михайловича редко бывал собственный угол, он непрерывно менял квартиры, зачастую ночевал у товарищей, где придется, не имел постоянного заработка, жил впроголодь. Неоднократно приходилось

Якову Михайловичу поздней ночью подниматься в квартиру товарища на второй-третий этаж по водосточной трубе, чтобы вздремнуть несколько часов и с рассветом уйти, не вызвав подозрения у соседей. Но никакие тяготы и лишения никогда его не угнетали. Он сам, по велению сердца, навсегда избрал путь профессионального революционера, «человека, — как говорил о Якове Михайловиче Ленин, — целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, человека, который целиком и беззаветно отдался революции...».

Получив указание Северного комитета РСДРП, Свердлов распрощался с Нижним. Пробыв короткое время в Ярославле и установив связь с ярославской партийной организацией, он выехал в Кострому.

С присущей ему энергией Яков Михайлович берется за выполнение ответственного поручения Северного комитета партии по налаживанию революционной работы в Костроме.

В те годы Кострома была одним из крупных текстильных центров страны. Здесь работало около 12 тысяч рабочих, тогда как все население Костромы едва насчитывало 40 тысяч. Положение рабочих в текстильной промышленности царской России было ужасающим. Заработок взрослого рабочего на костромских текстильных предприятиях, таких, как бумаготкацкая фабрика Бельгийского акционерного общества, Кашинская фабрика, Зотовская мануфактура и другие, не превышал 15 копеек в день, а женщины получали лишь до $9^1/_2$ копеек.

В 1903 году в Костроме неоднократно происходили стачки, демонстрации и выступления рабочих, доведенных варварской эксплуатацией фабрикантов и заводчиков до последнего предела. Полиция с помощью войск зверски расправлялась с рабочими, но выступления вспыхивали вновь и вновь, и ничто не могло запугать костромских текстильщиков, изнуренных непосильным трудом, вечно стоявших перед угрозой голодной смерти.

Местные власти не жалели сил для подавления нараставшей борьбы костромичан, полиция хватала и бросала в тюрьмы передовых рабочих, разгромила местную социал-демократическую организацию.

В это-то время и появился в Костроме Свердлов. Он начал с восстановления связей среди рабочих. Энер-

гично и настойчиво воссоздавал Яков Михайлович революционные кружки на костромских фабриках, заботился о получении и распространении литературы, собирал находившихся в то время в Костроме студентов-социал-демократов и готовил их к выступлениям на рабочих кружках. Он снабдил их рядом работ Ленина и настойчиво рекомендовал каждому штудировать ленинское «Развитие капитализма в России».

Начал Яков Михайлович налаживать и подпольную партийную типографию. В результате партийная организация Костромы уже к концу 1904 года вновь поднялась на ноги и заметно активизировала свою работу.

Яков Михайлович стремился воспользоваться каждой возможностью для выступления большевистских агитаторов непосредственно в рабочей массе, для разъяснения рабочим задач революционного движения. Одновременно он учил костромских большевиков превращать широкие легальные собрания, устраиваемые либералами, в пролетарские митинги.

8 декабря 1904 года местная либеральная буржуазия организовала банкет. В большом зале так называемой Московской гостиницы были расставлены накрытые столы, приготовлены закуски и ужин. За столами вместе с либералами-земцами, гласными Думы, адвокатами сидело и несколько десятков рабочих, студентов, которых пригласили организаторы банкета с целью завоевать себе популярность в народе. После робких, благонамеренных, угодных правительству речей либералов прозвучало требование дать слово представителю рабочего класса.

Как вспоминает старый большевик П. Н. Караваев, участник этого банкета, сначала выступили два социал-демократа, революционные речи которых привлекли всеобщее внимание. «Затем слово взял т. Свердлов. Яков Михайлович раскритиковал трусливое, предательское поведение буржуазных либералов, показал, что по своей классовой природе они неизбежно кончат изменой революции и что только пролетариат, поведя за собой широкие народные массы, сможет обеспечить победу над царской монархией. Живо и красочно раскрыл он перед слушавшими его рабочими, партийцами, студентами задачи пролетариата в предстоящей революции... и ярко нарисовал путь к победе — организацию всенародного вооруженного восстания... Как зачарованные

вслушивались мы в каждое слово нашего руководителя».

После речи Свердлова либеральные земцы стушевались, часть из них попросту постаралась улизнуть с банкета, часть забилась по углам, и рабочие завладели помещением, проведя собрание в революционном духе.

1905 год начался Кровавым воскресеньем 9 января. Весь мир был потрясен чудовищным преступлением царизма, по приказу которого была расстреляна многотысячная мирная демонстрация рабочих в Петербурге. После 9 января в рабочем классе России рушились последние остатки веры в царя. В крупных промышленных городах: Петербурге, Москве, Баку и других — вспыхивали стачки рабочих, переходившие в вооруженные столкновения с войсками и полицией. Руководимые Лениным большевистские газеты, сначала «Вперед», а с мая 1905 года «Пролетарий», намечали четкую программу действий, звали массы к оружию, на бой с самодержавием.

Январские события застали Свердлова в Костроме. Костромской комитет отпечатал в налаженной к тому времени подпольной типографии листовки с призывом поддержать петербургских рабочих, поднявшихся на борьбу с царизмом. За городом, в пещерах, на берегу реки Костромки, одна за другой проводились рабочие массовки. Зима была холодная, стояли лютые морозы, но рабочие шли на массовки и шли. И почти на каждой массовке выступал перед рабочими Костромы Яков Михайлович Свердлов.

Между тем нижегородские жандармы начали поиски исчезнувшего Свердлова. Перехватив одно из писем Якова Михайловича, жандармы напали на его след. Вновь, как и в Нижнем, Яков заметил слежку. Пришлось скрыться из Костромы.

В конце апреля 1905 года Яков Михайлович, перебравшись из Костромы в Ярославль, участвовал в подготовке первомайской демонстрации, но перед самым 1 мая полиция выследила его, и Свердлов скрылся из Ярославля. Примерно в это же время он побывал в Нижнем, где участвовал в нескольких митингах, организованных Сормовским комитетом РСДРП.

Своеобразны были эти сормовские митинги весны 1905 года. Проводились они преимущественно на реке. В теплые весенние дни сотни лодок, наполненных за-

водской молодежью, взрослыми, а иногда и пожилыми рабочими, бороздили воды бурно разливавшейся в весеннем половодье обычно небольшой и спокойной речки Параши. С лодок неслось треньканье балалаек, звучали баяны. Над рекой возникала революционная песня, ширилась, звала вперед, к борьбе и победе.

С одной из лодок подавался условный сигнал, и моментально другие окружали ее. Гребцы опускали весла, песня стихала, и ораторы Сормовского комитета произносили горячие, зажигательные речи. Гулянье превращалось в большевистский митинг. В случае же тревоги лодки мгновенно рассыпались в стороны, и полиция никого не могла поймать. Так начался и очередной митинг в конце апреля 1905 года, кстати подробно описанный на страницах ленинского «Пролетария».

На этот раз к митингу готовились особо тщательно. Лодки, в которых находились сормовские большевики, подошли к берегу. К ним присоединились другие, народ выходил из лодок, и на берегу образовалась тысячная толпа.

Один из активных, участников митинга, сормовский рабочий-большевик Иван Чугурин, так описывал дальнейшие события:

«Первое же слово «товарищи!», брошенное в толпу, заставило насторожиться. Голос изумительной силы прозвучал на речном просторе, как в тесной комнате, легко доходил до последнего человека, стоявшего дальше всех от оратора. Люди притихли и не сводили глаз с небольшой, но ладной, подобранной фигуры.

Говорил Свердлов. Речь задевала кровные интересы стоявших перед ним рабочих. Глубокая убежденность оратора передавалась слушателям, перед ними проходили знакомые картины рабочей нужды. Как живые, вставали перед глазами всех нас виновники позора русской армии, испытанного в войне с японцами, на полях Маньчжурии и на море, продажные царские генералы и сам царь. Становился понятным и близким призыв объединяться с рабочими Питера, Москвы, призыв идти на борьбу под большевистским знаменем.

Оратор кончил, а люди, взволнованные речью, спаянные общим чувством, не могли разойтись поодиночке и с пением двинулись в Сормово. Над толпой взметнулись знамена. Через несколько минут из переулков показались наряды конной полиции; но не страх,

а жгучая ненависть охватила рабочих, никто и не подумал бежать. Рабочие быстро стали разбирать кучи шлака, лежавшие по обочинам дороги. Женщины и дети в фартуках, в подолах подносили шлак мужчинам. Камни градом посыпались на полицейских, лошади взметнулись на дыбы и повернули назад. Полиции пришлось постыдно отступить и просить подкрепления. Один полицейский, убегая от рабочих, сбросил с себя все форменное платье и бежал в одном нижнем белье. Только новые отряды полиции и раны, нанесенные шести товарищам, заставили рабочих разойтись».

Везде, где Якову Михайловичу довелось побывать весной 1905 года, он неуклонно отстаивал ленинскую линию и позиции Комитетов большинства, вел деятельную работу по подготовке созыва III съезда партии.

III съезд РСДРП состоялся в Лондоне во второй половине апреля 1905 года. Съезд был созван по инициативе Ленина и Бюро Комитетов большинства вопреки сопротивлению меньшевиков и прошел под руководством Ленина. Это был большевистский съезд. Он рассмотрел коренные вопросы развертывавшейся в России революции и определил задачи пролетариата как вождя революции. Главной и неотложной задачей партии и российского рабочего класса III съезд признал подготовку вооруженного восстания.

Ознакомившись с решениями III съезда, выступлениями и статьями Ленина, Яков Михайлович развернул деятельнейшую работу по претворению в жизнь решений съезда и указаний Ильича. Переезжая из одного города Поволжья в другой, он везде сплачивал местных большевиков, поднимал рабочий класс Поволжья на бой с самодержавием, вел энергичную борьбу с меньшевиками. После объезда Нижнего, Ярославля, Саратова, Самары он по указанию Центрального Комитета партии обосновался в Казани.

Казань в те годы значительно отличалась от Нижнего Новгорода или Костромы. Здесь не было таких крупных заводов, как Сормовский судостроительный или текстильные предприятия Костромы, не было такой крепкой организации, как нижегородская. Более или менее значительные выступления казанских рабочих начались только после январских событий в Петербурге, но до весны 1905 года забастовки носили почти исключительно экономический характер.

Начиная с мая, а особенно в июне — июле все чаще происходили рабочие массовки за городом, летучие митинги на отдельных предприятиях города. На этих митингах и массовках наряду с экономическими звучали уже и политические требования.

Большевики начали решительно выступать против меньшевиков и примиренцев из Казанского комитета. В этот-то период и приехал в Казань Яков Михайлович Свердлов. Вместе с С. А. Лозовским, В. М. Лихачевым, Н. Н. Накоряковым и другими активными работниками казанской партийной организации Свердлов развернул энергичную борьбу за укрепление организации и изгнание меньшевиков.

Вскоре после приезда в Казань Яков Михайлович вошел в состав Казанского комитета РСДРП и играл в его деятельности самую активную роль. Яков Михайлович принимал участие в руководстве местной большевистской газетой «Рабочий» и нередко писал для газеты передовые статьи. Участвовал он и в легальной газете «Волжский листок», использовавшейся большевиками.

Перу Якова Михайловича принадлежали многие листовки и прокламации, выпускавшиеся Казанским комитетом РСДРП и пользовавшиеся большой популярностью среди рабочих. По-прежнему много внимания уделял Яков Михайлович организации марксистских кружков на предприятиях, развертыванию агитационной и пропагандистской работы среди рабочих и в войсках расположенного в Казани гарнизона. Наряду с Лихачевым и Лозовским Свердлов являлся одним из лучших агитаторов комитета РСДРП. В Казани впервые он начал выступать под именем Андрей, которое вскоре стало столь популярно среди широких трудящихся масс Урала.

«Появление Андрея на фабриках, — вспоминает старый казанский рабочий Шашахметов, — всегда приносило что-то новое, нужное для рабочих. Имя Андрей было самым любимым именем у рабочих».

Осуществляя решения III съезда партии, казанские большевики взяли курс на подготовку вооруженного восстания. Яков Михайлович уделял в это время серьезное внимание развертыванию революционной работы в войсках Казанского гарнизона. В солдатских казармах создавались партийные группы, работа с которыми ве-

лась особенно конспиративно и поручалась наиболее надежным товарищам. Не рискуя во избежание провала самому появляться в казармах и среди солдат, Яков Михайлович непосредственно руководил военной группой комитета и направлял ее работу. Он написал ряд листовок, выпускавшихся специально для солдат.

От Нижнего к Костроме, от Костромы к Ярославлю, Казани, беспрестанно в гуще рабочих масс, в передовых рядах революционных пролетариев, рос и мужал боевой ленинец — Яков Михайлович Свердлов. Как писал о нем Емельян Ярославский: «Он не мирится с работой в одном месте. Его организаторский талант увлекает его к созданию вокруг целой сети организаций, и он покрывает Поволжье такой сетью партийных организаций, кружков, районных и подрайонных комитетов, подбирает людей, рассылает их повсюду в качестве организаторов и агитаторов, организует распространение нелегальной литературы, выполняет колоссальную организационную работу по созданию нашей партии. Вот почему Центральный Комитет в 1905 году посылает его уже в качестве уполномоченного на Урал».

Владимир Ильич Ленин серьезное внимание уделял Уралу. Он стремился ускорить объединение разрозненных социал-демократических организаций Урала, превратить Урал в цитадель большевизма. Осуществление этих задач было возложено на уральских большевиков, сплотить и организовать которых должен был Яков Свердлов. Так появился у нас на Урале товарищ Андрей.

Яков Михайлович Свердлов с честью осуществил ленинские предначертания, внес неоценимый вклад в развитие революционного движения на Урале, но и сам многому научился в боевых рядах уральского пролетариата. Среди передовых рабочих, среди большевиков Урала, на большой самостоятельной работе с новой силой развернулся его замечательный талант, выдвинувший его в первые ряды выдающихся деятелей нашей славной большевистской партии.

Глава третья

В ТЮРЬМЕ И НА ВОЛЕ

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Перешагнув 10 июля 1905 года порог тюремной камеры, Яков Михайлович прекрасно сознавал, что на этот раз тюремные двери захлопнулись за ним прочно и надолго. Он понимал, что отсутствие прямых улик не помешает жандармам держать его за решеткой, царским прокурорам — обвинить, а суду — осудить на длительный срок.

Вещественных доказательств «противоправительственной деятельности» Свердлова первое время у следователей действительно не было. Взят он был с чужим паспортом. Его настоящая фамилия жандармам в момент ареста известна не была, все документы, которые могли бы его серьезно скомпрометировать, он успел уничтожить, и почти ничего, кроме незначительных заметок, у него при аресте не обнаружили. Но какую это играло роль? Охранка знала, кого она схватила. Наконец-то в ее руках оказался «Михалыч», неуловимый товарищ Андрей, за которым так долго и безуспешно она гонялась.

Аресты между тем продолжались. Вскоре была разгромлена подпольная типография и арестованы Миша Туркин и Шура Костарева. Попалась Клаша Кирсанова. Были арестованы многие боевики и изъят склад оружия, выданный провокатором Вотиновым.

Тридцать шесть человек было привлечено по делу о «преступном сообществе», которое, как говорилось в обвинительном акте, «именуя себя Пермским комитетом РСДРП, заведомо для них, в видах установления в России социалистического строя, поставило целью

своей деятельности достижение, посредством возбуждения народных масс, государственного переворота — низвержение монархии и утверждение демократической республики». Большинству арестованных было по 22—23 года, самому старшему — около 30, а Шуре Костаревой — всего 17 лет. Якову Михайловичу за неделю до ареста исполнился 21 год.

Естественно, что при захвате стольких товарищей, типографии, боевой техники в руки следствия в конце концов попали кое-какие документы. В частности, при обыске в типографии были обнаружены текст прокламации и денежный отчет Пермского комитета за май месяц, написанные рукой Свердлова. Эти документы не имели подписи, но графическая экспертиза установила, кто являлся их автором.

Всего этого было недостаточно, чтобы предъявить Свердлову обвинение в том, что он являлся руководителем уральской партийной организации, показаний же о нашей работе, о роли того или иного товарища никто из арестованных не давал. Мы, большевики, вообще никогда не давали на следствии показаний о том, что могло бы раскрыть содержание и методы подпольной работы; тот, кто малодушничал и начинал на допросах признаваться, рассказывать о подполье, немедленно и навсегда с позором изгонялся из рядов большевистской партии.

Однако и без наших показаний жандармы знали, какое место занимал Андрей среди уральских большевиков, а это было главным.

Следствие по делу Пермского комитета РСДРП тянулось около полутора лет. Нас перебрасывали из камеры в камеру, из тюрьмы в тюрьму, а конца следствию все не было видно.

Суд состоялся только осенью 1907 года. Все обвиняемые были осуждены на различные сроки. Яков Михайлович был приговорен к двум годам крепости без зачета полутора лет предварительного заключения. Получилось три с половиной года. Меня приговорили к одному году крепости. Таким образом, я просидела в тюрьме два с половиной года. И все же нам повезло. Это был последний процесс над большевиками с таким «мягким» приговором. На всех последующих процессах уже приговаривали к каторжным работам либо на более длительные сроки тюремного заключения.

Крепость считалась наиболее суровой формой тюремного заключения. К крепости приговаривали тех, кого царский суд считал особо опасными врагами самодержавия.

Осуждение в крепость предполагало почти полную изоляцию: крепостники должны были содержаться в одиночках. На Урале крепость отбывали либо в пермской, либо в екатеринбургской тюрьмах, но так как и та и другая тюрьмы были в те годы вечно переполнены, крепостников содержали в общих камерах, и строгой изоляции не получалось.

Арестованных по делу Пермского комитета, в том числе Якова Михайловича и меня, содержали сначала в пермской тюрьме, а затем разбросали по разным тюрьмам Урала. В конце 1906 года ряд товарищей, среди них и Свердлов, был переведен в Николаевское исправительное арестантское отделение, так называемые Николаевские полуротки, расположенные далеко от больших городов, в Нижней Туре.

О Николаевских полуротках издавна ходили по Уралу самые жуткие слухи. Одно упоминание Николаевских полуроток вызывало ужас. Здесь зверски избивали арестованных, подвергали их жестоким пыткам, обливали зимой, в уральские морозы, во дворе водой, пока человек не превращался в глыбу льда.

Не раз заключенные екатеринбургской и пермской тюрем голодали, требуя, чтобы прокурорский надзор поехал в Николаевку, на месте проверил факты зверской расправы с арестованными и добился ее прекращения. Все было тщетно.

В этот кошмарный царский застенок привезли Якова Михайловича, его сопроцессников по Пермскому комитету и ряд других товарищей.

В Николаевке Якова Михайловича сразу же поместили в одиночку — крепость так крепость! Однако политические заключенные избрали его старостой, и это дало ему возможность общаться с товарищами. Пользуясь правами старосты, Яков Михайлович обходил камеры, заботился о питании, доставал книги, ухаживал за больными.

Около года просидел Яков Михайлович в Николаевских полуротах, и только после суда, осенью 1907 года, его перевели в екатеринбургскую тюрьму, где в общих, всегда перенаселенных камерах он и отбывал кре-

пость. В ту же тюрьму еще раньше поместили и меня.

После Николаевки в екатеринбургской тюрьме крепостники вздохнули свободно, но и там было нелегко. Наступление реакции чувствовалось в тюрьме, быть может, еще сильнее, чем на воле.

«Мне довелось, — писал старый большевик-уралец, крупный партийный и советский работник А. Х. Митрофанов, — наблюдать Я. М. Свердлова в екатеринбургской тюрьме в 1908 году.

Нечеловечески ужасные условия сидения в тюрьме, в плену у нагло торжествовавшего победителя — самодержавия, когда приходилось пить чай десяти человекам с одним куском сахару и делиться одной козьей ножкой чуть ли не всей камере в 30 человек, когда из-за стен тюрьмы то и дело получались вести о чудовищных провокациях, а на заднем дворе тюрьмы почти каждую неделю кого-нибудь вешали или избивали, — естественно, создавали у малодушных такой упадок и отчаяние, что люди начинали опускаться, ссориться между собою, нервничать. Только Яков Михайлович всегда, даже в пустяках, оказывался на целую голову выше других. Он был неизменно весел; ко всем невзгодам относился легко и просто, с оттенком иронии. Ровный и спокойный, он был точно выкован из какого-то плотного, но упругого материала».

Борьба, говорил Яков Михайлович, продолжается и в тюрьме. Безделье, хандра, нытье на руку тюремщикам, они означают их победу над нами. Если тюремщики сломили дух революционера, они победили. Деятельность, живая и напряженная деятельность в камере, на тюремном дворе, в минуты прогулок, бодрость и собранность — наша победа и поражение наших врагов. Пока дух революционера не сломлен — революционер победитель в жестоком поединке с тюремщиками.

Своей верой в победу, бодростью и жизнерадостностью Свердлов и в заключении заражал всех вокруг себя.

Очутившись за тюремной решеткой, Яков Михайлович сразу же наладил связь с волей, хотя ему это было особенно нелегко. Сам он ни свиданий, ни передач с воли не имел. Отец, братья и сестры были далеко. Регулярной связи с ними после отъезда Якова Михайло-

вича из Нижнего Новгорода не было. Мать давно умерла. Только один раз, весной 1907 года, побывала у него в Николаевке младшая сестра. Никому же иному, кроме ближайших родственников, свиданий не разрешали.

Будучи арестована одновременно с Яковом Михайловичем и заключена в ту же пермскую тюрьму, что и он, я поддерживала с ним связь, но связь эта была случайной и малонадежной: иногда мне удавалось крикнуть ему через форточку несколько слов, когда его выводили в тюремный двор на прогулку, иногда он кричал мне две-три фразы, да изредка нам удавалось обменяться записками.

За два с лишним года пребывания в одних и тех же тюрьмах всего несколько раз тюремная администрация, отдавая дань либерализму, разрешила нам с Яковом Михайловичем свидания. Но как коротки, как мимолетны были эти свидания! Никогда с глазу на глаз, всегда при тюремщиках, лишенные возможности сказать друг другу и сотую долю того, что так хотелось, так необходимо было сказать, — таковы были эти свидания.

Многие из товарищей, особенно из местных, находились в лучшем положении, чем Яков Михайлович. Они регулярно получали передачи, изредка имели свидания с родными, и эти свидания использовались для связи с волей. Десятки способов существовали для передачи на волю записки, для получения ответа. Записки тщательно прятались в ловко сделанной посуде с двойным дном, в хлебе или переплете книг, которые разрешалось тогда передавать заключенным, в так называемых туесах — уральской посуде из березовой коры. В ней родственники передавали заключенным молоко или квас.

Кроме того, иногда удавалось подкупать и использовать для связи и кое-кого из младших надзирателей, многим из которых жилось несладко, так как их заработок был невелик. Случались среди тюремных служащих и такие, что в глубине души сочувствовали «политикам» и, если представлялась возможность, отваживались исполнять отдельные поручения политических заключенных.

Мне навсегда запомнилась чудесная фельдшерица пермской тюрьмы, имя и фамилия которой, к сожалению, стерлись из памяти. Эта скромная интеллигентная

женщина лет тридцати—тридцати пяти относилась к нам, арестованным большевикам, с искренней, глубокой симпатией. Я познакомилась с ней случайно, попав однажды на медицинский осмотр. Сразу же она произвела на меня хорошее впечатление, и я решила попытаться с ней сблизиться. Я начала усиленно жаловаться на большую слабость и малокровие и добилась разрешения ходить на уколы мышьяка. В тюремную амбулаторию меня отводили надзиратели, но во время укола я оставалась несколько минут с фельдшерицей с глазу на глаз, а это-то мне и было нужно.

Мы быстро нашли с ней общий язык, и вскоре сама фельдшерица заявила начальству, что мышьяк мне крайне необходим. По ее предписанию мне был назначен курс в 90 уколов вместо обычных 30, и я добросовестно прошла весь курс, хотя уколы были довольно болезненны.

Раз от разу мы говорили с милой фельдшерицей все откровеннее. Она многого не понимала, слабо разбиралась в политике, но искренне возмущалась произволом и несправедливостью властей, восхищалась мужественным поведением большевиков, попавших в царский застенок, преклонялась перед их стойкостью и благородством. Ей-то на многое довелось посмотреть. Она видела последствия жестоких избиений и пыток, ей приходилось приводить в сознание и перевязывать раны подвергнутых истязаниям революционеров, спокойно и гордо переносивших побои и надругательства

Постепенно мне удалось ее сагитировать. Она дала согласие передать на волю записку и принести ответ. Понимая, что ее ожидает, если раскроется ее связь с большевиками, она смело и скромно взяла на себя исполнение сначала одного поручения, а затем стала превосходной связной между заключенными и товарищами, работавшими на воле. Нередко ее услугами пользовался и Яков Михайлович и еще кое-кто из товарищей. Но мы никогда не злоупотребляли готовностью нашей фельдшерицы помочь нам, оберегали ее от провала и давали ей только наиболее серьезные поручения.

По мере того как налаживалась и крепла связь с волей, Яков Михайлович постоянно, пользуясь каждой возможностью, передавал товарищам советы и указания. На волю пересылались резолюции, принимавшиеся заключенными-большевиками, принципиальные установ-

ки по ряду вопросов, составленные в тюрьме тексты прокламаций. Выходящим из тюрьмы Свердлов говорил, с кем и как следует держать связь, как развертывать партийную работу.

Однако тюрьма оставалась тюрьмой, а неукротимый Свердлов всей душой рвался на свободу, в гущу борьбы. Он беспрестанно помышлял о побеге, и в его изобретательном уме рождалось множество планов, один смелее другого. Несмотря на всю дерзновенность замыслов, планы эти были вполне реальны. Во исполнение каждого из них предпринимались конкретные шаги, и только нелепые случайности не дали осуществиться ни одному из них.

В первый же день пребывания в пермской тюрьме на прогулке Свердлов с кошачьей ловкостью взобрался на плечи самого рослого из заключенных (это был тульский рабочий Иванов по кличке «Потап») и стал измерять высоту тюремной стены.

В голове Якова Михайловича уже зрел план побега. В пермской тюрьме арестованные гуляли тогда сравнительно большими группами, что он и решил использовать. Затевая игры, Яков Михайлович разбил товарищей по росту и физическим данным на несколько групп. Самые рослые и сильные становились вниз. Им на плечи взбирались те, кто поменьше ростом и полегче. К этим, в свою очередь, садились на плечи еще более легкие — и сооружался «слон», в четыре-пять этажей.

Вся эта шумная возня проводилась, как обычная игра, но «слон» постепенно оживал, становился все выше и подвижнее. Постоянные тренировки шли, как видно, на пользу этому неуклюжему животному. Только перевод группы товарищей в другую тюрьму и общее ухудшение тюремного режима помешали испытать боевые качества «слона» на практике. А план был таков: на волю передать сведения о сроке побега. В условленное время возле тюрьмы должны были дежурить товарищи с лошадьми. Гуляя по двору, «слон» подойдет к стене, на вершине его в этот момент будут находиться те, кто должен бежать (не все, конечно, могли убежать одновременно), они взберутся на стену и огородами побегут к лошадям. Побег приурочивался к тому дню, когда тюрьму со стороны огородов должен был охранять часовой, завербованный организацией. Для отвода глаз он открыл бы стрельбу в воздух.

Одновременно разрабатывался и другой план побега на случай провала первого. Суть этого плана сводилась к следующему. Камера, где содержался Свердлов, находилась во втором этаже тюремного корпуса. Заключенные намеревались перепилить оконную решетку и ночью спуститься на простынях вниз.

По просьбе Якова Михайловича рабочие Мотовилихи — большевики — изготовили специальные тонкие стальные пилки и в одной из передач переправили их в тюрьму. Заключенные приступили к подпиливанию решеток. И опять все сорвалось, на сей раз из-за перевода самого Якова Михайловича в Николаевские полуроты.

Так один за другим рушились планы побега. С переводом же в Николаевские полуроты от мысли о побеге пришлось вообще на время отказаться. Слишком суров был режим в Николаевке, слишком хорошо организована охрана, да и партийная организация в Нижней Туре была слаба, малочисленна, и рассчитывать на ее помощь не приходилось.

Убедившись, что в ближайшее время о побеге нечего и думать, Яков Михайлович с еще большей энергией берется за организацию учебы товарищей, настойчиво и упорно работает над вопросами революционной теории сам. Он много читает, делает бесконечные выписки, набрасывает конспекты собственных статей.

Вот одна из тетрадей с записями Якова Михайловича, которые он вел, сидя в екатеринбургской тюрьме. В ней конспекты работ Ленина: «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад». Здесь же законспектированы произведения Каутского, Плеханова, Меринга.

В этой тетради выписки из книг Поля Луи «Будущее социализма», Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика тред-юнионизма», Шарля Жида «Кооперация», В. Клярка «Рабочее движение в Австралии», Рожкова «Экономическое развитие России в первой половине XIX века», Вернера Зомбарта «Современный капитализм».

Ряд работ — такие, как «Что делать?» Ленина, как «Капитал», переписка Маркса и Энгельса, — Яков Михайлович перечитывал в тюрьме в третий, четвертый, пятый раз, вновь делал выписки и вновь конспектировал. Принадлежавший ему лично экземпляр «Капита-

ла», весь испещренный его пометками и замечаниями, Яков Михайлович ухитрился пронести по всем тюрьмам, куда его бросало царское самодержавие.

Товарищи, находившиеся в одной камере со Свердловым, поражались его работоспособности. Ему не хватало отведенных на занятия восьми часов, не хватало дня. Очень часто он продолжал работать по ночам, пользуясь тишиной, водворявшейся в камере, когда все засыпали.

Меня рассказы о феноменальной работоспособности Якова Михайловича не удивляли, я к ней привыкла. Еще в Екатеринбурге, в первые месяцы совместной жизни, я постоянно наблюдала, как, придя поздним вечером домой с утомительного собрания, он садился за книгу. Не знаю, было ли то врожденным свойством организма или длительной тренировкой добился Свердлов таких результатов, но, как правило, больше пяти часов в сутки он не спал, утверждая, что и этого ему вполне достаточно.

Яков Михайлович Свердлов был как-то невероятно жаден к жизни, именно жаден. Каждый час, каждую минуту он стремился прожить как можно полней, насыщенней, страшно не любил тратить времени зря, попусту. Он никогда не горел вполнакала, в любое дело — работу, учебу, даже в игры и развлечения, когда доходил до них черед, — вкладывал всего себя целиком, всю свою душу.

«Хорошо... жить на свете! — писал Свердлов из тюрьмы друзьям. — Жизнь так многообразна, так интересна, глубока, что нет возможности исчерпать ее. При самой высшей интенсивности переживаний можно схватить лишь небольшую частицу. И надо стремиться к тому, чтобы эта частица была возможно большей, интересной...»

ТЮРЕМНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В какой бы тюрьме Яков Михайлович ни находился, будь то в Перми, Николаевских полуротах или Екатеринбурге, вопросам учебы, делу подготовки квалифицированных кадров партийных организаторов, агитаторов, пропагандистов из числа рабочих, которых немало сидело в те годы в тюрьмах Урала, он уделял первосте-

ценное внимание, превращая любую тюрьму в своеобразный партийный университет. Учились все, с кем соприкасался Свердлов, учились серьезно, систематически, чередуя занятия общеобразовательными предметами с глубоким изучением революционной теории.

Как и в нижегородской тюрьме, Яков Михайлович, учитывая подготовку каждого из сидевших с ним товарищей, составлял список литературы, которую тот должен был читать, и указывал последовательность чтения. Он же обеспечивал товарищей и необходимой литературой. С этой целью Яков Михайлович требовал от каждого большевика, находившегося в тюрьме и имевшего свидания с родными, чтобы он заказывал на волю определенные книги. Таким образом создавался необходимый книжный фонд, включавший в себя труды по политэкономии, истории международного рабочего движения, философии, а также и беллетристику.

В пермской, а затем екатеринбургской тюрьмах работало несколько постоянных кружков, занятиями которых руководили наиболее опытные пропагандисты-большевики из числа заключенных.

В камерах регулярно читались лекции по теоретическим вопросам и по текущей политике. Популярным лектором был Яков Михайлович. В пермской тюрьме, когда Свердлов находился там, устраивались и «публичные» лекции, и уже тут никто не мог потягаться с Яковом Михайловичем. Проводились они так: во время прогулки в тюремном дворе заключенные становились вокруг Якова Михайловича, и он своим громовым голосом читал лекцию. Не только заключенные мужских корпусов, но и мы, сидевшие в женском корпусе, слушали лекции товарища Андрея. В эти часы все становились у решеток, стремясь не пропустить ни одного слова лектора. Во всех камерах воцарялась тишина, замолкали и слушали даже уголовники.

Тюремная администрация стремилась тогда, во втором полугодии 1906 года, избегать излишних столкновений с политическими заключенными. Чувствовались еще остатки конституционных «свобод».

Лекции и доклады по животрепещущим вопросам текущей политики и тактики партии подвергались всестороннему и страстному обсуждению. По камерам принимались резолюции и посредством тюремной почты передавались по всей тюрьме. Ожесточенные споры вы-

звал в екатеринбургской тюрьме V съезд партии. Долго и бурно мы обсуждали решения съезда, доходя чуть не до форменных драк с меньшевиками.

V съезд РСДРП состоялся в мае 1907 года в Лондоне. В отличие от IV съезда на V съезде большевики были в большинстве. По всем основным вопросам съезд принял большевистские резолюции. Главным на съезде был вопрос об отношении к буржуазным партиям, с докладом по которому выступал В. И. Ленин, и съезд дал решительный отпор меньшевикам, предлагавшим блокироваться с либерально-монархической партией кадетов.

Учитывая ненадежность избранного съездом ЦК, в состав которого вошли представители различных течений, большевики создали во время съезда Большевистский центр во главе с Лениным.

Помимо меньшевиков, с которыми мы вели отчаянную борьбу буквально по всем вопросам, обсуждавшимся на съезде, постоянно приходилось воевать и с эсерами и анархистами, которых тоже немало сидело в тюрьме. Как правило, большевики разбивали всех своих противников наголову. Оно и неудивительно. Не местным меньшевикам или эсерам было тягаться с Яковом Михайловичем, Александром Соколовым и другими товарищами, особенно когда речь шла о теоретических вопросах, да к тому же большевики значительно превосходили их в организованности. В то время как меньшевики действовали кто во что горазд, выступлениям большевиков Яков Михайлович придавал стройную, организованную форму. Перед каждым диспутом он намечал, кто из большевиков по каким вопросам, в какой последовательности будет выступать, помогал составлять конспекты выступлений, а в нужный момент вмешивался сам и разбивал незадачливых противников в пух и прах. Чаще всего предметом диспутов были тактика партии, организационные принципы и аграрный вопрос.

Диспуты помогали вскрыть ошибочность меньшевистских разглагольствований, разоблачали лакейство меньшевиков перед либеральной буржуазией, вырывали из-под их влияния рабочую молодежь. Велись диспуты и споры как в камерах, так и между камерами. Для последних использовались прогулки, на которые выводили несколько камер одновременно, а также и глазки в дверях камер. Нередко вечерами заключенные собирались

у глазков, и начиналась самая ожесточенная перепалка. Такие словесные битвы чаще всего проводились в том коридоре, где находилась камера Якова Михайловича. Он был организатором и неизменным председателем этих своеобразных диспутов.

В пермской тюрьме Яков Михайлович ухитрялся руководить занятиями не только у себя в камере, но и почти по всей тюрьме. Я выполняла его поручения по женскому корпусу. И для нас он составлял планы занятий, давал советы и указания, разъяснял не вполне ясные нам вопросы. Связывались мы с ним главным образом во время прогулок, пользуясь тем, что окна уборной нашего корпуса выходили на тюремный двор, где гуляли заключенные.

Двор пермской тюрьмы был разделен несколькими высокими стенами на ряд отсеков. В центре двора, где сходились все стены, была сооружена вышка, и там постоянно дежурил часовой, наблюдавший сразу за всем двором.

В те дни, когда Яков Михайлович гулял в «нашей» части двора, то есть в том отсеке, куда выходило окно нашей уборной, я проходила с группой товарок по камере в уборную и, улучив момент, когда часовой поворачивался ко мне спиной, бросала Якову Михайловичу записку через решетку. К следующей прогулке он подготовлял ответ и таким же путем переправлял его мне.

Конечно, это был не идеальный способ связи. Действовать надо было крайне осторожно, ни на минуту не спуская глаз с часового, который в любое мгновение мог повернуться и накрыть нас на месте преступления, что иногда и случалось. Ну что ж? Пойман — отвечай! Приходилось подвергаться административному наказанию — лишению очередного свидания с родственниками или передачи, а то даже и отсидеть несколько суток в карцере. Только все это не очень-то нас страшило.

Большую радость всем нам доставили оказавшиеся в наших руках протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП. Эту книжку, как и ряд других запретных изданий, удалось пронести в камеру мне, а уж затем, разорвав ее на отдельные тетради, переправить Якову Михайловичу,

Вообще «добыча» нелегальных и запретных изданий стала во время пребывания в екатеринбургской тюрьме моей специальностью. Согласно установленному в ека-

теринбургской тюрьме порядку все передачи — книги, одежда, продукты — не вручались непосредственно заключенным, а отправлялись в канцелярию тюрьмы. В канцелярии постоянно находился дежурный помощник начальника тюрьмы. Он вызывал к себе по двое-трое заключенных, находившихся в одной камере и одновременно получивших передачу, просматривал содержимое и вручал передачу тому, кому она предназначалась. Само собой разумеется, что все подозрительные предметы и запрещенные книги он задерживал. Важно было знать заранее, что будет в передаче, и интересующую нас вещь взять до того, как дежурный обратит на нее внимание.

Первая часть задачи решалась легко. Мы на свиданиях узнавали, что такого-то числа будет передано нечто интересное. Вторая часть была несколько сложнее. Она-то и возлагалась на меня.

Изучив нрав, привычки, повадки всех дежуривших в канцелярии помощников начальника, я знала, кого и чем легче всего отвлечь.

Когда мы входили в канцелярию, моя спутница начинала вовсю трещать и втягивала дежурного в разговор. Поступившие с воли вещи лежали на столе. Пока сокамерница любезничала с дежурным, я осматривала стол, нацеливалась на то, что меня интересовало, и, улучив момент, незаметно брала нужную вещь, прятала ее под платок и за пазуху. С этой целью я постоянно носила накинутый на голову большой платок, концы которого спускались мне на плечи и на руки. К этому моему платку привыкли все надзиратели и администрация тюрьмы.

Так как вещи полагалось просматривать при нас, дежурный до нашего прихода их не разбирал, свалены они были на столе кучей, и он не мог обнаружить, что мы без его ведома прихватывали с собой кое-что, не прошедшее осмотра. Таким путем я «получила» ряд книг, «добывала» пузырьки с чернилами, чистую бумагу, карандаши — одним словом, то, в чем мы особо нуждались. Таким же путем я получила и протоколы конференций боевых организаций, которые передала Якову Михайловичу.

С конца 1908 года, уже находясь в екатеринбургской тюрьме, Яков Михайлович все больше внимания стал уделять изучению философских проблем. Большевики,

сидевшие в тюрьмах, следили по мере возможности за событиями общественно-политической жизни и знали, как распоясывается в стране реакция. Наступление реакции шло по всем линиям, в том числе и на идеологическом фронте. Буржуазные ученые, писатели, журналисты, вовсю «опровергали» и оплевывали марксизм, его философские основы. Особо усердствовали бывшие попутчики революции из рядов буржуазной интеллигенции, поносившие теперь революцию на все лады.

Идейное разложение захватило и кое-кого из партийных интеллигентов, считавших себя марксистами. Литераторы-меньшевики вроде Валентинова, Юшкевича и кое-кто из интеллигентов, находившихся одно время в рядах большевиков, такие, как Богданов, Базаров, предприняли попытки ревизии философских основ марксизма, пошли в прямую атаку на коренные положения марксистской философии, скатились на идеалистические позиции. Луначарский дошел в своих заблуждениях до того, что выдвинул требование соединить марксизм с религией. Тех, кто пытался придать научному социализму религиозный характер, наименовали «богостроителями».

В 1908 году Якову Михайловичу передали с воли сборник статей Богданова, Базарова, Луначарского и К° «Очерки по философии марксизма». Не все большевики обладали достаточными теоретическими познаниями, чтобы сразу разобраться во всех хитросплетениях «богостроителей». Еще труднее было разобраться в них тем, кто томился в заключении и не имел под руками необходимой литературы. Но основное мы поняли, даже находясь в тюрьме: рассуждения «богостроителей» вредны, они засоряют мозги передовым рабочим, сбивают их с революционного пути. С идеями, которые проповедуют «богостроители», надо бороться, бороться самым беспощадным образом.

И мы начали эту борьбу. Опять Яков Михайлович организовывал по камерам широкие диспуты, опять проводились беседы, и наиболее подкованные большевики давали решительный бой немногочисленным сторонникам «богостроителей». Но хотя мы, как правило, и одерживали верх, часто кое-кому из нас не хватало глубоких знаний. Положение в корне изменилось летом 1909 года, когда я была уже на свободе. Большевики, сидевшие в екатеринбургской тюрьме, получили с воли

«Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Это была энциклопедия марксистской философии, гениальный труд, который дал в руки большевикам могучее оружие в борьбе с противниками марксизма.

Книга эта имела для уральских большевиков особую, ни с чем не сравнимую ценность. Она была прислана лично Лениным И. А. Теодоровичу, сидевшему вместе с Яковом Михайловичем. В тюрьму книга передавалась в расшитом виде, отдельными тетрадями, и тюремная администрация, ровно ничего не поняв по своему невежеству в мудрой ленинской работе, беспрепятственно пропустила ее в камеру.

Яков Михайлович читал и перечитывал «Материализм и эмпириокритицизм» без конца. В ленинском труде он находил исчерпывающий ответ на наиболее сложные вопросы философии, убедительные аргументы для споров с противниками марксизма.

●

Царская тюрьма являлась школой революционной борьбы не только потому, что большевики широко развертывали там учебу (еще бы, времени-то было хоть отбавляй!), но и сам тюремный быт, постоянная жизнь в коллективе, плечом к плечу с товарищами, беспрестанные стычки и бои с тюремной администрацией закаляли волю, воспитывали стойкость и мужество. А борьба с тюремной администрацией велась суровая, тяжелая, упорная.

Начиная с лета 1907 года режим в тюрьмах царской России становился день ото дня жестче и жестче. От былого либерализма тюремной администрации не осталось и следа. Чуть что — заключенных подвергали строжайшим наказаниям, взыскивая за каждую мелочь, каждый пустяк. Сократилась продолжительность свиданий и прогулок, усилилась изоляция арестованных друг от друга. Прошло то время, когда на прогулку одновременно выводили заключенных нескольких камер, когда двери камер днем стояли открытыми. Значительно ухудшилось питание, ввели ограничения на денежные, вещевые и продуктовые передачи. Но чем строже становился тюремный режим, тем решительнее боролись заключенные-большевики с произволом и самоуправством тюремной администрации, нередко выходя победителями в этой неравной борьбе.

Конфликты возникали из-за грубого обращения тюремщиков, из-за оскорблений и издевательств, которым постоянно подвергали заключенных, из-за отказа предоставить медицинскую помощь заболевшему товарищу, запрещения пользоваться имевшимися у арестованных деньгами. Да мало ли было поводов для столкновений с тюремной администрацией!

Яков Михайлович неизменно был одним из застрельщиков и организаторов борьбы заключенных с тюремной администрацией, а способов этой борьбы было немало, начиная от подачи коллективных требований и протестов и вызова в камеру прокурора до голодовки.

Редкая выдержка и самообладание Якова Михайловича, его умение сохранять собственное достоинство при любых обстоятельствах заставляли тюремную администрацию считаться с ним, как мало с кем из арестованных. Он умел так одернуть любого тюремщика, что они редко рисковали повышать на него голос, не оскорбляли его, как это постоянно бывало с менее решительными товарищами.

Свердлов никогда не вступал в конфликты с тюремным начальством из-за мелочей, а уж если повод был серьезен и борьба начиналась, то вел ее со всей решительностью, не останавливаясь ни перед чем. Это знала и поэтому побаивалась его тюремная администрация, знали и за это особенно уважали его товарищи по заключению. Товарищи постоянно избирали Якова Михайловича своим старостой, что давало ему известные права, в частности, возможность посещать различные камеры и общаться с заключенными, которых он, как староста, представлял.

Институт старост, если можно так выразиться, был введен явочным порядком и существовал в большинстве царских тюрем, во всяком случае, во всех тюрьмах, в которых мне доводилось сидеть.

В обязанности старосты входило ведение переговоров с тюремной администрацией по тем или иным бытовым нуждам заключенных, сбор у заключенных заявок на продукты, которые администрация закупала на деньги арестованных, хранившиеся в тюремной конторе, и т. д. Благодаря наличию старост администрации приходилось иметь дело по бытовым вопросам не со всеми заключенными, а лишь с несколькими их представителями, что ее вполне устраивало.

Насколько успешно отстаивал Я. М. Свердлов интересы заключенных, рассказывает старый большевик Н. Давыдов, сидевший с Яковом Михайловичем в екатеринбургской тюрьме. «Условия существования, — вспоминает Давыдов, — были невыносимыми. Мы подняли бунт. Вызвав начальника тюрьмы, попросили зайти в нашу камеру старосту политзаключенных. Это был Яков Михайлович Свердлов, товарищ Андрей.

Пришел начальник тюрьмы.

Товарищ Андрей категорически потребовал от тюремной администрации улучшения нашего положения, выдачи матрацев, подушек и смены нашего «обмундирования». Надобно было видеть, каким тоном разговаривал он с начальником. Его требования были решительны и категоричны и подтверждены угрозой вызова прокурора для расследования издевательств, творимых над политзаключенными.

На другой день нам выдали соломенные тюфяки, подушки и новые, неношеные бушлаты, брюки, шапки».

Не всегда протесты достигали цели и давали результат, и если повод был серьезен, то начиналась голодовка. Голодовка была крайним средством борьбы заключенных. Администрация боялась голодовок, так как сведения о них проникали в печать, либеральная пресса могла поднять шум, а это грозило неприятностями. Но вся тяжесть голодовок ложилась на заключенных — по нескольку суток они оставались без пищи.

За время пребывания в уральских тюрьмах Якову Михайловичу неоднократно приходилось участвовать в голодовках, и, несмотря на слабое здоровье, он никогда не сдавался, держался сам, подбадривал товарищей, пока требования заключенных не удовлетворялись.

Однажды, в 1908 году, в екатеринбургской тюрьме Свердлов с группой товарищей голодали девять дней, но своего добились. Товарищи говорили про него, что он даже голодал организованно: перетягивал живот полотенцем, старался без нужды не двигаться и экономить силы.

Зато в часы тюремного досуга не было такого весельчака, такого организатора игр и развлечений, как Яков Михайлович.

Излюбленными играми во время тюремных прогулок были лапта, разные игры в мяч. Мяч для лапты делали обычно из тряпки, которую набивали собственными во-

лосами. Для этого кое-кому из товарищей приходилось распрощаться со своей шевелюрой.

Страстно любил Яков Михайлович хоровое пение, хотя певец он был плохой. При мощном голосе он поражал полным отсутствием слуха и врал безбожно. Однако он так усердствовал, так старался попасть в тон поющим, что стал делать некоторые успехи, и однажды, заслужив похвалу товарищей, заявил: «Ничего. Скоро я начну принимать участие в пении с решающим голосом!»

Во время пребывания в екатеринбургской тюрьме Яков Михайлович и сидевшие с ним в камере № 7 товарищи образовали коммуну, жизненный уклад которой определялся особой «конституцией».

Согласно «конституции» все съестное, полученное с воли, независимо от того, кому была предназначена передача, шло в общий котел.

С питанием было в то время вообще скверно. Еды не хватало. Зачастую кусок сахара, кусок непропеченного, сырого, отвратительного по вкусу тюремного хлеба делили на мелкие доли, чтобы досталось каждому, и все же ложились спать с пустыми желудками. Благодаря принятому в коммуне распределению передач заключенные, сидевшие в седьмой камере, питались лучше, чем в других камерах, где зачастую одни ели чуть не до отвала, а другие голодали.

Заключенные седьмой камеры добились разрешения кипятить вечером чайник и благодаря этому имели перед сном дополнительный чай, тогда как другие по вечерам ничего не получали. А как была дорога эта лишняя кружка горячего чая!

Стремясь хоть чем-нибудь облегчить положение товарищей, сидевших в соседней камере, обитатели камеры № 7 просверлили стену, в отверстие вложили жестяную трубку и каждый вечер переливали по ней чай в кружки соседей.

Во время этой «операции» в той и другой камере у глазков стояли специальные дежурные, заслонявшие от надзирателей тех, кто наливал чай. Днем отверстия в обеих камерах закрывались искусно сделанными из хлеба пробками, так что обнаружить их даже при самом тщательном осмотре было почти невозможно.

«Конституция» предусматривала и распорядок дня в камере, строго регламентируя время учебы, отдыха и

сна. В часы занятий никто не имел права шуметь, вести праздные разговоры, отвлекать товарищей. Так шла жизнь в екатеринбургской тюрьме, шло время, настала осень 1909 года, а с ней и конец тюремному заключению Якова Михайловича Свердлова. Три с половиной года остались позади.

МОСКВА

За годы тюремной жизни Яков Михайлович возмужал, значительно обогатил свои теоретические познания, повысил мастерство профессионального революционера. В сентябре 1909 года Яков Михайлович вышел на волю, чтобы сразу же, не теряя ни дня, ринуться в самую гущу борьбы.

Обстановка в стране и в партии за то время, что Яков Михайлович находился в заключении, неузнаваемо изменилась.

Партия подверглась жестокому полицейскому разгрому. Были обезглавлены почти все местные комитеты. Рабочая печать была задушена. Условия работы в подполье были куда тяжелее, чем в предреволюционные годы.

Поражение революции привело к полной деморализации меньшевиков, все громче звавших рабочий класс к соглашению с буржуазией. Меньшевики встали на путь ликвидаторства, открыто требуя ликвидации нелегальных партийных организаций и полного прекращения нелегальной революционной работы.

Троцкий и троцкисты болтались на центристских позициях, звали к примирению с ликвидаторами, играя им на руку.

Проявил шатания и кое-кто из большевиков, потребовав отказа от использования легальных возможностей, отзыва социал-демократов из Государственной думы. Таких называли отзовистами.

Появились в партии и примиренцы, прежде всего Зиновьев с Каменевым, действовавшие заодно с Троцким и заигрывавшие с ним за спиной Ленина, тайком.

Только беспощадная борьба с оппортунизмом, откуда бы он ни исходил и в какие бы одежды ни рядился, могла вывести партию из временного кризиса и поставить ее во главе народных масс в грядущих револю-

ционных боях. Так ставил вопрос Ленин, возглавивший эту борьбу в рядах российской социал-демократии.

Отголоски всего, что происходило в стране, в партии, проникали за тюремные решетки, но, как ни хорошо была поставлена в екатеринбургской тюрьме информация с воли, это все же были не более чем отголоски. Очутившись после трех с лишним лет заключения на свободе, Яков Михайлович прекрасно сознавал, насколько он отстал, как важно ему возможно полнее ознакомиться с политическим положением в стране, разобраться во внутрипартийных делах. А тут еще приходилось думать и о том, как устроиться, где добыть пропитание, ночлег.

Из тюрьмы Свердлов вышел без копейки денег. Все его имущество состояло из того, что было на нем, запасной пары белья да связки книг, перевязанных бечевкой. Не было у него и пальто, даже самого легонького, хотя на Урале стояли уже осенние холода, не было и жилья.

К счастью, в Екатеринбурге уцелел кое-кто из товарищей. С грехом пополам наскребли они несколько десятков рублей, устроили ночевку, раздобыли у одного либерального буржуя поношенное демисезонное пальто. Правда, пальто было Якову Михайловичу чуть не до пят, но после небольшой переделки оказалось более или менее пригодным. Во всяком случае, служило оно Якову Михайловичу верой и правдой много лет, служило во всех его скитаниях по тюрьмам и ссылкам, служило и тогда, когда он стал Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Другим пальто Свердлов так и не удосужился обзавестись.

Какое-то время Яков Михайлович и смог бы при помощи товарищей просуществовать в Екатеринбурге, но это никак не входило в его планы. Еще до выхода на волю в тюремной камере им все было продумано и решено. Возобновить сейчас, в пору разгула реакции, работу в Екатеринбурге, где его знал чуть не каждый шпик и жандарм, он не мог, да и не чувствовал себя к этому готовым. Прежде всего надо было ознакомиться с партийной литературой и материалами, связаться с Центральным Комитетом и, лишь получив указания ЦК, двинуться туда, где он будет более всего нужен.

Пробыв в Екатеринбурге ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы достать денег на дорогу, он выехал в Петербург, где, как он полагал, ему скорее

всего удастся связаться с Центральным Комитетом. Было у него в Петербурге и пристанище — там ждала его я, так мы с ним условились.

Меня освободили за год до Якова Михайловича, осенью 1908 года. Пробыв недолгое время в Екатеринбурге, я перебралась в Питер, где и обосновалась. В Питере работало несколько бывших уральцев, в частности Николай Николаевич Батурин. Он-то и связал меня с партийной организацией, и я возобновила прерванную тюрьмой работу.

Удалось мне после непродолжительных поисков устроиться и на службу — на канцелярскую должность в книжном складе «Провинция», так что заработком, хоть и скудным, я была обеспечена. Поселилась я в небольшой комнатке на Васильевском острове, где и ждала Якова Михайловича, ждала, все больше и больше волнуясь по мере того, как приближался срок его освобождения. Ведь если не считать нескольких мимолетных свиданий в тюрьме, на глазах у надзирателей, мы не виделись без малого три с половиной года! И вот, вернувшись однажды вечером домой, я увидела в своей комнате Якова Михайловича.

Вряд ли нужно говорить, как стремительно промелькнул этот вечер, с какой быстротой пронеслись те несколько дней, что Яков Михайлович провел в Петербурге. А ведь столько нужно было сказать друг другу, о стольком переговорить!..

Мы были с Яковом Михайловичем товарищами по борьбе, были друзьями, но мы были и живыми людьми, мужем и женой, мы любили друг друга. Отношения наши были всегда для нас неиссякаемым источником радости, источником бодрости и силы. В одном из писем ко мне Яков Михайлович писал из тюрьмы: «По мере возможности стараюсь сохранить силы, а наши взаимоотношения дают мне в большей степени тот колорит бодрости, неизменной жизнерадостности, без которой меня и представить трудно».

О многом писал Яков Михайлович в своих письмах, но далеко не все его письма удалось мне сохранить. Я пронесла их через годы подполья, сквозь этапы, тюрьмы и ссылки, под постоянной угрозой обыска, когда стремишься уничтожить каждый клочок бумаги, чтобы он не попал в грязные лапы жандармов, давала их на хранение друзьям, прятала в потайных местах, а за-

тем годами по листочку собирала. Все собрать, конечно, не удалось, но и то, что сохранилось, живо рисует образ Свердлова...

Здесь, в Питере, Яков Михайлович поделился со мной своими планами. Больше всего он хотел хоть ненадолго, хоть на месяц-другой попасть за границу, повидаться с Лениным. Сколько лет он мечтал об этой встрече, как жаждал ее в долгие тюремные годы! По выходе из тюрьмы он писал товарищам: «...убедился в громадном значении для меня этой поездки. Дело за финансами».

Давно, еще со времен первой русской революции, как рассказывала мне в 1906 году, в дни IV съезда партии Надежда Константиновна, хотел встретиться со Свердловым и Ленин. После V съезда РСДРП члены Большевистского центра нередко упоминали имя уральского Андрея. Товарищи, приезжавшие из России в Женеву, где находился Ильич, рассказывали Ленину об Андрее. В начале 1909 года, вспоминают те, кто входил тогда в состав Большевистского центра, в Женеву приехал Гольденберг, являвшийся членом Центрального Комитета партии. Он особенно много рассказывал об Андрее и утверждал, что это был бы «настоящий цекист».

Однако выехать за границу Якову Михайловичу так и не удалось. Каждый крупный партийный работник был на счету, был нужен в России. Мешали и материальные трудности. А потом пошли тюрьмы, ссылки, считанные дни пребывания на воле и снова сибирская глушь.

Характеризуя Якова Михайловича, Ленин говорил: «Именно этот долгий путь нелегальной работы больше всего характерен для человека, который, постоянно участвуя в борьбе, никогда не отрывался от масс, никогда не покидал России...

Образец революционной деятельности Я. М. Свердлова и показывает нам, насколько... именно та беззаветная преданность революционному делу, которая знаменовала жизнь обошедших многие тюрьмы и самые отдаленные сибирские ссылки людей, именно она создавала таких вождей, цвет нашего пролетариата».

Сразу по приезде в Петербург Яков Михайлович повстречался с рядом товарищей, которые посоветовали ему съездить в Финляндию, к жившему там в это вре-

мя Сергею Ивановичу Гусеву *, поддерживавшему связь с ЦК, с Лениным.

Сказано — сделано, и Яков Михайлович отправился в Финляндию. Сергей Иванович встретил Свердлова, которого знал заочно, с распростертыми объятиями. Он сразу же предложил Якову Михайловичу поселиться у него и предоставил в его распоряжение все последние партийные газеты и журналы, ознакомил Якова Михайловича с положением дел и подробно проинформировал о внутрипартийных событиях. Информация Сергея Ивановича была тем более ценна, что незадолго до приезда Якова Михайловича он по указанию Ленина объехал в качестве агента ЦК ряд партийных организаций и был хорошо осведомлен о постановке работы на местах.

Яков Михайлович прожил у Гусева около недели. Мне удалось в первое же воскресенье выехать в Финляндию, что было тогда нетрудно, и провести с Яковом Михайловичем несколько часов. Как я и думала, он с головой ушел в чтение новых книг, газет, журналов, работал по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки, торопясь наверстать упущенное.

А там поступили и указания Центрального Комитета — Якова Михайловича посылали в Москву. Незадолго до его освобождения в московской партийной организации произошел ряд крупных провалов, и дела там обстояли скверно. Центральный Комитет поручил Свердлову проверить состояние московской организации и принять все необходимые меры для налаживания работы.

Получив указания ЦК, Яков Михайлович, снабженный документами на имя Ивана Ивановича Смирнова, тут же выехал в Петербург. Около суток мы пробыли вместе и вновь расстались. Надолго ли? Кто знал!

Еще сутки спустя Свердлов был уже в Москве и сразу взялся за дело. Это было поздней осенью 1909 года. Благодаря опыту и энергии Свердлова быстро восстанавливались утерянные связи, вокруг партийной организации сплачивались передовые рабочие, начала

* С. И. Гусев — большевик, член партии с 1902 года. После Октября — на военной и партийной работе: член Реввоенсовета республики, неоднократно избирался членом ЦКК и кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Последние годы жизни — член Президиума Исполкома Коминтерна.

налаживаться и оживать работа Московского окружного комитета РСДРП и областного бюро партии. Однако недолго побыл на этот раз Яков Михайлович на свободе. Москва так и кишела провокаторами. По образному выражению московских большевиков, Москва была насквозь «прошпикована», и вскоре же после приезда провокаторы выдали Свердлова царской охранке. 13 декабря 1909 года, пробыв на воле всего три месяца, Яков Михайлович был вновь арестован прямо на заседании Московского комитета партии. Спустя неделю, 19 декабря 1909 года, Московский окружной комитет РСДРП писал Центральному Комитету: «С арестом товарища Андрея правильность работы областного бюро, несомненно, будет нарушена».

СНОВА ЗА РЕШЕТКОЙ

При аресте Московского комитета жандармам не удалось захватить никаких изобличающих документов, ничего они не обнаружили у Свердлова при обыске, не добились ничего и на допросах.

Передо мной протокол одного из заключительных допросов Якова Михайловича от 13 января 1910 года, хранящийся ныне в Музее Революции СССР. Первый лист протокола, содержащий анкетные данные, заполнен рукой жандармского подполковника: возраст — двадцать пять лет, арестован — в седьмой раз!

Вторая страница — самый протокол. Он краток. Четким, твердым почерком написано: «Давать какие-либо показания отказываюсь. Яков Свердлов». Таким образом, все обвинение основывалось только на агентурных данных охранки, а при отсутствии улик дела в суд не передашь, без суда же, в административном порядке, нельзя было ни заточить в тюрьму, ни отправить на каторгу или вечное поселение. Приходилось ограничиться административной ссылкой. В марте 1910 года министр внутренних дел вынес постановление о высылке Свердлова в Нарымский край.

В это время Яков Михайлович вновь возвращается к мысли о поездке за границу. За многие годы пребывания в царских тюрьмах и ссылке Свердлов крайне редко обращался к администрации с какими-либо личными просьбами, но на сей раз стремление выехать за

границу было столь велико, что 17 марта 1910 года Яков Михайлович написал в департамент полиции: «Отбыв незадолго до своего ареста три с половиной года тюремного заключения, я сильно расстроил свой и без того некрепкий организм. В настоящее же время, с наступлением весны, болезнь легких особенно усилилась.

На основании изложенного и обращаюсь в Департамент полиции с просьбой заменить мне ссылку в отдаленные места империи, если таковая будет назначена, разрешением выехать за границу».

Несмотря на то, что в деле имеется справка тюремного врача Колесникова, которого никак нельзя заподозрить в снисходительном отношении к арестованному большевику, подтверждающая, что «Свердлов страдает хроническим катаром верхушки левого легкого, по-видимому туберкулезного характера» на заявление Якова Михайловича была наложена резолюция: «Прошение оставлено без последствий».

Полицейское начальство не намерено было отпускать за границу попавшего ему в лапы большевика. Болен? Очень хорошо! Болезнь опасна? Еще лучше! Загоним его подальше, в Сибирь, поставим в самые отчаянные, непомерно тяжелые условия, глядишь, болезнь быстрее сделает свое дело, так рассуждали царские тюремщики. И сколько лучших борцов за дело рабочего класса умерло в глуши сибирской ссылки от тяжких болезней, которые без труда можно было бы излечить при мало-мальски сносных условиях существования! Ведь в самом расцвете лет погибли в далекой Сибири члены Центрального Комитета партии Иннокентий Дубровинский, Сурен Спандарян... Да разве только они?..

До декабря 1909 года я регулярно получала от Якова Михайловича из Москвы весточки, в декабре же он вдруг пропал, и я потеряла его след. Догадываясь, что он арестован, я выхлопотала себе недельный отпуск и выехала в Москву.

Здесь находилась в это время сестра Якова Михайловича Сара, и от нее я узнала, что предположения мои правильны, Яков Михайлович действительно вновь схвачен полицией и содержится в Арбатском полицейском участке.

Было крайне обидно, что после трех с лишним лет, проведенных в тюрьме, он всего три месяца пробыл на

воле и опять оказался за решеткой. Но что тут можно было поделать?

Я добивалась хотя бы короткого свидания с Яковом Михайловичем, но и в этом мне отказали. Свидание давали лишь близким родственникам и то с разрешения начальства, а начальство не признавало меня женой Якова Михайловича: в церкви-то не обвенчаны!

Невзирая на отказ, я упорно продолжала ходить в участок, часами в лютую метель простаивала во дворе Арбатской части, уж сама не знаю, на что надеясь. И упорство мое было вознаграждено. Яков Михайлович однажды увидел меня из окна своей камеры и, пока вбежавшие жандармы смогли оттащить его от форточки, успел крикнуть мне, что ожидает ссылки, просит не волноваться и ждать вестей.

31 марта 1910 года Я. М. Свердлов был выслан в Нарымский край сроком на три года, но уже в августе он появился в Екатеринбурге, где я в это время проводила отпуск. Он бежал, не пробыв в Нарыме и четырех месяцев.

В Екатеринбурге Яков Михайлович задерживаться не стал. Он дорожил каждым днем пребывания на свободе, рвался к работе, стремился поскорей связаться с ЦК, вновь взяться за дело. Да и длительное пребывание в Екатеринбурге, где его так хорошо знали, особенно теперь, после побега из ссылки, было вдвойне опасно. Не теряя времени, мы выехали в Пермь, чтобы оттуда без задержки двинуться дальше.

За те несколько дней, что он провел в Екатеринбурге, Яков Михайлович повидался кое с кем из товарищей, в том числе с Михаилом Георгиевичем Пермяковым, и Пермяков отдал ему свой паспорт, с которым Свердлов и прожил до очередного ареста.

Из Перми мы отправились пароходом в Нижний Новгород, к родным Якова Михайловича. Давно мечтал Яков Михайлович, с гордостью считавший себя истым волгарем, совершить такое путешествие по многоводной Каме и Волге. Мы радовались тому, что мы вместе, и не уставали восхищаться окружающей нас красотой...

Прожив несколько дней в Нижнем Новгороде у отца Якова Михайловича, с которым он не видался свыше пяти лет, мы двинулись в Москву.

В Москве Яков Михайлович имел явку к одному из руководителей областной партийной организации. Ста-

раясь избегать напрасного риска, он сам на явку не пошел, а послал для связи меня. Не знаю, то ли товарищ куда-то уезжал, то ли ко времени нашего приезда был арестован, но я несколько раз посетила явку, и все без толку. Застать его не удалось. Задерживаться нам далее не было смысла, тем более что мой отпуск подходил к концу и я должна была возвращаться в Петербург. Прожив, таким образом, в Москве около недели, мы выехали в Питер.

В ПЕТЕРБУРГЕ. НОВЫЙ АРЕСТ

Вернувшись в Питер, я возобновила работу на книжном складе (ведь надо же было на что-то существовать!), поселились же мы у Глафиры Ивановны Окуловой *, жены Ивана Адольфовича Теодоровича, занимавшей с двумя ребятишками небольшую квартирку в Басковом переулке.

Глафира Ивановна хорошо знала Якова Михайловича из писем мужа, писавшего ей о Свердлове еще из екатеринбургской тюрьмы, и встретила нас очень радушно. Она билась тогда изо всех сил, чтобы содержать себя с двумя маленькими детьми да еще помогать мужу, отправленному прямо из тюрьмы на каторгу. Нередко возвращалась она с работы поздним вечером, поздно приходила и я. И вот, вернувшись усталая домой, Глафира Ивановна часто заставала ребят мирно спящими. Если выдавался свободный вечер, Яков Михайлович возился с ребятами, варил им кашу, кормил их и укладывал спать.

Как и предполагал Яков Михайлович, в Петербурге ему снова удалось связаться с товарищами, через них — с Центральным Комитетом, с Лениным. Первым, кого он разыскал, был Михаил Степанович Ольминский **.

* Г. И. Окулова (Теодорович) — член партии с 1899 года. После Октября — на руководящей советской и военной работе: член ВЦИК, член РВС фронта. Последние годы жизни работала в Музее Революции СССР.

** М. С. Ольминский — один из старейших и выдающихся деятелей революционного движения в России, впервые был арестован за революционную работу еще в 1885 году. Близкий соратник Ленина. Один из организаторов большевистских газет «Звезда» и «Правда». После Октября — заведующий Истпартом ЦК ВКП(б).

С Ольминским у Якова Михайловича быстро установились самые близкие отношения. Михаил Степанович нередко бывал у нас, на квартире Г. И. Окуловой, бывал у него и Яков Михайлович.

Очень заботился Ольминский о безопасности Свердлова. Он постоянно просил Якова Михайловича быть осторожнее и, в частности, журил нас за то, что мы поселились у Глафиры Ивановны, жены известного большевика, квартира которой могла быть на примете у полиции. Яков Михайлович внимательно прислушивался к замечаниям Михаила Степановича, несколько раз мы намеревались воспользоваться его советом и переменить квартиру, но так и не успели...

Новые задачи, которые поставил Центральный Комитет партии перед питерскими большевиками, перед Свердловым, вытекали из общего политического положения. В стране вновь нарастал революционный подъем. Возобновились стачки, начались уличные демонстрации. В ноябре 1910 года Ленин писал: «Трехлетний период золотых дней контрреволюции (1908—1910 гг.), видимо, приходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема. И летние стачки текущего года и демонстрации по поводу смерти Толстого ясно указывают на это».

Полностью разделяя ленинскую оценку момента, Свердлов 31 октября 1910 года писал друзьям в Нарым:

«Дела с каждым днем улучшаются, связи расширяются, крепнут, фиксируются в определенные рамки. Наряду с тем за последнюю пару недель стал ясен перелом в настроении. И ряд старых товарищей возвращается на работу, и рабочая молодежь вместе с незатронутыми, более или менее серыми массами, что называется, прут в организацию. В учебных заведениях возник ряд кружков по разработке общественных вопросов. Все эти факты, наряду с ростом стачечного движения, показывают ясно, что перелом в сторону «подъемного» настроения не миф, не фантазия, а самая наиреальнейшая действительность...»

В этих условиях надо было говорить во весь голос, называть вещи своими именами, не ограничиваясь намеками и иносказаниями, выйти за рамки тех возможностей, которые предоставляла либеральная легальная пресса. Необходимо было нести в рабочие массы правдивое большевистское слово, нужна была своя, больше-

вистская газета, и такой газетой должна была стать «Звезда» *. Нужно было сплачивать воедино лучшие силы партии в Петербурге, воссоздавать боевую монолитную организацию, которая смогла бы возглавить рабочий класс в условиях нарастающего подъема.

Центральный Комитет партии, получив уведомление о побеге Свердлова из ссылки и возвращении в Петербург, поручил ему принять все меры к восстановлению разгромленной охранкой столичной партийной организации и непосредственно заняться организацией издания «Звезды», снабдив Якова Михайловича необходимыми полномочиями.

14 ноября 1910 года петербургская охранка докладывала по начальству:

«В последних числах сентября сего года в С.-Петербург приехал агент Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, нелегальный, проживающий по паспорту на имя мещанина г. Кунгура Пермской губернии Михаила Георгиевича Пермякова — партийная кличка «Андрей», с поручением восстановить местную партийную организацию, поставить технику и уладить трения в редакции большевистского периодического журнала «Луч», которая до сих пор не может приступить к изданию журнала.

Ввиду постоянных провалов в Петербурге Центральный Комитет советовал «Андрею» в сношения со старыми партийными работниками Петербурга не входить и быть возможно конспиративнее.

По прибытии в Петербург он действительно вел себя крайне осторожно и лишь в начале ноября был взят в наблюдение».

В другом документе несколько позже охранка писала: «...для контроля организации издания газеты («Звезды». — *К. С.*) приехал агент ЦК партии нелегальный Михаил Пермяков (партийная кличка «Андрей» — Яков Михайлович Свердлов)...»

Прекрасно зная, что петербургская организация, как и московская, засорена провокаторами, и руководствуясь указаниями ЦК, Яков Михайлович действовал крайне осмотрительно. Работу по сплочению петербургской

* «Звезда» — большевистская легальная газета, предшественница «Правды». Первый номер «Звезды» вышел в декабре 1910 года в Петербурге. Руководил работой «Звезды» из-за границы В. И. Ленин.

организации он начал со встреч с большевиками — рабочими питерских заводов. Первые явки Яков Михайлович получил от ЦК.

Постоянно учитывая политическую обстановку, Свердлов умел использовать каждое событие для мобилизации широких трудящихся масс на революционную борьбу. Его советы и указания помогали налаживать дело. Яков Михайлович помог товарищам развернуть агитационную кампанию в связи с внесением в Думу законопроекта об отмене смертной казни, а также в связи с похоронами Л. Н. Толстого. По поводу смерти Толстого он написал прокламацию Петербургского комитета большевиков.

Свердлов разъяснял питерским рабочим, как лучше строить организации на заводах, добиваясь того, чтобы в каждом цехе были свои люди, советовал, как держать между собою связь, помогал готовить конспекты бесед и выступлений.

Самый тесный контакт установил Яков Михайлович с большевиками — депутатами III Государственной думы.

Из осторожности Свердлов не ходил ни на одну из полученных им явок, не проверив ее надежности. Эта проверка была им возложена на меня. Днем я работала на книжном складе, а по вечерам отправлялась на явку. Ходить приходилось на рабочие окраины Питера, на Выборгскую сторону, к Нарвской заставе.

Найдя нужный адрес и назвав пароль, я расспрашивала товарища, давно ли он в партии, где работал и с кем был связан раньше, обстоятельно беседовала с ним по текущим политическим вопросам и, только убедившись в его надежности, назначала ему встречу с Яковом Михайловичем. О месте встречи мы уславливались тут же. Если квартира товарища была вне подозрений и здесь можно было провести свидание, Яков Михайлович приходил сюда. Если же здесь встретиться было неудобно, я назначала ему явку у кого-нибудь из подпольщиков, с которыми Яков Михайлович связался раньше. Само собой разумеется, что ни имени, ни фамилии я не называла, предупреждая лишь, что предстоит встретиться с одним из работников партии, товарищем Андреем. (В Питере Яков Михайлович вновь работал под этим именем.) Не говорила я также, что этот работник — агент ЦК. Таким образом, Свердлов шел на явку,

уже имея представление о человеке, с которым предстояло встретиться, тот же о нем ничего, кроме партийной клички, не знал. В какой-то мере это гарантировало от провала.

Связавшись с рабочим-большевиком того или иного завода, Яков Михайлович через него знакомился с его товарищами и постепенно расширял связи на предприятиях Питера.

Помогала я Якову Михайловичу и в другом. У него был специальный шифр для переписки с ЦК, с Лениным. Этим шифром я шифровала письма Свердлова Владимиру Ильичу.

Любопытно перечитывать сейчас страницы жандармских документов тех лет. В одном из донесений петербургская охранка писала, что в 1910 году К. Т. Новгородцева оказывала Свердлову «активное содействие в партийной работе, выразившееся в получении на ее имя партийной корреспонденции Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии и исполнении при Свердлове обязанностей секретаря».

Пробиравшиеся в наши ряды провокаторы порою неплохо информировали охранку. Это сильно осложняло работу. Действовать надо было предельно конспиративно и в этих условиях вести самую ожесточенную борьбу с ликвидаторами и отзовистами.

Особенно напряженная борьба развернулась вокруг «Звезды». Издателем газеты являлась думская социал-демократическая фракция, в состав которой входили и большевики и меньшевики. Используя совместное пребывание в единой фракции, меньшевики стремились прибрать газету к своим рукам и превратить ее в орган ликвидаторов. Вместе с М. С. Ольминским и Н. Г. Полетаевым Свердлов комплектует редакцию газеты, подбирает редактора, стремясь обеспечить решающие позиции в газете за большевиками.

В начале ноября 1910 года Яков Михайлович информировал Центральный Комитет, Ленина о проделанной работе и своих планах насчет газеты. Он писал в ЦК:

«Дорогие товарищи! Прежде всего по поводу газеты... Относительно партийного редактора дело обстоит так: меня, как вы и писали мне, группа протестантов пригласила на заседание по выбору кандидата в редакторы. К большому огорчению, надо сказать, что совер-

шенно никого подходящего для такого дела нет... Батурин был бы более или менее пригоден. Его-то и думал проводить, но не знаю, согласится ли он...»

Письмо это, однако, по адресу не дошло. Оно даже не было отправлено. Как и обычно, Яков Михайлович поручил мне зашифровать его шифром Ленина, и вечером 14 ноября, вернувшись с работы, я засела за это кропотливое дело. Не успела я зашифровать и половины, как в дверь раздался оглушительный стук, и в квартиру ворвались жандармы. Пока они добрались до нашей комнаты, я успела уничтожить зашифрованный текст и самый шифр — это было главное, оригинал же, написанный рукой Якова Михайловича, попал в руки жандармов. Однако он был без адреса и без подписи. Ничего больше жандармы не нашли, хотя перевернули все вверх дном, сломали мебель, отодрали обои, распороли матрацы.

Опять, как это было и в Москве, как бывало не раз раньше, жандармы остались ни с чем. Мы ждали налета и были к нему готовы. Еще 9 ноября 1910 года Яков Михайлович обнаружил за собой слежку. В тот день на Васильевском острове состоялось собрание общества «Источник света и знания», находившегося под влиянием социал-демократов. На собрании присутствовало свыше ста человек, в большинстве питерские рабочие. Обсуждался вопрос о вносимом социал-демократической фракцией III Государственной думы законопроекте об отмене смертной казни. Яков Михайлович принял участие в собрании и, выступив одним из первых, задал ему тон. Речи выступавших за ним рабочих носили революционный характер. Единогласно была принята резолюция: «Немедленно начать агитацию за забастовку в день обсуждения вопроса в Думе о смертной казни».

На собрание, как видно, затесался провокатор, быть может, не один, вовремя успевший известить охранку, и сразу по выходе с собрания Яков Михайлович был взят под наблюдение. Как явствует из жандармских документов, кличку ему дали «Махровый».

Слежку Яков Михайлович заметил сразу, глаз у него был наметанный, и вскоре он ускользнул от шпиков. Но приметы его теперь были известны охранке, а тут еще усердствовали провокаторы, и через день слежка возобновилась. Вот тогда-то мы и приняли необходимые меры, передав товарищам все, что было можно.

Казалось бы, коль скоро охранка обнаружила Свердлова, его тут же должны были арестовать. Но жандармы не торопились. Ходить по пятам ходили, а брать не брали. Нас с Яковом Михайловичем это не удивляло. Мы досконально изучили приемы охранки и понимали, что, оставляя Свердлова на воле, они рассчитывают установить его связи, тем более что Яков Михайлович и виду не подавал, что обнаружил слежку.

Долго так, однако, тянуться не могло, и мы поспешно подыскивали квартиру, где бы Яков Михайлович мог скрыться, уйдя от шпиков, и отсидеться какое-то время. Но жандармы нас опередили. 14 ноября вечером Якова Михайловича арестовали прямо на улице, невдалеке от нашего дома, а затем жандармы вломились ко мне и после обыска арестовали и меня.

На этот раз я просидела недолго, всего три месяца, и в феврале 1911 года была выслана из Петербурга на родину, в Екатеринбург, под особый надзор полиции. Такая мягкая мера наказания объяснялась тем, что я была на последних месяцах беременности и держать меня в тюрьме было неловко. Да и конкретных улик против меня было мало.

Яков Михайлович оказался в одиночной камере Петербургского дома предварительного заключения. Наши материальные дела перед арестом, как, впрочем, и во все годы подполья, обстояли неважно. Постоянного заработка у Свердлова не было. Основным источником его существования были средства, выделявшиеся ему как профессиональному революционеру партией, но средств у партии было очень мало, и Яков Михайлович брал деньги только в случае крайней нужды, получал их нерегулярно и мелкими суммами. Я зарабатывала немного, и мы с трудом перебивались.

В момент ареста у Якова Михайловича было всего 1 рубль 57 копеек. А деньги в тюрьме были нужны, так как кормили там плохо, приходилось продукты прикупать, кроме того, надо было приобретать книги, бумагу. Правда, Яков Михайлович уверял меня в письмах, что питается хорошо, чувствует себя превосходно и ни в чем не нуждается, но я-то знала, каково ему в тюрьме. Да и сам он нет-нет, а проговаривался.

Выйдя на волю, я достала немного денег и перевела Якову Михайловичу. Меня очень волновало состояние его здоровья. Я понимала, как важно для него питание,

и настойчиво просила тратить деньги преимущественно на продукты. Он успокаивал меня, но в одном из писем признавался: «Чтобы не экономил на питании? Грешен в этом. Благодаря экономии купил на 8 рублей 55 копеек книг, в том числе 4 т. Меринга, «Историю прибавочной стоимости» и др., и одну смену белья, по части белья, сама знаешь, у меня плохо».

4(17) апреля 1911 года у нас родился сын. Мысль о ребенке, о том, как я перенесу первые роды, глубоко волновала Якова Михайловича. Тяжело ему было сидеть в эти дни в тюрьме, чувствовать свое полное бессилие. Но и из тюрьмы он пытался чем-нибудь поддержать меня. Из его писем было видно, что он прочел много специальной медицинской литературы. Он давал мне в письмах квалифицированные советы по гигиене, по уходу за грудными детьми. И одновременно подробно разбирал проблему брака и рождения вообще, ссылался на Платона, Томаса Мора, Льва Толстого, на современных социологов — уж если Яков Михайлович брался за какой-либо вопрос, то изучал его самым обстоятельным образом.

Ребенок еще не родился, а Яков Михайлович уже думает о его воспитании, о том, чтобы он вырос «настоящим человеком». «Самое воспитание, — писал мне Яков Михайлович 29 марта 1911 года, — имеет решающее, почти исключительное значение, наследственные же черты только способности, которые могут или развиться, или заглохнуть в зависимости от целого ряда условий, которые можно в общем назвать средой».

Сколько нежности, сколько внимания и заботы в каждой строчке писем Якова Михайловича, написанных в эти дни! Какая горечь из-за полной невозможности помочь в тяжелую минуту, из-за того, что в такой момент жандармы оторвали мужа от жены, отца от сына!

«Невыразимо больно свое бессилие, — писал мне Яков Михайлович, — невозможность быть полезным самому близкому, дорогому существу. С какой радостью, охотой взял бы на себя самый тщательный уход, самую нежную, трогательную заботу, а тут сидишь за тысячи верст... Хотелось бы перелить весь свой «дух жив», в надежде на укрепление твоего. Тщетно придумываю что-либо наиболее ободряющее, — ничего не могу придумать. Не могу не по бедности своей, ибо я очень

богат как твоим ко мне, так и своим к тебе отношением. Будь мы вместе — иное дело. Но пусть и вдали скажется сила моего чувства, пусть оно согревает, ослабляет муки, придает силы легче переносить их!»

А какой теплотой проникнуто каждое упоминание о будущем сыне! «Имя? — писал Яков Михайлович. — Да, это вопрос существенный. Ты подчеркнула в письме мое имя, не знаю, хотела ли этим указать и на имя сына или нет. Но предоставляю тебе полную свободу действий и в данном случае, назовешь ли последней буквой алфавита — Я или же первой — А *. Я заранее заявляю, что до определенного возраста буду называть зверьком, зверюшкой, зверинькой».

Редко, очень редко бывали мы все, всей семьей, вместе, но уж когда выпадало такое время, не было семьянина лучше Якова Михайловича, не было семьи счастливее и дружнее нашей.

Однако мысли о семье, о ребенке не мешали ему работать с обычным напряжением и упорством. Почти в каждом письме он просил все новых и новых книг, писал о прочитанных, делился своими мыслями и соображениями. В первом же письме ко мне, написанном 1 марта 1911 года, он просил послать ему книгу Бебеля «Из моей жизни» на немецком языке, «Этику» Спинозы, письма Маркса к Зорге и Лассаля к Марксу. В следующих письмах он просит однотомник Гейне на немецком языке и вообще «побольше немецких книжек», затем «Промышленное развитие России за последние 20 лет» Финна и ряд других.

Книг он просил и у Глафиры Ивановны Окуловой, с которой в это время вел оживленную переписку. В заявлении на имя начальника тюрьмы Свердлов просит купить ему за его счет «Теорию прибавочной стоимости» К. Маркса, «Мировой рынок» Парвуса, «Исторический материализм» Бернштейна, III том «Капитала».

В одном из писем Яков Михайлович пишет: «В общем жизнь моя течет по-старому. Занимаюсь в среднем около десяти часов». А в другом: «Продолжаю читать по-прежнему, хотя иногда мозг отказывается охватить со всей полнотою и ясностью ту или иную сложную мысль. Тогда берусь за более механическую работу,

* Яков Михайлович подразумевает имена Яков и Андрей — свое имя и партийную кличку.

делаю выписки из прочитанного; жду не дождусь учебников по математике».

Приближалась весна. Яков Михайлович с нетерпением ожидал решения по своему делу, готовился к очередной ссылке. Сибирь его не пугала.

«Я вообще терпеть не могу неизвестности и бесплодного ожидания, — писал Свердлов в эти дни Глафире Ивановне, — брожу из угла в угол, а готовое к услугам воображение расстилает передо мной заманчивую сибирскую природу, в лоне которой скоро предстоит мне очутиться. Картины восхитительны — без смеха. Куда бы ни послали — будет река. Не Обь, так Енисей или Лена — все многоводны, а мне большего и не требуется, как истому волгарю».

Решение состоялось в мае 1911 года. Пребывание в Петербургском доме предварительного заключения окончилось.

Глава четвертая

НАРЫМ И СНОВА ПЕТЕРБУРГ

НАРЫМСКАЯ ССЫЛКА. ПЕРВЫЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ

Постаиовлеиием миииистра внутреииих дел Яков Михайлович Свердлов был приговорен к ссылке в Нарымский край Томской губернии сроком иа четыре года, считая с 5 мая 1911 года. Начальство не забыло, что Свердлов одиажды уже был сослаи в Нарым и через иесколько месяцев оттуда бежал, и категорически предписало томскому исправнику: «Учредить за названным Свердловым Яковом Михайловичем самый строгий надзор».

Нарымский край был превращеи царским самодержавием в те далекие годы в огромиый политический острог без решеток.

Необозримые, неосвоенные простраиства, покрытые дикой тайгой и непролазными болотами, кишевшими летом мириадами ядовитого гнуса, зимой — трескучие морозы и глубокие снега, весной и осеиью — бездорожье, отрывавшее край от остальиого мира, — таковы были природные условия дореволюциоииого Нарыма. Царское правительство использовало эти естественные условия, чтобы крепко запереть своих пленников, чтобы сделать их жизиь в этом остроге без стеи и решеток невыиосимой.

Местное иаселение Нарымского края беспощадио обирали и разоряли царские чиновиики, купцы, кулаки, попы. Положение ссыльиых было ужасным. На каждого административно-ссыльиого отпускалось мизериое пособие, едва обеспечивавшее полуголодное существование, да и оно разворовывалось местной администрацией, поступало иеполиостью и иерегулярио. Получить работу

практически было почти невозможно — промышленности не было и в помине, местным кулакам поденные рабочие нужны были только летом, причем желающих получить работу было куда больше, чем требовалось, и тем, кого все же нанимали, платили совершеннейшие гроши.

Один из ссыльных нарымчан так описывал в письме к друзьям свое положение: «Приходится плохо — денег ни у кого ни гроша. Пришлось питаться щавелем с хлебом... На щавеле просидели целый месяц, затем засели на один хлеб... Силы здорово подорвались. Теперь вот уже несколько дней ничего не едим».

Вот сюда-то, в эти гиблые места, и загоняло царское самодержавие большевиков, сюда уже во второй раз загнало оно и Свердлова.

Политический и социальный состав нарымской ссылки был чрезвычайно разнороден и пестр. Значительную часть ее составляли большевики и передовые рабочие, но немало было и интеллигентов, немало меньшевиков, анархистов, эсеров, были и крестьяне, участники аграрных волнений.

Путь в Нарым из Центральной России пролегал через Томск, губернский город, являвшийся административным центром края. Ссыльные прибывали в томскую пересыльную тюрьму и отсюда, иногда после нескольких месяцев отсидки, направлялись в сопровождении стражников на пароходах вниз по Оби к месту ссылки. Ехать надо было до Колпашева около 350 верст, до Парабели свыше 400 и до Нарыма верст 450 на северозапад от Томска.

Размещались политические ссыльные преимущественно в селах Тогуре, Колпашеве, Парабели, собственно Нарыме, тогда заштатном городишке, и некоторых других.

Такая концентрация ухудшала и без того отчаянное положение ссыльных — жилье становилось одной из острейших проблем. В самом деле: в Тогуре, например, на сотню дворов приходилось до 350 человек ссыльных; в деревне Богдановке на 8 дворов — 25 ссыльных; в Нарыме было не более 150 домов, а ссыльных свыше 300 человек.

В этих условиях огромную роль играла организация самих ссыльных, их товарищеская взаимопомощь и взаимная поддержка. Зародыши различных организаций

ссыльных возникали еще в 1906—1907 годах, но широкое сплочение и объединение ссыльных начинается только с весны 1910 года, с первого приезда в Нарым Я. М. Свердлова.

Невзирая на полицейские запреты, Яков Михайлович ездил из селения в селение, собирал людей, вел жаркие диспуты с меньшевиками и эсерами, проводил беседы, организовывал промыслово-потребительские артели из ссыльных, коллективные столовые, библиотеки...

Итак, после нескольких месяцев пребывания на свободе и полугодичного тюремного заключения Якову Михайловичу пришлось вновь совершить тяжкое путешествие в арестантском вагоне из Петербурга в Томск. В июне 1911 года он был доставлен в томскую пересыльную тюрьму. Местные власти знали, с кем имеют дело, и стремились поскорее проводить Свердлова к месту ссылки.

Под усиленным конвоем Яков Михайлович был доставлен на пароход «Колпашевец». Вся партия состояла из трех ссыльных — Свердлова, Мельникова и Максимова, а сопровождало их пять надзирателей, двум из которых было особо поручено не спускать со Свердлова глаз.

Посадили Свердлова на пароход 18 июня, а 19 июня надзиратель Буньков и следом за ним томский исправник подают по начальству рапорт: «...18 июня Свердлов незаметным образом, при большом стечении народа на пароходе, скрылся...» Кинувшиеся в погоню полицейские и жандармы не могли напасть на его след. Начальство в исступлении рвало и метало, не зная, что писать, как докладывать в Петербург.

И вдруг 22 июня 1911 года, когда, казалось, Свердлов был уже далеко и никакой надежды схватить его не оставалось, томский инспектор получил по почте заявление от... Якова Михайловича Свердлова.

Свердлов писал, что сошел на берег с парохода «Колпашевец» купить что-нибудь на дорогу, «случайно опоздал» и со следующим пароходом «Василий Плещеев» сего 22 июня «отбывает в город Нарым, где и явится к местным властям».

Что же случилось? Что заставило Свердлова задержаться в Томске, отказаться от так удачно начатого побега и добровольно отправиться в ссылку? Быть

может, он действительно «случайно» отстал от парохода и, не желая пользоваться «счастливым случаем», поторопился исправить «ошибку»? Конечно, нет! Свердлов и не собирался возвращаться к месту ссылки, не для того он бежал, и ошибки никакой не было. Но обстоятельства сложились так, что от побега пришлось отказаться. Якова Михайловича подвели меньшевики, задававшие тон в томской колонии политических ссыльных. Они сорвали так удачно начатый побег.

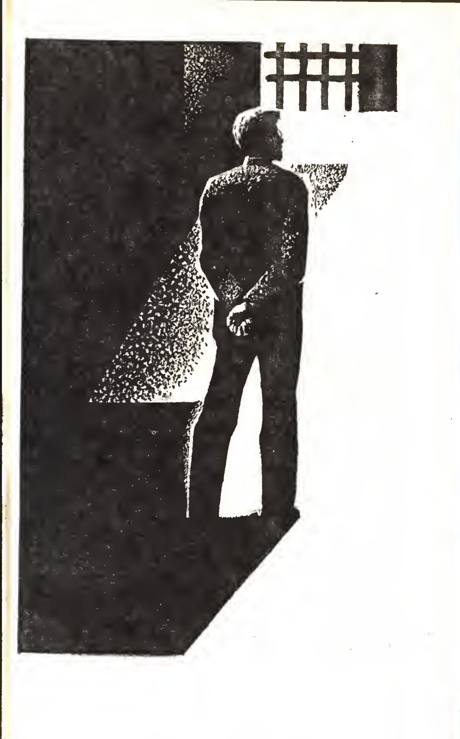
Беда заключалась в том, что в 1911 году, несмотря на всю остроту разногласий, большевики и меньшевики кое-где еще входили в единые организации ссыльных. Так обстояло дело и в Томске, причем преобладали там среди политических ссыльных меньшевики.

Бежав с «Колпашевца», Яков Михайлович скрылся у товарищей, отбывавших ссылку в Томске. Весть о его удачном побеге на следующий же день облетела всех томских политических ссыльных, хотя мало кто знал, где именно Свердлов скрывался. Встал вопрос о средствах и документах, без которых трудно было двигаться дальше. Паспортами и деньгами снабжали бежавших существовавшие полулегально организации ссыльных, именовавшиеся «Красным крестом».

Вот тут-то меньшевики, узнав о побеге Якова Михайловича, и подняли шум. Они заявляли, что своей неслыханной дерзостью Свердлов «разгневает начальство», начнутся репрессии и многие пострадают зря. Короче говоря, томская организация ссыльных решила рекомендовать Свердлову отказаться от побега и явиться к месту ссылки.

Яков Михайлович прекрасно понимал, что меньшевистское большинство томской колонии ссыльных исходило не из принципиальных, а из узкоэгоистических интересов. Вероятно, он не подчинился бы такому большинству, если бы не еще одно обстоятельство.

Дело в том, что, когда Яков Михайлович скрылся, оказавшийся в этот момент на «Колпашевце» политический ссыльный Николай Туркин попытался взять его чемоданчик. Один из надзирателей заметил Туркина еще на пристани, когда тот переговаривался с Яковом Михайловичем. Увидев Туркина возле вещей скрывшегося Свердлова, надзиратели подняли тревогу. Туркина схватили, доставили в томскую тюрьму и посадили под замок.



Таким образом, мало того, что томская организация ссыльных отрицательно отнеслась к побегу Якова Михайловича и не выказала желания снабдить его средствами и документами, но и товарищ, пытавшийся ему помочь, попал в тюрьму.

Все вместе взятое и вынудило Якова Михайловича временно отказаться от своих намерений, отложить побег, подать пресловутое заявление об «опоздании», сесть на пароход «Василий Плещеев» и отправиться к Колпашево.

Ссыльные Колпашева тепло встретили Свердлова, хотя и сожалели, что побег сорвался. Зато местное начальство, которое, казалось бы, должно было радоваться добровольной явке Свердлова, отнюдь не проявило гостеприимства. Едва Яков Михайлович появился в Колпашеве, как его арестовали.

МАКСИМКИН ЯР

Как раз в это время томский губернатор Гран, славившийся своей жестокостью, объезжал Нарымский край и наводил «порядки». Он приказал ликвидировать созданные ссыльными организации, облегчавшие их быт и скрашивавшие безрадостное существование. В октябре 1911 года томский исправник доносил, что во исполнение распоряжения Грана «существовавшие у гласноподнадзорных Нарымского края библиотеки, столовые, потребительские лавочки, мясные и пекарни... ликвидированы».

Однако исправник хвастался преждевременно. Закрытые столовые возникали вновь, библиотека функционировала подпольно, продолжала действовать организованная в 1910 году В. В. Куйбышевым нелегальная партийная школа.

Воспользовавшись пребыванием Грана в Нарымском крае, местные власти доложили ему всю историю с побегом Свердлова, так не ко времени объявившегося в Колпашеве, и Гран решил разделаться с ним по-своему. Он приказал отправить Свердлова в одно из самых отдаленных и глухих мест Нарыма — селение Максимкин Яр, расположенное на реке Кети, примерно в шестистах верстах к северо-востоку от Колпашева и в тысяче верст от Томска.

«Это был самый отдаленный и страшный пункт в нарымской ссылке, — писал о Максимке старейший член партии, один из нарымчан, В. М. Косарев. — Им обыкновенно пугали самых отчаянных уголовных преступников...»

Распоряжение Грана было исполнено без промедления. 3 июля 1911 года Свердлов был отправлен к новому месту назначения.

Режим тогурской каталажки не отличался чрезмерной строгостью, и, пока Яков Михайлович сидел там в ожидании решения губернатора, его беспрестанно посещали товарищи. Все понимали, что ему грозит суровая кара, и в один голос предлагали бежать, выдвигая различные варианты побега. Один из наиболее горячих товарищей предложил попросту напасть на тюрьму и силой отбить Свердлова у немногочисленной охраны. Яков Михайлович понимал, что осуществление подобных планов будет стоить многих жертв, вызовет жестокую расправу над товарищами, и категорически отверг все предложения не в меру увлекавшихся друзей.

Свердлов, конечно, и не думал отказываться от побега, но считал, что его надо организовать так, чтобы нельзя было обвинить никого, кроме бежавших. Тогда никто понапрасну не пострадает. Поэтому Яков Михайлович считал более целесообразным организовать побег из Максимкина Яра и предложил товарищам заблаговременно приступить к его подготовке.

С доводами Якова Михайловича согласились. Тут же был разработан шифр для переписки и обусловлены средства тайнописи.

Короткие встречи с товарищами Свердлов использовал не только для обсуждения планов побега. «За три-четыре дня пребывания в Тогуре, — вспоминал впоследствии старый большевик Борис Краевский *, отбывавший тогда ссылку в Нарыме, — он передал нам многочисленные связи с Россией. Тут же он наметил товарищей, которых, по его мнению, надо было отправить на

* Б. И. Краевский — член партии с 1905 года, активный участник Октября. В годы гражданской войны — на командной работе в армии. Затем работал в области внешней торговли — торгпред СССР в Аргентине, председатель «Экспортлеса», член коллегии Наркомвнешторга. Был делегатом XVII съезда ВКП(б). Один из близких друзей Я. М. Свердлова.

подпольную работу, указывал, кого куда направлять, от кого получать деньги для организации побегов».

Тем временем настал день отъезда. Проводы Якова Михайловича вылились в настоящую демонстрацию. На берег вышли все ссыльные Тогура независимо от партийности, вышли местные жители. Проделав пятнадцативерстный переход, пришли товарищи из Колпашева.

Власти организовали экспедицию солидно. Снарядили две большие лодки, в одну из них был посажен Яков Михайлович, сели два стражника и гребцы; в другой разместились семьи и домашний скарб стражников.

17 июля 1911 года томский уездный исправник доложил Грану: «Во исполнение личного указания Вашего превосходительства... Свердлов отправлен 3 сего июля в отдаленную местность края село Максимоярское; названного Свердлова до места назначения сопровождают надзиратели — Приставка и Мунгалов, которые там и останутся для наблюдения за Свердловым. Надзиратели снабжены оружием, боевыми патронами и соответствующей инструкцией».

Смысл «соответствующей инструкции» был таков: стражники не были бы в ответе, если бы арестованный был убит «при попытке к бегству». Только напряженное внимание всей нарымской ссылки к участи Свердлова да исключительная выдержка самого Якова Михайловича предотвратили это преступление, спасли ему жизнь в пути и во время пребывания в Максимкином Яру.

Дорога была трудная, опасная. Приходилось преодолевать пороги и стремнины буйных таежных рек. В пути не раз поднималась тревога — во время привалов вокруг бродило всякое зверье. Приходилось и день и ночь быть настороже.

До места назначения добрались после долгих мытарств совершенно измученными. Максимкин Яр состоял тогда из десяти-пятнадцати домишек, в которых жило несколько русских семей да остяки-охотники. Поселок был окружен бескрайней тайгой и болотами. В Максимкином Яру имелась церковь и жил пьяница поп Павел Покровский, пользовавшийся там неограниченной властью, беспощадно грабивший население и помогавший скупщикам пушнины спаивать и обсчитывать темных, безграмотных охотников.

Для далекого станка приезд ссыльного был событием. Все население Максимкиного Яра высыпало на берег. Хотя Яков Михайлович прибыл на место в разгар лета, тем не менее дрожал от холода в своем легком пальтишке и шагал взад-вперед, чтобы согреться, пока стражники договаривались о квартире.

Нешуточным делом было разместить ссыльного, стражников и их семьи, когда в крошечных лачугах было и так полно взрослых и детей. Но стражники для местного населения — большое начальство. Несмотря на тесноту, квартиры нашлись. Свердлова поместили в русской семье плотника Кудрина, где не было детей.

Гребцы, участники экспедиции, возвратились в Нарым уже зимним путем, на собаках. Они привезли товарищам-нарымчанам первое письмо от Якова Михайловича, в котором он, будто бы описывая свое путешествие, подробно сообщал о дороге. Тайнописью, между строками, Свердлов писал, что зимой о побеге нечего и думать, так как бежать можно только на лыжах, а стражники не спускают с него глаз. Практиковаться на виду у стражников нельзя, без сноровки же несколько сот верст на лыжах по тайге не пройдешь: легко замерзнуть или погибнуть от зверя. Яков Михайлович предлагал готовить побег на лето и подробно писал, что следует предпринять для его организации.

Вслед за этим были получены еще две-три записки, в которых Яков Михайлович уже излагал конкретный план побега. По его мнению, бежать надо было летом на лодках, основательно запасшись продовольствием и оружием. На обороте одной из записок Свердлов даже набросал план Максимкиного Яра, отметив крестами дом, в котором жил, и окошко, возле которого спал.

Получив письмо и проявив тайнопись, близкие товарищи Якова Михайловича принялись за дело. Прежде всего нужно было достать денег, необходимых для покупки лодки, оружия и продовольствия. Выход был найден быстро. Несколько человек ссыльных поздними вечерами выходили в тайгу, драли там кору осокоря (северная разновидность тополя, кора которого употреблялась в Нарыме при изготовлении неводов) и продавали ее местным кулакам, чтобы скопить к весне нужную сумму. Работа была мучительно трудная и изнурительная, но цель, ради которой трудились, придавала силы. Работали горячо, дружно, и дело шло на лад.

Яков Михайлович между тем одиноко томился в Максимкином Яру, будучи не в силах ничем помочь товарищам.

Картину условий жизни Свердлова в Максимкином Яру рисуют его письма оттуда. Он не скрывал от меня, как трудно ему порой бывало, но всякий раз Свердлов преодолевал накатывавшуюся тоску и отчаяние. «Не согнусь! Выдержу и сил попусту не растрачу», — звучало в каждом его письме.

Ни глушь, ни полная оторванность от жизни, от товарищей и близких, ни отсутствие регулярной связи с миром, когда по три-четыре месяца не было почты, ни полуголодное существование, ни отсутствие средств, теплой одежды и многих предметов первой необходимости, ни надоедливый надзор стражников и назойливое преследование пьяного попа — ничто не могло сломить Якова Михайловича Свердлова.

Вот как описывает свой быт Яков Михайлович. 13 октября 1911 года он писал:

«Представь узкую комнату в три шага ширины и семь длины, почти то же, что и камера в предварилке. По одну стену два маленьких оконца, по другую — одно. К одной стене, выходящей на улицу, приделана кровать на манер одиночных нар, из досок, далее сундук, столик...

Горит небольшая семилинейная лампочка. Я уже привык к такому свету, который раньше считал бы слишком скудным. Комната низкая, оклеенная мною снизу доверху газетами. В общем нахожу ее теперь сносной, а иногда и довольно комфортабельной, благо лучше здесь нет ни у кого, не считая попа. Вот тебе моя обстановка...

О питании — этот вопрос тебя обычно занимал. В этом отношении неважно. Ничего нельзя купить: ни мяса, ни даже рыбы, которой не будет, пока не станет окончательно река. Нет молока, нет белого хлеба, ни яиц, ни масла... Живу так... теперь вот дня четыре пьем чай, варим картошку и едим с квасом... Курю махорку, иного табаку и в продаже здесь нет. Можно бы доставать крупчатку, да денег нет — до 20 ноября у меня осталось 3 рубля 20 копеек. Пришлось сшить себе теплую рубаху на зиму, у меня только одна, а теплого пальто нет, лишь demisaison.

Все это, впрочем, не беда, проживу и не потеряю се-

бя. За лето я даже немного поздоровел, должно быть, хорошо подействовало долгое пребывание на воздухе».

Вот другое письмо, написанное несколько раньше, в сентябре 1911 года. Оно уместилось на клочке тонкой серой курительной бумаги. Строчки жмутся одна к другой, почерк мельчайший. Такое письмо легко спрятать в складках одежды. Надо полагать, оно отправлялось с оказией, минуя цензуру.

«Погода изменилась, не раз уже шел снег, вернее снежная крупа, скоро станет река, приближается долгая-долгая холодная сибирская зима. А я к ней так мало подготовлен, что трудно и сказать. Никакой теплой одежды, теплого белья, нет достаточного запаса книг, нет бумаги... Но все это полбеды. Мне ведь и ходить никуда зимой не придется. Куда пойдешь? Кругом тайга, все занесет глубоким снегом, с головой увязнешь. Плохо будет без книг, если не получу, что очень даже возможно, с последним пароходом, которого жду через четыре-пять дней. Со всем сравнительно легко готов примириться, но отсутствие сколько-нибудь правильной, хотя бы и не очень частой, почты тяжело так, что трудно и передать...

Со всех сторон нехорошие вести. Не знаю, где мои товарищи и что с ними. Пишу и не уверен, дойдет ли и когда дойдет письмо...

А вместе с тем я не унываю, не хандрю, еще раз повторяю, что не лишился обычной бодрости, а пожалуй, и жизнерадостности. Тебе кажется это противоречием! А между тем оно так, как пишу... Мало сравнительно копаюсь в своем положении, ибо по-старому исхожу из факта, а раз зимовка стала фактом, то нечего и говорить. Ну да не беда, проживу и бодрость, энергию сохраню. Не растрачу на борьбу со своими настроениями своих сил, для них найдется и иное, более целесообразное применение».

«Эх, кабы знать, — пишет Яков Михайлович в другом письме, — что письмо дойдет наверняка, просил бы списаться с Над. К., и с Мих. Ст. *, и другими, написал бы и сам им, да не хочется зря бумаги портить».

Казалось бы, что можно делать в таких условиях, чем заниматься, какое применение найти своим силам? Тут поневоле одуреешь, зачахнешь от тоски, на что и

* Надежда Константиновна Крупская и Михаил Степанович Ольминский.

рассчитывало полицейское начальство, загоняя Свердлова в такую дикую глушь. Ведь даже читать там было почти нечего, так как книг у Якова Михайловича было с собой мало, а на скорое получение литературы от товарищей рассчитывать он не мог.

Но полиция просчиталась. И здесь Свердлов ни на минуту не опускает рук. Прежде всего он принимает активное участие в повседневных хозяйственных делах местного населения и быстро сближается с ним.

«Скоро придется снова неводить, — пишет Яков Михайлович в октябре 1911 года, — и ездить осматривать «чердак» — особая ловушка для ловли рыбы... Кроме того, уборка снега со двора, уход за лошадьми... Немало остается времени и для занятий. Кроме сего, занимаюсь со своей хозяйкой и еще одной девицей, готовлю их на учительниц, на что уходит ежедневно часа два по вечерам».

В письме от 7 декабря он пишет: «Помимо всего, еще приходится иногда заходить к больным. Я здесь за врача, у меня кое-какие медикаменты, присланные товарищами больше для меня самого, но я раздаю другим».

Чем ближе знакомился Яков Михайлович с жизнью местного населения, тем шире становился круг его деятельности. Он помогал жителям Максимки и прилегающего района составлять прошения, давал им советы, неграмотным писал письма. «Почти всех перелечил, — пишет он, — или оказал другие услуги, как, например, написал письмо, прошение и т. п., за что никакой мзды не беру, чем до сих пор привожу в изумление всех...»

«Вчера из соседней остяцкой юрты в семнадцати верстах получил гостинец от остяка, — писал Яков Михайлович в другом письме, — полупудовую без малого щуку, а я для него лично почти ничего и не сделал. Народ ко мне добр...»

Вокруг Свердлова начинает группироваться местная молодежь. Он затевает с ними постановку чеховского «Медведя» и вкладывает в это дело весь жар души. «Артисты» вначале терялись, ведь никто из них не только никогда не выступал на сцене, но даже и не видел за всю свою жизнь театра. Тем не менее энтузиазм «режиссера-постановщика» всех воодушевил, и количество желающих участвовать в спектакле скоро даже превысило потребность.

Когда дело дошло до грима и понадобился парик, Яков Михайлович, не колеблясь, остриг свои пышные волосы, наклеил их на бумагу, и парик был готов.

Совместные репетиции объединяли молодежь, интересы ее постепенно расширялись, и вскоре Яков Михайлович организовал общеобразовательный кружок из местной молодежи.

Кипучая деятельность Свердлова стала не на шутку тревожить надзирателей и максимоярского попа. Посовещавшись с попом, стражники решили произвести у Якова Михайловича обыск. Однажды вечером, когда у Свердлова собралась молодежь, внезапно нагрянули оба надзирателя — Приставка и Мунгалов. В служебном раже они перевернули все скудное имущество ссыльного, обшарили его кровать, стол, сундучок. И поиски увенчались успехом!

В тот момент, когда стражники вломились к Якову Михайловичу, собравшиеся у него юноши и девушки чертили на листочках бумаги какие-то таинственные фигуры и знаки. Вот эти-то листочки и были захвачены как явные улики «крамольной» деятельности Свердлова. На них было изображено нечто весьма подозрительное. Но что именно, стражникам было невдомек. Побежали к попу, но и тот ничего не понял в таинственных рисунках. По совету попа «крамолу» отправили с оказией по начальству.

Долго ждали Приставка и Мунгалов ответа, долго тешили себя надеждой на похвалу за проявленное усердие.

Увы! Вместо благодарности стражники получили нежданный нагоняй. Исправник назвал их остолопами и дубинами.

На «крамольных» листках были изображены обычные геометрические фигуры, а самый «страшный» рисунок оказался... теоремой Пифагора! В момент налета Яков Михайлович занимался со своими учениками геометрией.

Больше всех свирепствовал максимоярский поп. Пробуждение сознания у местных жителей никак его не устраивало. В одной из проповедей он призвал на голову Свердлова проклятия небесные и назвал его «искусным ловцом человеков в сети диавола».

Проповедь произвела немалое впечатление, но совсем не то, какого хотел отец Павел. И до его пропове-

ди по тайге ползла молва, что в Максимкином Яру живет «студент, который хочет царя свергнуть», что этот «студент» бесплатно лечит бедняков, всем помогает, готов каждому дать добрый совет, для каждого бедняка находит ласковое слово. После поповской проповеди интерес к «ловцу человеков» еще более возрос. Из дальних стойбищ шли остяки, чтобы просто взглянуть на него, а то и поделиться своими нуждами, попросить совета.

Однажды к Якову Михайловичу явились старшины четырех остяцких волостей и заявили, что народ решил писать приговор на попа Павла и просить убрать его из Максимкиного Яра.

— Однако, больно пьет много. Служит плохо. Народ обижает, — говорили остяки.

Беда заключалась в том, что грамотных среди остяков не было и никто не мог написать приговор. Тогда они и решили обратиться к «студенту». Яков Михайлович радушно встретил гостей и охотно составил им приговор, вызвавший всеобщее одобрение. В приговоре не только описывались все художества попа, но говорилось и о бесправии остяков, об их ужасающем положении. Вместо подписи неграмотные старшины поставили под приговором свои тамги — родовые значки.

Популярность и влияние Свердлова росли, а вместе с тем росла и тревога попа Павла и стражников.

Между тем здоровье Якова Михайловича не выдержало. Еще 25 сентября он писал мне: «Серьезно захворать я не намерен, ибо это было бы более чем опасно при полной невозможности получить какую-нибудь медицинскую помощь», а через три месяца, 20 декабря, пишет: «Ночь почти не спал... Голова работает так плохо, что не мог сразу решить задачки пустяковой, которую задал своим ученицам, прервал занятия и отпустил их. Вчера было так плохо, что охота была заплакать, заохать, не мог заснуть, напрягал все усилия, чтобы не распуститься, сдержал себя... Вот теперь излил свою горечь на бумагу, и на душе стало полегче... Я хорошо знаю, что через один-два дня я снова буду здоров... Родная моя, за меня не тревожься, не изломаюсь, не стану ни физически, ни морально калекой, живым в полном смысле этого слова надеюсь вернуться к вольной жизни».

Прошел, однако, и день, и два, а лучше Якову Ми-

хайловичу не становилось. «Ночь не спал... — пишет он, — к вечеру стало еще хуже... Лихо мне, ох, как лихо! И ни одной близкой души, хоть пропади совсем, и не узнает никто скоро...»

Но товарищи узнали. Узнали о болезни Свердлова ссыльные — большевики в Нарыме и Колпашеве, в Парабели и Тогуре... С волнением читали нарымчане коротенькую записку, пересланную из Максимкиного Яра через надежного человека: «Остановите подготовку побега, боюсь, что не вынесу тяжелого пути». Если Яков Михайлович Свердлов, товарищ Андрей, вечно бодрый и уверенный в своих силах, так писал, значит, плохо было не на шутку...

НАЗАД, В НАРЫМ

Как один, поднялись большевики нарымской ссылки на защиту Свердлова, понимая, что речь идет о жизни Якова Михайловича. Нарымский пристав Овсянников не имел ни дня покоя. По установленному тогда в Нарыме порядку каждый ссыльный имел право один раз в неделю обращаться к приставу с личной просьбой, прошением, заявлением. В эти дни личные нужды были забыты. К приставу беспрестанно шли ссыльные, и каждый повторял одно: верните Свердлова.

Овсянников понимал, чем грозит такой скандал, последствия которого предугадать трудно, а тут еще бесконечные жалобы отца Павла, доносы стражников: Свердлов, мол, «мутит» народ, нет с ним никакого сладу... И Овсянников сдался. 30 декабря 1911 года он обратился к губернатору с просьбой перевести Свердлова из Максимкина Яра куда-нибудь поближе, тут же придумав благовидный предлог: «пребывание его (Свердлова) в Максимкином Яру является крайне обременительным для должностных лиц, обязанных ежемесячно посылать и возить туда казенное пособие».

14 января 1912 года томский губернатор удовлетворил просьбу нарымского пристава, и в начале февраля Свердлов был возвращен в Колпашево, откуда вскоре его препроводили в Нарым.

Здоровье Якова Михайловича с переездом в Нарым быстро восстанавливалось, и он вновь с головой погрузился в работу. 23 февраля 1912 года он писал мне:

«Около двух недель как приехал... Вначале я собирался вести замкнутую жизнь, обложился книжками, в особенности периодическую литературу охота пересмотреть, ведь Максимка не менее тюрьмы отрывала от всех и всего. Но это не удалось. При бедности в интеллигентных силах, при моем общественном темпераменте я не мог выдержать и сдался на просьбы, уговоры, приставания товарищей: согласился читать и лекции по политической экономии и рефераты, а теперь проявил инициативу и сам затеял собеседования по таким живым вопросам, как оценка момента, избирательная кампания и прочее, причем взял на себя роль докладчика».

Сразу после возвращения из Максимки Яков Михайлович предпринял энергичные меры к расширению связей с волей и налаживанию регулярной информации ссыльных о всех последних политических и внутрипартийных событиях.

Около Свердлова быстро группировались люди.

«Яков Михайлович обладал каким-то особенным умением объединять людей. С его появлением наша квартира превратилась в штаб — в место сборища всех ссыльных. По его инициативе и под его руководством начали объединяться все ссыльные, разбросанные по Нарымскому краю. В каждом отдельном пункте создавались бюро, которые объединялись в Бюро ссыльных Нарымского края». «Яков Михайлович получал многочисленные письма и сообщения со всех концов России, он установил хорошую связь с Россией, с которой до этого мы были очень слабо связаны», — писали о Свердлове товарищи, отбывавшие вместе с ним ссылку в Нарыме.

Обстоятельно расспрашивая каждого большевика, прибывавшего в нарымскую ссылку, Яков Михайлович постоянно имел информацию о состоянии дел в той или иной партийной организации, знал, где особо велика потребность в людях, и учитывал это при побеге кого-либо из большевиков из Нарыма, подсказывал, кому куда направляться. Так и в условиях нарымской ссылки Свердлов не прекращал активной партийной работы. Рука об руку с ним работали в Нарыме Иван Аборин, Владимир Косарев *, Борис Краевский, Валерьян Куй-

---

* Владимир Михайлович Косарев — рабочий, старый большевик, член партии с 1898 года. После Октября — на руководящей партийной работе, был членом ЦКК РКП(б).

бышев, Николай Кучменко *, Иван Чугурин и другие большевики.

Связь с волей помогала нарымчанам быть в курсе политической жизни. С неослабным вниманием следили заброшенные в нарымскую даль большевики за развитием внутрипартийных событий, страстно обсуждали каждую дошедшую до Нарыма статью Ленина, горячо переживали известия о Пражской конференции.

Якову Михайловичу и на этот раз не довелось принять участие в общероссийской партийной конференции, а между тем большевики Урала, как и в 1905 году, единодушно стремились послать своим делегатом в Прагу товарища Андрея. Пробравшиеся в наши ряды провокаторы доносили охранке: «К командированию от Урала делегатом на имеющую состояться за границей Всероссийскую конференцию РСДРП предназначался «Андрей»...»

Пермское губернское жандармское управление в конце 1911 года докладывало департаменту полиции: «Делегат с Урала на предполагаемую Всероссийскую конференцию пока не избран; к таковому избранию предназначался административно-высланный в Нарымский край Яков Михайлович Свердлов (партийная кличка «Андрей»), но попытка его бежать из ссылки не удалась...»

VI общероссийская конференция РСДРП, возродившая партию и навсегда изгнавшая меньшевиков из ее рядов, собралась в январе 1912 года в Праге. Пражская конференция рассмотрела широкий круг вопросов и избрала большевистский Центральный Комитет во главе с Лениным. Избранный на Пражской конференции ЦК стал подлинным боевым штабом большевистской партии.

Так как в связи с арестами члены ЦК зачастую выбывали из строя, Центральному Комитету было предоставлено широкое право кооптации, и на одном из первых же заседаний в члены ЦК был кооптирован И. В. Сталин, а некоторое время спустя — Я. М. Свердлов. В конце 1912 года Яков Михайлович вошел и в состав Русского бюро ЦК, образованного конференцией

---

* Николай Осипович Кучменко — старый большевик, член партии с 1898 года. После Октября неоднократно избирался членом ЦКК ВКП(б).

для проведения практической работы в России под непосредственным руководством Центрального Комитета.

Между тем Свердлов все еще не мог вырваться из нарымской ссылки. Мысль о побеге не оставляла его ни на минуту, и если из Максимкиного Яра бежать не удалось, то сразу же по возвращении в Нарым он вновь деятельно принялся за подготовку побега. Я поняла это из одного из первых же писем, полученных мною от Якова Михайловича сразу после перевода его в Нарым, в феврале 1912 года.

Еще в конце 1911 года я решила поехать к Якову Михайловичу в Нарым вместе с сынишкой, о чем тут же написала ему, и вот получила ответ. Яков Михайлович писал:

«Так хочется быть скорее вместе... Но это только мечта. Да, я мечтал о возможности быть вместе, продолжаю мечтать и теперь, но это не стоит в непосредственной связи с возможностью превратить мечту в действительность... Ясно сказывается оживление за последнее время. Я же чувствую себя настолько годным для живого дела, что реализацию моей мечты вижу *не* в твоем приезде... Думаю, что переезжать тебе поближе ко мне тоже пока не стоит». (Подчеркнуто и многоточие в предпоследней фразе, поставлено Яковом Михайловичем. — *К. С.*)

Все было ясно! Вместе, скоро снова будем вместе, быть может, даже скорее, чем я надеялась, и ехать мне для этого в Нарым не надо... Яков Михайлович не собирался задерживаться в Нарыме. И как было не понять его? Тысячу раз был он прав, написав, что оживление сказывается повсюду. Господству столыпинской реакции приходил конец. По всей стране рабочий класс вновь поднимался на борьбу с царизмом. После Пражской конференции заметно оживилась работа партии. Мог ли Свердлов терять в такое время дни и годы в глуши нарымской ссылки?

В начале апреля 1912 года на Ленских золотых приисках в Сибири разыгралась кровавая трагедия, всколыхнувшая всю страну. По приказу царских жандармов войска расстреляли тысячную толпу мирных рабочих, шедших на переговоры с администрацией приисков. Было убито и ранено свыше 500 человек.

В ответ на гнусное злодеяние царизма по всей России прокатилась мощная волна массовых стачек, митингов, демонстраций.

Вести о Ленском расстреле дошли до Нарыма почти в то же время, что до Петербурга и Москвы, как раз в те дни, когда началась подготовка к 1 Мая. Готовились к первомайской демонстрации и нарымские большевики.

Демонстрацию решили провести в самом населенном пункте края — Нарыме. Это была не первая демонстрация для Нарыма, но такой серьезной подготовки, как в 1912 году, еще не бывало. Активное участие в подготовке демонстрации принимали Я. М. Свердлов и В. В. Куйбышев. Однако когда все было в основном налажено, Яков Михайлович, прекрасно сознавая, что непосредственно участвовать в демонстрации ему нельзя, так как достаточно малейшего повода, чтобы вновь очутиться в Максимкином Яру, обратился к местному приставу с просьбой перевести его в Колпашево и за несколько дней до демонстрации уехал из Нарыма.

В день 1 Мая ссыльные вышли с красными знаменами за город и провели многолюдный митинг. С горячей речью выступил перед собравшимися Валерьян Владимирович Куйбышев. Кроме ссыльных, на митинге были и местные жители, молодежь. Собрание было столь внушительным, что стражники не рискнули вмешаться, не пытались разгонять собравшихся, зато через несколько дней начались аресты. Арестовали и Свердлова.

— На каком основании? — протестовал Свердлов. — В связи с демонстрацией? Но ведь первого мая я находился в Колпашеве!

— Мы знаем, — отвечали ему, — что вы были в Колпашеве, но и оттуда вы могли руководить демонстрацией.

Несколько месяцев продержали Якова Михайловича в томской пересыльной тюрьме, а в августе 1912 года вернули обратно в Колпашево. Примерно в это же время, в конце июля, в Нарым был доставлен И. В. Сталин. Здесь, в Нарыме, они и познакомились. Однако Сталин пробыл в Нарыме недолго, уже в конце августа он бежал. Не собирался задерживаться в ссылке и Яков Михайлович.

Арест лишь отсрочил, но не отменил готовившийся побег. А с побегом надо было спешить. Вскоре после возвращения Якова Михайловича в Колпашево до ссыльных дошли сведения, что губернатор Гран приказал вновь отправить Свердлова в Максимкин Яр. Однако на этот раз приказание выполнено не было. О причинах не замедлил донести губернатору томский исправник:

«Согласно предписанию от 12 августа сего года за № 2348, административно-ссыльный Нарымского края Яков Свердлов... подлежит переводу из Колпашева в село Максимоярское.

Яков Свердлов из места скрылся».

План побега был разработан давно, и последние приготовления не отняли много времени. Активное участие в подготовке принимали Борис Краевский, Николай Кучменко и незадолго до того прибывший в село Парабель Ваня Чугурин.

Парабель находилась ниже Колпашева верст на восемьдесят-сто по Оби, а город Нарым на двадцать-тридцать верст ниже Парабели. Ближайшим к Томску было Колпашево.

Решено было, что Яков Михайлович двинется из Колпашева на маленькой лодке (по-местному — обласке) вверх по течению до расположенной невдалеке лесной пристани навстречу шедшему из Томска пароходу «Тюмень». «Тюмень» грузила на пристани дрова, в это-то время Яков Михайлович и должен был пробраться на пароход, среди машинной команды которого имелись надежные люди. С ними было все заранее договорено, они обещали спрятать Свердлова и доставить его в Тобольск, куда по Оби и Иртышу направлялась «Тюмень».

Товарищи, отбывавшие ссылку в Парабели, должны были встретить там пароход и проверить, все ли благополучно.

Одному с обласком управиться трудно, поэтому решили, что вместе со Свердловым бежит ссыльный Капитон Каплатадзе, отличный гребец.

В один из последних дней августа, поздним вечером, на берегу Оби, вблизи Колпашева, собралась небольшая группа ссыльных: Свердлов, Каплатадзе,

Аборин, Краевский... Прощанье было коротким. Крепко пожали друг другу руки, в последний раз обнялись, и остающиеся, пожелав успеха смельчакам, столкнули обласок в воду.

Обь бушевала. Волны набегали одна на другую, вздымая белые барашки пены. Свирепый ветер пронизывал до самых костей, леденил кровь...

Долго стояли провожавшие на берегу. Утлое суденышко несколько раз мелькнуло на волнах и скрылось в туче брызг и мраке быстро надвигавшейся ночи.

Конец августа — по новому стилю почти половина сентября, в это время на Нарым уже надвигается зима, воют северные ветры, временами порошит первый снежок, нет-нет да по Оби идет «сало». Трудно представить более скверную погоду для побега в лодке, но выбора не было, навигация кончалась, «Тюмень» шла в последний рейс.

...Прошло дня три-четыре. «Тюмень» подошла к Колпашеву. Колпашевцы поторопились связаться со своим человеком из машинной команды: как, мол, дела? Все ли в порядке?

Ответ поразил товарищей как громом: на «Тюмени» никого нет!

— Как так нет? А где же Андрей, где Капитон?

— Знать не знаем. Около суток мы простояли у лесной пристани, грузя дрова. Наши люди глаза проглядели, наблюдая за берегом, но никто не появился. Мы сами обшарили всю пристань — никого! (Лесные пристани были пустынны, никем не охранялись. Это были просто условные пункты, где с весны впрок, на всю навигацию, заготавливались дрова.)

Сомнений дальше быть не могло. Ни Свердлова, ни Каплатадзе на пароходе не было. Значит, до пристани они не добрались. Тогда что же случилось? Неужели обласок перевернулся? Шутки с разбушевавшейся Обью плохи!

Прошел день, другой... И вдруг известие из Парабели: беглецы здесь, но... арестованы. Добраться до лесной пристани им, оказывается, действительно не удалось. Едва отъехав от Колпашева, Свердлов и Каплатадзе вступили в отчаянную борьбу с разбушевавшейся стихией. Они упорно пытались пробиться вверх по реке, к лесной пристани, но ветер и течение гнали обласок вниз. Целую ночь продолжалась эта неравная

борьба. К утру беглецы совсем обессилели и поняли, что вверх по течению им не выгрести. Но вернуться назад, в Колпашево, отказаться от побега им и в голову не приходило.

Повернув обласок, Свердлов и Каплатадзе двинулись вниз по Оби, в сторону Парабели и Нарыма, решив по мере сил сопротивляться течению, плыть как можно медленнее и попытаться сесть на пароход, когда он их догонит. Яков Михайлович и Капитон понимали, с какими трудностями и опасностью связано их решение, но иного выхода не было. Им предстояло двое или трое суток продержаться в утлом суденышке на бушующих волнах, почти без пищи и без сна, не выпуская из рук весел. Приставать к берегу они не решались не столько из страха погони или диких зверей, встреча с которыми на пустынных, заросших тайгой берегах Оби была весьма вероятна, сколько боясь пропустить пароход. А ведь предстояло еще как-то проникнуть на пароход: незаметно подплыть к нему, незаметно взобраться на борт и укрыться у товарища, который ждал их на лесной пристани, но никак не посредине бурной реки.

Удалось ли бы им пробраться незамеченными на «Тюмень», сказать трудно. Парохода они не дождались. Обские волны неудержимо гнали утлый обласок вниз по реке. Пошли вторые сутки, как беглецы покинули Колпашево, сил становилось все меньше. Но стоило хотя бы на пять-десять минут бросить весла, распрямить спину, как намокшая одежда под ледяным ветром примерзала к телу, руки и ноги сводила судорога. Приходилось грести и грести. А сил уже совсем не было. И вот неуверенное движение, беспомощный взмах весла — и утлое суденышко перевернулось. Беглецы очутились в ледяной воде.

Несмотря на невероятную усталость, на мокрую одежду, пудовым грузом тянувшую ко дну, Яков Михайлович, быть может, и добрался бы до берега: ведь он был отличным пловцом, но, на беду, Капитон совершенно не умел плавать. Свердлову пришлось бороться и за его жизнь. Держась за обласок, Яков Михайлович из последних сил поддерживал ослабевшего Капитона. Гибель казалась неизбежной.

К счастью, крушение произошло возле самой Парабели. Сто с лишним верст в ожесточенной борьбе с вет-

ром, волнами и течением проплыли беглецы в утлой лодчонке по бурной Оби. Все это время товарищи, дежурившие в Парабели на берегу, ждали «Тюмень». Безотлучно сидел у реки, разумеется, и Ваня Чугурин.

Сидят с нами крестьяне, вспоминает Чугурин, ведем разные разговоры и видим, что у другого берега показалась лодочка и направляется к нашему берегу... От нас она была версты на три выше. У крестьян глаз наметан хорошо. Они обращали больше внимания на все, а мы больше ждали. Вдруг один из крестьян заявил: «А где, паря, лодка?» Лодка исчезла из нашего поля зрения. Мы предположили, что она подъехала к островку. Вдруг мы услышали крик о помощи. Голос Якова Михайловича очень ясно был слышен.

В нашем распоряжении не было спасательных средств; у крестьян были два ботничка недоделанных, они сейчас же сели в один из ботничков и, подъехав к утопавшим на расстояние двух-трех саженей, бросили им привязанное к веревке весло. Минута была отчаянная. Свердлов и товарищ совсем окоченели... Крестьяне не могли сразу притянуть их к берегу, так как лодку отбивало. В конце концов они все же были пригнаны к берегу. Крестьяне вывели их на землю. Потерпевшие не могли двигаться и лежали. Крестьяне сейчас же стали разводить огонь и огогревать товарищей. Согрели, довезли до квартиры Кучменко, куда явилась полиция...

Итак, побег провалился. На следующее утро, 31 августа 1912 года, стражники отвезли Свердлова в город Нарым, где вновь поместили в каталажку. Яков Михайлович снова очутился за решеткой. Теперь полиция могла наконец успокоиться. В самом деле: на что был способен измученный до полусмерти изнурительным путем и длительным пребыванием в ледяной воде, обессилевший человек, и раньше не отличавшийся крепким здоровьем? Но этим человеком был Свердлов — большевик, ленинец. Под хрупкой оболочкой скрывался у него неукротимый дух. Стоило надзирателям на минуту успокоиться, ослабить бдительность, как... пришлось писать очередное донесение по начальству:

«1 сентября сего года из города Нарыма бежал

административно-ссыльный Яков Михайлович Свердлов. По имеющимся сведениям, означенный Свердлов бежал в Тюмень или Тобольск... Во что Свердлов одет — неизвестно, так как он бежал из Колпашева, тонул в Оби, где оставил одежду».

Свердлов действовал настолько стремительно, что ошалелые надзиратели не успели и разглядеть, во что одели Якова Михайловича товарищи в Парабели и как он выглядел в момент заключения в нарымскую каталажку. Не щадя себя, Свердлов не давал отдыха и охранке. Он скрылся, не пробыв в тюрьме и суток.

...Когда Якова Михайловича доставили в Нарым, к приставу явилась делегация ссыльных с требованием разрешить больному, разбитому Свердлову несколько дней пролежать на квартире у одного из товарищей, пока он не придет хоть немного в себя. Зная, что перенес Свердлов, пристав согласился. Но как только двери тюрьмы раскрылись, Свердлов исчез и уже на следующий день, 2 сентября, появился у Вани Чугурина в Парабели.

Задерживаться там он не стал. У Вани Чугурина были связи среди команды парохода «Сухотин». Как раз в эти дни «Сухотин», совершавший рейсы между Томском и Нарымом, прибыл в Парабель.

Якова Михайловича вновь коллективно переодели. Каждый дал что-нибудь из своих скудных запасов. Поздним вечером, перед самым отходом «Сухотина», Чугурин незаметно провел Свердлова на пароход, в каюту первого класса, где Яков Михайлович и должен был находиться до прибытия в Томск.

Через сутки «Сухотин» пришел в Колпашево. Прибытие парохода — событие в монотонной жизни нарымских поселков. Все население высыпает в такие дни на берег. На этот раз некоторые из присутствующих были необычно возбуждены, с трудом скрывали волнение. Это были колпашевские большевики, уже получившие извещение об очередном побеге Свердлова и с нетерпением теперь ожидавшие, чтобы пароход поскорее ушел в Томск.

Все шло, как обычно. У немудреного причала суетился народ, как вдруг на берегу показался большой наряд стражников и направился к «Сухотину». Поднявшись на борт, стражники прошли прямо в помещение первого класса. Они шли столь уверенно, что трудно предпо-

ложить, будто действовали наугад. Дело, по-видимому, не обошлось без провокатора.

Тщательный обыск двух кают первого класса ничего не дал. Стражники вошли в третью. Как будто и в ней никого не было. Но один из стражников заглянул под койку и сразу же радостно рявкнул: «Здесь!..» Из-под койки с невозмутимым видом поднялся Свердлов.

— Колпашево? — обратился он как ни в чем не бывало к стражникам. — Спасибо, господа, что разбудили. Представьте себе, чуть не проспал свою остановку! — и мимо оторопевших стражников не спеша сошел на берег.

Даже видавшие виды стражники растерялись, дали Якову Михайловичу беспрепятственно сойти на берег и смешаться с толпой товарищей.

Однако на свободе Свердлов оставался недолго. В тот же день, 12 сентября, его арестовали, отправили в Томск и вновь посадили в томскую пересыльную тюрьму. Четвертый по счету побег из Нарыма снова оказался неудачным.

Мало кто из ссыльных с таким упорством, невзирая на неудачи, предпринимал одну попытку побега за другой. Недаром Владимир Косарев отмечал в своих воспоминаниях: «Чаще всех и с большими происшествиями бегал Я. М. Свердлов». А ведь Свердлову было особенно трудно обманывать бдительность стражников. Мало кого из ссыльных охраняли так строго, так придирчиво, мало к кому так часто применяли репрессии, как то было со Свердловым. И в Максимкин Яр его загоняли и арестовывали без конца.

При каждом водворении на новое место ссылки (а ему их не раз меняли) вслед за Свердловым летели предписания губернатора края: «К водворению... Якова Свердлова... в с. Парабельское с моей стороны препятствий не встречается, но с тем, однако, непременным условием, чтобы... был установлен самый бдительный надзор, а наблюдение за Свердловым было поручено, кроме того, двум надзирателям».

И тем не менее вновь и вновь пытался Свердлов бежать, вновь и вновь десятки товарищей участвовали в подготовке побега. Великая, непреоборимая сила была в этой славной товарищеской спайке большевиков. Вся история большевистской ссылки в Нарымском

крае — это красочная история ожесточенной борьбы, одной стороной в которой были многочисленные, жестокие, облеченные всей полнотой власти, вооруженные до зубов слуги царизма, державшие весь край в своих руках, имевшие в своем распоряжении тюрьмы, остроги и верного союзника — самую нарымскую природу с ее непроходимой дикой тайгой, непролазными топями и болотами, свирепыми морозами и бездорожьем. Другой стороной была загнанная и преследуемая, лишенная всяких прав и средств кучка людей. Но эти люди были большевиками, людьми особого склада! Их вдохновляли великие идеи, сплачивало священное чувство товарищества, на их стороне была могучая сила коллектива, их вел по тернистому пути к победе Ленин, и не было для них непреодолимых преград.

Как ни велико, казалось, на первый взгляд несоответствие сил, как ни тяжелы были условия этой неравной борьбы, большевики не складывали оружия, они боролись и побеждали. Несмотря на все препятствия, невзирая ни на какой надзор, на всю кажущуюся невозможность бежать и провал ряда попыток, десятки большевиков бежали из нарымской ссылки, бежал в конце концов и Яков Михайлович Свердлов. Но об этом дальше.

Подробности его злоключений стали мне известны лишь осенью 1912 года, когда я вместе с сыном Андреем приехала в Нарым.

ВМЕСТЕ В НАРЫМЕ

С того времени как нас разлучили с Яковом Михайловичем, прошло свыше полутора лет. После освобождения из петербургской тюрьмы я жила в Екатеринбурге под надзором полиции. В связи с рождением сына мне пришлось некоторое время там задержаться, но уже осенью 1911 года я, забрав ребенка, скрылась из Екатеринбурга.

Нелегально приехав в Москву, я устроилась у своей бывшей екатеринбургской приятельницы Сани Анисимовой. Здесь-то у меня и зародилась мысль о поездке в Нарым, но, пока Яков Михайлович находился в Максимкином Яру, куда пароход заходил всего два раза в год, это было практически неосуществимо, тем более с ребенком, которому не исполнилось и года.

Затем пришло письмо из Нарыма. Яков Михайлович писал, что встретимся скоро, но не в Сибири... Из Нарыма я получила несколько писем. Он много писал о сыне, о наших отношениях. Получив первые фотографии сына, Яков Михайлович писал мне:

«И карточки и твои описания наполняют меня гордым, радостным чувством. Всем и каждому я показываю сие произведенне искусства... Порой голову занимают мысли о том, что я смогу дать ему, живя мало вместе. Буду ли я при первых шагах его? Буду ли тогда, когда окружающий мир пробудит его сознание, когда он станет задавать различные вопросы? И многое, многое приходит в голову...»

Еще раньше, в другом письме, отправленном из Максимкиного Яра, Яков Михайлович писал:

«Тысячи верст, а порой нет расстояния — и есть оно, и нет... Возникал и раньше, теперь почти нет, вопрос о нашей жизни. Мало вместе, больше вдали, радость — день, печаль, тоска — месяцы. Целесообразна ли, нужна ли наша совместная жизнь? Но, помимо ответа на данный вопрос, ответом же и новый вопрос: «а целесообразен ли, законен ли и самый вопрос?» Прямой ответ — не днями, не временем, а интенсивностью переживаний измерять свою жизнь. Целесообразно, нужно было сходиться. Наш общий рост за время и под влиянием совместной жизни несомненен... Думаю, что мы оба можем сказать с полной уверенностью о неизбежности и желательности повторения всей нашей жизни, если бы пришлось начинать сначала».

Нам очень мало доводилось бывать вместе. Свердлова сажали в одну тюрьму, меня — в другую, его ссылали в одно место, меня — в другое. Периоды же совместного пребывания на свободе были коротки, редко исчислялись месяцами, чаще неделями и даже днями.

Письмо Якова Михайловича, обещавшее встречу не в Сибири, задержало мой отъезд. Но прошла весна, кончалось лето, а Якова Михайловича не было, не было и писем. Я не знала, что и думать. Ясно было одно: ждать далее бессмысленно. Собрав у товарищей средства на дорогу, я двинулась в путь.

До Томска добралась благополучно, а там — на

пароход и вниз по Оби, в Колпашево, где, судя по последним письмам, находился Яков Михайлович.

Колпашевские большевики: Борис Краевский, Владимир Косарев, сестры Дилевские * встретили нас с сынишкой как родных, но обрадовать меня ничем не могли. Якова Михайловича ни в Колпашеве, ни в Нарыме не было. От товарищей я узнала, что считанные дни назад он был схвачен и отправлен в томскую тюрьму. Выходит, из Томска я ехала не к Якову Михайловичу, а от него. Было до ужаса обидно, но делать нечего, приходилось поворачивать обратно.

Напрасно товарищи уговаривали меня остаться в Колпашеве, переждать, пока все выяснится, я не хотела терять и дня. В Томск, скорее в Томск, тем более что позже можно и не выбраться — навигация того гляди прекратится.

Видя, что уговоры бесполезны, товарищи снарядили меня как могли, помогли сесть на пароход, и я опять очутилась в Томске. Туго бы мне пришлось в чужом, незнакомом городе, с ребенком на руках, почти без денег, если бы не друзья. В Томске жила семья Наумовых, старых екатеринбуржцев, которых я знала еще с юности, они-то меня и приютили.

Едва устроившись, я сразу же пошла наводить справки и хлопотать о свидании. Принял меня в жандармском управлении какой-то полковник, по-видимому крупный чин. Как только он услышал, что я жена Свердлова и приехала к мужу, причем не одна, а с ребенком, полковник стал необычайно любезен. Не интересуясь, скреплен ли наш брак церковным обрядом, он сразу признал меня за жену Якова Михайловича и тут же разрешил свидание, да какое! Не в общей канцелярии, через решетку, а в камере у Якова Михайловича, без жандармов.

Я готова была прямо из управления бежать в тюрь-

---

* Ольга и Вера Александровны Дилевские — большевички, были высланы в Нарымский край из Москвы. Вместе с ними добровольно поехала и их мать, Любовь Николаевна Дилевская. Обе сестры, особенно Ольга, погибшая в 1918 году в Тюмени от рук колчаковцев, были на редкость интересными и общительными людьми. Они были широко образованны, хорошо пели, знали литературу, искусство. Радушие и гостеприимство были их отличительными чертами, и их домик в Колпашеве был настоящим большевистским клубом. Яков Михайлович был очень дружен с этой семьей.

му, но время было позднее, приходилось ждать утра. Уж и не знаю, как прошел этот вечер, эта ночь, спать я не могла. В голову лезла всяческая чепуха: то мерещилось, что Якова Михайловича в тюрьме я не застану, что его куда-то перевели, загнали и концов не найдешь; то перед глазами маячил любезный полковник, с наглым смехом отменявший свое разрешение... Не верилось, что через двенадцать, десять, пять часов, через час я увижу Якова Михайловича живого и невредимого. Ведь год и десять месяцев прошло с того дня, когда в ноябре 1910 года он ушел из нашей петербургской квартиры, ушел, чтобы больше не вернуться...

Да стоит ли об этом вспоминать?

Утром подхватила на руки сонного Андрея — и в тюрьму. Со скрипом открывается тюремная калитка... В канцелярии никого, рано!

Идут минуты, хнычет проголодавшийся малыш. Наконец канцелярия открыта, и меня вызывают. Последние формальности — и я в темном тюремном коридоре. Гремят ключи, дверь камеры распахивается настежь...

Яков Михайлович «совершал утреннюю прогулку», быстро шагая по камере из угла в угол — шесть шагов туда, шесть обратно. О свидании его никто не предупреждал, не знал он и о нашем приезде в Томск. На скрежет ключа в замке он лишь повернул голову, но, когда вместо осточертевшего надзирателя через порог камеры шагнула я с маленьким Андреем на руках, Свердлов остолбенел. А дверь за мною закрылась, и мы остались с глазу на глаз...

Трудно рассказать о подробностях этого свидания, длившегося около часа, да я их и не запомнила. Час пролетел как минута, как мгновение. Кто из нас больше говорил, я или он, кто больше задавал вопросов, кто отвечал — не знаю, не помню. А тут еще нет-нет да подавал свой голос маленький Андрей. Тогда, в полумраке одиночки томской пересыльной тюрьмы, Свердлов впервые увидал полутораgодовалого сына.

Казалось, мы не успели сказать друг другу и двух слов, как вновь загремели ключи. Свидание окончилось. Прямо из тюрьмы, занеся только Андрея к Наумовым и наскоро покормив его, я отправилась в жандармское управление. Меня снова принял вчерашний полковник. Как вчера, был он внимателен, любезен.

Больше того, он сказал, что готов хлопотать... об освобождении Свердлова из тюрьмы и направлении его в ссылку, но при одном условии: если я с сыном поеду вместе с ним.

Так вот она, причина жандармской любезности! Держать осужденного на административную ссылку в тюрьме длительное время было не вполне удобно, загнать же Свердлова в Максимкин Яр, как то намеревались сделать, не было возможности: навигация близилась к концу, до Максимки в это время года не доберешься. Отправить Свердлова назад, в Колпашево, Нарым, Парабель? Опять сбежит, не устережешь.

И тут появляюсь я вместе с сыном. Из писем Свердлова, подвергавшихся перлюстрации, жандармы знали его безграничную привязанность к жене и ребенку, его постоянную тоску по семье. Семья, рассчитывали они, свяжет Свердлова по рукам и ногам, удержит от побега лучше любой стражи. Вместе с семьей можно отправить его и в Парабель, не сбежит! Плохо же знали жандармы большевиков!

Я, конечно, согласилась на предложение полковника, а день спустя томскому губернатору был подан рапорт: «Почтительнейше ходатайствую о поселении Свердлова, ввиду окончания навигации, в с. Парабель; к Свердлову прибыла жена Клавдия Тимофеевна Новгородцева с полутораговалым ребенком, которая предполагает остаться с Свердловым в ссылке добровольно».

Ради такого случая жандармы впервые официально признали меня женой Якова Михайловича.

Невероятно оперативен был на сей раз и губернатор. Он в тот же день дал согласие на нашу отправку в Парабель, оговорив, однако, чтобы за Свердловым был учрежден усиленный надзор и к нему было приставлено два надзирателя.

19 сентября 1912 года мы все: Яков Михайлович с двумя стражниками, я и маленький Андрей — оказались на пароходе «Братья» и отправились в Парабель.

Вся эта спешка объяснялась весьма просто: «Братья» был последним в этом году пароходом, отправлявшимся из Томска вниз по Оби.

Парабель была расположена не на самом берегу Оби, а верстах в трех-четырех от реки. Тем не менее Якову Михайловичу в самой Парабели поселиться

не разрешили и направили нас в деревушку Костыревую, отстоявшую еще дальше от Оби, верстах в четырех-пяти от Парабели. Видимо, местное начальство считало, что семья семьей, а чем дальше от реки — тем меньше соблазна, да и наблюдать за Свердловым в маленькой деревушке легче, чем в относительно большом селе, где жили десятки ссыльных.

Костыревая — небольшая глухая деревенька, всего из четырех-пяти дворов. Из ссыльных, кроме нас с Яковом Михайловичем, здесь жили только Ваня Чугурин, Николай Кучменко, Леонид Серебряков * да еще старичок ссыльный, дядя Петр, участник аграрных «беспорядков».

Устроились мы, несмотря на все трудности, на большую нужду, неплохо. Мы с Яковом Михайловичем сняли у местного крестьянина Костырева небольшую комнатку. Соседнюю с нами комнату в том же домишке занимали Кучменко и Серебряков. Чугурин жил рядом, дядя Петр — чуть подальше.

Жили все дружно. По вечерам собирались у нас, спорили, шутили, смеялись, иногда пели, хотя с пением дело явно не ладилось: хороших голосов не было, а «решающий» голос Якова Михайловича в таком небольшом хоре звучал слишком оглушительно.

Почти все хозяйственные дела Яков Михайлович взял на себя, и мне с боем приходилось отвоевывать свое право на какое-то участие в домашних работах.

Готовил Яков Михайлович всегда сам, стирал обычно тоже, лишь изредка разрешая мне помочь ему. И дело было не только в том, что годы самостоятельной жизни, тюрьма и ссылка приучили его полностью обслуживать себя, это был вопрос принципа. Подлинные большевики не на словах, а на деле, в своей семье, в личной жизни боролись за равноправие женщины, за ее раскрепощение от домашних дел.

Особенно много возился Яков Михайлович с сыном. Казалось, он с жадностью стремится вознаградить себя за долгую разлуку, а заодно запасается близостью с маленьким Андреем и на будущее.

Уже много позже, из туруханской ссылки, не найдя в моем письме ожидаемой карточки сына, Яков Михайлович писал:

* Л. Серебряков — тогда большевик, в дальнейшем активный троцкист, исключенный из партии XV съездом ВКП(б).

«Отсутствие карточки меня крайне огорчило. Так хотелось поглядеть, каков стал наш мальчик. Помню, как больно мне было прощаться с ним, когда я уезжал из Парабели. Часто вспоминаю нашу совместную с ним жизнь».

Иногда мне приходилось отлучаться в Парабель за продуктами. В Костыревой никакой лавчонки, конечно, не было. В этих случаях Яков Михайлович оставался вдвоем с сыном. Как оказалось, он придумал своеобразный способ оставлять мальчонку одного, если ему нужно было в мое отсутствие куда-либо выйти.

Однажды, вернувшись из Парабели, я не застала Якова Михайловича, он был у Вани Чугурина. В комнате находился один Андрей. Он спокойно сидел посреди комнаты. Вернее, стоял: в самом центре комнаты между двух табуреток был укреплен большой валенок Якова Михайловича, а из него торчала голова Андрея, таращившего на меня глазенки. По спокойствию сына было ясно, что ему не впервой сидеть в отцовском валенке.

Через несколько минут явился Яков Михайлович. Я попыталась внушить ему, что валенок не вполне подходящее место для ребенка, но он с таким жаром принялся меня уверять, что оставляет Андрея в валенке не больше десяти-пятнадцати минут и сидеть ему там очень удобно, что я махнула рукой.

Из Костыревой Яков Михайлович почти никуда не отлучался, даже в Парабель. Жил он с виду тихо, наслаждался семейным счастьем и, казалось, полностью примирился со своей участью, окончательно отказавшись от мысли о побеге.

Стражники, приставленные к Якову Михайловичу, первое время заходили к нам по два-три раза в день, но, заставая Свердлова всегда на месте, в возне с сыном или хлопотах по хозяйству, постепенно успокоились.

— Ничего, — говорили они, — теперь не побежит. От жены-то да от малого никуда не денется!

Но видимость была обманчива. С первых же дней по приезде в Костыревую Яков Михайлович начал разрабатывать план очередного побега. Как ни любил он семью, она ни на минуту не заслоняла ему горизонта. Ни на минуту Свердлов не забывал, что его место на передовых позициях, особенно теперь, в конце

1912 года, когда все жарче разгоралась революционная борьба российского пролетариата, все шире развертывалась работа партии.

Только предельным напряжением воли сохранял Яков Михайлович внешнее спокойствие, поддерживал видимость человека, полностью удовлетворенного судьбой. Но от меня он не таился. Поздними вечерами, когда мы оставались вдвоем (если не считать сладко спавшего сына), неустанно расхаживая по комнате, развивал Яков Михайлович свои планы.

Почти два года я не видела Якова Михайловича, и теперь мне бросалось в глаза, насколько он вырос, как возмужал за это время. Напряженная теоретическая работа; большая организаторская деятельность, протекавшая в невероятно сложных условиях ссылки; связь со многими партийными организациями на воле и тщательное изучение их нужд и запросов; постоянное общение с передовыми рабочими, стойко переносящими все тяготы нарымской ссылки,— все это давало свои результаты. Шире стал кругозор, яснее понимание политической обстановки, глубже проникновение в самую суть стоящих перед партией задач. Тем тягостнее ему было вынужденное бездействие.

ПО «ВЕРЕВОЧКЕ»

После того как мы обсудили и отвергли ряд вариантов, план побега был, наконец, разработан и принят. Решили, что бежать следует зимой, воспользовавшись санным путем.

Еще в начале 1912 года по инициативе Якова Михайловича в нарымской ссылке была создана глубоко законспирированная организация, специально занимавшаяся устройством побегов ссыльных большевиков. Нечего и говорить, что о существовании этого «Бюро побегов» не знали не только меньшевики, но даже и многие из большевиков. Привлекались к работе «Бюро» лишь особо надежные. Председателем «Бюро» поставили Бориса Краевского, отличавшегося редким мужеством и неуемной энергией.

«Бюро» поддерживало связи по всем крупным пунктам ссылки, от города Нарыма до Томска. Имелись связи и среди ямщиков, преимущественно из числа дав-

но поселившихся в Нарыме и осевших здесь ссыльных: ямщики и доставляли бегущего от поселка к поселку. Такая переправа называлась «веревочкой».

Вот по этой-то «веревочке» и должен был ускользнуть Яков Михайлович из рук царских жандармов и полиции. Ему надлежало добраться из Костыревой до Колпашева, оттуда до Новалинска, что верстах в сорока от Колпашева, и дальше по «веревочке» до самого Томска. А уж из Томска в Питер путь прямой, только не попадись случайно на глаза какому-нибудь знающему тебя в лицо надзирателю или жандарму.

Чтобы выбраться из Костыревой, не возбудив сразу тревоги, следовало прежде всего усыпить бдительность «наших» стражников. Следовало приучить их заходить к нам не чаще одного раза в сутки (к другим ссыльным они вообще не ходили, этого начальство не требовало).

Это важно было потому, что в условиях Нарымского края от выигрыша двух-трех суток мог зависеть успех всего дела. В те годы ни телеграфа, ни телефона в крае не было, все сообщения передавались нарочным, и чем дольше не поднималась тревога, тем больше бежавший опережал погоню.

Все поведение Якова Михайловича, его полное внешнее безразличие к тому, что творилось даже в Парабели, постепенно успокоило стражников. Уже с октября их бдительность заметно ослабла, и они стали посещать нас все реже.

Так обстояло дело со стражниками. Встал вопрос о доставке Якова Михайловича санным путем из Костыревой в Колпашево, за сто с лишним верст. За это взялся Ваня Чугурин. Он должен был добыть ямщика.

Нужно было, наконец, предупредить колпашевцев, чтобы они организовали переправу дальше, привели в действие «веревочку». В Колпашеве побывал один из товарищей. Он договорился с Краевским и Дилевскими и обусловил с ними примерные сроки побега.

Подготовка еще не была закончена, как вдруг числа 1—2 декабря в Костыревую прикатил из Нарыма Фома (А. П. Смирнов), ссыльный большевик, с неожиданным известием. Фома проехал около ста пятидесяти верст на лошади в лютый мороз специально, чтобы предупредить Якова Михайловича, что большевики Нарыма дознались о поступившем из Томска распоряже-

нии снова отправить Свердлова в Максимкин Яр, благо до Максимки теперь можно добраться на санях. Приходилось спешить. Ждать далее было нельзя, и мы решили, что бежать следует в ночь с 5 на 6 декабря, в канун Николина дня — большого церковного праздника, когда все местные власти напиваются до чертиков...

Ваня Чугурин взял из припасенного нами на нужды побега запаса бутылку водки и отправился на «дипломатические переговоры» к хозяину домика, где жил, — дяде Семену.

Для начала они выпили по одному-другому стаканчику, и когда настроение поднялось, Чугурин спросил, не возьмется ли дядя Семен подбросить «одного дружка» до Колпашева. Тот был не против. Он и не поинтересовался, кого надо везти.

— Когда, сегодня? — только спросил дядя Семен.

— Сегодня, — ответил Чугурин, — ночью.

— Оно, конечно, можно и сегодня, а ночью так даже сподручнее, — согласился дядя Семен. — Только ты, паря, того, давай еще бутылку водки, и будет ладно.

На том и порешили. В три часа утра Чугурин явился к нам. Яков Михайлович был уже готов. Последнее рукопожатие, последний взгляд на спящего сына, и дверь за ним захлопнулась.

Мы заранее условились, что если все пройдет успешно, то при первом сообщении об удаче побега я выеду с сыном в Томск и буду дожидаться дальнейших известий у Наумовых.

Пока Чугурин ходил за Яковом Михайловичем, дядю Семена разобрал страх. Увидя вошедших Свердлова и Чугурина, он стал было отказываться, но вынутая Чугуриным из-за пазухи бутылка положила конец его колебаниям. Дядя Семен махнул рукой и пошел запрягать.

Мороз стоял свирепый. На улице — ни души, тишина мертвая, лишь изредка оглушительно потрескивали бревна в избушках да раздавался лай костыревских собак. Яков Михайлович крепко обнял Чугурина на прощанье, закутался с головой в тулуп и лег в сани. Дядя Семен гикнул, лошадь подхватила, и сани быстро скрылись из глаз.

6 декабря Дилевские долго не ложились спать. У них, как обычно, собрались друзья: Краевский, Або-

рин... Пили чай, спорили, смеялись. Время летело незаметно. Опустошили один самовар, поставили другой. Вдруг на дворе послышался скрип полозьев и раздался частый, энергичный стук в окно.

Ольга распахнула дверь, и на пороге появился закутанный в тулуп Яков Михайлович. Товарищи кинулись обнимать его, а он, весело смеясь, протирал запотевшее пенсне.

Яков Михайлович прежде всего попросил бумаги и карандаш, быстро набросал короткую записку, вышел во двор и вручил ее дяде Семену. Сани тронулись — и дяди Семена как не бывало.

Не успел Яков Михайлович как следует обогреться с дороги, не успел ответить на первые вопросы, как в комнату вбежал предусмотрительно выставленный дозорный:

— Полиция!

Позже я проезжала через Колпашево и на несколько дней останавливалась у Дилевских. Ольга, Вера и другие товарищи, перебивая друг друга и заливаясь смехом, описывали мне события того злополучного вечера, вспоминая все новые и новые подробности. Однако в тот момент они не смеялись.

В первое мгновение все растерялись. Скрыться из квартиры некуда. Ночь светлая, лунная. Вокруг, куда ни кинь, сплошные сугробы сверкающего белизной снега. Не то что человека — зайца за версту видно. Куда денешься? Между тем скрип снега под тяжелыми сапогами стражников слышался все ближе.

В наступившей внезапно тишине спокойно и твердо прозвучал голос Якова Михайловича:

— Никакой паники! Все немедленно к столу. Пейте чай, разговаривайте, да повеселее. Я попробую под матрац. Главное, чтобы ни один и виду не подал, что кто-то посторонний есть в комнате. Быстро, быстро!

Стражники топотали уже на крыльце, отряхивая снег. Товарищи вмиг подтянулись, расселись у стола, а Яков Михайлович сгреб свой тулуп и нырнул под матрац, на кровать, стоявшую возле стены.

Как знать, быть может, стражников и не удалось бы провести, если бы не Ольга Дилевская.

— А ну, отвернитесь да разговаривайте потише, тут больные! — скомандовала она и, мгновенно скинув платье, легла на кровать, накрывшись двумя одеялами,

набросив сверху еще и шубу. Под этим ворохом одежды было незаметно, что матрац у стены неестественно приподнялся.

На голову Ольга положила мокрое полотенце, мать села у нее в ногах, а Вера принялась перебирать склянки в домашней аптечке.

Тут-то и появились стражники.

— Не волнуйтесь, господа, — провозгласил усатый урядник, — так что произведем у вас обыск.

Все в негодовании повскакали с мест.

— Что за безобразие! Врываться по ночам с дурацкими обысками?!

— В доме больной человек, а от них покоя нет!

— Этого так оставлять нельзя. Надо писать губернатору, в Петербург! — сыпались со всех сторон возгласы.

Стражники растерялись. Всех колпашевских ссыльных они знали в лицо, никого постороннего в комнате не было.

— Ну что ж, обыскивайте, — решительно наступала на них Вера. Она советовала уряднику заглянуть в самоварную трубу, подносила к самому его носу темный пузырек с лекарством и требовала, чтобы он поискал и в этом пузырьке. А Ольга тихо стонала.

Собравшиеся вели себя так уверенно, так энергично выражали возмущение внезапным ночным налетом, что стражники бегло осмотрели комнату, заглянули для вида под кровать и поспешили ретироваться. Никому из них и в голову не пришло потревожить больную раздетую женщину и заглянуть под матрац.

Когда шаги стражников замерли вдали и опасность миновала, Ольга поднялась с кровати, оделась и откинула матрац. Весело отдуваясь, Яков Михайлович вылез из своего убежища.

— Молодцы, — заявил он, — не подкачали! А я великолепно устроился. В дороге, чего греха таить, промерз, как собака, а под этим матрацем, одеялами и всем прочим сразу согрелся, хоть снова в путь!

Через какие-нибудь сутки «веревочка» заработала. Новалинский ямщик Алеша переправил Якова Михайловича в Новалинск, там передал другому, и по «веревочке» Яков Михайлович был благополучно доставлен в Томск, а оттуда, не теряя времени, выехал в Петербург.

Пятый по счету побег из Нарыма прошел удачно.

Мы в Костыревой, стремясь выиграть время, старались подольше держать стражников в неведении. Чтобы хоть пару дней не пускать их в нашу комнату, Чугурин и Кучменко вступили в сговор с дядей Петром, старичком аграрником, и снабдили его некоторым запасом водки.

Яков Михайлович бежал в ночь на 6 декабря, на Николин день, как я уже говорила. Когда утром стражники направлялись к нам с обычным визитом, дядя Петр как бы невзначай перехватил их на улице.

— И чего это вы все ходите, ходите, ни себе, ни людям даже в праздник покоя не даете? Праздник он и есть праздник. В праздник выпить полагается, а не слонов слонять. Ну-ка, господа хорошие, заворачивайте до моей хаты, составьте компанию по случаю пресвятого Николы-чудотворца, а там и ходить будет веселее, уж ежели так приспичило.

Стражники быстро поддались на уговоры безобидного старичка и завернули к нему «пропустить по стаканчику». За первым стаканчиком последовал второй, за ним третий. Целых два дня дядя Петр поил стражников, не выпуская их на улицу, и только 7 декабря поздно вечером они появились у нас в комнате. Надо было видеть, как вытянулись их опухшие с перепоя физиономии, когда до них дошло, что Свердлова и след простыл.

Хмель сразу вылетел у стражников из головы. Один из них тотчас кинулся в Парабель, и оттуда прикатили все местные полицейские власти. А в это время, как назло, на взмыленной лошади въезжает к нам во двор вернувшийся из Колпашева дядя Семен и настойчиво сует Чугурину записку Якова Михайловича. Оказывается, он еще по дороге в Колпашево разбил драгоценную бутылку водки, врученную ему Чугуриным, и потребовал от Якова Михайловича записку, что бутылка действительно разбилась и ее надо возместить. Вот за этим-то возмещением дядя Семен и явился. К счастью, суетившиеся власти не успели его заметить, а у Вани оставалась еще одна бутылка. Поспешно сунув ее дяде Семену, Чугурин выпроводил его со двора, и все обошлось.

Вскоре меня известили, что Яков Михайлович миновал Томск. Оставаться далее в Костыревой было бес-

смысленно. Товарищи снарядили нас с сыном в дорогу и переправили в Колпашево. Пробыв дня два у Дилевских, я добралась до Томска, дождалась там письма от Якова Михайловича и выехала к нему в Петербург.

ЧЛЕН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА. ДЕПУТАТСКАЯ «НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ»

Яков Михайлович Свердлов добрался до Петербурга в двадцатых числах декабря 1912 года. Нелегко ему пришлось на первых порах. Ни связей, ни явок почти не было, не было связи с Центральным Комитетом, с Лениным, находившимся за границей, а каждый неверный шаг, каждая необдуманная встреча грозили неминуемым провалом и арестом.

23 декабря Свердлов писал в Нарым: «Пока все так неопределенно, что ничего еще нельзя сказать... живу, ничего не делая, путешествуя с одной ночевки на другую... Вижусь лишь с тем, с кем безусловно необходимо, то есть почти ни с кем».

Связи налаживались постепенно. Одним из первых, с кем встретился Яков Михайлович, был Михаил Степанович Ольминский, который связал его с активными «правдистами»: Еремеевым, Бонч-Бруевичем, Молотовым, Савельевым, Самойловой *. Наладилась связь с депутатами IV Государственной думы — большевиками А. Е. Бадаевым, М. К. Мурановым, Г. И. Петровским, Ф. Н. Самойловым, Н. Р. Шаговым, а там и с Центральным Комитетом, с Лениным.

---

* В. Д. Бонч-Бруевич — старый большевик, первые годы после Октября управляющий делами Совнаркома, затем занимался литературной работой.

К. С. Еремеев — старый большевик, член партии с 1896 года, крупный партийный литератор. Активный работник редакции «Звезды» и «Правды», участник гражданской войны. Был редактором «Рабочей газеты».

М. А. Савельев — старый большевик, член партии с 1903 года. В годы подполья и в 1917 году входил в состав редакции «Правды». После Октября — на ответственной партийной и советской работе. Был редактором «Известий», «Правды», директором Института Ленина.

К. Н. Самойлова — крупный партийный работник, профессиональная революционерка, участница революционного движения с 1897 года. Была участником ряда партийных съездов, членом Петербургского комитета большевиков.

На Я. М. Свердлова, уже как на члена Центрального Комитета партии, незадолго до этого кооптированного заочно в состав ЦК, было возложено руководство «Правдой». Одновременно ему было поручено оказывать практическую помощь большевикам — депутатам Государственной думы.

«Правда», начавшая выходить в мае 1912 года, и большевистская фракция IV Государственной думы, избранной осенью 1912 года, стали передовыми бастионами партии в борьбе за организацию и сплочение широких рабочих и народных масс. Они являлись основными звеньями легальной работы партии, способствовавшими распространению большевистского влияния на широчайшие слои народа.

Однако и «Правда» и думская фракция в 1912 году не всегда оказывались на высоте положения. В отношении «Правды» Владимир Ильич дал Свердлову особые указания. В начале февраля 1913 года, отвечая на одно из писем Якова Михайловича, Ленин писал ему из Кракова:

«Дорогой друг!.. «День» * есть необходимое организационное средство для сплочения и поднятия движения. Только *через* это средство может идти теперь необходимый приток людей и средств на то, что Вы отмечаете. Дела в Питере плохи больше всего оттого, что плох «День» и мы не умеем, или тамошняя коллегия «редакторов» мешает использовать «День»... Все положение дел вообще решит теперь исход борьбы с ликвидаторами в Питере: это ясно. А эту борьбу может решить только правильная постановка «Дня». Если верно, что №№ 1-й и 3-й или 3-й и 6-й ** стоят за осторожность с реформой «Дня», т. е. за промедление изгнания теперешних редакторов и конторы, то это очень грустно. Повторяем: это пахнет банкротством. Надо серьезно спеться и взяться за реформу «Дня»... Необходимо посадить свою редакцию «Дня» и разогнать теперешнюю. Ведется дело сейчас из рук вон плохо... Отсутствие кампании за единство снизу — глупо и подло. Молчат об объединении на Васильевском

---

* «День» — так называли большевики «Правду» в конспиративной переписке.

** Под номерами указывались из соображений конспирации члены социал-демократической фракции Государственной думы: № 1 — Бадаев, № 3 — Малиновский, № 6 — Петровский.

острове, об отказе ликвидаторов... — разве люди эти редакторы? Это не люди, а жалкие тряпки и губители дела.

Использование «Дня» для осведомления сознательных рабочих и их работы (ПК особенно) ниже всякой критики. Надо покончить с так называемой «автономией» этих горе-редакторов. Надо Вам взяться за дело прежде всего. Засесть в «бест» к № 1 *. Завести телефон. Взять редакцию в свои руки. Привлечь помощников. Вы один — часть подобных сил, простые исполнители, — при нашей работе отсюда, вполне сможете поставить дело. При правильной постановке этого дела разовьется и работа ПК, который до смешного беспомощен, не умеет слова сказать, упускает все случаи выступления».

Как только связи были установлены, как только поступили указания от Центрального Комитета, от Ленина, Яков Михайлович взялся за дело со всем жаром и энергией, копившимися в течение двух с лишним лет тюрем и ссылок. Как вспоминает Г. И. Петровский: «Яков Михайлович очень быстро включился во всю партийную работу. Он помогал нам в работе думской фракции, занимался «Правдой», работал в бюро ЦК, руководил Петербургским комитетом».

Поселился Яков Михайлович на квартире у депутата Государственной думы — рабочего-большевика Федора Никитовича Самойлова. В своей книге «По следам минувшего» Ф. Н. Самойлов пишет: «В январе 1913 года у меня в комнате поселился Яков Михайлович Свердлов. Он тогда выполнял обязанности фактического редактора «Правды», жил он в Петрограде нелегально, как бежавший из ссылки (из Нарымского края), и, не выходя никуда из комнаты, целыми днями возился с рукописями. Мы его использовали полностью, он участвовал во всех наших совещаниях, когда они устраивались у меня или у Бадаева ** в квартире, и давал нам всякие советы по всем вопросам как партийной, так и думской нашей работы. Он был, кроме того, очень славный товарищ во всех частных вопросах жизни. Я очень с ним сжился».

Руководствуясь указаниями Ленина, первоочередное

* «Засесть в «бест» означает надежно укрыться. «К № 1» — то есть к Бадаеву.

** Самойлов и Бадаев вместе занимали одну квартиру.

внимание Яков Михайлович уделял «Правде». Он повел решительную борьбу с недисциплинированностью и отсутствием должной организованности в работе редакции, на что указывал Ильич, особо подчеркивал недопустимость несвоевременного выполнения указаний ЦК и задержки публикования ленинских статей, чем иногда грешили работники «Правды».

Хотя Яков Михайлович старался поменьше выходить из дому, чтобы не попасться случайно на глаза шпикам, у него народ бывал постоянно. «Товарищи приходили к нему и на квартиру Самойлова, — вспоминает Петровский, — где жил Яков Михайлович, вызывал он людей и на мою квартиру, куда приходил в этих случаях. У меня на квартире Свердлов неоднократно собирал работников «Правды», проводил совещания пекистов... * Всех, кто бывал у Якова Михайловича, я не запомнил, но помню, что заставал Еремеева, Ольминского, как-то раз застал М. И. Калинина и других пекистов».

Как ни осторожно вел себя Яков Михайлович, сколь ни надежен был «бест», в котором он по указанию Ленина «засел», охранка вскоре узнала о его возвращении в Петербург. Больше того: охранке был известен чуть ли не каждый шаг Свердлова. Еще бы! Ведь осведомлял охранку матерый провокатор Малиновский, сотрудничавший одновременно и с Петербургским департаментом полиции и с Московским охранным отделением, провокатор, который действовал настолько ловко, так сумел втереться в доверие к большевикам, что на Пражской конференции был введен в состав ЦК, а при выборах Государственной думы был избран депутатом и вошел в состав большевистской фракции думы. От Малиновского — члена ЦК и депутата — секретов у большевиков не было, а тот старался вовсю, подробнейшим образом информируя охранку. Он-то и выдал Свердлова с головой.

Уже 10 января 1913 года, меньше чем через месяц после приезда Якова Михайловича в Петербург, Московская охранка сообщала:

«Выяснено, что настоящий состав редакционного комитета газеты «Правда» совершенно не удовлетворяет

---

* Пекисты — активные работники и члены Петербургского комитета партии.

своему назначению... Решено сменить состав редакционного комитета и ввести в таковой... «Андрея Уральского»...»

6 февраля 1913 года вице-директор департамента полиции осведомлял С.-Петербургское охранное отделение: «В департаменте полиции получены сведения о том, что вечером 23 января сего года в квартире члена Государственной думы Григория Ивановича Петровского состоялось собрание членов Русского бюро Ленинского Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии в составе Андрея Свердлова, членов Государственной думы Петровского и Малиновского, Голощекина...

По тем же сведениям, 22 января с. г. в квартире члена Государственной думы Петровского состоялось совместное собрание членов Русского бюро Центрального комитета и редакции газеты «Правда», всего в числе 12 лиц. На собрании был заслушан доклад Центрального комитета о газете «Правда», не проводящей строго партийных начал. Совещание выработало следующий план: из состава редакции названного органа избираются три члена для редактирования газет и еще одно лицо, не принадлежащее к составу редакции, с правом veto и цензурой всех статей, а именно член Ленинского Центрального комитета Андрей Свердлов...»

Слежка становилась все упорнее, все откровеннее. Охранка не спеша выбирала момент, чтобы схватить Свердлова. И зачем было ей спешить? Она знала, что не упустит Свердлова из поля зрения — на то был Малиновский!

В начале февраля к Ф. Н. Самойлову явился дворник и заявил, что у него есть сведения, будто в комнате Самойлова поселилось «непрописанное лицо». По словам дворника, «во дворе дома появились агенты тайной полиции, которые, должно быть, следят за вашим товарищем, и если они его арестуют, то и вам и мне придется отвечать за то, что допустили проживать без прописки».

Самойлов ответил дворнику, что тому нет никакого дела, кто у него проживает, но тут же известил Якова Михайловича о разговорах дворника и собрал всех депутатов Думы — большевиков, чтобы обсудить создавшееся положение. Был среди них, конечно, и Малинов-

ский. На совещании решили, что Якову Михайловичу необходимо поскорее перебраться на новое, более надежное место, чтобы избежать возможного ареста.

«Вечером в тот же день, — вспоминает Самойлов, — когда на дворе уже стемнело, мы всей группой вышли во двор и, закрыв собой со всех сторон Якова Михайловича, всей толпой подошли к заднему, выходящему на набережную Невы, деревянному забору, у наружной стороны которого, согласно уговору, уже ждал с извозчиком Малиновский. Мы помогли Якову Михайловичу перескочить через забор, и он с Малиновским «благополучно» уехал к нему на квартиру».

Место было воистину «надежным». Сами того не подозревая, товарищи передали Свердлова прямо с рук на руки провокатору царской охранки. Однако брать Свердлова на квартире у Малиновского охранка не собиралась: чего доброго, еще скомпрометируешь такого ценного агента! Директор департамента полиции Белецкий, человек умный и ловкий, с которым непосредственно был связан Малиновский, дал ему указание перевести Свердлова куда-либо. Впрочем, Яков Михайлович и сам не собирался задерживаться у Малиновского, хотя, конечно, никаких подозрений на его счет у него тогда не было. Во всяком случае, вечером 9 февраля 1913 года Яков Михайлович перебрался к Григорию Ивановичу Петровскому.

Как раз за день до этого приехала в Петербург и я с сыном. В Питере жила младшая сестра Якова Михайловича — Сарочка. Мы с ней постоянно переписывались, у нее я и переночевала первую ночь, оставив свои вещи в камере хранения. Сарочка выполняла отдельные поручения Свердлова, была связана с бюро ЦК и Петербургским комитетом и, конечно, знала, где искать Якова Михайловича. Он же сам из-за постоянных переездов не мог сообщить мне в Томск свое точное местонахождение.

На другое утро, 9 февраля, мы с Сарочкой отправились к Петровским. Когда мы пришли, Якова Михайловича у Петровских еще не было. Григорий Иванович и Домна Федотовна, его жена, встретили меня радушно, как своего человека. У них я застала нашего старого товарища, в прошлом активного работника Пермского комитета Бину Лобову, работавшую в редакции

«Правды» и секретарствовавшую в думской фракции большевиков.

Петровские занимали вместе с Шаговым большую квартиру, комнат в пять, и сразу же предложили мне поселиться у них. Я достаточно натерпелась с малышом в пути из Томска и с радостью приняла предложение. Даже на вокзал за вещами не пошла. Домна Федотовна и Бина настояли, что на следующий день поедут вместе со мной и помогут все перевезти. Ехать-то им действительно пришлось, только уже без меня...

Пока я располагалась у Петровских, появилась жена Малиновского, прослышавшая о моем приезде. Она притащила огромный букет цветов и тараторила, тараторила без конца часа, наверное, полтора-два, не меньше, хотя до этого вовсе меня и не знала. Еле я от нее избавилась.

Яков Михайлович появился только поздним вечером. Как и всегда, он был весел, бодр, полон всякими планами и замыслами. Но, трезво отдавая себе отчет в создавшемся положении, он не скрывал, что слежка его тревожит. Если, говорил Яков Михайлович, у Самойлова искали именно меня, а, надо полагать, это так, значит, выследили, хоть и не пойму, каким образом. Во всяком случае, в покое теперь не оставят.

По мнению Якова Михайловича, ему следовало как можно скорее искать новое надежное убежище. Связь Петровского с Самойловым была слишком тесной, чтобы, узнав, что Свердлов ушел от Самойлова, охранка не поинтересовалась другими депутатами-большевиками и не попыталась искать его у них.

Мне рассуждения Якова Михайловича казались справедливыми, а Григорий Иванович посмеивался:

— Да вы забыли, батенька, — возражал он Свердлову, — что я депутат. Лицо даже в царской России неприкосновенное. Живите себе пока, никто у меня на квартире вас не тронет.

— Депутат! Неприкосновенность! — басил Яков Михайлович. — Неужели вы относитесь к этому всерьез? Надо будет, плевать охранка захочет на вашу «неприкосновенность».

Так они спорили, дружески препираясь и подшучивая один над другим. Как ни уговаривал Григорий Иванович, Яков Михайлович остался на своей точке зрения и твердо решил поскорее куда-либо перебрать-

ся, «подальше от депутатов», как резюмировал он шутя.

Время за разговорами летело быстро, мы допоздна засиделись за столом и уже за полночь ушли с Яковом Михайловичем в отведенную нам комнату, где давно, мирно посапывая, спал маленький Андрей.

Но и оставшись наедине, мы еще долго не ложились: без конца Яков Михайлович расспрашивал, как добиралась я с малышом из Костыревой до Питера, расспрашивал о товарищах, оставшихся в Нарыме, рассказывал о себе, о работе, о делах в «Правде», в петербургской организации. Только под утро мы собрались спать, и тут в прихожей пронзительно и настойчиво затрещал звонок. Яков Михайлович прислушался:

— Ну вот, — спокойно произнес он, — как видно, наш спор с Григорием Ивановичем разрешился. Депутатская «неприкосновенность» налицо! Это, по-видимому, за мной. Прощай, родная, держись. Береги себя, сынишку. Опять тебе одной бедовать, и, наверное, надолго...

А в нашу комнату уже вломилась полиция: жандармский офицер, несколько полицейских офицеров, нижние чины, какие-то в штатском. Навзрыд заплакал разбуженный малыш, громко протестовал Петровский, тщетно ссылаясь на свою депутатскую неприкосновенность. Куда там! Его и слушать не хотели. Григория Ивановича не подпустили даже к телефону, когда он порывался позвонить полицейскому начальству. Арестовали нас всех троих, даже маленького сынишку. Якова Михайловича повезли в «Кресты», знаменитую по тем годам питерскую тюрьму, а меня с ребенком — в дом предварительного заключения, где мне уже довелось сидеть два года тому назад.

На следующий день «Правда» выступила с гневным протестом, подробно описав историю нашего ареста. «Вечером к депутату, — писала «Правда», — приехали из Томска его приятели: Яков Михайлович Свердлов, его жена Новгородцева и их двухлетний сын... Это и послужило основанием визита в квартиру депутата. После обыска и составления протокола Свердлова с женой и ребенком под усиленным конвоем полиции препроводили в спб дом предварительного заключения».

Еще день спустя «Правда» опубликовала открытое письмо депутата Г. И. Петровского «К товарищам рабо-

чим» и редакционную статью, разоблачая произвол и самоуправство полиции.

На страницах «Правды» Григорий Иванович Петровский писал:

«...Закон о депутатской неприкосновенности оказался весьма прикосновенным. 10 февраля на заре узрел я обычную российскую картину. Раздался звонок. На вопрос: «Кто?» — ответили: «Швейцар с телеграммой». Я отворил. Моментально квартиру запрудила полиция во главе с жандармским ротмистром и некие в штатском. Предъявили ордер охранного отделения для осмотра квартиры. Я протестовал и требовал, чтобы меня пустили к телефону заявить министру внутренних дел о незаконных действиях полиции. Но дверь заперли на ключ...

Арестовав двух гостей и ребенка, накануне вечером прибывших, полиция удалилась».

Известие об аресте Свердлова вскоре дошло до Кракова, до Ленина. 16 февраля Надежда Константиновна писала в Петербург для редакции «Правды» и питерских большевиков: «Очень рады, что вы не пали духом, хотя за Андрея обидно чертовски».

В Государственной думе разразился скандал. Социал-демократическая фракция Думы внесла 13 февраля 1913 года спешный запрос, решительно протестуя против обыска на квартире депутата и против того, что «по осмотре квартиры полиция задержала находившегося там знакомого депутата Петровского — Якова Михайловича Свердлова и г-жу Новгородцеву с ребенком». К запросу присоединилось 73 депутата, и Дума вынуждена была обсуждать запрос, но что от этого менялось? Прошло несколько месяцев, и Я. М. Свердлов решением Особого совещания был осужден к пяти годам ссылки. Меня осудили к двум годам высылки под особый надзор полиции.

Высылка отличалась от ссылки, в частности, тем, что я ехала не этапом в арестантском вагоне, как ссыльные, а должна была добираться до места высылки сама, как придется, и в конце апреля 1913 года я очутилась на улицах Петербурга без денег, без пристанища, с тяжело больным ребенком на руках.

Маленькому Андрею тюремное заключение, которое он отбывал вместе со мной, досталось нелегко. Как я ни старалась выделять ему лучшие куски, как ни изво-

рачивалась, чтобы достать хоть немножко молока или фруктов, малыш не перенес тюремного питания и заболел дизентерией. День ото дня становилось ему хуже, и, когда меня выпустили, сын наш был совсем плох. Куда было деваться? Что делать? Идти к Сарочке? Но она сама жила в малюсенькой комнатке, перебивалась с хлеба на воду. Чем она могла помочь? Я решила отправиться к Петровским, попросить совета, хоть какой-нибудь помощи. Правда, я их почти не знала, видела считанные часы, но это были большевики, друзья Якова Михайловича, товарищи. И я пошла...

Дверь мне открыла Домна Федотовна. Увидев меня, она со слезами бросилась мне на шею. Дома оказался и Григорий Иванович. Петровские поняли меня с первых слов. Они и слышать не хотели, чтобы я искала другое пристанище, заявив самым решительным образом, что никуда меня не пустят. Григорий Иванович тут же взял на себя все хлопоты, связанные с моим пребыванием в Петербурге, и отправился в полицию добиваться для меня разрешения хотя бы временно, до выздоровления сына, остаться в столице.

Хлопоты Григория Ивановича кончились ничем, ему отказали, но полторы-две недели я прожила у Петровских, и трудно передать, какой лаской и заботой были мы с сыном окружены все это время.

В первый же день Григорий Иванович известил Сарочку, и она тут же прибежала. Вскоре пришли Ольминский, Бонч-Бруевичи — Владимир Дмитриевич и Вера Михайловна, врач по специальности. Вместе с Сарочкой, также врачом, Вера Михайловна взялась за лечение Андрея. Первое время они сутками, сменяя друг друга, дежурили вместе со мной у кровати малыша, и жизнь его была спасена.

В начале мая 1913 года я распростилась с Петровскими и выехала на родину, под Екатеринбург, где мне первоначально разрешили отбывать ссылку. Вновь мы были разлучены с Яковом Михайловичем. И надолго...

Глава пятая

ТУРУХАНСКИЙ КРАЙ

ПЕРЕПОЛОХ В ОХРАНКЕ

В «Крестах» Яков Михайлович пробыл около трех месяцев и в мае 1913 года был выслан в Туруханский край. Место ссылки было выбрано на сей раз умело — бежать из Туруханки практически было невозможно.

Огромная территория Туруханского края, входившего в состав Енисейской губернии, простиралась вниз по Енисею от Енисейска до самого Ледовитого океана. Охватывала она свыше 1 миллиона 600 тысяч квадратных километров и значительно превышала территорию таких крупнейших европейских государств, как Англия, Германия и Франция, вместе взятых. Население же края состояло всего из 12—15 тысяч человек.

Природа Туруханского края, особенно северной его части, была дика и сурова. Бескрайная, непроходимая тайга, унылая тундра да болота раскинулись на тысячи верст. Долгая полярная зима тянулась около девяти месяцев в году. С наступлением зимы надвигалась ночь, завывали свирепые северные метели, морозы достигали шестидесяти градусов. Во время короткого лета ночь сменялась днем, солнце не заходило круглые сутки, и все же земля не успевала оттаять и на метр.

На слиянии Нижней Тунгуски и Енисея, в тысяче с лишним верст от ближайшего железнодорожного пункта — Красноярска, невдалеке от Северного полярного круга, раскинулось село Монастырское (ныне Туруханск), считавшееся в те годы административным центром Туруханского края.

В Монастырском была почта, телеграф, отделение государственного банка, две бакалейные лавочки, шко-

ла, даже больница. Там же находились полицейское управление отдельного туруханского пристава, несколько десятков стражников, мировой судья и, конечно, острог. Вместе с тем Монастырское было далеким, глухим селом, насчитывавшим четыре-пять десятков домов и лачуг. Ни театра, ни библиотеки не было и в помине. Все население Монастырского не превышало нескольких сот человек. В долгую северную зиму Монастырское утопало в саженных сугробах снега. Улицы были пустынны и мертвы, лишь вой метели нарушал беспробудную тишину угрюмой полярной ночи. Редко, очень редко раздавался скрип шагов одинокого прохожего, спешившего укрыться от сурового мороза.

Единственным путем, связывавшим Туруханский край с внешним миром, был Енисей. Летом — на пароходе и в лодках, зимой — на оленях, лошадях и собаках поддерживалась связь с Енисейском, Красноярском, Россией.

Путь был утомителен и долог. Сутками едешь, не встречая живой души, признака человеческого жилья. Селения, разбросанные по берегам Енисея, отстояли друг от друга на десятки, а то и сотни верст. Неделями приходилось выгребать на лодке против течения, неделями мчаться на собачьей упряжке, чтобы достичь Красноярска, железной дороги.

Как можно в таких условиях бежать, где найти приют в пути, пополнить запасы продовольствия? Одинокий путник был обречен на верную гибель, если бы рискнул предпринять подобное путешествие. И не только суровая природа была врагом беглеца — царские стражники караулили каждый его шаг. В отличие от Нарыма в Туруханском крае имелся телеграф, и в случае побега кого-либо из ссыльных все полицейские силы края немедленно были бы приведены в движение, и десятки стражников кинулись бы из всех расположенных по берегу Енисея селений и поселков наперерез бежавшему.

Мало этого. На юге Туруханки, там, где Туруханский край граничил с Енисейским уездом, по обеим сторонам реки обосновались специальные воинские заставы, которые зимой и летом, днем и ночью вели неослабное наблюдение, проверяли всех следовавших вверх или вниз по Енисею и задерживали каждого, кто не имел специального пропуска.

Крепкие и надежные преграды отделяли сосланных в Туруханский край от всего остального мира. Недаром из Туруханки за последние годы существования там царской ссылки почти никто не бежал.

Оторванность от жизни была такая, как мало где в другом месте. Почта в Монастырское приходила редко и нерегулярно, письма, газеты, журналы шли сюда свыше месяца, а в дальние станки (так назывались в Сибири отдельные небольшие поселки) и того дольше.

Вот сюда-то, в эту глушь, и сослало царское правительство Свердлова.

В мае 1913 года Яков Михайлович был доставлен в арестантском вагоне из Петербурга в Красноярск и помещен в красноярскую пересыльную тюрьму. Здесь ему довелось просидеть около месяца в ожидании отправки к месту ссылки.

Состав политических заключенных красноярской пересылки был весьма разнороден. Наряду с большевиками там были меньшевики, анархисты, эсеры, бундовцы, участники социал-демократических организаций Польши и Литвы, пэпэсовцы. Многие из тех, кто находился в красноярской тюрьме, годами не выходили из заключения, меняя тюремную камеру на арестантский вагон, вагон на новую тюрьму, каторгу на поселение. Многие отстали от внутрипартийной жизни, не слыхали о Пражской конференции, не знали о предательской деятельности ликвидаторов и троцкистов, о полном и окончательном разрыве с ними большевиков.

Свердлов не замедлил ввести товарищей в курс событий. Он дал подробный анализ политической обстановки в стране и в партии, помог заключенным красноярской пересылки разобраться во всех ее сложностях, обрисовал сущность ликвидаторства и троцкизма, покушавшихся на самое существование партии.

«С Яковом Свердловым, — писал в своей книге «В тюрьмах Сибири» выдающийся литовский большевик Викентий Семенович Мицкевич (Капсукас), — мне довелось встретиться в красноярской пересыльной тюрьме. Он резко выделялся среди всех политических ссыльных. С ним я вел разговоры целыми часами, прислушивался к его рассказам о том, что случилось за последние годы, как меньшевики стали ликвидаторами...»

В начале июня группа заключенных, среди которых находился Я. М. Свердлов, была погружена на пароход «Турухан» и доставлена в Енисейск. Отсюда Свердлов в сопровождении нескольких стражников двинулся в лодке вниз по Енисею в Монастырское, куда и прибыл в конце июля 1913 года. Однако в Монастырском Якова Михайловича не оставили. Он был направлен в деревню Селиваниху, верст на тридцать севернее Монастырского.

Через некоторое время тот же путь совершил Сталин. Он был арестован в Петербурге через две недели после Свердлова, сразу же по возвращении из-за границы, и приговорен к четырем годам ссылки в Туруханский край.

Между прочим мне не раз приходилось встречаться с утверждением, широко распространенным в нашей исторической литературе, будто Я. М. Свердлов в конце 1912 — начале 1913 года работал в Петербурге вместе с И. В. Сталиным, тогда как это совершенно неверно. Яков Михайлович приехал в Петербург в 20-х числах декабря 1912 года, когда Сталина там уже не было, он уехал за границу. Вернулся же Сталин из-за границы в середине февраля 1913 года, после ареста Свердлова, в Питере они не встречались и вместе не работали. Впервые после Нарыма Свердлов и Сталин встретились в туруханской ссылке. В конце сентября 1913 года Яков Михайлович писал в Петербург депутатам Государственной думы — большевикам: «Только что распростились с Васькой (Василий — одна из партийных кличек И. В. Сталина. — *К. С.*), он гостил у меня неделю (И. В. Сталин первоначально был поселен в деревне Костино верстах в 50 от Монастырского. — *К. С.*)...»

Едва Свердлова и Сталина доставили к месту ссылки, едва они там встретились, как в охранке поднялся несусветный переполох: где Сталин и Свердлов? На месте ли? Не бежали ли? Ведь сбегут, непременно сбегут! Принимайте меры! Усиливайте охрану!

Департамент полиции шлет из Петербурга отношение начальнику Енисейского губернского жандармского управления:

«Ввиду возможности побега из ссылки в целях возвращения к прежней партийной деятельности... Иосифа Виссарионовича Джугашвили и Якова Михайловича

Свердлова, высланных в Туруханский край под гласный надзор полиции, департамент полиции просит ваше высокоблагородие принять меры к воспрепятствованию Джугашвили и Свердлову побега из ссылки.

Исп. об. вице-директора Васильев».

22 ноября 1913 года начальник Енисейского губернского жандармского управления вновь получает из Петербурга бумагу и 2 декабря докладывает енисейскому губернатору:

«Департамент полиции уведомил меня, что, по полученным в департаменте полиции сведениям, видные члены Ленинского Центрального комитета Российской социал-демократической партии намереваются устроить побег административно-ссыльному Якову Михайловичу Свердлову, находящемуся в ссылке в Туруханском крае.

Сообщая об изложенном, присовокупляю, что департамент полиции просит принять меры к воспрепятствованию побега из места ссылки названному Свердлову.

Полковник Байков».

18 декабря из департамента полиции летит новая телеграмма, уже прямо енисейскому губернатору:

«Яков Свердлов, Иосиф Джугашвили намереваются бежать из ссылки. Благоволите принять меры к предупреждению побега.

Директор С. Белецкий».

Еще уведомление, отношение, докладная записка. Еще телеграмма, еще, еще... Летят телеграммы из Петербурга и Москвы, в Красноярск, в Енисейск, из Енисейска в Монастырское. Жандармские чиновники строчат одно отношение за другим. Департаменту полиции мерещится, что Свердлов бежал из ссылки, что он уже в Москве, что Свердлов... за границей!

Московская охранка пишет в Красноярск, что «названный Свердлов 15-го минувшего февраля выехал из Москвы за границу, но куда именно, неизвестно». Петербург нервничает, запрашивает, торопит.

13 марта 1914 года енисейский губернатор сообщает начальнику Енисейского жандармского управления:

«По получении отношения вашего от 13 февраля за № 3777 об административно-ссыльных Туруханского края Иосифе Виссарионовиче Джугашвили и Якове Михайловиче Свердлове, предполагающих, по сведениям департамента полиции, совершить побег из края, и о появлении последнего из них, Свердлова, будто бы уже в гор. Москве, — мною 20 февраля поручено было Туруханскому отдельному приставу немедленно донести: находятся ли налицо в месте водворения упомянутые выше поднадзорные Джугашвили и Свердлов, а также приняты ли им, приставом, в исполнение данных ему ранее распоряжений меры. к предупреждению всякой возможности побега названных поднадзорных из места ссылки.

В ответ на это поручение пристав Кибиров телеграммою от 12 сего марта донес мне, что оба поименованные поднадзорные находятся налицо в крае и что меры к предупреждению их побега приняты».

И меры были приняты. В середине марта 1914 года Свердлова из Селиванихи, а Сталина из Костина перевели в невероятную глушь, в далекий станок Курейка, гиблое место, где было всего три-четыре десятка жителей, несколько стражников и лишь двое ссыльных — Свердлов и Сталин.

13 марта 1914 года Яков Михайлович писал сестре в Петербург:

«Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 180 верст севернее, на 80 верст севернее Полярного круга. Только двое будет на станке и при нас два стражника. Надзор усилили, от почты оторвали. Последняя раз в месяц через «ходока», который часто запаздывает. Практически не более восьми-девяти почт в год».

Несколько дней спустя, в конце марта, Яков Михайлович уже из Курейки писал друзьям в Петербург: «Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни».

Полицейский департамент не ошибался, утверждая, что для организации побега Свердлова и Сталина принимаются меры. Еще летом 1913 года Центральный Комитет партии обсуждал вопрос об организации побега Свердлова и Сталина, о чем Малиновский не замедлил информировать департамент полиции.

Продолжались попытки устроить побег и в первой половине 1914 года. Бежать, однако, на сей раз не удалось. Крепко сторожила своих пленников суровая сибирская тайга, бдительно охраняли их многочисленные стражники. А в августе 1914 года разразилась первая мировая война, нарушились и усложнились связи находившегося за границей Центрального Комитета с Россией, еще труднее стала организация побега.

ТУРУХАНСКАЯ ПРОЗА

Нелегко давалось Свердлову пребывание в Курейке. Его организм, подорванный многолетними скитаниями по царским тюрьмам, этапам и ссылкам, с трудом приспосабливался к особенностям Заполярья. Яков Михайлович серьезно заболел. Начались головные боли, наступил резкий упадок сил. Некоторое время спустя, уже преодолев болезнь, он писал мне: «Было скверно. Я дошел до полной мозговой спячки, своего рода мозгового анабиоза. Мучил меня этот анабиоз чертовски».

А тут еще почти полная изоляция от внешнего мира, от живой товарищеской среды. Обладай Яков Михайлович замкнутым характером, Курейка, быть может, была бы для него не так тяжела, но он отличался общительностью и неистребимым интересом к людям, к явлениям общественной жизни, и это делало пребывание в Курейке особенно тягостным.

Начавшаяся в августе 1914 года война обострила тягу Якова Михайловича к общению с товарищами, стремление быть в курсе событий, разбираться в сложной обстановке, делиться своими мыслями с друзьями, единомышленниками, знать их точку зрения. В первые же дни войны, 12 августа, он мне писал: «Говорят, что в Монастыре группа лиц вошла в договорные отношения с Агентством для получения телеграмм. Если так, всеми силами буду добиваться перевода поближе».

Ссыльные Монастырского, Селиванихи, Мироедихи, озабоченные состоянием здоровья Якова Михайловича, зная его настойчивое желание быть поближе к людям, к источникам информации и сами нуждаясь в нем, так как в связи с войной беспрестанно возникала уйма сложнейших вопросов, потребовали от туруханского пристава Кибирова возвращения Свердлова.

Кибиров, тупой, самонадеянный чиновник, являющийся высшей полицейской властью в крае и подчинявшийся непосредственно иркутскому генерал-губернатору, пуще всего боялся скандалов. Не желая без особой нужды обострять отношения со ссыльными, он уступил их настойчивым требованиям, и в сентябре 1914 года Свердлов был возвращен из Курейки в Селиваниху. Здесь в это время находился Филипп Голощекин (Жорж) *, с которым Якова Михайловича связывала личная дружба, возникшая еще в 1910 году, во время первой ссылки Якова Михайловича в Нарым, где находился тогда и Голощекин. Жил в Селиванихе и еще коекто из ссыльных.

Оторванность от внешнего мира была здесь куда меньше, чем в Курейке. «Не реже раза в неделю, — писал мне 27 октября 1914 года Яков Михайлович, — или я, или Ж(орж) бываем в Монастырском. Сами тогда читаем телеграммы. В промежутках ездят крестьяне и привозят сведения, или же кто из ссыльных побывает в Монастырском. Нет той оторванности, полной неизвестности, которая была бы там».

Про Туруханку старожилы говорили, что климат там особый. Новый человек либо приспосабливается, живет и даже излечивается от прежних болезней, либо быстро умирает. Яков Михайлович выжил. Здоровье его в Селиванихе постепенно улучшилось, хотя и здесь жизнь была не сладка. Продукты стоили невероятно дорого, мизерного пособия едва хватало на полуголодную жизнь. Если кому-либо из ссыльных и удавалось иногда тяжелым физическим трудом заработать за лето сорок-пятьдесят рублей, это считалось редкой и большой удачей. Хлеба, круп, овощей ссыльные почти не имели, не было иного мяса, кроме оленины, не было яиц, муки. Редкостью считалось масло, картошка, молоко. Трудно было достать сахар, соль, спички, табак.

Тем, у кого были родные и близкие, имевшие возможность высылать деньги, было, разумеется, легче, но

---

* Филипп Исаевич Голощекин (партийная кличка «Жорж») — старый большевик, член партии с 1903 года, участник Пражской конференции. На Пражской конференции был избран членом ЦК. После Октября — на партийной работе. Секретарь Уральского обкома партии, член Сиббюро ЦК, секретарь крайкома ВКП(б) Казахстана. Неоднократно избирался в состав Центрального Комитета ВКП(б). Близкий друг Якова Михайловича.

таких было немного. Правда, отдельным ссыльным помогали товарищи, находившиеся на воле. Они собирали средства, выписывали ссыльным газеты и журналы, высылали книги.

Свердлову и Сталину изредка пересылал деньги Центральный Комитет, изыскивавший средства, несмотря на скудость партийной кассы. Заботились о них большевики — депутаты Государственной думы. В конце сентября 1913 года Яков Михайлович писал одному из депутатов: «Если у тебя будут деньги для меня или Васьки (могут прислать), то посылай...»

Однако усилия товарищей часто пропадали даром: денег Свердлову не передавали, книги задерживали, газеты конфисковывали.

29 декабря 1913 года депутат Государственной думы Алексей Егорович Бадаев писал Свердлову: «Дорогой Яков Михайлович! Посылаю 25 рублей, собранные группой студентов... С газетой «Речью» устроимся посылкой, но об остальных рабочих газетах и журналах — сказать очень трудно. Нам кажется, что это какая-то пропасть, где все проваливается, кроме «Речи», известной газеты полиции, а остальные все ими пожираются.

Дорогой! Все это посылалось не один раз при выходе в свет, как газеты, так и журналы; ведь деньги 20 рублей посланы черт знает когда, а вы не получили».

Лишенные средств к существованию, ссыльные сами добывали себе на пропитание. Помогала охота и рыбная ловля. Летом бывало изрядно дичи, а Енисей круглый год давал рыбу. Дрова ссыльные сами рубили в тайге, сами возили их домой. Воду приходилось возить с речки, а зимой это было нелегким делом. Приходилось плотничать, скорняжить, уж не говоря о шитье, стирке...

Вопреки всем и всяческим препятствиям, обходя полицейские рогатки, Яков Михайлович сразу же по прибытии в туруханскую ссылку завязал обширную переписку с товарищами как в Центральной России, так и в отдаленных уголках сибирской ссылки.

Учитывая, что все адресованные ему письма подвергались самому тщательному пересмотру и строгой цензуре, Яков Михайлович нередко использовал для связи с партийными организациями и отдельными товарищами адреса местных жителей, среди которых у него было немало друзей.

Самой оживленной была у Якова Михайловича переписка с большевиками-думцами Петровским и Бадаевым, прервал которую арест депутатов в конце 1914 года и высылка их в Сибирь. Переписывался он и с женой Григория Ивановича — Домной Федотовной, с М. С. Ольминским, Е. Д. Стасовой, В. С. Мицкевичем (Капсукас), А. П. Тайми, со старыми друзьями — Ольгой Дилевской, Ваней Чугуриным, Глафирой Ивановной Окуловой, еще с рядом товарищей.

Он делился с товарищами своими мыслями и соображениями по важнейшим политическим вопросам, принимал участие в решении общепартийных дел, налаживал информацию по всей енисейской ссылке.

Еще во время пребывания в красноярской пересыльной тюрьме Викентий Семенович Мицкевич поделился со Свердловым своими планами об издании сборника, посвященного жизни политической каторги. Яков Михайлович сразу же подхватил ценную инициативу. Едва обосновавшись в Селиванихе, он пишет Викентию Семеновичу:

«Я сделаю все возможное для облегчения выполнения Вашего плана. Как и говорил уже Вам (Яков Михайлович имеет в виду свои разговоры с Мицкевичем в красноярской пересылке. — *К. С.*), нахожу выпуск сборника крайне целесообразным... Могу сделать следующее: списаться с «Просвещением» * и некоторыми отдельными лицами ...напишу кому-либо из депутатов, лучше всего т. Петровскому... Одновременно пишу в «Просвещение» о внимательном отношении ко всему, что Вы пошлете».

К письму была приложена короткая записка Петровскому с просьбой оказать необходимое содействие в издании сборника.

В письмах к Петровскому и Бадаеву Яков Михайлович излагал свои соображения в связи с позицией большевистской фракции в Государственной думе, одобряя разрыв депутатов-большевиков с меньшевиками. Петровскому он пересылал статьи для опубликования в большевистской печати.

«Дорогой т. Григорий Иванович! — писал Я. М. Свердлов Г. И. Петровскому 26 декабря 1913 го-

* «Просвещение» — теоретический журнал большевиков, издававшийся с 1911 по 1914 год в Петербурге. Руководил работой журнала В. И. Ленин.

да. — Препровождаю Вам кусок статьи. Другой кусок идет окольным путем и прибудет через один-два дня. Прочтите и по собственному усмотрению передайте в «Просвещение» или «За правду»... Хочется быть по возможности полезным и издали».

От всех, с кем Яков Михайлович переписывался, он требовал подробных сообщений о последних событиях, высылки газет, журналов. Из Селиванихи он постоянно «удирал» в Монастырское. Наблюдавший за Свердловым надзиратель доносил по начальству: «административно-ссыльный Яков Свердлов ежедневно ходит в лес рубить дрова, а между прочим, уходит в село Монастырское».

Каждого из вновь прибывших в Монастырское ссыльных Свердлов подробнейшим образом расспрашивал обо всем происходящем на воле.

Питерский рабочий-большевик Борис Иванов, попавший в туруханскую ссылку в 1915 году, так описывает свою первую встречу со Свердловым:

«Когда моя нога ступила на твердую почву забытого у Полярного круга уголка земли, я первым делом отправился разыскивать Свердлова. Разыскал. Шумно закипела беседа, на столе появился чай, а я подробно рассказывал Якову, что делается в рабочих центрах...

Как поставлена работа в районах? Насколько близка организационная связь с массами? Есть ли работа в армии и проявляются ли ее реальные результаты? — засыпал он меня вопросами, быстро шагая по комнате, затягиваясь папиросой и иногда поглаживая черные кудри».

Новые ссыльные, однако, не часто прибывали в Туруханку. Значительно чаще проезжали мимо Монастырского участники различных экспедиций, направлявшихся для исследовательских работ в глубь края. Ехали географы, метеорологи, геологи, ботаники...

Яков Михайлович не пропускал ни одного парохода. Он переходил от пассажира к пассажиру, со свойственным ему уменьем завязывал беседы с людьми, неизменно находил интересных собеседников и, что называется, вцеплялся в них с такой силой, устоять против которой было невозможно.

Сутками Свердлов разговаривал со свежими людьми, и, когда пароход уходил, Яков Михайлович знал обо всем, что творилось на свете.

На обратном пути, осенью, участники экспедиций заходили к Свердлову уже как к хорошему знакомому. Они снабжали Якова Михайловича и ценной научной информацией, помогавшей ему изучать жизнь и природные условия края. По возвращении в Красноярск многие из них высылали Свердлову различные справки и книги, нужные для научной работы.

По кусочкам, по крупинкам, из писем и газет, из бесед с живыми людьми Свердлов собирал обширную информацию о событиях в стране, о жизни партии. Всеми полученными сведениями он спешил поделиться с товарищами по енисейской ссылке.

«Мы были совершенно отрезаны от центра, — вспоминает Елена Дмитриевна Стасова, с 1914 по 1916 год отбывавшая ссылку в Минусинске, в тысяче с лишним километров южнее Монастырского, — но Яков Михайлович умудрялся каким-то непонятным для нас чудом сохранять живую связь со всем миром. Все свои силы он сосредоточивал на том, чтобы поднять дух товарищей и поддержать луч света, который освещал нам путь... Он делал это не только в своем ближайшем районе, но старался поддерживать связь со всеми разбросанными по обширной Сибири товарищами».

Елена Дмитриевна рассказывает, как Яков Михайлович, получив какое-нибудь интересное партийное издание или статью, переписывал их в десятке экземпляров и рассылал товарищам, а затем подлинник пересылал ей, после чего Елена Дмитриевна проделывала ту же работу *. В свою очередь, и Стасова, получая что-либо интересное, пересылала после размножения Якову Михайловичу.

ВОЙНА

19 июля (1 августа) 1914 года разразилась первая мировая война. Как ни далек был от Туруханки грохот артиллерийских орудий, отзвуки его всколыхнули всю ссылку. Война, ее воздействие на различные стороны общественной жизни, ее неизбежные последствия — вот

* Это свидетельство Е. Д. Стасовой подтверждается обнаруженными в Новосибирском партархиве ленинскими статьями, переписанными рукою Якова Михайловича и Клавдии Тимофеевны. См. статью «Сибирская находка». — «Правда», 1974, 25 января. *(Ред.)*

тот круг вопросов, который встал в центре внимания политических ссыльных.

Война потребовала от каждой политической партии, от каждого мыслящего человека четкого и ясного определения своих позиций. Большинство вождей международной социал-демократии, а вместе с ними и русские меньшевики, эсеры, еще вчера называвшие себя социалистами, открыто изменили социализму, предали дело трудящихся, выступив в поддержку буржуазного отечества и скатившись на шовинистические позиции. Одна-единственная партия — большевики, возглавляемые Лениным, мужественно и решительно подняли свой голос против войны, беспощадно разоблачали ее грабительский характер, призывали пролетариат воюющих стран обратить оружие против своей буржуазии.

Туруханские большевики поначалу не знали позиции партии, позиции Ленина. Им приходилось самостоятельно определять свою точку зрения, исходя лишь из скупых телеграфных сообщений. Ведь требовались недели, чтобы до Туруханки дошли газеты и журналы.

Война застала Якова Михайловича Свердлова за Полярным кругом, в Курейке. 12 августа 1914 года, менее чем через месяц после начала войны, Яков Михайлович писал мне:

«В данный момент волнует сильнее всего происходящее там, вдали отсюда. Сведения более чем скудны. Редкие телеграммы, газеты. Невозможно сразу охватывать такую массу событий первостепенной мировой важности. Нет совершенно сведений, к которым можно было бы относиться с полным доверием... Мало, безобразно мало знаю. А впереди еще оторванность на полтора-два месяца... Больно ударило убийство Жореса. Некоторые из товарищей провидят отчаянный разгром рабочего движения, торжество реакции, которая отбросит его далеко назад. Не могу думать так. Скорее рабочее движение сделает большой скачок вперед. Ужасы войны, ее последствия, тяжелое бремя, долженствующее надавить на самые отсталые слои, сделают огромное революционное дело, прояснят сознание еще не затронутых миллионных масс и в отсталых странах... Возможны жестокие репрессии во время войны, возможны и эксцессы реакционеров. Но победа не в их руках. Их эксцессы могут быть, по-моему, лишь предсмертными судорогами. Да, мы, несомненно, переживаем начало конца...

Рост острого недовольства неизбежен, не заглушит его барабанный грохот».

Не располагая еще сведениями о позиции ЦК, Ленина, имея лишь невероятно скудные материалы, Свердлов не мог дать исчерпывающего анализа событий, до конца определить перспективы развития международного рабочего движения. Но ни на минуту не охватило его чувство растерянности, ни на шаг не отступил он от последовательных интернационалистских позиций. В одном из последующих писем он решительно осуждает «поведение германской с.-д., вотировавшей расходы на войну», пишет, что «трудно желать победы какой бы то ни было из воюющих сторон».

Беспощадно обрушивался Яков Михайлович на российских меньшевиков, занявших шовинистические позиции.

Когда же до Туруханки дошли первые статьи Ильича с анализом характера мировой войны, опубликованные на страницах «Социал-демократа», Яков Михайлович сразу и безоговорочно принял ленинскую точку зрения.

•

В памяти многих Яков Михайлович остался прежде всего как выдающийся организатор, крупнейший практик, строитель партии и Советского государства, пропагандист и агитатор.

Поглощенный организационно-политической работой, Яков Михайлович в предоктябрьские и послеоктябрьские дни почти ничего не писал, кроме многочисленных партийных и советских документов.

Литературных произведений Свердлов вообще оставил мало. Слишком коротка была его жизнь. Яков Михайлович Свердлов не прожил и тридцати четырех лет, из них всего лишь полтора года после установления Советской власти. Из тридцати двух лет жизни до революции около двенадцати лет Свердлов провел в неволе: свыше пяти с половиной — в камерах и казематах царских тюрем и шесть — в самых гиблых, далеких углах Сибири, в ссылке. Четырнадцать раз подвергался он арестам. Такова была арифметика жизни Якова Михайловича Свердлова. Впервые более или менее оседло зажил Свердлов в Туруханске, если можно считать те

условия нормальной жизнью. Как раз во время пребывания в туруханской ссылке из-под его пера вышел ряд статей, очерков, писем.

Убедившись, что бежать из Туруханки вряд ли удастся, что застрять здесь придется надолго, Яков Михайлович энергично взялся за теоретическую работу, всерьез занялся литературным трудом. Его теоретическая мысль оттачивалась в дальнейшей работе над трудами Маркса, Энгельса, Ленина, в критическом разборе книг и статей Каутского, Гильфердинга, Паннекука, в беспрестанной, систематической работе над многочисленными публицистическими ежемесячниками, над журналами и газетами, в страстных спорах с товарищами.

Много, упорно работал Яков Михайлович. «Если мы бросим взгляд на жизненный путь этого вождя пролетарской революции, — говорил о Свердлове Ленин, — то увидим сразу, что... этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам...»

Не было из Туруханки от Якова Михайловича ни одного письма, в котором бы он не поднимал тех или иных теоретических вопросов. Основное внимание Яков Михайлович уделял вопросам международного рабочего движения и партийного строительства, отдельным историческим проблемам, экономике и перспективам развития Сибири и Туруханского края. В Туруханке им были написаны статьи: «Раскол в германской социал-демократии», «Крушение капитализма», «Война и Сибирь».

Статья «Раскол в германской социал-демократии» была написана Яковом Михайловичем в 1916 году для сборника «Прилив», который издавала в Москве группа большевиков, связанных с Русским бюро ЦК: М. С. Ольминский, В. П. Ногин, И. И. Скворцов-Степанов и другие. Одну статью для сборника дал Владимир Ильич Ленин.

Страстно выступал Свердлов против оппортунистов, врагов большевизма. Узнав в июне 1914 года о появлении журнала Троцкого «Борьба» и плехановской газеты «Единство», Яков Михайлович писал: «Что касается «Борьбы» и «Единства», то я лично не думаю, чтобы они могли приобрести сколько-нибудь сильное влияние в массах... Вся их позиция вместе с некоторой полемикой с ликвидаторами не может ничего дать отличного от ликвидаторов... Только в упадочный период «болото»

может нечто значить, как это было с Троцким в 1909—1910 годах... Немногим лучше и с плехановским «Единством». Плеханов хотел бы взять на себя роль верховного третейского судьи между воюющими друг с другом «братьями». Но он хотел бы добиться этой роли одним своим именем, силой своего личного авторитета. Увы, теперь это очень и очень мало значит».

Как только до Туруханки дошли известия о Циммервальдской конференции интернационалистов, на которой Ленин образовал так называемую Циммервальдскую левую группу и заложил основы нового, подлинно коммунистического III Интернационала, Яков Михайлович предложил товарищам серьезно заняться вопросами международного революционного движения. Он прочел цикл лекций по истории II Интернационала и задачах будущего, III Интернационала.

На основе этих лекций Яков Михайлович готовил для печати «Очерки по истории международного рабочего движения». Очерки эти были началом задуманной Яковом Михайловичем большой работы по истории международного рабочего движения начиная с возникновения I Интернационала. Работу над книгой прервала Февральская революция, а возобновить ее Якову Михайловичу так и не удалось.

Не надо забывать, что условия жизни в Туруханке никак не благоприятствовали плодотворной научной деятельности. Много сил и времени отнимали мелочи быта, постоянная забота о пропитании. Немало энергии уходило и на работу среди ссыльных, на обширную переписку.

В письме М. С. Ольминскому Яков Михайлович признавался: «Работать мне приходится исключительно по ночам, урывая время у сна, уделять которому могу maximum четыре-пять часов».

Чрезвычайно осложняла научную работу страшная скудость материалов. Ведь ни в Монастырском, ни тем более в Селиванихе не было даже самой захудалой библиотеки. Негде было достать простейший справочник, нужную книгу, статистическую таблицу, периодическую литературу — все то, без чего крайне трудно вести научную и литературную работу. И тем не менее, преодолевая все препятствия, Яков Михайлович вел ее. 26 декабря 1913 года он писал Домне Федотовне Петровской: «Работаю вовсю, просиживая по десять-двенадцать ча-

сов за столом почти не вставая Много читаю, немного пишу, самочувствие великолепное...»

Уже к 1916 году у него образовалась кое-какая личная библиотека. В ней были, конечно, основные работы Маркса и Энгельса, отдельные произведения Ленина, были книги Гильфердинга, Розы Люксембург, отдельные номера большевистского теоретического журнала «Социал-демократ», ряд номеров немецкого социал-демократического журнала «Нойе Цайт», журналы «Современник», «Просвещение», «Заветы», «Русское богатство», «Наша заря», «Современный мир».

Всерьез занялся Яков Михайлович в Туруханке изучением края. Кропотливо и упорно собирал он материалы о богатейшем, неизведанном крае, превращенном царским правительством в огромную тюрьму. Ему помогали ссыльные с разных станков, местные жители — крестьяне и рыбаки, остяки и тунгусы.

Чтобы разговаривать с тунгусами и остяками, Яков Михайлович изучал их язык. Борис Иванов вспоминает, как Яков Михайлович «иногда подъедет на нартах с собаками, чтобы вместе ехать в чумы, к остякам. Там его знали. Он имел книжку, в которую записывал остяцкие слова и перевод на русский. Яков Михайлович мог както с ними изъясняться».

Перспективы развития Сибири не раз возникали уже тогда перед мысленным взором Свердлова, и горечь охватывала его, что так мало внимания уделяется неисчислимым богатствам окраин необъятной России.

В Туруханке Свердлов написал работы о положении ссыльных: «Царская ссылка за десять лет (1906—1916 гг.)» и «Туруханский бунт».

В очерках, статьях и особенно в письмах содержатся многие мысли Свердлова по философским и социальным проблемам, по вопросам литературы, культуры, к которым за неотложными делами революции он впоследствии так и не смог вернуться, не успел развить их в цельные, законченные произведения.

Неоднократно обращался Яков Михайлович к вопросам искусства, его классовому характеру. 15 февраля 1915 года он писал одному молодому, начинающему скульптору: «Общие вопросы человеческого общежития должны выдвигаться на первый план у современного интеллигентного человека, если он обладает хотя некоторой чуткостью. Иное дело решение этих вопросов. Тут

дело чрезвычайно осложняется... Можно сделать искусство доступным по замыслу, идее, но из этого оно еще не станет доступным. Только тогда действительно массы смогут знакомиться с искусством, когда у них будет достаточный досуг и материальное положение значительно улучшится, когда они не будут подавлены нуждой и исключительными думами о куске хлеба. Значит ли это, что искусство пока бесполезно для улучшения человеческой жизни? Нет, совсем не значит. Художник, чуткий к жизненным явлениям, предчувствующий иную, яркую, светлую, радостную жизнь для всех, может сделать много. Среди преобразователей жизни художники могут занять почетное место. При каких условиях? Они могут будить мысль все же широких кругов, могут порождать стремление к лучшей жизни. И это двояким путем. Показывая «жизнь во всей ее наготе», будут рождать недовольство ею и стремление к ее изменению. Того же может достигнуть художник, противопоставляя современной антагонистической жизни жизнь гармоничную. Путей много перед чутким художником. Важно лишь, чтобы творчество его было сознательным. Нелепы разговоры об искусстве для искусства. Всякое искусство как порождение людей носит на себе отражение той или иной человеческой среды. И это надо хорошо понять».

Самые разнообразные вопросы затрагивал Свердлов в своих письмах из туруханской ссылки. Но каждое его письмо, чему бы оно ни было посвящено, было проникнуто верой в рабочий класс, в его силы, в конечное торжество пролетарского дела.

«НЕ ТЕРЯТЬ «ДУШУ ЖИВУ»!»

Загоняя большевиков в далекую глушь сибирской ссылки, царское правительство не только лишало их возможности вести активную революционную работу, не только пыталось вывести на длительное время из строя, но и всячески стремилось морально искалечить человека, убить в нем «душу живу», превратить активного борца в политическую и моральную развалину. Суровый климат, вечная борьба за кусок хлеба, оторванность от всего дорогого, от любимого дела, от родных и близких, от животворной товарищеской среды нередко играли роковую роль.

Были такие, что не выдерживали. Душу начинала точить, разъедать тоска, появлялись, постепенно овладевая человеком, уныние, упадочничество. Опускались руки. Ничто не интересовало, ничего не хотелось. Из-за пустяка возникали ссоры, склоки, подрывавшие и разрушавшие те небольшие коллективы, которые возникали в каждом селении, на каждом станке, где было хотя бы несколько политических ссыльных.

Дошел же в Туруханке один из административно-ссыльных до такого отчаяния, что облил керосином свою избушку, себя, поджег дом и бросился в бушующее пламя. Даже среди большевиков бывало, что кое-кто превращался в злобствующего, опустившегося обывателя, бывали случаи самоубийства. Да, нелегко, очень нелегко было в такой далекой, глухой и заброшенной ссылке, как туруханская. «Эта ссылка, — писал Яков Михайлович Л. Н. Дилевской, — хуже всякой другой... Оторванность от всех адская, отдаленность убийственная».

В таких условиях огромную роль играло великое чувство товарищества, вовремя сказанное дружеское слово, простое, человеческое внимание, бескорыстно и чистосердечно предложенный в тяжелую минуту кусок хлеба, горячий обед, какой-нибудь рубль-другой. Как важно было иногда крепко, даже жестоко выругать товарища, не дать ему распуститься, заставить взять себя в руки, приняться за книги, за любое, хотя бы пустяковое дело.

В суровой борьбе за человека, за товарища и соратника, которая велась ежедневно, ежечасно, горячую любовь и признание ссыльных завоевывал тот, кто умел до конца сохранить «душу живу» и помогал другим не терять ее. Много лет прошло с тех пор, но оставшиеся в живых большевики-туруханцы и поныне с особой теплотой вспоминают всегда жизнерадостного и бодрого, чуткого и внимательного Свердлова. Неослабный интерес Якова Михайловича ко всем общеполитическим и внутрипартийным событиям, которым он заражал окружающих, его горячая забота о товарищах, готовность поделиться последним, внимание к нуждам забитых местных жителей — все это было так нужно, так важно в глуши сибирской тундры.

«Мрачна была жизнь дальней ссылки, — вспоминает Борис Иванов, — мертвящая обстановка ссылки, да еще такой, как туруханская, не могла бы быть легкой для

нас без участия и без работы товарища Якова. Яков оживлял ссылку, внося в нее оздоровляющую струю».

Адольф Петрович Тайми, отбывавший в 1913—1915 годах ссылку в Подкаменной Тунгуске, невдалеке от Монастырского, вспоминает: «Однажды на реке показались две лодки, шедшие сверху по течению. Мы вышли на берег. Когда первая лодка пристала к берегу, из нее вышли двое. Мы поздоровались. Один из прибывших назвался Свердловым Яковом Михайловичем. По обычаю мы пригласили приезжих товарищей ночевать к себе... Свердлов был необыкновенно занимательный рассказчик и веселый собеседник. После обеда на стол был водворен наш самовар и за чаем просидели, беседуя, до глубокой ночи. Свердлов говорил о положении в России. Он глубоко верил в близость революции и не сомневался в ее победе. Обычно человеку, попавшему в тюрьму или в ссылку, свойственно все видеть в мрачных красках — собственный провал невольно воспринимается как общее поражение. Меня удивили бодрость духа и оптимизм Свердлова. Я не знал тогда, какое положение занимал он в партии. Но чувствовалось, что это личность незаурядная, человек необыкновенный.

После встречи с Яковом Михайловичем я провел в Подкаменной Тунгуске почти два года и получил за это время от него десять-двенадцать писем... Свердлов касался в письмах не только политических вопросов, но и быта ссыльных. Помню, возмущался он теми, кто в ссылке опускается, не работает, не учится».

Внимательно, заботливо относился Яков Михайлович к местному населению: русским крестьянам, рыбакам, звероловам, остякам и тунгусам. До сих пор туруханские старожилы вспоминают «большого доктора», как звали они Я. М. Свердлова, вспоминают, как всякий мог обратиться к нему за помощью и советом, как зачастую по ночам будили Якова Михайловича, если заболевал кто-либо в семье, и он шел со своими порошками помогать больному.

ЕДЕМ В ТУРУХАНКУ

Ко всем заботам и треволнениям туруханской жизни на Якова Михайловича свалилось еще и беспокойство о нашей судьбе — судьбе семьи.

Уехав в мае 1913 года из Питера на Урал, я поселилась под Екатеринбургом, где 30 июля 1913 года у меня родилась дочь Вера. Вскоре после рождения дочери я добилась разрешения на переезд в Саратов, где жила старшая сестра Якова Михайловича Софья, но через месяц оттуда пришлось уехать — местом ссылки мне определили небольшой городок Тобольской губернии Туринск, вблизи от которого в деревеньке Фабричная я и поселилась с ребятами.

Жили мы скверно, особенно первое время. Устроилась я на работу в контору лесного склада, зарабатывала гроши, а надо было прокормить детей, одевать их, да и самой необходимо было как-то существовать. Все это страшно тревожило Якова Михайловича, дополнительной тяжестью ложилось на его душу.

24 октября 1913 года Яков Михайлович писал Домне Федотовне Петровской: «Много горя пришлось хлебнуть жинке... И хуже всего сознание полной своей беспомощности, невозможности хоть чем-либо помочь ей. Ведь мы с ней не можем измениться. А при этих условиях. в которых нам приходится жить, масса страданий неизбежна».

Отчаянные усилия прилагал Яков Михайлович, чтобы хоть как-то помочь, и делал, казалось бы, невозможное. Нет-нет, а помощь поступала. Изредка знакомые Якова Михайловича из либеральной интеллигенции подыскивали для меня конторскую работу по переписке, дававшую небольшой дополнительный заработок. Товарищи регулярно посылали газеты, журналы, книги, а то и кое-какие носильные вещи. Еще в Екатеринбурге я вдруг получила денежный перевод: рублей десять-пятнадцать. А с ним ласковое, дружеское письмо Надежды Константиновны Крупской. Деньги от Центрального Комитета я получала и еще несколько раз уже в Туринске. Как оказалось, Яков Михайлович сообщил через товарищей в ЦК о моем бедственном положении и просил, если иногда для него будет выделяться какая-нибудь сумма, посылать эти деньги не ему, а мне. Вот Надежда Константиновна и откликнулась на его просьбу. Недаром в адресной книге Центрального Комитета, которую вела Крупская, возле моих адресов в Екатеринбурге и Туринске появилась пометка: «Для денег».

Чем дольше мы были в разлуке, тем больше росла у Якова Михайловича тоска по семье, по ребятам.

27 октября 1914 года он писал мне: «Карточки деток предо мной на столе... Нет, положительно необходимо видеть своих деток, свою любимую жинку... Родная! Нет момента, когда из памяти исчезали бы ваши дорогие образы... Так тепло и радостно сознание своей близости с милыми, дорогими сердцу... Да, грубым насилием, варварством является отрывание близких друг от друга. Будем верить, что подобному варварству придет конец».

Нечего и говорить, что не менее тягостно было и мне. Однако до весны 1915 года, пока не кончился срок моей ссылки, о поездке к Якову Михайловичу нечего было и думать. Но чем ближе был конец срока, тем больше я об этом задумывалась, тем настойчивее ставил этот вопрос Яков Михайлович. Все дело упиралось в средства.

В феврале 1915 года Яков Михайлович писал:

«Уже самая совместная жизнь всей семьей такое благо, такое огромное *за*, что должно сильно перетягивать чашу весов в эту сторону. И вообще все соображения *за*, кроме вопроса о средствах к существованию». Яков Михайлович жил тогда еще в Селиванихе, но он твердо решил добиваться перевода в Монастырское, где мне легче было бы найти работу и он сам мог иметь хоть какой-нибудь заработок.

В поисках заработка для меня Яков Михайлович списался с товарищами в Красноярске, и те обещали похлопотать у красноярской администрации о предоставлении мне какой-нибудь работы в Монастырском. Так решался материальный вопрос. Впрочем, я бы все равно выехала, если бы он даже никак не решился...

Сборы наши были недолги, и, хотя путешествовать с двумя маленькими ребятами было непросто, в конце концов мы добрались до Красноярска. Здесь нас тепло встретили ссыльные большевики, товарищи Якова Михайловича. Был среди них кое-кто из тех, кого и я хорошо знала: наш екатеринбуржец Сергей Черепанов, другие.

От товарищей я узнала, что Якову Михайловичу уже удалось перевестись в Монастырское. Они помогли мне сесть на пароход, и в середине мая 1915 года я с ребятами двинулась вниз по Енисею, к Монастырскому.

Своеобразное детство было у наших ребятишек! Андрею едва исполнилось четыре года, а он уже побывал у отца в томской тюрьме, посидел с матерью в петер-

бургской, около полугода отбыл с отцом и матерью в нарымской ссылке, два года в тобольской и вот теперь ехал уже в третью — туруханскую ссылку. Во вторую ссылку ехала и двухлетняя Верушка.

Чем ближе было Монастырское, тем больше я волновалась Ведь свыше двух лет прошло с той злосчастной февральской ночи, когда я в последний раз видела Якова Михайловича, слышала его голос. Маленький Андрей уже совершенно забыл отца, а Верушка — та вообще никогда его не видела.

Прошли сутки... Еще сутки — и вот на высоком берегу вдали возникла белая колокольня, а рядом — церковь с пятью маленькими куполами. Вправо от церкви, в глубину и влево, вдоль по берегу, виднелись домишки. Монастырское!..

Пологий у самой реки берег Енисея саженей через десять-пятнадцать переходил в крутой, почти отвесный обрыв, над которым и было расположено Монастырское. За селом тянулась бескрайняя, дикая тайга. На берегу, под обрывом, виднелись разбросанные тут и там одинокие лодки да кучи бревен. Ярко светило солнце, как бы вознаграждая жителей дальнего севера за долгую, темную полярную ночь.

Вдруг от берега отделилась небольшая лодка и понеслась нам навстречу. Одинокий гребец отчаянно работал веслами. Вот он все ближе, ближе, еще взмах весел, еще — и я узнаю Якова Михайловича...

Жизнь наша в Монастырском сложилась много лучше, чем мы ожидали. Мне вскоре после приезда удалось устроиться заведующей местной метеорологической станцией. Станция была маленькая, весь штат состоял из меня одной, жалованье было небольшое, но зато при станции был домик, где мы всей семьей и разместились. В мои обязанности входило регулярно замерять и записывать изменения температуры и воды в Енисее и воздуха, силу и направление ветра, величину осадков. Яков Михайлович помогал мне в этой несложной работе, не отнимавшей много времени.

Нам обоим — и мне и Якову Михайловичу — удалось получить несколько уроков, и все вместе взятое давало нам 75—80 рублей в месяц. Хоть и с трудом, но прожить на эти средства было можно, тем более что Яков Михайлович изредка получал за какую-нибудь статью гонорар, составлявший своего рода «внеплановое

дополнение» к нашему бюджету. Благодаря этим дополнениям нам удалось даже купить корову, и ребятишки постоянно имели свежее молоко.

Как и в Нарыме, почти все хозяйственные заботы Яков Михайлович взял на себя. Вставал он не позже шести-семи часов утра и сразу брался за дело. Прежде всего он делал необходимые метеорологические измерения возле дома и на реке.

Вернувшись с Енисея, Яков Михайлович колол дрова, задавал корм корове, убирал навоз, затем топил печку, кипятил воду и готовил завтрак. Часов в восемь вставали ребята. Яков Михайлович умывал и одевал их. Возня с ребятами, также осталась за ним, и, несмотря на мои протесты, он не давал мне в это дело вмешиваться.

Примерно в половине девятого мы завтракали, и я уходила по урокам. В это время и к Якову Михайловичу приходили ученики — ребята местных жителей. Часов в двенадцать он освобождался и принимался за приготовление обеда. Готовил он превосходно. Борис Иванов, например, постоянно утверждал, будто Яков настолько хорошо готовил, что перещеголял в этом искусстве всех туруханских хозяек. Действительно, пельмени Якова Михайловича славились далеко за пределами Монастырского, и немало товарищей с дальних станков собиралось в Монастырское на свердловские пельмени.

Обедали мы обычно около двух, после чего я мыла посуду, это право я с боями отвоевала себе, затем мы вместе занимались починкой одежды, штопкой и, если приходило время, стиркой.

Освобождался Яков Михайлович от всяких домашних дел часам к пяти-шести, а уже около семи у нас обычно начинал собираться народ.

Неизменно бывали у нас Яков Ефимович Боград, Борис Иванов, Жорж Голощекин, который вслед за Яковом Михайловичем перебрался из Селиванихи в Монастырское, Денис Долбежкин, Маркел и Валентина Сергушевы *, Мартын Иванович Зелтынь **, Иван Алексе-

* М. С. Сергушев — старый большевик, после Октября — на партийной работе, неоднократно избирался членом ЦКК. В. Сергушева — его жена.

** М. И. Зелтынь — старый большевик, близкий друг Якова Михайловича. В годы Советской власти — на руководящей хозяйственной работе, один из руководителей Союзнефтеэкспорта.

евич Петухов. Заходил Анатолий Писарев, бывали и другие ссыльные, которых в это время насчитывалось в Монастырском человек пятнадцать-двадцать. Часто приезжали товарищи с ближних и дальних станков и останавливались обычно у нас. У нас же жили и вновь прибывшие ссыльные большевики, пока не подыскивали себе постоянное жилье.

В доме * было три комнаты. В одной, большой, помещались мы с ребятами, другая, маленькая, служила спальней и кабинетом Якову Михайловичу, она же являлась и столовой. Третья комната была малопригодной для жилья. Она находилась в пристройке и обогревалась только железной печуркой. В ней всегда было холодно, а по ночам, когда железку не топили, стоял настоящий мороз. Пользовались этой комнатой лишь в тех случаях, когда у нас останавливалось несколько человек; ночевавшим там товарищам приходилось беспрестанно подтапливать железку, и все же они изрядно мерзли.

В комнате Якова Михайловича стояли большой стол, несколько стульев, сделанных Иваном Алексеевичем Петуховым, столяром по профессии.

Кроме того, была маленькая кухонька с плитой.

В комнатах было чисто прибрано, полы вымыты — Яков Михайлович не терпел никакого беспорядка.

Вечера проходили в шумных беседах, спорах, обсуждениях последних событий. Жизнь била ключом. Нередко Яков Михайлович проводил беседы, читал лекции. Выступали с лекциями и рефератами и другие товарищи. В такие дни в доме воцарялась тишина. Все собравшиеся затаив дыхание слушали яркую, образную речь лектора. Яков Михайлович обычно развивал какое-либо положение, иллюстрировал и обосновывал его богатым фактическим материалом, а затем, как бы подводя итог, давал широкое теоретическое обобщение. Стройность и простота изложения делали все его беседы и лекции по самым сложным теоретическим вопросам чрезвычайно доходчивыми и понятными, доступными даже самому малоподготовленному слушателю.

Прекрасным рассказчиком, веселым и остроумным был БOград. Он неоднократно бывал за границей, многое повидал, живо и образно рисовал картины быта, ус-

* Сейчас здесь Дом-музей Я. М. Свердлова. *(Ред.)*

ловия работы, революционной борьбы трудящихся европейских стран.

Часто после серьезных бесед и лекций мы шли всей гурьбой в тайгу. Валентина Сергушева, обладавшая высоким и сильным голосом и неплохим слухом, была признанным запевалой. К ней присоединялись остальные, и тогда в морозной тиши глухой сибирской тайги лились широкие, вольные русские песни или гремели боевые гимны революционного пролетариата той поры, из которых мы особенно любили «Варшавянку» и «Красное знамя».

Нередко во время прогулки начиналась веселая, шумная возня, порою перераставшая в нешуточные сражения. С азартом швырялись снежками, валили друг друга в сугробы, и плохо приходилось тому, кто зазевается, не увернется вовремя от ловкого удара противника.

Инициатором и заводилой наших забав и сражений обычно оказывался Яков Михайлович. Он с таким азартом наступал на противника, будь то маленький юркий Борис Иванов или высокий и здоровенный Боград, что тот непременно оказывался втиснутым в сугроб, а сидевший на поверженном противнике Свердлов сыпал ему за шиворот полные пригоршни снега.

— Пошли чаи гонять! — громко провозглашал Яков Михайлович, и, усталые, раскрасневшиеся, веселые и шумные, мы возвращались всей компанией к нам. Тут все брались за работу: кто ставил самовар, кто доставал посуду, кто накрывал на стол. Начиналось чаепитие. И снова текла веселая, непринужденная беседа, а в соседней комнате давно уже крепко спали привыкшие к любому шуму Андрей и Верушка.

Часам к девяти-десяти все отправлялись по домам, а Яков Михайлович садился за работу. Теперь, поздним вечером и ночью, для него наступала самая напряженная часть суток. Не менее четырех-пяти часов он сидел над книгами и материалами. Читал, конспектировал, делал выписки и заметки, писал. Ложился он не раньше часа-двух ночи, а в шесть-семь часов утра уже снова был на ногах.

Очень любил Яков Михайлович дружеские вечеринки. Он по природе своей был чрезвычайно гостеприимен и рад был угостить товарищей чем мог. Продукты в Туруханке не отличались разнообразием, но и из того, что было, приготовлялись очень вкусные вещи. Традицион-

ным блюдом были, конечно, сибирские пельмени. Готовились они в Туруханке из оленины, другое мясо было недоступной для нас роскошью. Но и оленина, особенно молодая, была достаточно вкусна.

Готовились пельмени всегда коллективно: фарш и тесто приготовлял Яков Михайлович — этого он никому не доверял, а лепили все: и молчаливый Зелтынь, и шутник Бograd, и Маркел Сергушев, и Филипп Голощекин, и пекарь по профессии, настоящий артист своего дела Борис Иванов. Пельмени заготовляли впрок, сотнями.

Затем Яков Михайлович начинал священнодействовать у плиты — и все садились за стол. Веселью и шуткам не было конца, однако спиртного за столом никогда не бывало. Яков Михайлович совершенно не пил ни водки, ни вина, говоря, что искусственно подбадривать себя нужно лишь людям со скучной душой.

Пельменей готовили столько, что много оставалось, и их выносили на мороз. На улице пельмени моментально становились твердыми как камень. Храниться в таком виде они могли месяцами, и если неожиданно приезжал гость с далекого станка, то достаточно было опустить несколько десятков пельменей в кипящую воду — и обед (или ужин) был готов.

Излюбленным блюдом была также строганина. Приготовлять строганину Яков Михайлович научился еще на Максимкином Яру. Делалась она очень просто: сырую рыбину выносили на улицу и ждали, пока она промерзнет насквозь. Затем разрубали рыбу пополам и острым ножом стругали тонкие ломтики: их слегка солили, перчили, поливали уксусом, и строганина была готова. Рыбу не надо было ни варить, ни жарить.

Рыба вообще являлась одним из основных продуктов питания, особенно зимой. Мясо, и даже оленину, достать можно было далеко не всегда, и стоило оно дорого, а рыбу ссыльные ловили сами. Порою попадались крупные осетры. Из некоторых добывали до пуда осетровой икры, и тогда наступал праздник для ребят. Свежедобытую икру мы тут же солили, и через день-два она была готова к употреблению. Но такая удача нечасто сопутствовала рыбакам. Порою мы не имели ни мяса, ни рыбы. Детей тогда выручало молоко, нам же приходилось попоститься.

Вскоре после нашего приезда в Туруханку прибыли сосланные сюда депутаты Государственной думы — большевики Бадаев, Муранов, Петровский, Самойлов, Шагов и их сопроцессники: Каменев, Линде, Яковлев. Туруханцы тепло и радушно встретили гостей. Досадно было, конечно, что наших товарищей лишили думской трибуны, что беспощадно разделалось с ними царское самодержавие, но сколько они привезли новостей, сколько свежих впечатлений! Ведь всего за несколько месяцев до высылки они виделись с Лениным, говорили с ним... Расспросам и рассказам не было конца.

Яков Михайлович на лодке встретил пароход, доставивший думцев в Монастырское, поднялся на борт. «Поздоровались, — вспоминает Ф. Н. Самойлов, — крепко обнявшись. Он сказал:

— Ну, завершили круг своей работы на пользу революции и рабочего класса хорошо, очень хорошо. Садитесь в лодку, и поедем на новое местожительство.

Мы погрузились в его лодку и отправились к берегу... Поднялись в гору и направились к жилищу Якова Михайловича... Все мы, вновь прибывшие, вместе со встретившими нас товарищами ссыльными вошли в квартиру Якова Михайловича. Нас тотчас забросали вопросами о нашем судебном процессе, об этапном путешествии. Мы, в свою очередь, расспрашивали их о жизни ссылки, о знакомых, товарищах.

Временно мы остановились у Якова Михайловича, и в первую ночь большинство из нас переночевали в его квартире».

Приезд депутатов Государственной думы взбудоражил всех большевиков туруханской ссылки. Еще ранее, из газет, нам было ясно, какую роль в международном пролетарском движении сыграл процесс. Благодаря суду над думской фракцией лозунги большевиков, клеймившие захватническую, грабительскую войну и призывавшие рабочих всех стран направить оружие против реакционных и буржуазных правительств, разнеслись по всему миру. Эти лозунги приводились в обвинительном заключении, они звучали с трибуны процесса.

Однако мы знали и то, что не все подсудимые вели себя на процессе достойно, что Каменев, например, пы-

тался отрицать свою связь с ЦК и открещивался от большевистских лозунгов.

29 марта 1915 года Ленин дал исчерпывающую оценку процессу. Он отметил его положительные стороны, но указывал и на неправильное поведение Каменева. Ленин писал, что процесс «показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии России... Стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал т. Розенфельд *, или свое несогласие с ЦК,—подчеркивал Ленин, — есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый... Товарищам надо было... воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложения социал-демократических взглядов, враждебных не только царизму вообще, но и социал-шовинизму всех и всяческих оттенков».

Мы в Туруханке ко времени приезда в Монастырское депутатов и их сопроцессников еще не знали ленинской оценки процесса, но ряд товарищей, и в первую очередь Свердлов, читали о процессе в газетах, осуждали поведение Каменева и считали, что суд надлежало использовать лучше, чем это было сделано.

Еще в конце марта 1915 года Я. М. Свердлов писал в Москву товарищам:

«Процессом депутатов не очень я доволен. Он должен был быть иным, более ярким, сильным. Надо было совершенно отбросить мысль получить минимальный приговор».

Узнав о прибытии депутатов, в Монастырское съехались товарищи с дальних станков, приехал из Курейки Сталин, вообще редко выбиравшийся оттуда.

Было решено провести специальное собрание ссыльных большевиков и обсудить итоги судебного процесса над думской фракцией, а заодно разобрать и поведение отдельных обвиняемых на суде.

Собрание было необычным. Ведь в нем участвовало несколько членов ЦК: Ф. И. Голощекин, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин и член редакции ЦО Каменев, направленный ЦК в 1914 году в Петербург для руководства работой думской фракции. В собрании участвовали все депутаты Государственной думы

* Розенфельд — настоящая фамилия Каменева.

большевики А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов, а также их сопроцессники Ф. В. Линде и В. Яковлев, ссыльные большевики Д. П. Долбежкин, М. С. Сергушев, А. А. Масленников, автор этих строк и другие.

Как вспоминает Г. И. Петровский, «всем ходом совещания руководил Я. М. Свердлов».

Все понимали важность собрания. Впервые после суда депутаты выступали перед партийным собранием, да еще таким авторитетным.

Доклад о процессе сделал Петровский. За ним слово предоставили Каменеву. Мы знали, что с первых дней процесса Каменев пытался вымолить у царских палачей приговор помягче. Он заявлял на суде, что не разделяет отношения большевиков к войне и является противником пораженческих взглядов. Только под энергичным нажимом товарищей он несколько изменил свое поведение, но так до конца суда и не выступил ни разу, как надлежало выступить большевику, да еще представителю ЦК.

На нашем собрании Каменев юлил, пытаясь оправдать себя тем, что подсудимым грозил военный суд и виселица, потому-де он и отмежевывался от пораженческих позиций большевиков, выгораживая не себя, а депутатов. Многие из выступавших дали резкую оценку его поведению. Особенно запомнились яркие, сильные выступления Свердлова, Муранова, Спандаряна. Тем не менее острота постановки вопроса, в особенности в отношении Каменева, была несколько ослаблена позицией отдельных товарищей, не склонных слишком строго осуждать Каменева.

По поручению собрания Я. М. Свердлов и С. С. Спандарян составили резолюцию, которая тут же была отправлена Ленину и разослана по партийным организациям России.

Депутаты и их сопроцессники недолго прожили в Монастырском — уже в конце лета 1915 года они были переведены сначала в Енисейск, а затем расселены по различным пунктам Сибири.

До своего отъезда депутаты постоянно бывали у Якова Михайловича, а Ф. Н. Самойлов некоторое время даже жил у нас.

«За все время нашего пребывания в селе Монастырском, — писал он в своих воспоминаниях, — мы были

неразлучны с Яковом Михайловичем. Он неизменно поддерживал в нас своим вечно бодрым настроением твердую веру в близкое торжество революции, облегчая этим тяжесть ссылки...»

МОНАСТЫРСКИЕ ДОСУГИ. ЛИХОЙ ПРИСТАВ

Иногда, чаще всего по престольным праздникам, в Монастырском происходили народные гулянья. Бывало, что местные любители ставили спектакли и организовывали вечера с танцами. Эти вечера давали возможность жителям Монастырского собраться вместе, хоть изредка посмотреть друг на друга. Присутствовали и остяки и тунгусы, приезжавшие с дальних стойбищ и станков. С любопытством поглядывали они на ссыльных: что, мол, за люди?

Яков Михайлович обязательно бывал на таких вечерах и вытаскивал меня. Когда кончался спектакль и наступала пора танцев, когда местный оркестр начинал усердно, хотя не всегда стройно играть кадриль или вальс, происходила обычно заминка. Все жались по стенам, никто не решался начать.

— Так и есть, мне открывать! — задорно кричал Свердлов и, лихо тряхнув шевелюрой, выскакивал на середину и пускался в пляс. Плясать он не умел, никаких фигур и па не знал, но прыгал с таким азартом и выделывал такие коленца, что в зале гремел хохот, наиболее смелые выходили в круг, и вскоре веселье становилось всеобщим.

— Ай да политик! — говорили местные жители. — Вот это да!

— Гляди, скачет-то, скачет как!

Кончались танцы, и Яков Михайлович придумывал новую забаву. Он устраивал хоровод, затевал игру в фанты, втягивал всех, сплачивая людей в этом незамысловатом, но искреннем и дружном веселье.

Самое живое участие принимал Яков Михайлович в народном гулянье на масленицу. Чуть не все население Монастырского, да и немало приезжих, собиралось в дни масленицы на крутом, почти отвесном берегу Енисея. Местные энтузиасты поливали водой пятидесятисаженный обрыв, и получалась ледяная гора головокружительной высоты, с которой со страшной скоростью мча-

лись на легких санках признанные смельчаки. Каталась преимущественно молодежь из числа коренных жителей Монастырского, с детства привыкших к опасному спуску. Были среди них свои рекордсмены и чемпионы. Не отставали от взрослых и вездесущие мальчишки, а иной раз взбирались на санки и почтенные, бородатые отцы семейств, решившие тряхнуть стариной.

Не обходилось и без происшествий. Чтобы благополучно скатиться к реке, требовалось большое искусство. Едущий в санках упирался ногами в полозья, а в руки брал короткие палки, которыми и управлял во время стремительного спуска. Одно неверное движение — и сани под бурный смех стоявших на обрыве зрителей летели в одну сторону, а незадачливый седок в другую.

Однажды в разгар веселья в толпе появился пристав Кибиров в сопровождении урядника. Оба толстые, раскормленные, с неестественными красными физиономиями. Видимо, господа начальники основательно хватили за праздничными блинами.

— Господин пристав! — задорно крикнул Яков Михайлович, подходя к Кибирову. — Вот тут некоторые говорят, ни за что-де приставу с горы не съехать: побоится, мол. А я спорю: пристав у нас храбрый, ему все нипочем, он и не с такой горы съедет. Покажите-ка, господин пристав. Вот вместе с урядником и прокатитесь, чтобы все видели, какой храбрый да ловкий пристав у нас!

Кто-то из молодежи уже тащил большие, прочные сани. Толпа сдержанно гудела. Авторитет пристава был поставлен на карту. Быть может, Кибиров не рискнул бы, если бы не выпитая за обедом водка. Он взгромоздился на сани, так и затрещавшие под его грузным телом, чуть не силой усадил перед собой упиравшегося урядника, перекрестился, и сани тронулись.

С каждым мгновением скорость увеличивалась. Тяжесть двух таких туш гнала сани с умопомрачительной быстротой. Но лихим спортсменам не суждено было достигнуть реки. Вернее, они достигли ее, только не вполне обычным способом, не на санях. Не миновав и половины спуска, сани метнулись в сторону, и все смешалось. Невозможно было разобрать, где голова пристава, где ноги урядника. Бешено крутясь и перевертываясь, живой клубок стремительно летел вниз.

Как ни держался пристав за урядника (или урядник

за пристава, сказать трудно), на каком-то ухабчике их так тряхнуло, что они отлетели друг от друга, и каждый завершил спуск самостоятельно.

Восторг зрителей был неописуем. Они покатывались со смеху. Надутый, чванливый Кибиров, царек края, превратился во всеобщее посмешище. Смеялись ссыльные, смеялись местные крестьяне, хохотали чиновники, помирали со смеху простодушные тунгусы и остяки. Не смеялся лишь Яков Михайлович.

— Ай-ай-ай, господа! Как нехорошо! — укоризненно проговорил Свердлов. — Такие уважаемые люди в беду попали, а вы смеетесь! Ай-ай-ай!

Вмешательство Якова Михайловича вызвало новый взрыв смеха. Но на этом веселье не кончилось.

— А ну, айда на помощь! — крикнул Свердлов и, лихо вскочив в сани, ловко орудуя палками, стрелой полетел вниз и с преувеличенной любезностью осведомился у начальников, с трудом поднимавшихся на ноги, об их самочувствии. А вид начальства был примечателен: парадная шинель Кибирова треснула по швам, под глазом багровел огромный синяк, из разбитого носа капала кровь. Немногим лучше выглядел и урядник. Отплевываясь, чертыхаясь и жалобно охая, с трудом взобрались они на гору и поспешили поскорее унести ноги.

Надолго запомнили монастырчане эту веселую масленицу.

Яков Михайлович был среди немногих ссыльных, кто отваживался спускаться с этой горы. Ему, выросшему на Волге, с детства полюбившему спорт, отчаянный спуск был не страшен. И в Нарыме, и в Туруханке он продолжал заниматься спортом. Еще из Курейки Яков Михайлович писал мне: «По дороге домой (то есть в Курейку, он возвращался из Селиванихи. — *К. С.*), на ближнем станке, я взял до осени лодочку, маленькую, с которой великолепно справляюсь один... Енисей здесь широк — считают пять верст. Я ездил через при небольшой волне. Беру с собой собаку, лямку и еду. Где на веслах, где собака тащит».

Собак Яков Михайлович очень любил и еще в Курейке приобрел прекрасного пса, с которым так и не расставался во время своих скитаний по Туруханке. Пес был с ним в Селиванихе и в Монастырском. Из Селиванихи в октябре 1914 года Яков Михайлович писал мне:

«У нас свои две возовые собаки, одна привезена мною из Курейки. Великолепный пес, которого и именуют «Пес». Так я его окрестил!»

Пес был действительно изумительной собакой. Я убедилась в этом сама, когда приехала в Монастырское. Размером он был с небольшого волка, на редкость силен и сообразителен. Был он весь черный, с проседью, с красивыми белыми метинами на лбу, груди и передних лапах, уши у него стояли торчком, как у волка.

Своеобразной «специальностью» Пса были стражники. Пес их ненавидел лютой ненавистью. Стоило какому-нибудь из стражников подойти к нашему забору, как Пес кидался на него с такой свирепостью, что стражникам нередко приходилось спасаться бегством. Благодаря Псу стражникам никак не удавалось нанести нам внезапный визит. Они вынуждены были подходить с той стороны дома, которая выходила на улицу, и стучать в окошко, а затем терпеливо ждать, пока Свердлов выйдет во двор и угомонит разбушевавшегося Пса.

Это было очень удобно. Ведь нередко у нас бывали гости с дальних станков, отлучавшиеся оттуда без разрешения начальства. Если бы стражники застали в нашем доме такого гостя, и ему и нам грозили неприятности, но благодаря Псу все сходило благополучно. Наш дом стоял на самом краю села и имел две двери. Одна выходила во двор, обнесенный забором, а вторая прямо к тайге. Пока Яков Михайлович не спеша утихомиривал Пса и впускал стражников, я успевала вывести товарища через другую дверь в тайгу, где он и отсиживался до ухода непрошеных гостей.

В 1917 году, после Февраля, мы обнаружили в местном полицейском управлении донесение стражников. Они докладывáли приставу, что вопреки его приказанию не могли установить, кто встречал у Свердловых Новый год. Окна дома замерзли и рассмотреть через них что-либо не было никакой возможности, а во двор их не пустила «известная вашему благородию собака». Так Пес удостоился чести быть упомянутым в полицейских реляциях.

Пес был бесконечно привязан к своему хозяину и никогда с ним не расставался. Куда бы ни отправлялся Свердлов, Пес следовал за ним по пятам. В Монастырском всегда можно было определить, где находится Яков Михайлович, так как у дверей того дома, куда он

зашел, обязательно сидел неподвижный, как изваяние, Пес.

В свою очередь, и Яков Михайлович очень любил своего четвероногого друга. Когда в конце 1916 года Пес погиб, Яков Михайлович страшно горевал. Он попросил местного охотника выделать шкуру Пса, увез ее с собой из Туруханки, и потом, в Кремле, эта шкура всегда лежала у кровати Якова Михайловича.

Мелкие, повседневные заботы не заслоняли от нас грозных событий, глухие отзвуки которых долетали и до далекой Туруханки. В конце 1916 года небывалое событие всколыхнуло Туруханку: часть административно-ссыльных, в том числе и кое-кого из большевиков, мобилизовали в армию. Видимо, плохи были дела царского самодержавия, коли дело дошло до мобилизации ссыльных, отъявленных врагов царизма.

На проводы мобилизованных вышло все население Монастырского. Уезжавшие были рады отправке. Они знали, что ссыльного в казарме ждет немало тяжелого, но, попав в армию, они с головой окунались в революционную работу, кончалось для них вынужденное бездействие в туруханских сугробах.

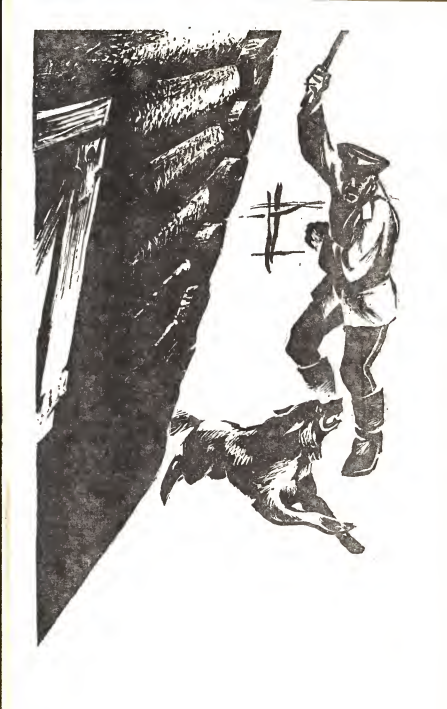
Двадцать саней стояло на улице села. Товарищи — среди них И. В. Сталин, доставленный в Монастырское из Курейки, Борис Иванов — укладывали свои скромные пожитки. Вся местная полиция была на ногах. За отправкой следил сам пристав, но ссыльные не обращали на него никакого внимания. Лились смелые речи, каждый говорил то, что думал и переживал в этот момент.

Якову Михайловичу было тяжело. Ведь ему предстояло остаться в ссылке, а так хотелось ехать вместе с товарищами. Но ход событий подсказывал, что и ему недолго осталось сидеть в Монастырском.

— До свидания, — говорил Свердлов отъезжавшим, — до скорой встречи... в Петербурге! Да, да, именно в Петербурге, не иначе.

Все готово, пора и в путь. Кто-то запел «Варшавянку», песню подхватили и двинулись толпой за тронувшимися санями. На крутом берегу Енисея в последний раз пожали друг другу руки, уезжающие сели в сани и замахали прощально шапками. Мы махали им в ответ и долго, долго стояли на берегу...

В первых числах марта 1917 года до Монастырского



дошла радостная весть: царское самодержавие пало. Пристав Кибиров не придумал ничего лучше, как попытаться скрыть от ссыльных поступившие известия. Но ссыльные получали частные телеграммы, а почтовые служащие без разрешения пристава передавали их адресатам.

Яков Михайлович одним из первых получил телеграмму из Красноярска. Солдаты 14-го Сибирского стрелкового полка, где верховодил теперь Борис Иванов, слали ему поздравление и переводили деньги на дорогу, собранные в полку.

Из Енисейска было получено распоряжение, что комиссаром края назначается наш монастырчанин большевик А. А. Масленников *. Он должен был немедленно принять все дела и ценности от бывшего туруханского пристава и организовать отправку Свердлова в Красноярск.

С отъездом необходимо было спешить. До Красноярска предстояло проехать более тысячи верст на лошадях. Единственной дорогой был Енисей, а он со дня на день мог тронуться в верховье. Проскочить можно было только при условии, если ехать день и ночь без отдыха, да и то того и гляди застрянешь в пути. Тогда жди парохода два-три месяца, пока вся река очистится от льда.

Яков Михайлович не медлил ни минуты. Вместе с Жоржем Голощекиным они моментально собрались и выехали сразу же после получения телеграммы.

Кончилось время тюрем и ссылок. Сквозь все эти тяжелые годы, сквозь все невзгоды и лишения Свердлов прошел с высоко поднятой головой, как подобало большевику-ленинцу. Он сохранил бодрость духа, не растратил душевных сил и по первому зову партии не замедлил стать в передовые шеренги борцов за счастливое будущее человечества.

---

* А. А. Маслеиииков — большевик, один из руководителей большевистского подполья в Сибири в период колчаковщииы. В 1919 году расстреляи белогвардейцами.

Глава шестая

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Яков Михайлович покинул Монастырское и выехал в Красноярск через день после того, как нами было получено известие о свержении самодержавия. Ночь перед его отъездом мы не спали, о стольком нужно было переговорить, столько вопросов решить.

Мы понимали всю важность событий, все их всемирно-историческое значение. В невиданно короткие сроки, в течение какой-нибудь недели, с грохотом рухнула и рассыпалась одна из самых древних и, как многим казалось, самая могущественная монархия в Европе — русский царизм.

Как ни внезапна была весть о падении самодержавия, она не явилась полной неожиданностью даже для тех, кто находился в глуши туруханской ссылки. Долгие годы мы, большевики, готовили революцию, шли ради грядущей победы в тюрьмы и ссылки, в крепость и на каторгу. В этой борьбе сложили свои головы сотни лучших наших товарищей. Мы не могли определить сроков начала революции, но мы ждали ее, чувствовали ее приближение.

Да, мы знали, что революция неизбежна, но как все произошло? Как развивались события в Петрограде, Москве, по всей России, в армии? Какие силы, какие классы, какие партии и люди пришли к власти? Этого мы в Туруханке не знали.

— Хорошо, конечно, господам кадетам, меньшевикам-оборонцам и прочей буржуазной и околобуржуазной сволочи, — взволнованно говорил в ночь перед отъездом Яков Михайлович, расхаживая из угла в угол

и закуривая одну махорочную самокрутку от другой. — У них легальные газеты, к их услугам думская трибуна. Русская буржуазия за годы войны организационно сплотилась и окрепла, широко использовав в этих целях и Союз земств и городов, и торгово-промышленные комитеты, и, наконец, Государственную думу.

— Будь уверена, — продолжал Яков Михайлович,— буржуазия первой попытается воспользоваться плодами победы революции и захватить власть в свои руки. Неплохо чувствуют себя и всякие там социал-патриоты, социал-соглашатели. И они в сборе. А у нас? Ленин за границей, в эмиграции, партийные работники в тюрьмах и ссылке, кто где. Даже депутаты Государственной думы — большевики и те в Сибири. Многие организации разгромлены, а уцелевшие загнаны в глубокое подполье. И вот сейчас, когда дорога каждая минута, когда надо действовать и действовать, приходится начинать без Ленина, не имея единой, выработанной всей партией тактической линии, собранного в кулак центра. Кто сейчас в Питере, кто в Москве? Что там делается? Мало, чертовски мало мы тут знаем. А как хотелось бы знать, что думает сейчас Ильич?!

Мы были уверены, что во главе восставших народных масс, выступивших на штурм самодержавия, шли наши товарищи-большевики. Да так оно и было. Пусть наша партия еще распылена, пусть центр ее еще не сплотился, будучи разобщен годами войны и репрессий, каждый из большевиков, где бы он ни находился, сознавал всю ответственность, которая легла на партию, на его плечи. Но как удержать в руках народа завоеванную победу? Куда звать рабочий класс, трудящихся России? Какие задачи ставить? Что отвечать на многочисленные вопросы, которые ежедневно, ежечасно возникали у народа, возникали даже здесь, у туруханских крестьян, звероловов, рыбаков? Кому будет принадлежать власть? Как быть с землей? Что будет с войной? Вот над чем думал каждый из нас, вот о чем говорили мы с Яковом Михайловичем перед его отъездом из Монастырского.

Ночь пролетела незаметно. Настало утро, последнее утро Свердлова в Монастырском. Мела свирепая туруханская метель, неистовый ветер вздымал сугробы снега, однако чуть не все население Монастырского высыпало на берег Енисея. Все жали Свердлову и уезжавшему с ним Голощекину руки, желали им счастливого пути.

Не в первый раз расставались мы с Яковом Михайловичем, но как непохоже было это прощание на все предыдущие! Ведь теперь нас разлучали не жандармы, не в новую ссылку ехал Свердлов. Он уезжал, свободный и счастливый, в сердце России, в гущу борьбы. Я с детьми и еще ряд товарищей оставались в Монастырском до первого парохода, не рискуя довериться готовому вскрыться в верховьях Енисею.

Масленников, как комиссар края, дал телеграмму на все станции, чтобы Свердлова везли без задержек, без остановок, меняя лошадей по первому требованию.

Сразу же после отъезда Якова Михайловича мы сформировали комитет, взявший в свои руки власть в Монастырском. В состав комитета вошли Боград, еще кто-то из товарищей, уже сейчас не помню кто, вошла и я. Председателем мы выбрали Александра Масленникова. Комитет отстранил от дел пристава Кибирова, разогнал стражников и забрал все полицейские документы и архивы. Земли, принадлежащие монастырю, мы объявили всенародной собственностью и роздали в безвозмездное пользование крестьянам. Так мы начали управлять в Туруханке.

А Яков Михайлович с Голощекиным мчались тем временем по безбрежным просторам скованного льдом Енисея. Спали они в дороге, не вылезая из саней, не желая терять ни минуты. Останавливались на отдельных станках и в селениях лишь затем, чтобы сменить лошадей, просмотреть свежие для монастырчан газеты, узнать последние новости. И проскочили. Хоть и пришлось в конце пути объезжать многочисленные полыньи, ежесекундно рискуя провалиться под лед, но до Енисейска добрались благополучно. Путь в Красноярск, в Россию был открыт!

Чем ближе подъезжал Яков Михайлович к Красноярску, тем шире становилась информация, тем отчетливее он понимал всю сложность и своеобразие развертывавшихся событий. Действительно, положение, создавшееся в России после Февральской революции, не укладывалось ни в какие схемы, подобного еще не знала история.

Вся тяжесть борьбы с царизмом легла на плечи российского пролетариата. В конце февраля 1917 года петроградские рабочие безоружными начали восстание, привлекли на свою сторону большую часть солдат Пет-

роградского гарнизона и нанесли сокрушительный удар самодержавию. Во главе рабочих шли питерские большевики. Вслед за Петроградом восстала Москва и другие города России, власть монархии рушилась повсеместно.

Везде, по всей стране, образовывались Советы рабочих и солдатских депутатов, в руках которых фактически оказалась власть в первые дни революции. Однако наряду с Советами было создано Временное правительство — орган власти буржуазии и помещиков. В большинстве Советов преобладали меньшевики и эсеры, добровольно отдававшие власть буржуазии. Возникло двоевластие.

Большевикам было, в их основной массе, ясно, что Временному правительству верить нельзя, что власть у буржуазии надо забрать, а с войной — кончить. Но как отобрать власть у буржуазии, когда Советы сами добровольно ее уступали? Как покончить с войной, когда меньшевики и эсеры, которым вторил даже кое-кто из большевиков, вроде Каменева, вопили вслед за буржуазией, что война теперь ведется в защиту завоеваний революции, и массы им верили?

Все эти вопросы были необычайно сложны, и большевикам приходилось поначалу самостоятельно решать их в каждом городе и уезде, по всей необъятной стране. Везде — в центре России и на Кавказе, на Украине, Урале и в далекой Сибири — большевики смело брались за решение сложнейших задач, везде развертывали гигантскую политическую и организаторскую работу в массах, быстро сплачивая и объединяя свои силы.

На первых порах не обходилось, конечно, и без ошибок. Даже в Петрограде, в столице, в центре политической жизни страны, где царской охранке так и не удалось до конца разгромить партийную организацию, где действовали Петербургский комитет большевиков и Бюро ЦК, где уже с 5 марта начала выходить «Правда», даже там допускались отдельные ошибки и в отношении к Временному правительству, и в определении путей выхода из войны. Каково же было большевикам в Сибири, в Красноярске?

Только могучий гений Ленина с непостижимой быстротой охватил всю глубину и суть происходящих событий, всю сложность и своеобразие обстановки. Еще в

своих «Письмах из далека», одно из которых было опубликовано в «Правде», Ленин дал исчерпывающую характеристику Временному правительству, оценку продолжавшейся войне как войне империалистической. Вернувшись из эмиграции в Петроград в ночь с 3 на 4 апреля, в своем первом же выступлении, в своих знаменитых Апрельских тезисах, Ленин провозгласил, что буржуазно-демократическая революция закончилась и основная задача теперь — переход к революции социалистической, что власть должна принадлежать пролетариату и беднейшему крестьянству, а формой государственного строя явится Республика Советов. Апрельские тезисы Ленина вооружили партию единой тактикой, стали боевой программой партии в борьбе за победу социалистической революции.

Но когда Свердлов с Голощекиным подъезжали к Красноярску, им не была и не могла быть известной ленинская оценка событий. Не знали точки зрения Ленина и красноярские большевики. Было это в начале 20-х чисел марта, когда «Правда» только приступила к печатанию ленинских «Писем из далека». До Красноярска же газета шла никак не меньше недели. Свердлову вновь, как и в 1914 году, приходилось самостоятельно, основываясь лишь на отдельных фактах, определять свою позицию.

Ем. Ярославский писал: «Свердлов был оторван от Питера, не имел указаний от Центрального Комитета партии, он должен был действовать на свой риск и страх; но здесь-то и сказалось его правильное отношение к задачам пролетарского движения... В Красноярске в то время много было товарищей, которые не определили еще своего отношения к партии, не знали, куда идти, с кем идти. Появление Якова Свердлова сразу оформило их отношение, сразу помогло размежеваться большевикам от меньшевиков и сгруппировать вокруг большевистского комитета все лучшие силы».

Я приехала в Красноярск из Туруханки месяца через два с половиной после Якова Михайловича, в июне 1917 года, и товарищи подробно рассказали мне обо всем, что произошло там за те несколько дней, что Свердлов пробыл в Красноярске.

Тогда там было немало большевиков: Борис Шумяцкий, Алексей Рогов, Борис Иванов, Валентин Яковлев, А. И. Окулов, И. И. Белопольский, М. И. Фрумкин. Была

там и Глафира Ивановна Окулова, был и кое-кто из крупных меньшевиков-интернационалистов.

Наиболее четкую, близкую к ленинской, позицию занимала группа товарищей — Шумяцкий, Яковлев, Рогов, Белопольский, которых за их приверженность большевистской «Правде» называли «правдистами», но они поначалу не составляли большинства в красноярской организации. Многие из красноярских большевиков тяготели к примиренцам, среди которых тон задавал Фрумкин, впоследствии активный правый. Фрумкин вместе с Дубровинским выступал за условную поддержку Временного правительства, возражая против разрыва с меньшевиками-оборонцами. Примиренцы заявляли, что они не признают ни ЦК большевиков, ни ОК меньшевиков, а газету «Правда» не считают центральным органом партии.

Так обстояли дела в Красноярске, когда туда приехали Свердлов и Голощекин.

Числа 20—21 марта в костюмерной комнате Красноярского дома просвещения шло бурное собрание «правдистов». Комната была полна народу, в воздухе плавали густые клубы табачного дыма. Кипели жаркие споры, ораторов то и дело перебивали, шум порою поднимался невероятный. Никто не обратил внимания, как дверь тихо приоткрылась и в комнату вошли еще двое, вошли и молча, за спинами других, уселись в углу. Страсти все разгорались, шум усиливался, а эти двое все так же спокойно сидели, изредка обмениваясь короткими замечаниями.

Прошло, быть может, с полчаса или час, как вдруг из угла, покрывая шум и заглушая голоса спорящих, прозвучал густой, глубокий бас:

— Прошу слова!

На мгновение воцарилась тишина, но уже в следующую минуту началась невообразимая сумятица.

Все повскакали с мест, каждый хотел протиснуться к Свердлову и Голощекину — это были они, пожать им руки, обнять. Сколько среди собравшихся было боевых соратников, близких друзей!

Со всех сторон сыпались вопросы:

— Яков Михайлович, вы ли это?

— Жорж, каким чудом?

— Когда приехали?

— Как добрались, ведь Енисей уже трогается?

— Неужели ехали по реке? Это же сумасшествие!

Все знали, что Свердлов далеко, за тысячу с лишним верст, что Енисей вот-вот тронется, и раньше начала навигации ни его, ни Голощекина не ждали. А они здесь, в Красноярске.

Пожимая руки товарищей, отвечая на приветствия и вопросы, Яков Михайлович пробрался к столу и начал речь, свою первую речь после победы революции в России.

Свердлов начал с заявления, что высказывает только личную точку зрения. Хотя ряд товарищей, продолжал он, и просят его, как члена ЦК, дать указания, но никаких указаний он давать не может и не станет, так как решения ЦК ему пока неизвестны и выступать от имени ЦК он не считает себя вправе.

Не пытаясь никого подавить авторитетом ЦК, не навязывая своего мнения, он просто излагал свои взгляды. Он говорил, что Временное правительство есть правительство буржуазное, империалистическое и никакой поддержки такому правительству сознательные пролетарии оказывать не должны. Давить на это правительство? Толкать его в нужную сторону? Чепуха! Как ты ни «дави» на буржуазное правительство, характер его не изменится и буржуазным оно быть не перестанет. Яков Михайлович подчеркнул, что после перехода власти из рук царизма в руки буржуазии война осталась империалистической войной и так называемое революционное оборончество есть лишь обман народных масс.

Внимательно выслушав товарищей, говоривших о засилии примиренцев, Яков Михайлович, сказал, что, по его мнению, немедленно полностью рвать с примиренцами, как то предлагали некоторые, не следует. Среди примиренцев есть немало честных большевиков, нужно убедить их, вскрыть их ошибки и тем помочь им стать на правильные позиции, а вот меньшевиков-оборонцев надо гнать немедленно. Ни о каком объединении с ними не может быть и речи.

Свердлов заметил «правдистам», что, как ему кажется, следует решительно размежеваться с красноярским объединенным комитетом, все силы бросить на агитацию в массах, ибо основная задача состоит в том, чтобы зажечь большевистскими лозунгами именно рабочих и солдат, объединить их вокруг большевиков.

В красноярских железнодорожных мастерских на-

считывалось в то время до пяти тысяч рабочих. В городе был расквартирован ряд воинских частей.

— Вот там-то, — говорил Яков Михайлович, — надо развернуть работу, а успех этой работы и будет означать победу над примиренцами и объединенцами.

В тот же день участники собрания разошлись по мастерским и казармам. Лозунги большевиков — хлеба, мира, свободы — были близки рабочим и солдатам, отвечали их заветным думам и чаяниям, поднимали народ на борьбу.

22 марта состоялся пленум Красноярского Совета. Местные эсеры и меньшевики чувствовали себя, как всегда, уверенно. При поддержке примиренцев они нередко оказывались в большинстве, тем более что некоторая часть депутатов от рабочих и солдат не всегда бывала на пленумах Совета. Но на этот раз с первых же минут они встревожились. Зал был полон. Собралось около трехсот человек. Почти все представители железнодорожных мастерских, фабрик и воинских частей были налицо. Сказалась работа, проведенная «правдистами» по совету Свердлова.

На повестке дня стоял вопрос об отношении к Временному правительству и Советам. С докладом выступил Окулов, занимавший примиренческую позицию, тяготевший к объединенцам. Он высказался за условную поддержку Временного правительства и считал необходимым «неослабно наблюдать» за его работой и оказывать на него «давление».

Выступавший вслед за ним лидер красноярских эсеров, известный в городе краснобай и демагог Колосов, прямо призывал к продолжению войны и требовал безоговорочной поддержки Временного правительства — «единственного выразителя нужд и интересов революционной демократии».

Но вот на трибуне появился Я. М. Свердлов. С напряженным вниманием слушали присутствующие его речь.

«Свердлов указал, — вспоминал около двух лет спустя, в 1919 году, участвовавший на этом заседании Борис Иванов, — что задача пролетарских Советов — занять непримиримую позицию по отношению к буржуазии, развернуть широко пролетарские лозунги и забыть о всяком соглашении с буржуазными элементами и социал-соглашателями... Речь Якова смешала карты

наших противников и подняла наш авторитет на должную высоту».

По воспоминаниям Б. З. Шумяцкого, «страстная речь тов. Свердлова была встречена бурными аплодисментами, из которых было ясно, что Совет революционного Красноярска, старейшего сибирского центра большевизма, несомненно, отдает свои симпатии позиции большевиков».

Поражение эсеров, меньшевиков и примиренцев было сокрушительным, их резолюции в поддержку Временного правительства были отвергнуты, а предложение Якова Михайловича о порядке выбора депутатов на Всероссийское совещание Советов прошло подавляющим большинством голосов. Кандидатура наиболее ярого противника большевиков Колосова собрала при выборах всего четырнадцать голосов из трехсот.

На следующий день после заседания Красноярского Совета Свердлов и Голощекин выехали в Петроград. Приехали они 29 марта и прямо с вокзала отправились к сестре Якова Михайловича — Сарочке. Она потом рассказывала мне, как неожиданно нагрянул Яков Михайлович, как засыпал ее бесконечными вопросами о делах в Петрограде, о товарищах, о положении в Центральном Комитете (Сарочка в это время помогала Е. Д. Стасовой в Секретариате ЦК).

Не ответив и на десятую долю вопросов, Сарочка вспомнила, что брата надо хоть чем-то накормить с дороги, и принялась раздувать самовар, как вдруг Яков Михайлович схватился за голову.

— Жорж, ой, Жорж! — простонал он.

— Почему Жорж? Какой Жорж?

— Да Голощекин. Я его у дверей оставил, на улице. Сказал, что поднимусь на минутку, и если ты дома, то сразу выйду за ним. А ведь прошло уже с полчаса... Сходи лучше ты за ним, — попросил Яков Михайлович сестру, — а то он меня убьет, непременно убьет. Узнать его очень легко: такой длинный, тощий, с бородкой, усами, в черной шляпе. Словом — Дон Кихот.

Сарочка быстро вышла на улицу и сразу узнала Голощекина, уныло переминавшегося на тротуаре. Вместе с ним она вернулась к себе, напоила Свердлова и Голощекина чаем и повела в Таврический дворец, в одном из коридоров которого у входа в зал Елена Дмитриевна Стасова установила большой стол, повесив над ним

большой лист бумаги, на котором от руки было написано «Секретариат ЦК РСДРП(б)».

Как раз в эти дни, с 29 марта по 3 апреля, в Петрограде происходило первое совещание представителей Советов наиболее крупных городов России, созванное по инициативе исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Бюро ЦК приурочило к этому совещанию Всероссийское совещание партийных работников, которое шло параллельно совещанию Советов.

Яков Михайлович принял участие в работе того и другого совещаний, хотя сам и не выступал, особенно внимательно слушая речи товарищей, выступавших на партийном совещании, раньше его прибывших в Петроград и имевших возможность лучше изучить обстановку. Как только совещания окончились, он сразу же, 3 апреля 1917 года, выехал на Урал. Не знал Яков Михайлович, оставляя Петроград, что в это время Ильич уже пересек границу, что пройдет менее суток, и тысячные толпы питерских рабочих соберутся у Финляндского вокзала встречать вождя и учителя, возвращавшегося из далекой и долгой эмиграции.

Еще уезжая из Туруханки, Яков Михайлович говорил мне, что в Питере не задержится, а сразу же отправится на Урал, где, как он считал, он в данное время всего нужнее. Уже во время совещания Советов Свердлов собрал всех приехавших на него уральских большевиков, обсудил с ними стоявшие перед уральцами задачи, распределил силы.

Приезд Якова Михайловича в Екатеринбург был как нельзя более своевременен. Уральские большевистские организации, подвергнутые тяжелому разгрому в годы реакции и войны, только что начали восстанавливаться и набирать силы. Из тюрем и ссылок, с каторги и поселения спешили на родину уральские большевики. Сотни передовых рабочих вступали в большевистскую партию, и партийные организации росли с каждым днем.

На Урале Яков Михайлович встретил ряд старых соратников, плечом к плечу с которыми он создавал и укреплял уральские организации еще в памятные дни революции 1905 года. Но еще больше было выросшей в годы подполья молодежи, расправлявшей теперь крылья. Многие из уральцев помнили Свердлова по 1905 году, а кто в то время был слишком молод и не встречал его

лично, тот немало слыхал об Андрее от старших товарищей.

Приехав в Екатеринбург, Яков Михайлович прежде всего отправился к рабочим, на заводы. Восторженно встречали пролетарии Урала своего Андрея. Ему не надо было теперь прятаться, и дня не проходило, чтобы товарищ Андрей не выступил на каком-либо из заводов.

Осуществляя намеченный еще в Петрограде план, Свердлов быстро собирал партийные силы Урала, энергично готовил возрождение областной организации, созыв конференции. Вокруг Якова Михайловича собирались испытанные большевики, боевые руководители уральских рабочих, многие из которых прошли суровую школу царских тюрем и ссылок. Ближайшими помощниками Якова Михайловича становятся в этот период И. М. Малышев, Я. С. Шейнкман, С. М. Цвиллинг, Н. Г. Толмачев, Л. И. Вайнер и другие.

В Пермь, Челябинск, Тагил, Надеждинск, Миньяр, Невьянск, во все города и на крупные заводы Урала Екатеринбургский комитет партии направляет инструкторов, агитаторов, пропагандистов.

14—15 апреля состоялась первая Свободная Уральская областная конференция партии. Название «первой Свободной» она получила потому, что впервые представители партии собрались на Урале в легальных условиях.

Яков Михайлович руководил работой конференции. Как только начали съезжаться делегаты, он стал ежедневно бывать в общежитии, где они разместились, беседовал с товарищами. Его интересовало все: как люди прожили годы реакции, как они прошли через тюрьмы и ссылки, как работают сейчас. С каждым днем крепла у него уверенность, что уральские рабочие идут за большевиками, пойдут за ЦК, за Лениным.

Конференция, по существу, была чисто большевистской. Яков Михайлович выступал с докладами об Интернационале, по аграрному и организационному вопросам, выступал в прениях по другим вопросам. Как и многие другие крупные работники партии, Яков Михайлович не смог с исчерпывающей полнотой определить тактику партии в сложившихся условиях. Не все он формулировал достаточно четко и правильно, не мог самостоятельно дойти до понимания Советов как государственной формы диктатуры пролетариата, но в ряде во-

просов: отношение к Временному правительству, к войне, к объединению с меньшевиками, на чем кое-кто, в том числе и на Урале, настаивал, — его точка зрения приближалась к ленинской. Узнав как следует содержание ленинских Апрельских тезисов, Яков Михайлович сразу же примкнул к Ленину, полностью встал на ленинские позиции.

Уральская конференция избрала областной комитет партии в количестве пяти человек и поручила местным организациям провести выборы девяти делегатов на VII Всероссийскую конференцию РСДРП(б). Я. М. Свердлов был единодушно избран в состав областного комитета и делегатом на Всероссийскую конференцию большевиков.

Через день после окончания конференции Я. М. Свердлов вместе с другими делегатами Урала выехал в Петроград, на конференцию. Не думал в этот момент Яков Михайлович, что никогда больше не доведется ему побывать на столь дорогом его сердцу Урале.

●

Уральцы приехали в Петроград за несколько дней до начала Апрельской конференции, и Свердлов сразу же включился в работу по подготовке конференции.

Здесь, на Апрельской конференции, дня за два до ее открытия (конференция открылась 24 апреля 1917 года), сразу по приезде с Урала Яков Михайлович встретил Ленина. Наконец-то сбылась его давняя, самая заветная и горячая мечта. Он встретил Ленина, чтобы не расставаться с ним до конца своих дней, и зародившаяся здесь близость с Владимиром Ильичем наложила глубокий отпечаток на всю дальнейшую жизнь Свердлова, определила его последующий рост и развитие.

Партия послала на конференцию лучших своих представителей. Большинство из них Яков Михайлович знал лично: с одними он работал в подполье на Урале, в Поволжье, в Москве и Питере, с другими встречался на этапах и в тюремных камерах, в нарымской и туруханской ссылках. Здесь были нарымчане и туруханцы — Голощекин, Смирнов, Куйбышев, Сталин, Стасова, был известный Свердлову еще по Ярославлю и совместной работе в Питере в 1912 году Подвойский, были питер-

цы — Молотов, Муранов, Самойлов, Савельев, были Бубнов, Ворошилов, Крупская, Сольц и десятки других большевиков.

Апрельская конференция сыграла огромную роль в истории нашей партии, в борьбе за победу пролетарской революции. Конференция единодушно одобрила ленинский план развития революции, изложенный Владимиром Ильичем в Апрельских тезисах, взяла курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и поставила во главу угла вопрос о переходе власти в руки Советов. Конференция определила тактику партии, наголову разбила Каменева, Рыкова, Пятакова и других противников Ленина.

Ленинские доклады (а он четыре раза выступал с докладами), его активное участие в прениях почти по всем обсуждавшимся конференцией вопросам оказали решающее влияние на весь ход Апрельской конференции. Большинство резолюций, принятых конференцией, было написано Лениным.

Значение Апрельской конференции состояло и в том, что она организационно укрепила партию, придала большую стройность работе Центрального Комитета. ЦК, не переизбиравшийся с 1912 года, с Пражской конференции, вынужден был в условиях подполья постоянно пополняться путем кооптации, и к Апрельской конференции в состав ЦК и Бюро ЦК входило свыше тридцати человек, большинство из которых не избиралось. Конференция избрала ЦК во главе с В. И. Лениным. Членами ЦК были избраны И. В. Сталин, В. П. Милютин, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов и другие, всего девять человек.

Деятельность ЦК после конференции значительно упорядочилась. Улучшилась организационная работа Центрального Комитета, приобретавшая по мере развития революции все более серьезное значение и размах, наладилась и упрочилась связь ЦК с местными организациями партии.

Я не была тогда в Питере и об участии Якова Михайловича в работах конференции могу судить только по рассказам и воспоминаниям товарищей, да еще по краткой протокольной записи заседаний конференции. Из протоколов ясно лишь, что вместе с Лениным Свердлов был избран в состав президиума конференции, в который вошло пять человек, что он выступал докладчи-

ком от Урала, вносил предложения касательно организации работ конференции, зачитывал на заседаниях конференции некоторые из ленинских резолюций. Вот, пожалуй, и все, что видно из протоколов.

Подробнее и живее рассказывают товарищи. Делегат Апрельской конференции от Москвы, член партии с 1903 года М. М. Костеловская в 1927 году писала: «...приехали уральцы с Я. М. Свердловым во главе. Они поражали своей спайкой, организованностью и крепкой преданностью Ильичу. С их приездом сразу повеселело. Они стали организующим центром на конференции...»

Живую картину организации работ конференции и участия в ней Я. М. Свердлова рисует Е. Д. Стасова, секретарствовавшая тогда в Центральном Комитете.

«Когда я вспоминаю Апрельскую конференцию, — пишет Елена Дмитриевна, — передо мной особо ярко встает образ Ленина и рядом с ним Свердлова. Как и Владимир Ильич, Яков Михайлович был необычайно активен и особенно настойчив в проведении ленинской линии. Он приехал тогда делегатом от Урала, но с первого же дня явился душою конференции по всем вопросам. Он устраивал совещания товарищей, когда надо было сплотить их по какому-либо из спорных вопросов. Он подготовлял и составлял комиссии... Какое бы крупное начинание ни стояло на повестке дня, Яков Михайлович был неутомим в его проведении. Можно только удивляться тому, как он успевал быть везде и проводить все встречи, совещания, число которых нельзя было сосчитать».

Другой активный участник Апрельской конференции, старая большевичка Серафима Ильинична Гопнер, пишет в своих воспоминаниях: «Свердлов на Апрельской конференции активно участвовал в борьбе за ленинскую позицию. Он успевал следить за прениями, организовывал комиссии и секции, следил за ходом дискуссии в них... По предложению Свердлова конференция разбилась на 6 секций. Это мероприятие сыграло большую роль в более углубленном обсуждении вопросов, поднятых в дискуссии, и, несомненно, облегчило полный провал оппозиции и победу ленинской линии».

После Апрельской конференции Центральный Комитет возложил организационную работу ЦК на Я. М. Свердлова, поручив ему возглавить Секретариат Центрального Комитета.

Сейчас трудно себе даже представить, в каких условиях и как работал тогда Центральный Комитет, каков был его аппарат. А ведь сколько вопросов приходилось решать, вопросов самых разнообразных, порою сложнейших, а порою и мелких, причем решать сразу, без промедления и проволочки.

Наиболее важные, принципиальные вопросы решались на заседаниях ЦК, происходивших еженедельно. Собирался Центральный Комитет в различных местах. Первые месяцы после Февраля — во дворце Кшесинской и на Мойке, в редакции «Правды», затем на квартирах у особо надежных товарищей; иногда Центральный Комитет пользовался гостеприимством тех или иных партийных организаций Петрограда. Своего помещения у Центрального Комитета не было, если не считать нескольких комнат, где располагался Секретариат.

Четкого, определенного каким-либо регламентом, круга обязанностей тогда не было и не могло быть у членов Центрального Комитета партии большевиков — партии, только что вышедшей из подполья и впервые начинавшей строить свою работу в легальных условиях. Решения по важнейшим политическим вопросам вырабатывались ЦК совместно, под руководством Ленина; десятки же и сотни текущих организационных дел лежали на каждом из членов ЦК и в большой мере на том, кто руководил работой Секретариата Центрального Комитета, — на Свердлове. Должности секретаря Центрального Комитета партии в нынешнем понимании этого слова — как руководителя партийной работы — ни накануне Октября, ни в первый год после революции не было. Секретарем ЦК тогда чаще именовали товарища, работавшего в Секретариате, занимавшегося преимущественно организационно-техническими и текущими оперативными делами, оформлявшего протоколы заседаний Центрального Комитета. Всю же работу Секретариата ЦК возглавлял после Апрельской конференции и вплоть до своей смерти Яков Михайлович Свердлов.

Весь аппарат ЦК в 1917—1918 годах состоял только из Секретариата, ни отделов, ни секторов не было. Работало в Секретариате всего пять-шесть человек. В 1917 году, до осени, — Елена Дмитриевна Стасова, Вера Рудольфовна и Людмила Рудольфовна Менжин-

ские, Бронислав Андреевич Веселовский * да машинистка Ганя. Затем с Еленой Дмитриевной работала В. Павлова, работал периодически и еще кое-кто из товарищей, но имен их я уже не помню. Стасова, Менжинские, Павлова и именовались секретарями ЦК, а с марта 1918 года довелось работать в Секретариате и подписывать ряд документов в качестве секретаря ЦК и мне.

Секретариат вел документацию Центрального Комитета, оформлял протоколы заседаний, ведал финансами ЦК, налаживал учет. Правда, самые протоколы заседаний вели члены ЦК, а не сотрудники Секретариата, никогда не присутствовавшие на заседаниях ЦК. На Секретариат был возложен также подбор и направление работников на места. В Секретариат приходили прибывавшие из провинции товарищи. Здесь выслушивались их сообщения и доклады, члены ЦК давали им советы и указания. Секретариат вел переписку с партийными организациями по всей стране, рассылал директивы, указания ЦК и инструктивные письма, отвечая на письма и запросы, поступавшие с мест. Работа велась огромная.

В течение 1917 года Секретариат ЦК вынужден был постоянно кочевать. Вскоре после Февральской революции он разместился во дворце Кшесинской, где находился также Петербургский комитет и Военная организация большевиков («Военка»). Дворец после Февраля захватил бронедивизион и предоставил затем помещение ПК и ЦК. Хозяином во дворце стала «Военка», выделившая ЦК всего две комнаты, и те на втором этаже. При этих комнатах была ванная, которую Секретариат использовал для хранения документов и литературы.

В начале июня Временное правительство предложило очистить дворец и вернуть его владелице — бывшей царской любовнице балерине Кшесинской. Секретариат перебрался на квартиру Е. Д. Стасовой, а оттуда — в помещение мужской городской гимназии на углу Коломенской и Разъезжей улиц.

Но и на Коломенской Секретариат пробыл недолго. Уже в августе или в начале сентября пришлось пере-

* В. Р. и Л. Р. Менжинские — старые большевички, сестры умершего в 1934 году председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского.

Б. А. Веселовский — старый большевик, профессиональный революционер. В 1918 году ушел на фронт и в январе 1919 года, выполняя задание ЦК, погиб от рук белогвардейцев.

браться на Фурштадтскую, 19, в помещение книжного склада издательства «Прибой». Кстати, помещение это снято было мною. Но об этом позже.

Яков Михайлович неизменно часть дня проводил в Секретариате. Секретариат работал обычно с девяти-десяти утра до десяти вечера, а иногда и по ночам. Яков Михайлович приходил в Секретариат с утра и уходил часа в четыре-пять, отправляясь на очередное заседание, митинг или совещание. В Секретариате он принимал посетителей и приехавших из провинции товарищей, просматривал поступавшую почту, редактировал или целиком сам писал наиболее ответственные документы, давал задания работникам Секретариата, привлекая в помощь, если это требовалось, работников ПК и районных организаций, вмешивался во все большие и маленькие дела Секретариата и направлял его деятельность.

Часа в четыре дня ставили большой самовар, и все садились пить чай. Каждый выкладывал на стол, «в общий котел», все принесенное из дому. За самоваром завязывалась оживленная беседа. Яков Михайлович объяснял наиболее важные политические события, знакомил товарищей с последними указаниями Ленина. Он стремился к тому, чтобы каждый работник Секретариата полностью понимал стоявшие перед ним задачи и действовал наиболее сознательно, плодотворно.

«Основной чертой его работы, — вспоминает Л. Р. Менжинская, — было быстрое и решительное заключение по всем делам. Он никогда не откладывал решения, если только оно зависело от Секретариата, до следующего дня. На приходивших из провинции письмах и запросах Яков Михайлович всегда писал краткую резолюцию, которую секретари превращали в письма к организациям».

А каких только писем, каких сообщений и запросов не поступало в бурные дни 1917 года в Центральный Комитет нашей партии! Тут были и отчеты областных и губернских комитетов о ходе выполнения указаний ЦК и о проделанной работе; доклады и сообщения городских и армейских организаций; резолюции партийных собраний и конференций; просьбы выслать указания, советы, литературу; письма от рабочих, солдат, крестьян. Сотни и сотни документов, отчетов, писем, заявлений, с каждой страницы, из каждой строки которых била кипучая жизнь партии, стекались в Секретариат ЦК.

И почти на каждом письме, на каждом документе пометки, замечания, указания Свердлова. Сотни писем отправлял ежемесячно Секретариат ЦК на места, в партийные организации, отдельным товарищам. Десятки из них были написаны рукой Свердлова.

Кажется просто непостижимым, как могла столь маленькая группка работников справляться со всей этой работой, как успевал Свердлов переделать за день столько дел! А ведь справлялись, успевали. Как? На этот вопрос отвечает Л. Р. Менжинская.

«Живость без суетливости, — вспоминает она, — давала возможность Якову Михайловичу переделать массу дел, с большой интенсивностью и легкостью проработать материал Секретариата и затем отправляться на вечернее заседание, где он председательствовал или выступал. Стоило появиться Якову Михайловичу, как всем становилось весело. Он все делал так легко, так быстро, отличался таким отсутствием мелочности, что и другим становилось легче и веселее работать».

Без конца сыпались в Центральный Комитет просьбы с мест о присылке работников. Выйдя из подполья, партия быстро росла, день ото дня крепло ее влияние в массах, все расширялся объем работы, а людей не хватало. В этих условиях особенно пригодилось то изумительное знание партийных работников, которым обладал Я. М. Свердлов. Ем. Ярославский писал: «Многолетняя революционная практика давала ему богатую возможность знать всех выдающихся работников нашей партии. Его голова была учетно-распределительным отделом».

В Петроград ежедневно приезжали десятки товарищей, освобожденных революцией из тюрем, ссылок, с каторги; прибывали товарищи, возвращавшиеся из-за границы после долгих лет эмиграции. В своем большинстве это были опытные партийные работники, прошедшие великолепную школу подпольной борьбы. Каждый из них, возвращаясь в Питер, шел в Секретариат ЦК, почти с каждым встречался Свердлов, и тут же Секретариат ЦК направлял его на работу в Москву, Воронеж и Тулу, на Урал и в Сибирь, на Украину и в Закавказье, по всей стране.

Постоянным источником партийных кадров были питерские заводы; недаром, отвечая на просьбу товарищей из Екатеринослава о присылке работников, Я. М. Свердлов писал:

«В нашем распоряжении так мало народу, что невозможно и в малой степени удовлетворить все запросы. К вам на Юг переводят некоторые заводы из Питера. Среди рабочих этих заводов вы сможете найти хорошее подкрепление».

Помимо руководства Секретариатом ЦК, Свердлов постоянно выполнял ответственнейшие поручения Центрального Комитета, перечислить которые полностью просто невозможно. Коротко остановлюсь лишь на некоторых.

Вскоре после Февральской революции по инициативе питерских рабочих на фабриках и заводах начали возникать фабрично-заводские комитеты, игравшие огромную роль в деле сплочения и организации пролетарских масс. Владимир Ильич уделял деятельности фабзавкомов первостепенное внимание. Руководствуясь указаниями Ленина, Яков Михайлович провел большую работу по организационному укреплению фабзавкомов, по завоеванию их целиком на сторону большевиков.

Если профсоюзы и фабзавкомы играли большую роль в консолидации сил рабочего класса, то в деле сплочения солдатской массы, в деле мобилизации солдат под знамена большевизма гигантскую работу провела Военная организация большевиков. Значение деятельности Военной организации состояло и в том, что через тысячи агитаторов — солдат и матросов, ехавших в деревню, партия несла большевистское слово в широчайшие крестьянские массы, поднимала крестьян на борьбу против помещиков и капиталистов.

Ленин неустанно направлял деятельность Военной организации, неоднократно встречался с ее руководителями, выступал на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), состоявшейся во второй половине июня в Петрограде.

После июльских дней, когда Владимир Ильич вынужден был уйти в подполье, он продолжал руководить работой «Военки» через Я. М. Свердлова. Н. И. Подвойский, возглавлявший Военную организацию большевиков, вспоминает: «Владимир Ильич внимательно следил за работой Военной организации, о которой через связных ему докладывал, как и о всей работе партии, Яков Михайлович Свердлов».

Вернувшись в начале октября в Петроград, чтобы лично возглавить подготовку вооруженного восстания,

Ленин вызвал к себе руководителей «Военки». Н. И. Подвойский пишет, что на одном из собраний к нему подошел Яков Михайлович Свердлов и шепотом сказал:

«Теперь пойдем к Ильичу. Он вызывает тебя с отчетом о подготовке.

Свердлов сводит меня с Антоновым-Овсеенко. Ему тоже идти. Кроме того, Ильич вызывает еще Невского. Все трое мы будем отчитываться перед ним о том, как Военная организация партии подготовила массы к восстанию».

В августе Центральный Комитет возложил общее руководство деятельностью Военной организации на двух членов ЦК — Свердлова и Дзержинского.

Тесно были связаны с «Военкой» так называемые крестьянские землячества, начавшие стихийно возникать в Петрограде вскоре после Февраля. Первоначально их создавали рабочие, выходцы из одной деревни, волости, уезда. Землячества быстро росли, к ним присоединялись солдатские массы, и уже к июлю в Питере насчитывалось свыше двадцати губернских объединений.

Большевики вскоре оценили то влияние, которое могли оказать землячества на крестьянство, и Военная организация развернула в землячествах энергичную работу. По инициативе большевиков было образовано Центральное бюро крестьянских землячеств, а общее руководство работой большевиков в землячествах Центральный Комитет возложил на Я. М. Свердлова. Яков Михайлович организовал в июне встречу руководителей землячеств с Владимиром Ильичем. Свердлов составил наказ, с которым делегаты землячества направлялись по деревням. Он же написал и Устав Центрального бюро крестьянских землячеств.

Большую работу вел Яков Михайлович в муниципальных органах, а также в Советах, еще находившихся в руках меньшевиков и эсеров. Он был избран членом Петроградской городской думы и членом ЦИК первого созыва.

Но как бы Яков Михайлович ни был загружен, он использовал каждую возможность, чтобы побывать на заводах, на фабриках, в воинских частях, встретиться с питерскими рабочими и солдатами, потолковать с ними, обменяться мнениями, выступить на многолюдном митинге или собрании.

В. Д. Бонч-Бруевич писал в своих воспоминаниях, что Свердлов «постоянно бывал на заводах, в районных комитетах, везде и всюду, справляясь о том, как идут дела, изучал проводимую партией работу, помогая ее организовывать... И что было особенно ценно в нем, — он никогда не украшал, не подмалевывал действительности. Он прямо и резко говорил всем о тех опасностях, которые грозили нам... и никогда никому ни в чем не льстил. Эта прямота в отношениях создавала совершенно особенное расположение к нему со стороны рабочих».

Направляясь для выступления на завод, в рабочий клуб или солдатскую казарму, Яков Михайлович всегда старался приехать заблаговременно, до начала собрания, чтобы успеть запросто побеседовать с рабочими, с солдатами. В перерывы и по окончании собраний он всегда был окружен народом, интересовался отношением рабочих к происходящим событиям, их настроениями, бытом. В беседах с рабочими, солдатами Свердлов проверял правильность своих позиций, черпал новые силы. В любой аудитории он был своим, близким.

К просьбам рабочих о выступлении Яков Михайлович всегда относился с огромным уважением. Если сам он поехать не мог, то обязательно посылал опытного, умелого оратора.

«Препровождаю при сем двух товарищей, представителей Обуховского завода, — писал Яков Михайлович осенью 1917 года А. В. Луначарскому, прося его выступить у обуховцев. — Обуховский завод только что перешел в наши руки, и закрепить очень важно... Пожалуйста, не откажите».

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Время шло. Настал июнь 1917 года. Минуло три месяца, как было свергнуто самодержавие, но фабрики и заводы оставались в руках капиталистов, земля — у помещиков. Война продолжалась, разруха усиливалась. С каждым днем народные массы убеждались в контрреволюционном характере Временного правительства, в лживости посулов меньшевиков и эсеров. Первыми начали это осознавать рабочие и солдаты Петрограда. Среди них зрело возмущение.

3 июня открылся I Всероссийский съезд Советов. Большинство на нем было у эсеров и меньшевиков, превративших съезд в пустую говорильню.

6 июня Центральный Комитет собрался совместно с представителями петроградских партийных организаций и Военной организации большевиков, чтобы обсудить предложение «Военки» о проведении массовой политической демонстрации. С докладом выступил Н. И. Подвойский. Ленин решительно поддержал предложение о проведении демонстрации. Каменев, Зиновьев, Ногин пытались было возражать, заявляя, что момент еще не назрел, что массы могут не выйти на улицу, но остались в меньшинстве. Против них в поддержку Ленина выступили Сталин, Свердлов, выступили Володарский, Сергей Черепанов и другие представители петроградских организаций и «Военки», и вопрос был решен. Демонстрация была назначена на 10 июня. Началась широкая подготовка.

Однако, узнав о решении большевиков, меньшевистско-эсеровское большинство съезда Советов в ночь с 9 на 10 июня провело на съезде постановление воспретить в течение трех дней какие бы то ни было демонстрации. Центральный Комитет большевиков был поставлен перед фактом. Проводить в этих условиях демонстрацию означало пойти против съезда, против Советов.

Собрать Центральный Комитет удалось только поздней ночью, и то собралось всего пять членов ЦК. Не было Сталина, Милютина, еще двоих; Каменев, Зиновьев и Ногин, опираясь на решение съезда Советов, в принципе возражали против проведения демонстрации, настаивали на ее безоговорочной отмене. Против них было двое: Ленин и Свердлов. Прекрасно понимая, что в данных условиях проводить демонстрацию нельзя, Ленин считал, что в принципе она необходима, но сейчас от демонстрации придется временно воздержаться, подчиняясь решению съезда. Яков Михайлович целиком поддерживал Ленина, и, когда вопрос поставили на голосование, когда Каменев, Зиновьев и Ногин проголосовали против проведения демонстрации, Ленин и Свердлов воздержались.

Но в том, что в данных условиях демонстрацию надо отложить, сходились все, и сразу же после заседания все было поставлено на ноги. До начала демонстрации

оставались считанные часы, и за это время (а ведь была глубокая ночь!) Центральный Комитет сумел предупредить все организации. 10 июня утром никто не вышел на улицы, хотя готовились десятки тысяч людей.

Отмена большевиками демонстрации показала, сколь велик авторитет Центрального Комитета большевиков среди питерских рабочих и солдат, за кем идут массы Петрограда.

Решение съезда о запрете демонстрации вызвало бурю возмущения на фабриках, заводах, в воинских частях столицы. Боясь растерять остатки авторитета, меньшевистско-эсеровские вожди Советов вынуждены были вынести новое решение: провести демонстрацию, но уже под лозунгами съезда Советов. Демонстрация была назначена на 18 июня.

В распоряжении меньшевиков и эсеров была неделя. У них был многочисленный аппарат, все средства связи, автомобили, и они рассчитывали, что демонстрация пойдет за ними.

Большевики не обладали и десятой долей тех материальных возможностей, что их противники, но они были кровно связаны с массами, выражали интересы масс, на их стороне была могучая сила сплоченной, дисциплинированной организации.

18 июня улицы, проспекты и площади Петрограда заполнились бесчисленными колоннами рабочих и солдат. На демонстрацию вышло свыше 500 тысяч человек, и шли они под лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов», «Вся власть Советам» — лозунгами большевиков. Несколько жалких кучек интеллигентов, пытавшихся поднять меньшевистско-эсеровские плакаты, растерянно толкались в гигантском людском потоке, воодушевленном единым стремлением, единым чувством.

Как раз в день демонстрации, 18 июня 1917 года, по приказу Временного правительства началось наступление на фронтах. Расчет буржуазии был прост: в случае удачи (в которую мало кто верил) положение Временного правительства укрепится, и можно будет потуже натянуть вожжи, нанести удар большевикам, в случае же неудачи можно будет обвинить большевиков и опять-таки разгромить их.

Наступление окончилось полным провалом, стоило

десятков тысяч новых жертв, вызвало бурю возмущения в массах трудящихся. Атмосфера в Петрограде накалялась с каждым днем, с каждым часом.

Прекрасно сознавая, что массы по всей стране еще не созрели для решительного выступления, не поддержат Петроград, если он сейчас начнет, ЦК и ПК всеми силами стремились удержать петроградских рабочих и солдат. А контрреволюция собирала силы и выискивала повод для нанесения решающего удара революционному пролетариату. Такова была обстановка в Петрограде к началу июля 1917 года, как обрисовал мне ее Яков Михайлович, едва я приехала в Петроград.

Добралась я с ребятами до Питера только 2 июля. Из Монастырского мы выехали еще в начале июня, с первым пароходом, но на дорогу ушло около месяца. Известить Якова Михайловича о нашем приезде заблаговременно я не пыталась, понимая, как он занят.

Переночевав у знакомых, утром 3 июля я захватила ребят и пустилась на розыски Якова Михайловича. От встретившихся товарищей я узнала, что в первой половине дня его легче всего застать в Секретариате ЦК. Они же сообщили мне адрес Секретариата, и я отправилась на Коломенскую.

Отыскать здание гимназии, где помещался Секретариат ЦК, не составило труда. Взяв ребятишек за руки, я начала взбираться с ними по лестнице, как вдруг прямо на нас чуть не налетел какой-то человек, стремительно спускавшийся вниз, прыгая через две-три ступеньки. Я в полумраке было не разобрала, кто это, и поспешно отстранила ребят, уступая дорогу, но он внезапно остановился:

— Кадя! Ты? Звереныши!

В следующую же минуту Яков Михайлович — это был он — подхватил Верушку на руки, болтал с Андреем, сыпал вопросы. Собирался он куда-то ехать, но поездку тут же решил отложить, и мы вместе поднялись в Секретариат ЦК.

Яков Михайлович познакомил меня с Еленой Дмитриевной Стасовой, с Менжинской, Веселовским и другими товарищами, находившимися в это время в Секретариате.

Ребят он беспрестанно тормошил и прямо-таки с упоением демонстрировал каждому, кто только появлялся в Секретариате.

— Никуда сегодня не пойду, — басил Свердлов, — и сюда не вернусь. Беру отпуск. На сутки!

Пробыв на Коломенской с полчаса, он забрал нас, и мы всей семьей отправились на Широкую улицу, где Яков Михайлович жил в пустующей квартире знакомого ему еще по Уралу инженера Бессера. Подходя к дому, Яков Михайлович обратил мое внимание на высокое парадное на противоположной стороне улицы, расположенное в глубокой нише, с лепными фигурами наверху:

— Здесь живет Ильич!

«На сутки», сказал Яков Михайлович, уходя из Секретариата, однако не успели мы пробыть вместе и несколько часов, как к нашему дому подкатил грузовик, до отказа заполненный вооруженными солдатами и матросами. Товарищи из «Военки» приехали за Свердловым. Они рассказали, что на Выборгской стороне начались волнения. Первый пулеметный полк решил выступить и разослал своих представителей по ближайшим заводам и воинским частям с призывом присоединиться к выступлению. Того и гляди народ выйдет на улицы. Заседавшая в это время Петроградская партийная конференция прервала свою работу. Делегаты разошлись по районам.

Едва выслушав товарищей, Яков Михайлович мгновенно собрался, сел в грузовик и укатил во дворец Кшесинской. А к дворцу уже стекались первые колонны демонстрантов. Был вечер 3 июля 1917 года. Как нарочно, Владимира Ильича в Петрограде не было. На несколько дней он уехал за город.

Вместе с другими членами ЦК, ПК и работниками «Военки» Свердлов предпринимал все возможные усилия, чтобы удержать рабочих и солдат от выступления. В эти часы он вместе с Н. И. Подвойским, В. И. Невским, А. И. Слуцким без устали выступал с балкона дворца Кшесинской, призывая возбужденный народ к спокойствию и выдержке. Но тщетно. Плотина была прорвана, и остановить стихийно начавшееся выступление было уже невозможно.

В ночь на 4 июля ЦК совместно с ПК, делегатами Петроградской конференции и руководством Военной организации принял решение возглавить выступление. Раз уж предотвратить его не удалось, надо было встать

во главе масс и придать демонстрации мирный, организованный характер.

Домой Яков Михайлович вернулся под утро. Наскоро рассказав мне о минувших событиях, он прилег и мгновенно уснул, а через пару часов я его подняла. Наступило 4 июля, и Свердлов опять ушел туда, во дворец Кшесинской.

В этот день улицы Петрограда заполнились десятками тысяч рабочих, солдат. Из Кронштадта прибыло несколько тысяч матросов. В демонстрации участвовало около 400 тысяч человек. Над колоннами демонстрантов гремел клич: «Вся власть Советам!»

Ленин, узнав о начавшемся выступлении, тотчас вернулся в Петроград. Около полудня он был уже во дворце Кшесинской и встал у штурвала развертывавшихся событий, выступил перед тысячными толпами демонстрантов.

Никто из большевиков не записывал тогда выступлений вождя, не до того было. Большевики меньше всего думали о том, как сохранить тот или иной факт для истории, они делали историю. Но кое-что сохранилось в документах Временного правительства, усиленно подбиравшего материалы против большевиков. Немало фактов имеется в делах Особой следственной комиссии, созданной Временным правительством с целью сфабриковать обвинение против большевистской партии. Есть там и такая запись, посвященная событиям 4 июля: «На балконе особняка Кшесинской находилось несколько человек, и среди них член Центрального Комитета Свердлов. На балкон были вынесены красные знамена, на которых оказались надписи: «Центральный Комитет РСДРП», «Петербургский комитет РСДРП» и знамя Военной организации той же партии.

Через несколько минут на балконе появились Луначарский и Ленин, и первым Свердлов обратился к подошедшим ко дворцу Кшесинской матросам и солдатам с небольшой речью. Приветствуя кронштадтцев от имени Центрального Комитета партии большевиков, Свердлов указал, что Центральный Комитет никогда не сомневался в том, что в исторические минуты авангард русской революции — истинные кронштадтские революционеры — придут на помощь петербургскому пролетариату... Свердлов предложил дать возможность послушать речи ораторов первой группы матросов и

солдат, затем отвести их в сторону, чтобы и другие матросы и солдаты могли послушать ораторов... Затем Свердлов сообщил, что сейчас будет говорить Ленин».

Между тем к Петрограду подтягивались снятые с фронта казачьи полки, артиллерийские батареи, бронедивизионы. Уже днем 4 июля обнаглевшие юнкера и офицерье, забравшись на чердаки и крыши, открыли пальбу по мирным демонстрантам. На Литейном и Невском десятки рабочих, солдат, матросов пали под их предательскими пулями.

Однако кронштадтцы, питерские рабочие и солдаты не поддались на провокацию. Они дали суровый отпор казакам и юнкерам, но сами в наступление не перешли, не захватили ни одного правительственного здания, не тронули ни одного представителя власти. Предельным напряжением сил большевикам удалось удержать народ от непродуманных выступлений и не дать тем самым повода для полного разгрома рабочих и партийных организаций.

Поздним вечером 4 июля ЦК принял решение прекратить демонстрацию, поскольку рабочие и солдаты уже ясно выразили свою революционную волю.

Используя временный перевес в силах, опираясь на поддержку меньшевиков и эсеров, контрреволюция перешла в наступление. Около шести часов утра 5 июля была разгромлена типография «Правды». Началось разоружение революционных солдат и рабочих.

4 июля Яков Михайлович не появлялся дома весь день, не пришел он и в ночь на 5-е. Лишь ранним утром раздался условный стук в дверь.

— Ты знаешь, — сказал Яков Михайлович, едва переступив порог, — юнкера разгромили «Правду». Ильич был там. Он ушел из редакции незадолго до налета. Задержись он немного, угодил бы прямо в лапы этим мерзавцам. Теперь можно всего ожидать. Того и гляди нагрянут сюда. — Яков Михайлович кивнул на противоположную сторону улицы. — Ильича необходимо предупредить. Немедленно. Надо его увести куда-нибудь, а там что-нибудь придумаем. Я, собственно, на минутку, за плащом. Пригодится.

Взяв с вешалки плащ, Яков Михайлович стремительно вышел. Дверь за ним захлопнулась. Идти ему было недалеко — через улицу.

«В ночь на 5 июля была разгромлена «Правда», —

пишет в своих воспоминаниях Мария Ильинична Ульянова, — о разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дома совершенно незамеченными».

Надежного убежища, где Владимир Ильич находился бы в безопасности, ни Яков Михайлович, ни кто другой в первые часы после налета контрреволюционеров на «Правду» не подготовил и не мог подготовить. Главным в тот момент было увести Ильича из его квартиры, не дать контрреволюции, нападения которой на квартиру Ленина следовало ждать с минуты на минуту, захватить его в свои лапы. Об этом прежде всего и думал тогда Яков Михайлович, потому он так и спешил к Ильичу. Спешил не зря!..

На первое время Яков Михайлович укрыл Владимира Ильича у одного из товарищей, жившего на Петроградской стороне, а сам сразу связался со Сталиным, с Бокием — тогдашним секретарем Петербургского комитета большевиков, еще кое с кем из наиболее надежных товарищей, и спустя некоторое время Ильичу было подготовлено более надежное убежище.

Все это я узнала в тот же вечер, 5 июля, когда Яков Михайлович забежал на несколько минут домой, чтобы занести свой плащ.

В этот же день, или день спустя, не помню, по нашей улице загрохотал грузовик. Он остановился возле дома, где жил Ильич, и на мостовую горохом посыпались солдаты, юнкера. И хотя родные уверяли, что Владимира Ильича в квартире нет, юнкера искали его всюду: в шкафах, под кроватями, в корзинах, сундуках. Напрасно, однако, ищейки Временного правительства искали Ленина на его квартире. Ильич ушел вовремя.

Контрреволюция неистовствовала. Буржуазная печать начала бешеную травлю Ленина, большевиков. Меньшевистско-эсеровские предатели из ЦИК умыли руки. 7 июля Временное правительство издало приказ об аресте Ленина. Но все усилия контрреволюции разыскать Ленина, расправиться с ним были тщетны. Партия надежно укрыла своего вождя.

Несколько дней Владимир Ильич скрывался у раз-

ных товарищей: Н. Г. Полетаева, С. Я. Аллилуева, затем выехал из Питера и перебрался под Сестрорецк на станцию Разлив, к кадровому питерскому рабочему старому большевику Н. А. Емельянову.

Все эти дни я почти не видала Якова Михайловича. Он забегал домой изредка, на два-три часа, и снова исчезал. Впервые мы с ним обстоятельно и серьезно обсудили создавшееся положение в ночь на 6 или 7 июля. Нам обоим было ясно, что оставаться здесь, где он был прописан и, следовательно, в любой момент может быть схвачен, ему нельзя. Под утро, собрав кое-какие вещички, Яков Михайлович ушел, даже не простившись с еще не проснувшимися ребятишками. Вновь начались у него полные тревог и лишений скитания по случайным ночевкам, только на этот раз «в свободной» России Керенского и Церетели.

После ухода Якова Михайловича мне неудобно было оставаться с детишками в чужой квартире, и в конце июля мы перебрались на Васильевский остров, в меблированные комнаты, в дом № 4 по 13-й линии.

Яков Михайлович появлялся у нас изредка, внезапно, проводил несколько часов и снова исчезал. Только в конце августа, когда рвение контрразведки несколько ослабло, он смог обосноваться на Васильевском острове более или менее прочно.

Впрочем, с Яковом Михайловичем я встречалась теперь постоянно уже не дома. В середине июля Центральный Комитет партии возложил на меня заведование издательством ЦК «Прибой» (учитывая, очевидно, что мне в прошлом немало приходилось работать в книжных магазинах и на книжных складах), и мне, как заведующей издательством, постоянно приходилось иметь дело с Секретариатом ЦК. С августа же мы вообще разместились в одном помещении с Секретариатом ЦК.

Хозяйство издательства, хотя и не очень большое, было довольно сложным. Задачи перед нами стояли огромные. «Прибой» не только издавал партийную литературу, но и сам распространял ее по всей стране.

Чуть не в каждом номере «Рабочего и Солдата», «Пролетария», «Рабочего пути» (под этими именами возродилась разгромленная в июльские дни «Правда») мы публиковали списки выпускаемой нами литературы. Тут были работы Маркса и Ленина, брошюры Ольмин-

ского, Сталина, Милютина, Крыленко, Невского, Воровского, Коллонтай, сборники басен и стихов Демьяна Бедного, была и брошюра Я. М. Свердлова «Крушение капитализма», подписанная «А. Михайлович».

Из рабочих районов Питера, со всех концов страны к нам беспрестанно поступали заявки, содержащие порою до сорока-пятидесяти наименований. По этим заявкам нужно было быстро комплектовать библиотечки и рассылать на места, а работало нас в издательстве всего пять человек. Почти никто из товарищей опыта в книжном деле не имел, никакой системы подбора библиотек не знал, и одну библиотечку зачастую комплектовали в течение целого дня. Только постепенно мы наладили дело, разработали систему, и на подбор одного комплекта стало уходить не более пятнадцати-двадцати минут. Во многом помог мой опыт работы в книжном складе «Провинция».

Помимо издания и рассылки книг по заявкам, мы занимались и розничной продажей. Благодаря тому, что почти никто из наших авторов не брал гонорара, издательство давало прибыль. Это позволяло нам систематически снабжать деньгами центральный орган партии Деньги я обычно передавала через Дзержинского, он заходил ко мне за ними.

Вся наша работа, издательская и торговая, сосредоточивалась в небольшом магазине, находившемся на Николаевской улице, дом 12, вблизи от Невского проспекта.

Как только я начала работать, ребята остались без присмотра. А тут еще и кормить их было нечем. С продовольствием в Питере было плохо. Сами мы с Яковом Михайловичем питались как попало, где придется, но положение детишек нас волновало. Не всякий день удавалось достать для них еду, да и что это была за еда! Однажды, например, мне повезло, и я купила на Невском головку голландского сыра и фунта два яблок, которыми и кормила Андрея и Верушку целую неделю. В другой раз Борис Иванов, перебравшийся из Красноярска в Питер и возглавивший союз пекарей и булочников, принес буханку белого хлеба. Но такие праздники выдавались нечасто.

Мы с Яковом Михайловичем долго ломали голову и в конце концов решили отправить ребят к деду

в Нижний Новгород. Там они по крайней мере хоть без хлеба сидеть не будут. Правда, Яков Михайлович был у отца в последний раз в 1910 году, но что же было делать?

К нашей радости, дед с охотой принял внучат, хоть жилось ему нелегко, и ребята были устроены. За них мы теперь были спокойны.

НА ПОДСТУПАХ К ВОССТАНИЮ

Июльские дни положили конец двоевластию. Власть целиком перешла в руки контрреволюционной буржуазии. Типография «Правды», отдельные партийные комитеты в Питере были разгромлены. По городу шли обыски и аресты. Меньшевистско-эсеровское большинство Советов выступило против рабочих и солдат Петрограда, открыто предало дело революции. Период мирного развития революции кончился.

Ленин, дав исчерпывающий анализ создавшемуся положению, призвал партию к подготовке вооруженного восстания.

Связь с Ильичем теперь, когда он перебрался на станцию Разлив, под Сестрорецк, стала важнейшим и чрезвычайно конспиративным делом. У нас с Яковом Михайловичем никаких секретов друг от друга не было, и я знала, что он поддерживает постоянную связь с Ильичем, но никаких подробностей он не рассказывал даже мне.

Наступление контрреволюции усложнило условия работы, но разгромить партию, обезглавить ее, загнать в подполье буржуазии не удалось. Во главе партии стоял Ленин, направлявший из подполья работу Центрального Комитета. Секретариат ЦК, находившийся в Выборгском районе, работал бесперебойно. Л. Р. Менжинская вспоминает:

«В Секретариате через два-три дня (после июльских событий. — *К. С.*) дело пошло нормальным ходом, и твердая рука Якова Михайловича направила всю работу в сторону поддержки связей с местными организациями, обслуживания материалами новой большевистской газеты и главное — в сторону подготовки VI партийного съезда».

Вопрос о газете действительно стал после июльских

дней одним из важнейших, так как после разгрома «Правды» партия осталась без центрального органа. Долго так продолжаться не могло, и Центральный Комитет принял решительные меры к восстановлению газеты. Уже 23 июля, через $2^1/_2$ недели после закрытия «Правды», Военная организация наладила при помощи ЦК выпуск газеты «Рабочий и Солдат», временно заменившей «Правду».

Яков Михайлович принимал деятельное участие в издании «Рабочего и Солдата». Один из руководителей «Военки», М. С. Кедров, писал: «Для связи и партийного контроля над газетой был назначен Центральным Комитетом нашей партии Я. М. Свердлов».

Прошло еще около трех недель, и в середине августа центральный орган партии «Правда» возродился полностью под наименованием «Пролетарий». Яков Михайлович провел большую работу по воссозданию газеты. Б. З. Шумяцкий, один из редакторов «Пролетария», вспоминает: «Я. М. Свердлов предложил мне взять на себя организацию издания центрального органа». Шумяцкий рассказывает, как Яков Михайлович требовал от него план работы, как ему приходилось делать «вылазки» из типографии, «чтобы повидаться с Я. М. Свердловым и получить от него задания по выпуску первого номера «Пролетария», как Яков Михайлович передавал ему для опубликования статьи Ильича и Сталина, тексты воззваний ЦК и ПК.

Большое внимание в июле 1917 года Яков Михайлович уделял подготовке VI съезда партии.

Подготовка к съезду началась еще до июльских событий. В середине июля Центральный Комитет создал Организационное бюро по созыву съезда, руководство которым возложил на Якова Михайловича. Первого июля Яков Михайлович выступал от имени ЦК с докладом о предстоящем съезде на Второй Петроградской партийной конференции.

После июльских событий вести подготовку съезда стало куда труднее, но Организационное бюро не покладало рук и сделало все возможное, чтобы VI съезд партии собрался своевременно. Яков Михайлович сам подыскивал помещение для работ съезда, подготовил к к совещанию делегатов повестку дня и регламент работ съезда, заботился о размещении делегатов, об их питании, решал десятки других организационных вопросов.

Съезд пришлось проводить полулегально. В «Рабочем и Солдате», даже в полуменьшевистской «Новой жизни» печатались сообщения о созыве съезда. «Рабочий и Солдат» подробно освещал ход работ съезда, но где именно съезд происходит, кто в нем участвует, об этом не говорилось ни слова.

С помощью большевиков Выборгского района Секретариат ЦК арендовал на несколько дней помещение у христианского братства при Сампсониевской церкви, где и проходили первые заседания VI съезда большевистской партии. Рабочие-выборжцы обеспечили охрану съезда. Выступая в день открытия съезда с докладом Организационного бюро, Свердлов говорил: «Только благодаря энергии Выборгского красного района удалось осуществить созыв съезда здесь, в Пегербурге».

VI съезд партии открылся 26 июля. Основным докладчиком на съезде должен был быть Ленин, но он не мог участвовать в работах съезда, слишком велик был риск, и Центральный Комитет поручил политический отчет ЦК и доклад о политическом положении И. В. Сталину. С организационным отчетом ЦК выступал Свердлов.

Ленина не было на съезде, но каждый из делегатов постоянно ощущал его незримое присутствие. Бурной овацией встретили делегаты избрание Ильича почетным председателем съезда. В президиум съезда были единодушно избраны Свердлов, Ольминский, Ломов, Юренев и Сталин. Мне довелось не раз бывать на заседаниях VI съезда. Центральными на съезде были вопросы о политическом положении, политический и организационный отчеты ЦК.

В своих решениях съезд указал, что власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства может теперь перейти только путем вооруженного восстания. Ленинский курс на вооруженное восстание стал боевым курсом большевистской партии.

Решительный отпор встретили на съезде Бухарин и Преображенский, пытавшиеся отрицать возможность победы социалистической революции в России.

Съезд рассмотрел вопрос о явке Ленина на суд Временного правительства, дал решительный отпор тем, кто высказывался за явку Ленина на суд, и постановил: считать явку невозможной. Был рассмотрен и еще ряд вопросов.

В разгар работ съезда буржуазные газеты подняли невероятный шум. 28 июля было опубликовано распоряжение Временного правительства о запрещении каких бы то ни было съездов и конференций. В любой момент можно было ждать налета.

По инициативе Якова Михайловича собралось внеочередное закрытое заседание съезда, на котором досрочно, до окончания работы съезда, были проведены выборы ЦК. Протокола этого заседания не велось, результаты выборов полностью не оглашались. Яков Михайлович занес результаты выборов шифром в свою записную книжку и огласил их только на Пленуме ЦК, после окончания съезда.

Проведя выборы Центрального Комитета, съезд решил перенести дальнейшую работу из Выборгского района в другое место.

Практическое осуществление этого решения Президиум съезда и Центральный Комитет возложили на Свердлова.

Яков Михайлович тут же отправился в Нарвский район и договорился с руководителями районной партийной организации о помещении для заседаний съезда. Большевики Нарвского района обеспечили размещение и питание делегатов, организовали надежную охрану. Яков Михайлович сам наметил, где какие посты надлежало расставить, лично проинструктировал выделенных в охрану товарищей. Благодаря принятым мерам съезд успешно закончил свою работу.

В члены ЦК был избран двадцать один человек, в том числе Ленин, Бубнов, Дзержинский, Муранов, Ногин, Свердлов, Сергеев (Артем), Сталин, Урицкий, Шаумян. Кроме того, было избрано десять кандидатов в члены ЦК, среди них Стасова, Джапаридзе. Были избраны в ЦК также Каменев и Зиновьев, сыгравшие такую подлую роль перед Октябрем и после победы революции.

4—5 августа 1917 года состоялся первый Пленум Центрального Комитета. Пленум избрал узкий состав ЦК для проведения всей текущей работы. В него вошли: Сталин, Дзержинский, Милютин, Урицкий, Иоффе, Свердлов, Муранов, Бубнов, Стасова, Шаумян (Ленина в это время в Петрограде не было, и в заседаниях узкого состава ЦК он не участвовал).

На первом заседании узкого состава, 6 августа, из пяти членов ЦК был образован Секретариат, или Оргбюро ЦК (его называли тогда по-разному), которому была поручена вся организационная часть работы. В состав его были избраны Дзержинский, Иоффе, Свердлов, Муранов и Стасова.

Буржуазия, рассчитывавшая раздавить революцию в дни июльских событий, глубоко просчиталась. Положение в стране с каждым днем становилось все более напряженным. Разруха усиливалась, хлеба не хватало, июньское наступление на фронте кончилось полным провалом. Все это способствовало быстрому прояснению сознания широких народных масс, усиливало влияние большевиков.

В конце августа генерал Корнилов по указке русских и иностранных капиталистов попытался осуществить контрреволюционный переворот и установить в стране военную диктатуру. Но выступление Корнилова сослужило плохую службу буржуазии.

ЦК большевиков совместно с ПК, Военной организацией, Центральным советом фабрично-заводских комитетов и большевистской фракцией Советов призвали питерских рабочих и революционных солдат к решительному отпору Корнилову. Меньшевики и эсеры переполошились, они испугались корниловского мятежа и шарахались из стороны в сторону.

На защиту революции поднялись рабочие и солдаты Петрограда, моряки Балтики, поднимались трудящиеся по всей стране.

В Петрограде рабочие открыто вооружались и формировали отряды Красной гвардии. Воинские части, находившиеся под влиянием большевиков, приводились в боевую готовность.

28 августа Военная организация провела совещание с представителями полков Петрограда и окрестностей: Выборга, Кронштадта и т. д. Руководили работой совещания Свердлов и Дзержинский.

Навстречу корниловским войскам, двигавшимся на Петроград, выступили рабочие отряды, революционные батальоны и полки, матросы. Десятки, сотни большевистских агитаторов — рабочих, солдат шли впереди революционных отрядов, проникали в корниловские полки и эскадроны, открывали солдатам глаза, разоблачали заговор контрреволюции. И войска дрогнули, заколеба-

лись, остановились. Мятежная авантюра Корнилова рухнула. Влияние большевиков несоизмеримо возросло.

31 августа Петроградский Совет принял предложенную большевиками резолюцию о власти. Меньшевистско-эсеровский президиум Совета вынужден был подать в отставку, и большинство в президиуме вскоре перешло к большевикам. Затем к большевикам перешло руководство и в Московском Совете. Советы Петрограда, Москвы, а за ними и других городов страны стали большевистскими.

Лозунг «Вся власть Советам» вновь встал на повестку дня, только теперь это были уже не меньшевистско-эсеровские соглашательские Советы, но подлинно революционные органы власти, большинство в которых принадлежало большевикам.

Вскоре после того как руководство Петроградским Советом перешло к большевикам, Свердлов, как и другие члены ЦК, входившие в Совет, обосновался в Смольном, в комнате № 18, где разместилась теперь большевистская фракция Совета.

В Смольный шли сотни и сотни людей, шли рабочие, солдаты, крестьяне, шли в ЦИК и Петроградский Совет, в другие организации, разместившиеся в Смольном. И почти каждый заходил в большевистскую фракцию Совета, у десятков были вопросы к Центральному Комитету большевиков.

Работы по приему стало в Смольном так много, что Яков Михайлович привлек специально к этой работе старого члена партии С. С. Пестковского, и в Смольном образовалось нечто вроде филиала Секретариата ЦК, который так и именовался: отделение ЦК в Смольном. Состояло это отделение из Свердлова и Пестковского.

В Секретариате Яков Михайлович стал бывать меньше, проводя большую часть дня в Смольном. Секретариат ЦК к этому времени находился уже на Фурштадтской, 19, в помещении «Прибоя». Перебрались мы туда вместе с Секретариатом ЦК незадолго до корниловского мятежа.

Еще в июле, вскоре после моего прихода в «Прибой», мы решили создать конспиративный запасной склад литературы, опасаясь налета на наш магазин на Николаевской, достаточно намозоливший глаза всякой черносотенной швали. Подумывали и товарищи из Секре-

тариата ЦК о переезде с Коломенской. По работе мы были связаны очень тесно и помещение решили искать совместно.

Не помню уж сейчас, кому именно, Якову Михайловичу или Людмиле Рудольфовне Менжинской, удалось выяснить, что в доме № 19 на Фурштадтской улице, принадлежавшем женской церковной общине, сдается просторная квартира из шести-семи комнат. Мы решили, что квартиру мне следует снять на свое имя, выдав себя за частное лицо. Приехала я из Сибири накануне июльских дней, участия в выступлениях большевиков в Питере не принимала, и контрразведка Керенского не успела обратить на меня внимания. Документы у меня были на фамилию Новгородцевой в порядке, и я не опасалась, что вызову подозрение.

С самым невинным видом я явилась к сестрам-монахиням и попросила их показать квартиру. Вела я себя такой тихоней и выглядела настолько благообразно, что быстро завоевала расположение монахинь. Квартира мне понравилась с первого взгляда. Прежде всего я обратила внимание на то, что в ней имелось два входа: парадный, с массивными дверями, застекленными толстыми матовыми стеклами, с большими прозрачными крестами в центре (позже, когда мы основали там склад, кто-то из товарищей шутил, что «Прибой» расположился «под крестом господним»), и черный. Черный ход вел не на задний двор, а в церковь, примыкавшую к дому. В случае внезапного налета в церкви можно было укрыть любые материалы и документы.

Поторговавшись для приличия с монахинями, я заявила, что квартиру беру, и, к взаимному удовольствию, вопрос был улажен. Не теряя времени, мы перевезли наиболее ценную литературу в «мои апартаменты» и организовали здесь запасной склад «Прибоя». Под склад было отведено три или четыре комнаты, а в остальных разместился Секретариат ЦК. Попасть в Секретариат можно было лишь через склад, причем дверь мы открывали только на условный стук, и то не сразу, а предварительно осмотрев посетителя через щель, не снимая дверной цепочки.

Склад партийного издательства и Секретариат ЦК большевиков с комфортом расположились во владениях святой церкви. Яков Михайлович не раз шутил, что дорого дал бы за удовольствие посмотреть на физиономии

монашек, доведись им узнать, кому и каким целям служит квартира в их богоспасаемом доме.

Ближе к концу сентября мне удалось невдалеке от нашего склада, там же на Фурштадтской, в доме № 27, снять в частной квартире две комнаты, где мы с Яковом Михайловичем и поселились.

Дома мы с ним встречались только поздней ночью, так как я приходила домой очень поздно, а про него и говорить нечего. Раньше двенадцати часа ночи он появлялся редко, а ранним утром мы оба уходили.

Но уж если Свердлов выбирался домой пораньше, если нам удавалось выкроить два-три часа перед сном, то какое поднималось тогда веселье, какая царила у нас теплая, дружеская атмосфера!

— Звонить народам? — спрашивал Яков Михайлович, едва перешагнув порог, и, зная заранее мой ответ, брался за телефонную трубку. Он звонил Стасовой, которая жила неподалеку, звонил другим товарищам, проживавшим вблизи Фурштадтской, и вскоре «народы» подтягивались: приходили Елена Дмитриевна, Володарский, собиралось человек пять-шесть, и завязывалась веселая, шумная беседа, сыпались шутки, звенел смех.

Ставили сообща самовар и принимались «чаи гонять». Правда, чай был без сахара, и к чаю ничего не было, даже хлеба, но кипятку было вдосталь, и находились любители, вроде Якова Михайловича, что пили стакан за стаканом, без счета.

Елена Дмитриевна знала бесконечное количество смешных историй и была неплохой рассказчицей.

Шумное веселье, хохот, шутки служили превосходной разрядкой тому нечеловеческому напряжению, в котором в те дни, в сентябре — октябре 1917 года все мы находились.

А напряжение день ото дня возрастало. С переходом Советов в руки большевиков вопрос о захвате власти стал на повестку дня. Час восстания близился.

В начале августа Владимир Ильич покинул Разлив и уехал в Финляндию. В конце августа он перебрался в Гельсингфорс, а в середине сентября — в Выборг, стремясь быть поближе к центру событий.

15 сентября собрался Центральный Комитет, чтобы обсудить только что полученные через Марию Ильиничну письма Ильича, со всей решительностью потребовав-

шего приступить к практической подготовке вооруженного восстания.

О содержании ленинских писем я в тот же вечер узнала от Якова Михайловича. Рассказал он мне и как проходило их обсуждение на заседании ЦК.

Свердлов, Сталин, еще ряд товарищей целиком разделяли ленинскую точку зрения и считали письма Ильича директивой к действию. Сталин предложил разослать их в наиболее важные партийные организации. Но нашлись в ЦК и такие, кто придерживался иной точки зрения. Прежде всего Каменев. Он выступил с требованием отвергнуть практические предложения Ленина, воздержаться от проведения мероприятий, намечаемых Лениным.

ЦК отклонил домогательства Каменева, но и рассылку ленинских писем решил временно отложить, перенеся окончательное решение этого вопроса на следующее заседание. Всего лишь шестью голосами против четырех при шести воздержавшихся было решено сохранить только по одному экземпляру ленинских писем, уничтожив копии.

Однако Ленин адресовал свои письма не только ЦК, но и Петербургскому и Московскому комитетам партии. Через несколько дней партия, передовые рабочие узнали содержание писем Ленина. Среди тех, кто считал себя не вправе скрывать от партии точку зрения Ильича, был и Я. М. Свердлов.

Через день-два после заседания ЦК Яков Михайлович пригласил к себе представителей Путиловского завода и ознакомил их с указаниями Ленина. И не только ознакомил, а поставил перед большевиками Путиловского завода практические задачи.

Беседу с путиловцами Яков Михайлович начал с выяснения, как обстоит на заводе дело с боевой подготовкой. Он требовал точных данных: сколько имеется винтовок, что за люди руководят боевыми дружинами, есть ли артиллеристы, действительно умеющие стрелять из пушек? Путиловцы практическую подготовку к восстанию как следует еще не вели. В «Истории Путиловского завода» рассказывается:

«Недалекий у вас прицел, товарищи, — покачал головой Свердлов. — Давно уже прошло время одной агитации и разговоров. Нужны действия, нужна тщательная подготовка восстания. А вы как будто в стороне от

этого дела. Путиловскому заводу вдвойне не пристало отставать. Завод огромный и притом пушечный. Этого нельзя забывать».

Надо знать свои силы, говорил Яков Михайлович путиловцам, и силы врага. Знать, где и как они расположены; уметь использовать все имеющиеся боевые ресурсы; укрепить Красную гвардию, сделав ее массовой, подвижной, способной быстро выполнить любой боевой приказ. Надо закреплять связи с солдатами, привлекать их на свою сторону.

19 сентября, на очередном собрании актива района, представители путиловцев, бывшие у Свердлова, ознакомили актив с содержанием ленинских писем и рассказали о своем разговоре со Свердловым.

Центральный Комитет, руководствуясь указаниями Ленина, все шире развертывал работу по подготовке вооруженного восстания. Шла мобилизация сил в Петрограде, среди моряков Балтики, по всей стране. ЦК направлял своих представителей в крупнейшие пролетарские центры, в армию, флот. Яков Михайлович лично инструктировал большинство отъезжающих товарищей, знакомил их с указаниями Ильича.

Постоянно бывая на митингах и собраниях, в гуще питерского пролетариата и солдат, беседуя запросто с десятками рабочих, солдат, матросов, Яков Михайлович знал настроения пролетарских масс Питера. Принимая ежедневно десятки партийных работников с мест, представителей большевистских фракций Советов, рядовых рабочих, солдат, крестьян, Яков Михайлович знал настроения и на местах, по всей стране. А сколько приезжало товарищей, друзей из Сибири, с Урала, Украины! В Питере побывали перед Октябрем Косарев, Голощекин, Мясников, Артем *, многие другие, и все гово-

---

* А. Ф. Мясников — член партии с 1906 года. После Февраля руководил большевистской фракцией Западного фронта. В Октябрьские дни — председатель Военно-революционного комитета Западной области, затем командующий войсками Западного фронта, главнокомандующий Поволжским фронтом, председатель ЦИК Белоруссии и председатель Центрального бюро ЦК РКП(б) Белоруссии. В 1919—1920 годах — секретарь МК РКП(б), затем начальник Политуправления Западного фронта, председатель СНК Армении, секретарь Заккрайкома РКП(б). Кандидат в члены ЦК. Погиб при авиационной катастрофе в 1925 году.

Артем (Ф. А. Сергеев) — профессиональный революционер,

рили об огромном подъеме масс, о гигантском росте влияния большевиков. Слушая товарищей, Яков Михайлович все больше и больше сознавал, насколько прав Ильич.

Уверенность Якова Михайловича в успехе восстания, в бесконечной правоте Ильича была незыблемой, несокрушимой. Она основывалась на знании обстановки, на неразрывной органической связи с партийным активом, с широчайшими массами трудящихся, на безграничной вере в силы и революционный энтузиазм российского пролетариата. Недаром, характеризуя Свердлова, Ленин говорил, что нашу партию «никто не воплощал и не выражал так цельно, как Я. М. Свердлов», что «Свердлову довелось в ходе нашей революции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции».

Я не приставала к Свердлову с расспросами. У нас и в семье свято соблюдалась святая святых подполья: не рассказывают — не спрашивай. Знание того, что тебе знать необязательно, может только повредить общему делу. Однако тут, в канун Октября, я не раз изменяла этому правилу и расспрашивала Якова Михайловича: скоро ли? Когда, наконец, выступаем?

Мне и самой было понятно, что момент назрел. Я тоже по заданиям ЦК и делам «Прибоя» немало бывала на питерских фабриках и заводах, в заводских и районных комитетах партии и знала настроения питерской партийной организации, рабочих и солдат Петрограда. К нам, в «Прибой», тоже десятками шли товарищи с мест: ведь всякий, кто приезжал в ЦК, требовал литературу. А где ее взять? В «Прибое». И ежедневно у нас бывали представители фабрик и заводов, полков и дивизий, партийных организаций городов и губерний. И у каждого записка: отпустите литературу — за наличный расчет, в кредит, за счет ЦК. (За счет ЦК — это значило за счет самого «Прибоя». Издательство нередко пополняло кассу ЦК.)

Рассказам и разговорам не было конца, и чем дальше, тем больше все говорили об одном — о необходимо-

---

член партии с 1901 года. Вел революционную работу на Украине, Урале. После Октября — один из руководителей Советской власти на Украине, член ЦК партии. Близкий друг Якова Михайловича. Погиб при железнодорожной катастрофе в 1921 году.

сти свергнуть Временное правительство и взять власть. Вот я и атаковала Якова Михайловича, когда он ночью возвращался из Смольного. А он подсмеивался над моей горячностью: подожди, мол, все в свое время. Потом серьезнел и говорил:

— Пока Ильича нет, о начале нечего и думать. Вот вернется Ильич, тогда... тогда посмотрим!

С конца сентября связь Якова Михайловича с Ильичем стала особенно оживленной. Чуть не каждый день я слышала от Якова Михайловича что-нибудь новое об Ильиче: о его письмах, статьях, еще не увидевших свет, об оценках тех или иных событий, фактов. Сегодня Яков Михайлович рассказывал об Ильиче то, чего не рассказывал вчера, завтра — чего не рассказывал сегодня.

Просматривая много лет спустя дело, которое завела на Свердлова контрразведка Временного правительства, я натолкнулась на запись, будто Свердлов дважды в это время ездил в Финляндию. Никогда мне Яков Михайлович об этом не рассказывал. Думаю, этого не было. А может, и было? Мало ли фактов тех дней и поныне остались неизвестными и, очевидно, никогда уже не будут известны.

Как-то вечером в последних числах сентября Яков Михайлович явился домой в необычно приподнятом настроении. Я сразу поняла, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Ну будь наготове, — сказал Яков Михайлович, — на днях Ильич возвращается в Петроград. Возможно, он придет к нам домой.

Ничего больше в этот вечер Яков Михайлович не сказал, только тщательно проинструктировал меня, что нужно сделать на случай прихода Ильича, да еще подчеркнул, что ни одна живая душа не должна знать об этом. Но это-то я и без него знала.

Квартира у нас действительно была очень удобна. Секретариат ЦК — рядом, до Смольного — рукой подать. Хозяином квартиры был какой-то одинокий старик паралитик, целыми днями сидевший в кресле в большой проходной комнате, возле телефона.

Двери двух наших комнат выходили прямо в небольшую прихожую, к входной двери. К нам можно было пройти, не показываясь на глаза никому в квартире. Но было одно неудобство, и немалое: кухня, ванная и уборная находились в противоположном конце кварти-

ры, и по дороге туда миновать хозяина было невозможно.

С этого вечера я свои ключи стала оставлять снаружи, в условном месте, знали которое только мы с Яковом Михайловичем. Он предупредил, что Ильич может появиться в любой момент, ни день, ни час пока неизвестны.

На следующее утро я не сразу ушла в издательство: мыла, терла, скребла каждую вещицу в той комнате, где мы решили поселить Ильича. Ушла только к полудню, так никого и не дождавшись. Вечером пришла домой пораньше — опять никого.

Прошел день, другой. Яков Михайлович больше о приезде Ильича не заговаривал, молчала и я, но ждать — ждала.

В начале октября, вернувшись ночью из Смольного, Яков Михайлович сказал:

— Ну все в порядке. Ильич уже в Питере.

Опять, как и вначале, он никаких подробностей не сообщил. Так я и не знаю, почему он ждал Ильича к нам, как и через кого связывался в эти дни с Ильичем, почему Ильич не пришел. Вероятно, готовили Ильичу несколько квартир, и он выбрал наиболее подходящую. Наша же не подошла, так как соседство старика паралитика, человека чужого, вечно сидевшего дома возле телефона, сочли слишком опасным.

Ленин приехал, и его присутствие сразу сказалось на всем, на всей работе ЦК. С Ильичем Яков Михайлович встречался теперь постоянно.

10 октября 1917 года в доме № 32 на набережной реки Карповки, в квартире известного меньшевика члена ЦИК Суханова, собрался Центральный Комитет большевистской партии. Квартиру предоставила жена Суханова — Галина Константиновна, большевичка, немало помогавшая в работе Секретариата ЦК. Под благовидным предлогом она спровадила Суханова из дому, и тот понятия не имел о заседании.

Это было первое заседание ЦК, избранного VI съездом, в котором участвовал Ленин. Открыл заседание Яков Михайлович. Он на нем и председательствовал. В кратком сообщении он осветил положение на Румынском и Северном фронтах, в Минске. Свердлов указал, что в Минске затевается новая корниловщина, что контрреволюция собирает силы, но настроение на фрон-

те «за большевиков, пойдут за ними против Керенского».

Выслушав информационное сообщение Свердлова, Центральный Комитет перешел к основному, главному вопросу — к обсуждению текущего момента. Докладчиком был Ленин. Владимир Ильич с несокрушимой силой обосновал неизбежность и необходимость вооруженного восстания.

По докладу развернулись жаркие прения. Каменев и Зиновьев выступили против Ленина, против восстания, требуя ничего не предпринимать до созыва Учредительного собрания. Но им не удалось увлечь за собой ни одного члена ЦК. Центральный Комитет дал беспощадный отпор капитулянтам и десятью голосами против двух — Каменева и Зиновьева — принял ленинскую резолюцию о вооруженном восстании.

16 октября Центральный Комитет собрался вновь, на этот раз совместно с представителями Исполнительной комиссии ПК, Военной организации, большевистской фракции Петроградского Совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. Заседание проводилось в глубокой тайне, с самым строгим соблюдением всех правил конспирации. Местом сбора был назначен условный пункт вблизи от Лесной подрайонной думы, председателем которой был М. И. Калинин. Почти никто из участников, за исключением непосредственных организаторов заседания, до последней минуты не знал, где именно заседание будет проводиться. На условном месте участников собрания по паролю встречали специально выделенные ЦК особо надежные товарищи и поодиночке проводили в помещение думы.

Участники заседания расположились в двух смежных комнатах, соединенных открытой дверью. Стульев было мало, и большинство присутствующих сидело прямо на полу. Помещение освещалось одной спускавшейся с потолка лампой, прикрытой темным абажуром; углы комнаты тонули в полумраке. Председательствовал Яков Михайлович.

Многие из участников заседания впервые увидели Ильича по его возвращении в Петроград, для многих его участие в заседании было сюрпризом. Заседание открылось докладом Ленина. Он ознакомил собравшихся с решением ЦК о вооруженном восстании, принятым

10 октября, вновь и вновь подчеркнул необходимость и неизбежность вооруженного восстания.

Затем Я. М. Свердлов доложил о положении дел на местах. Яков Михайлович говорил, что партия ныне объединяет уже не менее четырехсот тысяч членов, что ее влияние в Советах, армии и флоте огромно и нет оснований сомневаться в успехе восстания.

Вслед за Свердловым выступили представители петроградской городской и окружной организаций, Петроградского совета профессиональных союзов, союза металлистов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников, почтово-телеграфных работников.

Выслушав все сообщения, собрание приступило к обсуждению основного вопроса — о текущем моменте и вооруженном восстании. Одним из первых взял слово Ленин. Он потребовал от участников заседания конкретного обсуждения решения ЦК о вооруженном восстании. Вновь выступили Зиновьев и Каменев, пытавшиеся пространно и многословно доказывать, что сил у партии недостаточно, что выступление закончится поражением и разгромом большевиков. Кое-кого из присутствовавших смутили мрачные прогнозы Зиновьева и Каменева, и отдельные участники совещания — Шотман, Фенигштейн — заколебались. Выступившие вслед за тем Сталин, Калинин, Свердлов, Дзержинский дали сокрушительный отпор капитулянтам.

Бурно и страстно шло обсуждение вопроса о вооруженном восстании, трижды выступал Владимир Ильич в ходе прений, тесной, сплоченной группой шли за своим вождем подлинные большевики. Противники восстания были разбиты наголову. Ленинская резолюция была принята подавляющим большинством. Против голосовали двое — Каменев и Зиновьев, четверо воздержались.

По окончании заседания остались только члены ЦК. Здесь был избран Военно-революционный центр по руководству восстанием в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого, Дзержинского. Военно-революционный центр должен был войти в состав создававшегося как раз в эти дни Военно-революционного комитета и направить всю его деятельность.

Военно-революционный комитет был образован вскоре после заседания ЦК 10 октября, решившего вопрос о восстании якобы в целях обеспечения обороны Пите-

ра от возможных выступлений контрреволюции. Оборона была лишь предлогом, позволившим создать при Петроградском Совете легальный орган, открыто проводивший мобилизацию сил к восстанию и располагавший необходимыми полномочиями.

В своей работе Военно-революционный комитет опирался на «Военку» и партийные организации в районах, на фабриках и заводах Петрограда. В его распоряжении была Красная гвардия. Весь аппарат Петроградского Совета в нужный момент оказался в руках Военно-революционного комитета, ставшего в дни восстания органом революционной власти в Петрограде. Председателем Военно-революционного комитета накануне восстания был поставлен Н. И. Подвойский.

Всю деятельность ВРК направлял и цементировал партийный Военно-революционный центр, образованный ЦК 16 октября. Возглавлял работу Военно-революционного центра и всего ВРК В. И. Ленин.

В конце октября в Петрограде должен был собраться II съезд Советов. Троцкий предложил приурочить начало восстания к съезду, но это было бы «полным идиотизмом» или «полной изменой», как говорил Ленин. Восстание нужно было начинать, не ожидая съезда, пока контрреволюция не собрала достаточных сил. Одновременно с Петроградом должны были выступить Москва и другие крупнейшие города России.

Через день после решения ЦК о восстании Каменев и Зиновьев нанесли партии предательский удар. Потерпев на заседании ЦК поражение, Каменев выступил с заявлением от своего и Зиновьева имени на страницах полуменьшевистской газеты «Новая жизнь», выдав буржуазии планы большевиков.

Предательство Каменева и Зиновьева вызвало неудержимый гнев Ильича. 18 и 19 октября Ленин обратился в ЦК с письмами, в которых раскрыл всю глубину и последствия предательства Каменева и Зиновьева и потребовал немедленного исключения их из партии.

20 октября состоялось заседание ЦК, посвященное обсуждению писем Ленина. Ленин не мог сам присутствовать на этом заседании, и его письма зачитал Центральному Комитету Яков Михайлович.

Первым слово взял Дзержинский. Феликс Эдмундович предложил немедленно отстранить Каменева от политической деятельности. Сталин, взявший слово после

Дзержинского, предложил никакого решения пока не принимать и отложить вопрос до Пленума ЦК. Милютин не только присоединился к этому мнению, но и начал доказывать, что «вообще ничего особенного не произошло». Тогда взял слово Свердлов. «Вопрос должен быть разрешен сейчас, собрание достаточно авторитетно и должно дать ответ и на заявление Ленина... Исключить из партии члена ЦК Центральный Комитет не правомочен, — заявил Яков Михайлович, — но из ЦК Каменева надо вывести».

Центральный Комитет вынес решение: вывести Каменева из ЦК и воспретить Каменеву и Зиновьеву какие-либо выступления против решений ЦК и намеченной им линии.

Все это я узнала от Якова Михайловича в тот же день. Рассказав о заседании ЦК, он вынул из кармана и дал мне несколько листков. Как сейчас вижу эти листки простой бумаги в клетку, вроде как вырванные из ученической тетради, исписанные сверху донизу, строчка к строчке, рукой Ильича. Верхний угол одного из листков был оборван.

— Возьми, — сказал Яков Михайлович, — это письма Ильича. Спрячь их получше и никому до поры до времени ни слова. Их надо сохранить во что бы то ни стало, они имеют огромное значение. В архиве ЦК их оставить нельзя, там Каменев может к ним подобраться. Знаю я его!..

Письма Ильича были спрятаны надежно, и только несколько лет спустя, уже когда не стало Якова Михайловича, они были переданы в ЦК, Сталину.

Подготовка к восстанию шла полным ходом. Смольный кипел. Тысячи рабочих, моряков, солдат нескончаемым потоком вливались в огромное здание, растекались по широким коридорам, просторным комнатам вчерашнего института благородных девиц. Отсюда, из Смольного, шли указания, распоряжения, приказы.

Временное правительство лихорадочно собирало силы, готовясь первым нанести удар, разгромить партию и обезглавить революцию. В Петроград были вызваны с фронта войска, на улицах появились усиленные патрули.

Но прошло то время, когда сила была на стороне буржуазии. Щетинились штыками рабочие районы Питера. Каждый завод, каждая фабрика превращались

в боевой бастион революции. Большевики формировали рабочие полки, отряды и дружины. Становился под ружье революционный гарнизон Петрограда. Поднимался славный Кронштадт, Гельсингфорс. По зову партии балтийские моряки разводили пары на боевых кораблях. Народ поднимался по всей стране, вставал на последний, решительный бой.

ОКТЯБРЬСКИЙ ШТУРМ

В «Прибое» мне в эти дни не сиделось. Каждую возможность, каждый повод я использовала, чтобы побывать в Смольном. События неслись столь стремительно, обстановка так быстро менялась, что трудно восстановить в памяти час за часом все пережитое, но главное запомнилось.

Я хорошо помню бурные и страстные собрания, беспрестанно проводившиеся в последние предоктябрьские дни в различных комнатах Смольного. Собирали представителей районов, военных организаций, отдельных профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов. Каждый, у кого была хоть одна свободная минута, стремился побывать на том или ином собрании, получше узнать настроения, убедиться в готовности масс к штурму. На многих собраниях я видела Якова Михайловича, Дзержинского, Урицкого, Подвойского...

Мне не раз пришлось в эти дни быть свидетелем того, с какой твердостью и непреклонностью, с каким спокойствием и уверенностью проводил Яков Михайлович в жизнь решения ЦК, указания Ленина.

Помню день 18 или 19 октября 1917 года. Большая, с высокими потолками комната на одном из верхних этажей Смольного. Рядами стоят стулья, посредине — узкий проход. В конце прохода, напротив входной двери, стол, покрытый красным сукном. На столе графин, стакан. Комната заполнена до отказа, народ сидит вплотную друг к другу, стоит в проходе, у стен. Собралось не менее ста человек. Здесь руководители «Военки», члены ПК, представители партийных организаций районов, крупных заводов и фабрик столицы, делегаты от воинских частей. Обсуждается вопрос о вооруженном восстании.

Одним из первых выступает Чудновский *. Годы войны он провел в эмиграции. Приехал в Россию в апреле 1917 года и вскоре с маршевой ротой ушел на фронт. Он недавно вернулся в Питер и сразу включился в работу ВРК.

Как всегда, Чудновский выступает горячо, страстно. Солдатская масса, говорит он, верит в Учредительное собрание и не поддержит выступления. Нет, выступать нельзя, надо ждать созыва Учредительного собрания.

За Чудновским к столу выходят поочередно недавние меньшевики, лишь в июле пришедшие в нашу партию: Ларин и Рязанов. Оба известные острословы, один другого язвительнее, один другого циничней. Речи их пересыпаны цитатами из Маркса вперемежку с ядовитыми, хлесткими остротами. Выступать? Но с кем? С безоружными рабочими? С распоясавшимися, распустившимися солдатами? А ведь такова наша реальная сила. И против кого? Против вымуштрованных юнкеров Керенского и прибывающих с фронта боевых батальонов? Нет, это безумие, бред. Нет, нет и нет!

— Надо ждать Учредительного собрания, — настаивает Рязанов, тряся седеющей бородой, — и выбросить из головы всякую мысль о восстании. У нас нет войска, нет боевых, опытных предводителей, нет армии. Выступление — это безумие, авантюра!

Я слышу, как все громче и громче начинают перешептываться в зале. Звучат отдельные возгласы. Кое-кого охватывает чувство неуверенности.

Во время речи Рязанова кто-то из членов ЦК встает и пробирается к выходу. Проходит несколько минут, Рязанов говорит и говорит. Вдруг за моей спиной раздается сдержанный гул. Оборачиваюсь и вижу, как от двери к столу между расступившимися людьми стремительно идет Яков Михайлович. На нем полувоенный зеленый френч, на плечи накинута кожаная куртка. Так вот зачем уходил товарищ из ЦК!

Яков Михайлович занимает председательское место. Он стоит, слегка подавшись вперед, опираясь руками

* Г. И. Чудиовский — профессиоиальный революциоиер. В годы первой мнровой войны — меньшевнк-ннтериационалнст, затем межрайоиец. Большевнк с июля 1917 года, прекрасный агнтатор. В Октябре — члеи Военно-революциониого комитета, один из руководителей штурма Знмнего. После Октября — иа военной работе. Погиб на фронте в 1918 году.

о край стола, и, внимательно слушая Рязанова, ловит в то же время каждый возглас, каждую реплику из зала. Внешне он очень спокоен, и мало кому заметно, каким усилием воли сохраняет он эту невозмутимость.

Рязанов кончил. Кто-то из «Военки» начинает доказывать, что противник хорошо организован, у него боеспособные воинские части и юнкерские школы, а наши силы организованы еще слабо. Вывод: выступать рано. Волнение нарастает, шум усиливается. Внезапно Яков Михайлович резко и решительно прерывает оратора. В зале мгновенно сгущается тишина.

— Решение ЦК по вопросу о выступлении состоялось. Я здесь от имени Центрального Комитета партии и никому не позволю отменять его решения! — говорит Свердлов.

Взрыв аплодисментов, и опять тишина.

— Мы собрались не для того, чтобы обсуждать принятое ЦК решение, — продолжает Яков Михайлович, — прошу выступающих высказываться по существу. Прошу докладывать, как идет подготовка к восстанию на заводах, на фабриках, в воинских частях. Как выполняются указания ЦК, как обстоит дело с оружием, какая требуется помощь. А настроение рабочих и солдат Питера нам известно. ЦК верит в силы боевого питерского пролетариата и героического гарнизона Петрограда!

Снова гремят аплодисменты. Один за другим выходят к столу делегаты путиловцев, обуховцев и лесснеровцев, пролетариев Нарвской заставы и Выборгской стороны, солдат революционного Петрограда и балтийских моряков.

— Путиловский завод к выступлению готов, рабочие-путиловцы рвутся в бой!

— Новый Парвиайнен готов.

— Сестрорецкий, Обуховский, Порховский, Петроградский оружейные заводы, завод Айваз, Торнтон, Северный готовы! готовы!! готовы!!!

Вот она, Красная рабочая гвардия, сила и гордость славного Петрограда!

— По первому призыву партии и Военно-революционного комитета павловцы выйдут на улицу!

— Кронштадт ждет боевого приказа!

Четко, по-деловому докладывает каждый о том, как

укомплектованы и вооружены боевые отряды, чего не хватает, что нужно улучшить в деле организации, как обеспечить связь.

Яков Михайлович изредка задает наводящий вопрос, подсказывает нужное выражение, слово, уточняет данные. Перед ним на столе небольшая записная книжка в черном клеенчатом переплете. Иногда он бегло что-то записывает. Твердой, уверенной рукой ведет Свердлов собрание.

А двумя-тремя этажами ниже, в комнате, где работает Яков Михайлович, полным-полно. Ждут товарищи с Выборгской стороны и из Кронштадта, из Москвы и Тулы, с Урала, из Харькова, Сибири... Нетерпеливо посматривает на часы сидящий в углу человек. По поручению ЦК он выезжает в Крым, поезд уходит через два часа, а, не поговорив со Свердловым, ехать нельзя. Как бы не опоздать. Но дверь открывается, и в комнату входит Яков Михайлович. Собрание кончилось.

— Минуточку, товарищи! — обращается Свердлов к ожидающим. — В первую очередь отъезжающий. У него всего два часа до отхода поезда. Так? Подсаживайтесь ближе. Учтите: вопрос о взятии власти пролетариатом — это вопрос нескольких дней. Во всех крупных центрах пролетарские силы созрели. На юге же, особенно в Крыму, дела обстоят плохо. Там наблюдается полное засилие социал-соглашателей. А это особенно печально, если принять во внимание значение Севастополя как военного порта. Ваша задача — превратить Севастополь в революционную базу Черноморского побережья. Севастополь должен стать Кронштадтом юга.

Следующий, следующий, следующий... С каждым — главное. Каждому — четкие, ясные задания, деловые советы, несколько теплых, дружеских слов. И так день за днем, час за часом. Вот входит Мальков * — боевой моряк, член Центробалта и Гельсингфорсского комитета большевиков. Коротко, четко Мальков докладывает о положении дел в Гельсингфорсе, на кораблях. Он делегат балтийцев на II съезд Советов, прибыл на съезд

* П. Д. Мальков — член партии с 1904 года. С 1911-го — на военной службе, моряк Балтийского флота. В 1917 году — матрос крейсера «Днана», член Центробалта и Гельсингфорсского комитета большевиков. Активный участннк Октябрьского восстания. С 29 октября 1917 года — комендант Смольного, с марта 1918 года — комендант Московского Кремля.

ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ

и одновременно для связи от большевиков Гельсингфорса.

Вслед за Гельсингфорсом — Кронштадт. А вот и представители «Авроры». Через связного они вызваны в Смольный. Двое рослых молодых моряков. На них морские бушлаты, за плечами винтовки. На головах бескозырки, на ленточке золотая надпись «Аврора». Представители судового комитета славного крейсера Белышев и Лукичев.

Усадив авроровцев возле стола, Яков Михайлович расспрашивает их о политических настроениях экипажа, интересуется взглядами самих Белышева и Лукичева. Быстро задает вопросы: сколько на корабле большевиков? Когда большинство из них вступило в партию? Много ли среди матросов бывших рабочих? Кто из большевиков на корабле пользуется наибольшим авторитетом? Белышев показывает Якову Михайловичу резолюцию, принятую на последнем митинге: «Рабочий класс всегда может рассчитывать на поддержку революционного флота в борьбе с врагами внутри и извне». Насчет авторитета? Лукичев указывает на Белышева:

— Вот он, председатель судового комитета.

Яков Михайлович встает:

— Большевики берут государственную власть в свои руки. Руководство восстанием возложено на Военно-революционный комитет. Как «Аврора»?

Свердлов внимательно, в упор смотрит на моряков.

— Матросы «Авроры» выполнят приказ партии! — решительно заявляет Белышев.

Яков Михайлович удовлетворенно кивает головой: иного ответа он и не ждал.

— Отлично! Теперь так: ревком уполномочил меня назначить комиссара крейсера. Думаю, что назначим мы товарища Белышева.

Свердлов дает представителям «Авроры» указания, вручает Белышеву тут же написанный мандат и прощается с моряками. Дел бесконечно много: надо связаться с Ильичем, подготовить заседание ЦК, принять еще десятки товарищей...

Я часто заходила в комнату в Смольном, где работали Свердлов, Дзержинский, Урицкий, другие члены Военно-революционного комитета. Все вместе они бывали редко. То один, то другой, то все сразу уезжали, уходили, шли на заседание, где вырабатывались планы,

писались приказы, затем появлялись вновь. Совещались они между собой редко, на ходу, каждый решал кучу вопросов, решал сразу, заражая всех своей энергией и энтузиазмом.

Беспрестанной чередой шли сюда представители фабрик и заводов, полков и батальонов, кораблей и флотилий. У каждого были свои вопросы, нужды, свои дела.

Люди были нужны постоянно. Каждый, кто появлялся, на лету получал задание и немедленно отправлялся его выполнять.

Не раз и мне приходилось мчаться на фабрику или завод, требовать присылки людей в Смольный, доставки оружия, одних торопить, других сдерживать.

Грань между днем и ночью стиралась. Яков Михайлович или Феликс Эдмундович порою засыпали на час-другой на одном из столов — диванов в комнате не было — и снова брались за дело.

24 октября утром отряд юнкеров занял помещение типографии «Рабочего пути», конфисковал вышедшие номера газеты, разбил стереотипы. Центральный Комитет, собравшийся в этот день, поручил Военно-революционному комитету обеспечить охрану и выпуск газеты. По приказу ВРК Литовский полк и 6-й запасной батальон выслали караул и разогнали юнкеров. Опоздав на несколько часов, газета вышла с призывом свергнуть Временное правительство.

На заседании ЦК было решено, чтобы ни один член ЦК не покидал Смольного. Между членами ЦК были распределены обязанности: Свердлову было поручено наблюдать за Временным правительством и его распоряжениями. ЦК решил устроить запасной штаб в Петропавловской крепости. Поддерживать постоянную связь с крепостью было также поручено Свердлову.

Военно-революционный комитет образовал оперативную тройку по руководству боевыми действиями в составе В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского и Г. И. Чудновского.

24 октября ночью в Смольный прибыл В. И. Ленин, взявший в свои руки практическое, непосредственное руководство всем ходом восстания.

Поднялся рабочий Питер и революционные войска Петроградского гарнизона. К столице шли боевые суда Балтийского флота. По приказу Военно-революционного

комитета были заняты мосты через Неву и обеспечена связь центра с рабочими окраинами.

...Ленин — в Смольном, на третьем этаже, в комнате ВРК. Он ведет заседание Военно-революционного комитета. Решения мгновенно облекаются в форму боевых приказов и вручаются исполнителям.

Яков Михайлович вызывает людей, инструктирует командиров отрядов, рассылает шифрованные телеграммы, отдает приказания по телефону:

— Передайте Т-му комитету партии, чтобы при опасности со стороны войск Керенского была взорвана и уничтожена железная дорога... К-му комитету — чтобы узловой участок дороги, телеграф и телефон непременно были заняты нашими частями...

В Москву, комитету партии, Ярославскому Свердлов дает специальное указание немедленно провести переизбрание и замену сомнительного командного состава в московских воинских частях.

Уполномоченный Центрального Комитета партии по Финляндии и Балтийскому флоту готовил в Гельсингфорсе специальные отряды моряков, пехотинцев и артиллеристов для поддержки Питера в дни восстания. «Было условлено, — вспоминает Антонов-Овсеенко, — что эти отряды он (уполномоченный ЦК. — *К. С.*) посылает по телеграмме Я. М. Свердлова: «Присылай устав»... В 12 часов ночи 24 октября в Гельсингфорсе была получена условная телеграмма Свердлова. И в три часа утра первый эшелон красных моряков уже выступил в восставший Питер».

В Неву вошла «Аврора» и встала против Зимнего дворца, направив свои орудия на вековую цитадель царизма, ставшую последним прибежищем Временного правительства.

Отряды Красной гвардии и революционных солдат заняли телефон и телеграф, почту, вокзалы, банк, здания министерств.

К утру 25 октября почти весь город, все ключевые позиции и стратегические пункты были в руках восставших. Временное правительство заперлось в Зимнем дворце, под охраной офицерских частей, нескольких рот юнкеров и женского батальона.

Утром 25 октября собралась большевистская фракция II съезда Советов. Председательствует Свердлов. На трибуне — Ленин. Долго гремят овации в честь ве-

ликого вождя пролетарской революции. Ленин спокойно, по-деловому говорит о тех задачах, которые встают теперь, когда победа восстания очевидна, когда с часу на час Временное правительство будет низложено.

25 октября 1917 года. 2 часа 35 минут дня. В Смольном началось заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В бушующем рукоплесканиями зале появился Ленин. Окруженный боевыми соратниками, он прошел в президиум и поднялся на трибуну. «Товарищи! — начал Ленин, как только стих гром оваций. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!»

Глава седьмая

РЕСПУБЛИКА СОВЕТОВ

РОЖДЕНИЕ НОВОГО СТРОЯ

Когда оглядываешься на пройденный путь, вспоминаешь трудности, которые преодолела большевистская партия, героический рабочий класс и трудовое крестьянство в первые годы существования Советской власти, вспоминаешь условия, в которых пришлось тогда работать, сердце переполняется огромной гордостью за наш народ, за нашу партию, за великого Ленина и его соратников.

Наша страна под водительством Коммунистической партии, возглавляемой Лениным, прошла через все бури и невзгоды, через невероятно тяжелые, порою мучительные испытания и вышла на широкую, светлую дорогу коммунизма.

Выстрел «Авроры» возвестил наступление новой эры — эры Великой социалистической революции. В ночь с 25 на 26 октября 1917 года штурмовые отряды красногвардейцев, революционных моряков и солдат овладели Зимним дворцом и арестовали Временное правительство.

В эти часы под гром артиллерийской канонады и ружейных залпов в Смольном шло бурное заседание II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд открылся 25 октября 1917 года в 10 часов 45 минут вечера. Из 649 делегатов съезда 390 составляли большевики, 160 — левые эсеры, остальные — правые эсеры, меньшевики и представители других мелкобуржуазных и буржуазных партий, занимавших господствующее положение на I съезде Советов и в составе ЦИК первого созыва.

Я была на заседании съезда. Поначалу в зале стоял невообразимый шум. Правые эсеры и меньшевики всеми силами пытались сорвать работу съезда. Один за другим они лезли на трибуну, обвиняя большевиков в «военном заговоре, организованном за спиной Совета». Подавляющим большинством съезд дал суровый отпор вражеским вылазкам пособников буржуазии. Тогда меньшевики и правые эсеры демонстративно покинули зал заседания.

У меня до сих пор стоят перед глазами их жалкие фигуры, когда под свист и иронические восклицания подавляющего большинства делегатов съезда они пробирались к выходу, выкрикивая проклятия в адрес большевиков, потрясая над головой мандатами.

С уходом меньшевиков и эсеров порядок в зале восстановился. Оглушительными аплодисментами встретили делегаты написанное Лениным воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам, которое огласил Луначарский. «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, — говорилось в воззвании, — опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

А когда с трибуны съезда сообщили о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства, поднялась такая буря оваций, сравнить которую ни с чем не возможно.

Ленина на первом заседании съезда не было, он был слишком занят делами по непосредственному руководству восстанием. Не было и Свердлова и еще ряда членов ЦК.

Ленин появился на съезде на следующем заседании, 26 октября, и если вчера, выслушав сообщение о взятии Зимнего, съезд разразился бурей оваций, то теперь это был шторм, землетрясение!

Ленин выступил с докладами о мире и о земле. Ленинские декреты, первые декреты Советской власти, восторженно были приняты подавляющим большинством делегатов съезда. II съезд Советов образовал первое в мире рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с Лениным, в состав которого вошли только большевики: Крыленко,

Ногин, Луначарский, Скворцов (Степанов), Теодорович, Сталин. Затем Петровский, Подвойский, Менжинский... Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет вошло около $^2/_3$ большевиков и немногим менее $^1/_3$ левых эсеров. В Президиум ВЦИК были избраны от большевиков Стучка, Володарский, Свердлов, Дзержинский, Урицкий, Аванесов. Вошел вначале в Президиум ВЦИК и Каменев, а заведующими отделами были первое время Зиновьев и В. Милютин, но их вскоре пришлось отстранить от руководящей работы во ВЦИК.

В Петрограде и Москве, на Украине и в Белоруссии, в Поволжье, на Урале и Северном Кавказе во главе Советов, во главе новых органов управления Россией становились испытанные большевики, верные ученики и соратники Ленина.

Большевики выражали интересы трудящихся, опирались на закаленный в революционных боях пролетариат, их поддерживало огромное большинство солдат и трудового крестьянства России, на их стороне была сила творческой инициативы миллионных народных масс, впервые в истории взявшихся за дело управления огромным государством, были Советы — органы подлинно народной власти. И силы большевиков были несокрушимы. Новые грандиозные задачи, каких никогда еще в истории человечества никому не приходилось решать, встали перед большевистской партией. Впервые на земле возникло свободное общество без господ и рабов, без угнетателей и угнетенных. Впервые люди приступили к созданию социалистического строя, где нет эксплуатации человека человеком. Но прежде всего нужно было удержать власть, отстоять завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

Не успел отгреметь выстрел «Авроры», не успели высохнуть чернила на первых декретах Советской власти, как русская буржуазия, поддержанная ее французскими, английскими и американскими союзниками, яростно обрушилась на восставший народ. Военные авантюры, контрреволюционные заговоры и восстания; разруха и голод; саботаж и дезорганизация государственной и хозяйственной жизни страны; бешеные нападки и противодействие меньшевиков и эсеров — все было пущено в ход против трудящихся, против большевиков.

Уже 26 октября, на следующий день после Октябрьского переворота, бежавший из Питера Керенский объ-

единился с ярым монархистом генералом Красновым и двинул на Петроград контрреволюционные войска. 27 октября Краснов взял Гатчину, и ожесточенные бои развернулись под Пулковом, на ближайших подступах к Петрограду. В эти же дни в самом Питере вспыхнуло восстание юнкеров, организованное контрреволюционным «Комитетом спасения родины и революции». Этот комитет был образован в ночь на 26 октября Петроградской городской думой, верховодили в которой кадеты.

Генерал Каледин поднял контрреволюционное восстание на Дону, генерал Дутов — в Оренбурге. В Киеве захватила власть буржуазная Украинская рада. Российская контрреволюция вкупе со своими империалистическими союзниками развязывала гражданскую войну по всей стране. Тем временем германские войска продолжали продвигаться в глубь России.

В самом Петрограде почти открыто орудовали контрреволюционеры. Временное правительство, старый ЦИК и городская дума отказались сложить свои полномочия и признать Советское правительство.

Органы управления страной были парализованы злостным саботажем. Почти прекратилась поставка продовольствия в Петроград. Костлявая рука голода сжимала горло революционной столицы. В ноябре 1917 года норма выдачи хлеба в Питере была доведена до $^3/_4$ фунта хлеба (300 граммов) на два дня. Фабрики и заводы останавливались из-за отсутствия средств, из-за прекращения подвоза сырья, топлива. Капиталисты не хотели платить заработную плату рабочим. В Петрограде наемники буржуазии грабили винные склады, спаивали народ и устраивали пьяные погромы. Из всех щелей лезли спекулянты, бандиты, мародеры, хулиганы.

Служащие государственного банка, министерств и ведомств, работники почт и телеграфа отказывались признать новую власть. Банк не давал ни копейки Совнаркому, ВЦИК, вновь образованным наркоматам, но щедро платил по требованиям Временного правительства и старого ЦИК, субсидировавших контрреволюцию. Служащие министерства иностранных дел отказались перевести на иностранные языки и разослать правительствам воюющих стран советские предложения о мире. Телеграфные и почтовые чиновники не исполняли предписаний Советской власти, отказывались отправлять

телеграммы и письма ВЦИК и СНК, задерживали большевистские газеты, но бесперебойно рассылали по всей стране письма и телеграммы упраздненных революцией старых государственных органов.

Меньшевистско-эсеровский ЦИК первого созыва присвоил себе все средства и документы Центрального Исполнительного Комитета и заявил, что не признает ВЦИК, избранный II съездом Советов, как не признает и самый съезд. «Старый Центральный Исполнительный Комитет, — говорил Я. М. Свердлов на III съезде Советов, — ...счел для себя допустимым присвоить все дела, суммы и отчеты... даже те деньги, которые поступали в течение нескольких дней, вначале присваивались этим Центральным Исполнительным Комитетом».

Таковы были в общих чертах те трудности, которые пришлось преодолевать нашей партии, трудящимся в первые дни существования Республики Советов. А тут еще в нашей собственной среде оказались паникеры, дезертиры, дезорганизаторы — те же Каменев с Зиновьевым, Рыков, Ногин, Милютин да и ряд других, с которыми Ленину, Центральному Комитету пришлось вести жестокую борьбу с первых же дней после победы Октября. В этой борьбе Яков Михайлович был неизменно с Лениным, в первых рядах борцов за ленинскую линию, в первых рядах строителей нового, Советского государства.

В те дни, когда Керенский и Краснов подступали к Петрограду, когда в Питере вспыхнул мятеж юнкеров, а в Москве еще продолжались кровопролитные бои, на сцену выступил Всероссийский исполнительный комитет профессионального союза железнодорожников — Викжель, находившийся в руках меньшевиков и эсеров. 29 октября Викжель, взявший на себя управление ведомством путей сообщения, обратился к профсоюзам, Совнаркому, ВЦИК и центральным комитетам политических партий с ультиматумом, требуя создания «однородного правительства» из представителей всех так называемых социалистических партий, включая меньшевиков, правых эсеров и даже народных социалистов *.

* Народные социалисты (энесы) — мелкобуржуазная партия, выделившаяся в 1906 году из правого крыла эсеров, близкая кадетам. После Октябрьского переворота полностью перешла в лагерь контрреволюции.

В случае отклонения этого требования Викжель пригрозил остановкой железнодорожного движения по всей стране.

Центральный Комитет, сознавая, сколь тяжелы могут быть последствия, доведись Викжелю осуществить свои угрозы, дал согласие на переговоры. Необходимо было выиграть время, организовать отпор Керенскому — Краснову, развернув одновременно разъяснительную работу среди железнодорожников, чтобы обезвредить Викжель.

Центральный Комитет в принципе не исключал возможности расширения базы правительства, стремясь сплотить подлинно демократические силы, но при том обязательном условии, чтобы правительство было создано Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, было ответственно только перед ним и разделяло все решения II съезда Советов.

Большинство в правительстве должно было остаться за большевиками.

Переговоры в Викжеле начались в тот же день, 29 октября, однако ни к какому соглашению они не привели. Меньшевики и эсеры отклонили все предложения большевиков. Они отказались поручить формирование правительства ВЦИК и предложили рассмотреть состав правительства здесь же, на совещании. Одним из основных условий они поставили устранение Ленина с поста председателя Совнаркома и из состава правительства.

Каменев, который совместно с Сокольниковым представлял поначалу на переговорах ЦК большевиков, стал сдавать одну позицию за другой. Когда речь зашла об устранении Ленина из правительства, Каменев не прервал переговоров и принял участие в обсуждении этого вопроса.

1 ноября Центральный Комитет партии рассмотрел ход переговоров. Учитывая всю важность вопроса, ЦК, как и накануне восстания, собрался совместно с представителями ПК, Военной организации, профсоюзов. С докладом о переговорах выступил Каменев. Он настаивал на необходимости во что бы то ни стало добиться соглашения с эсерами и меньшевиками, иначе-де революция погибнет. Каменев попытался обмануть ЦК, заявив, что персональный состав правительства в Викжеле не обсуждался и речи о председателе правительства не шло.

Ленин дал беспощадный отпор Каменеву. Дзержинский, Урицкий, Свердлов решительно поддержали Ленина. Зиновьев, Рыков, Милютин попытались было взять Каменева под защиту, но тщетно. Центральный Комитет осудил поведение Каменева и в своем решении указал, что переговоры в Викжеле раскрыли истинные намерения соглашательских партий, пошедших на переговоры «не с целью создания объединенной Советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва Советской власти».

Вслед за Центральным Комитетом собрался ВЦИК и по требованию большевиков принял резолюцию, вновь подчеркивавшую, что соглашение между социалистическими партиями возможно только на основе признания решений II съезда Советов и ответственности правительства перед ВЦИК.

Переговоры в Викжеле тянулись несколько дней и зашли в тупик. Между тем обстановка за эти дни в корне изменилась.

Войска Керенского — Краснова были разбиты, мятеж юнкеров в столице подавлен, восстание в Москве завершилось полной победой. В то же время благодаря энергичной работе большевиков собрания и митинги железнодорожников одно за другим выносили резолюции недоверия Викжелю. Угроза забастовки была теперь не страшна, она стала неосуществима.

2 ноября Центральный Комитет вынес решение, категорически осуждающее попытки мелкого торгашества с меньшевиками и эсерами, еще раз подчеркнув недопустимость каких бы то ни было уступок в принципиальных вопросах. Дальнейшие переговоры в Викжеле теряли всякий смысл. Однако Каменев, Рыков, Милютин, Ногин, Зиновьев продолжали требовать соглашения с меньшевиками и эсерами, обвиняли Ленина и большинство ЦК в проведении гибельной политики, отказались подчиниться решению ЦК.

Когда вопрос о переговорах в Викжеле был перенесен во ВЦИК, Каменев и Зиновьев протащили в большевистской фракции ВЦИК резолюцию, в корне расходившуюся с решением Центрального Комитета.

Центральный Комитет по предложению Ленина принял решение, в котором говорилось, «что сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основ-

ных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще».

Но и тут Каменев, Зиновьев и их сторонники не сложили оружия, не подчинились воле большинства ЦК, продолжая вести ожесточенную борьбу против Центрального Комитета, внося смуту и расстройство в партийные ряды. Еще большей остроты разногласия достигли во ВЦИК, где меньшевики и эсеры не замедлили воспользоваться раскольническими действиями Каменева, Зиновьева и К° и попытались подорвать доверие большинства ВЦИК к политике Центрального Комитета большевиков.

Атмосфера накалялась. В коридорах Смольного то и дело вспыхивали жестокие схватки, разгорались жаркие споры. Никто из нас, большевиков, сотнями посещавших в те дни Смольный, не оставался в стороне. Мы беспрестанно вступали в бой с эсерами и меньшевиками, со сторонниками Каменева и Зиновьева, отстаивая ленинские позиции. Я не раз видела Якова Михайловича на трибуне ВЦИК, видела среди членов ВЦИК, страстно обсуждавших создавшееся положение, среди рабочих и солдат, и, где бы он ни появлялся, плохо приходилось противникам Ленина.

Живую картину одной из таких стычек Якова Михайловича со сторонниками Каменева и Зиновьева рисует В. Д. Бонч-Бруевич: «Я невольно заслушался его пламенной речью, — пишет Владимир Дмитриевич. — Когда он кончил, он тотчас применил свой замечательный прием: тех, кто наиболее волновался, тех, кто наиболее хотел бы сделать иначе, тех он сейчас же, как только окончил свое слово, пригласил немедленно высказаться перед лицом всех, и когда некоторые стали отказываться, то он обрушился на них, что это обман и даже подлость из-за угла подуськивать... Сурово и молча оглядывались слушатели на своих недавних агитаторов».

Яков Михайлович настолько был возмущен поведением Каменева, Зиновьева и их сторонников, что даже дома почти ни о чем другом не говорил в эти дни.

После выступления Каменева и Зиновьева во ВЦИК против решения ЦК Ленин предъявил раскольникам ультиматум, прямо заявив, что, если они не прекратят дезорганизаторской работы и не подчинятся партийной дисциплине, Центральный Комитет поставит вопрос об

их исключении из партии. Под ультиматумом Ленина подписались Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Бубнов и другие члены ЦК.

В ответ Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин подали заявление, что они не согласны с политикой ЦК и выходят из состава Центрального Комитета.

В тот же день Ногин выступил на заседании ВЦИК с заявлением от имени группы народных комиссаров — Рыкова, Милютина, Теодоровича, Юренева, Ларина и других — о том, что они не намерены отвечать за политику большинства ЦК и уходят со своих постов.

Таким образом, дезертиры были изгнаны из ЦК, ушли из Совнаркома, но во ВЦИК, где были и эсеры и меньшевики, они остались, дезорганизуя работу Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Роль ВЦИК, как верховного органа в стране, руководителя Советов на местах, была огромна. На ВЦИК лежала задача организации и строительства государственной власти по всей стране. От дружной, согласованной работы ВЦИК и СНК зависело проведение в жизнь партийной линии. Обеспечить решение стоявших перед ВЦИК задач, партийную линию внутри самого ВЦИК могло только единство и сплоченность большевистской фракции, противостоявшей меньшевикам и эсерам. А о каком единстве могла идти речь, если в составе фракции оставались Каменев, Зиновьев, Ногин, Милютин, пытавшиеся задавать тон и использовать ВЦИК в своей борьбе против Ленина, против ЦК? Во ВЦИК нужно было навести твердый большевистский порядок. Для этого во главе ВЦИК нужно было поставить человека, на которого партия могла всецело положиться. И партия, ее ЦК, Ленин сделали свой выбор.

8(21) ноября 1917 года Центральный Комитет вынес решение: рекомендовать на пост председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Якова Михайловича Свердлова. В тот же день Яков Михайлович был избран председателем ВЦИК.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Яков Михайлович вступил на этот высокий пост, пройдя длительный и суровый путь профессионального революционера, закалившись в великой освободитель-

ной борьбе пролетариата. «Через нелегальные кружки, — говорил Ленин, — через революционную подпольную работу, через нелегальную партию, которую никто не воплощал и не выражал так цельно, как Я. М. Свердлов, — только через эту практическую школу, только таким путем мог он придти к посту первого человека в первой социалистической Советской республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс».

Став во главе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Яков Михайлович сразу же твердой рукой стал наводить порядок. ВЦИК под его руководством вскоре стал подлинным проводником большевистской политики.

Ем. Ярославский писал: «Когда власть Советов была завоевана, надо было ее организовать, и нужно было найти человека, который смог бы стать председателем Центрального Исполнительного Комитета первого Советского государства. Выбор пал на Я. М. Свердлова. Он соединял в своем лице не только беззаветную преданность революции, не только громадный организаторский талант, могучее слово агитатора-пропагандиста, пламенную веру в коммунизм, но и непоколебимый, никем не оспариваемый авторитет и твердость, особенно нам понадобившуюся в первое время... Свердлов не оставил нам записок о своей работе, но эта его работа записана во всех первых шагах Советского государства».

Как вспоминает Надежда Константиновна, кандидатуру Якова Михайловича на пост председателя ВЦИК «выдвинул Ильич. Выбор был исключительно удачен. Яков Михайлович был человеком очень твердым. В борьбе за Советскую власть, в борьбе с контрреволюцией он был незаменим. Кроме того, предстояла громадная работа по организации государства нового типа, — тут нужен был организатор крупнейшего масштаба. Именно таким организатором был Яков Михайлович», он проделал «в самое горячее время громадную организационную работу, которая так нужна была стране».

Будучи избран председателем ВЦИК, Яков Михайлович продолжал одновременно руководить и Секретариатом ЦК. Хотя времени Секретариату он уделял теперь меньше, но во все дела его вникал досконально: просматривал важнейшие материалы и письма, давал

по ним необходимые указания, сам писал наиболее важные документы, без конца принимал людей.

Вопросы партийного строительства теперь, когда наша партия стала партией правящей, приобрели совершенно иной характер и значение, нежели прежде. Яков Михайлович сочетал работу по партийному строительству с советским строительством. В годы Советской власти он встает перед нами, по определению В. И. Ленина, как «организатор, который завоевал себе абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России и единственный, по своим знаниям, организатор работы партии...».

Не было после Октября ни одной отрасли партийной и советской работы, не было ни одного из наиболее серьезных мероприятий, проводившихся партией, в которых Свердлов не принимал бы самого живого, самого деятельного и активного участия.

Точную характеристику тем задачам, которые встали перед партией в первый период существования Советского государства, и роли Якова Михайловича дал И. В. Сталин. В 1924 году он писал:

«Период 1917—1918 годов был периодом переломным для партии и государства. Партия в этот период впервые стала правящей силой. Впервые в истории человечества возникла новая власть — власть Советов, власть рабочих и крестьян. Перевести партию, дотоле нелегальную, на новые рельсы, создать организационные основы нового пролетарского государства, найти организационные формы взаимоотношений между партией и Советами, обеспечив партии руководство, а Советам их нормальное развитие, — такова сложнейшая организационная задача, стоявшая тогда перед партией. В партии не найдется людей, которые решились бы отрицать, что Я. М. Свердлов был одним из первых, если не первым, который умело и безболезненно разрешил эту организационную задачу по строительству новой России».

«Партия, — писал Сталин, — породившая такого великого строителя, как Я. М. Свердлов, может смело сказать, что она умеет так же хорошо строить новое, как и разрушать старое».

Действительно, в первые недели и месяцы после Октября все приходилось создавать, строить заново, ломая отчаянное сопротивление буржуазии и ее наемников из

государственных чиновников и служащих. Надо было находить новые формы государственного устройства, определять характер отношений партийных организаций с органами государственной власти, разрабатывать структуру советских и партийных органов, решать проблемы взаимоотношений различных наркоматов, ведомств, учреждений между собой и центра с местами.

Решение коренных организационных вопросов было неразрывно связано с подбором людей, с расстановкой партийных сил. Сотни и тысячи работников нужно было посылать на места для организации Советской власти и укрепления партийных организаций, нужно было подбирать членов коллегий наркоматов, руководящих работников для центрального аппарата, руководителей ведомств, различных учреждений, председателей губисполкомов и секретарей уездных комитетов партии.

Во всех областях работы — партийной, советской, хозяйственной, военной — нужны были люди, которые без писаных инструкций, без надлежащего опыта смело брались бы за дело и налаживали работу.

Надежда Константиновна Крупская вспоминает, как формировался первый состав Совнаркома: «Кто-то из намечаемых в народные комиссары стал отказываться, говоря, что у него нет опыта в этой работе. Владимир Ильич расхохотался: «А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?!» Опыта не было, конечно».

Работа по созданию партийного и советского аппарата, по определению форм их деятельности и структуры, по подбору и расстановке сил, по выдвижению десятков и сотен работников легла на плечи Центрального Комитета партии и Якова Михайловича как секретаря ЦК и председателя ВЦИК.

«Та работа, — говорил Ленин о Якове Михайловиче, — которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, — эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек».

От товарищей я постоянно слышала, видела сама, работая в Секретариате ЦК, как приходилось Якову Михайловичу решать сложнейшие задачи по подбору

и расстановке работников, и решал он их в условиях, когда не было ни отделов кадров, ни налаженного учета, ни объемистых личных дел.

Бывало, Владимир Ильич писал Якову Михайловичу короткие записки: товарищ такой-то производит прекрасное впечатление, просит боевой работы в массах, очень советую дать ему возможность показать себя. Или товарищ такой-то мне хорошо известен, хотел бы участвовать в работе, переговорите и наладьте дело. И возможность товарищу сразу же предоставлялась, дело налаживалось.

Сохранились десятки коротеньких записок, написанных Яковом Михайловичем наркомам, руководителям ведомств и учреждений.

«Уважаемый Леонид Борисович! — писал, например, Яков Михайлович народному комиссару торговли Красину. — Направляю к Вам т. Лебедева, старого партийного товарища. Прошу принять и сговориться, т. Лебедев сможет работать у Вас в комиссии».

В Секретариат ЦК:

«Направляю т. Шишкова, лично мне известного старого партийного товарища. Его можно направить во Владимир, снабдив письмом, что т. Шишков пригоден в качестве председателя Губисполкома. Пусть присмотрятся к нему в течение 1—2 недель, а затем проводят, если не будет возражений».

Сколько их было, таких записок, и за каждой стоял товарищ, партиец, работник, получавший то или иное ответственное назначение.

Яков Михайлович знал прошлую революционную деятельность сотен и сотен большевиков, их профессию, жизненный опыт, наклонности, и все это умело использовал на благо революции. Он знал обстановку и конкретные условия работы не только в любой отрасли партийного и советского строительства, но и в каждой губернии, чуть ли не в каждом уезде. Он учитывал все, причем всегда был предельно объективен и беспристрастен, никогда не руководствовался личными симпатиями или антипатиями.

Когда в Октябрьские дни понадобился транспорт, чтобы подвозить продовольствие, Яков Михайлович вызвал старого члена партии Д. М. Соловей и поручил перевозку продовольствия ему. Свердлов знал, что Соловей был организатором союза ломовых извозчиков, и

поэтому возложил на него эту задачу. Знал Яков Михайлович и то, что до революции Соловей одно время работал на счетно-конторской работе, и когда большевики взяли власть и потребовались свои финансисты, Дон Маркович Соловей по предложению Свердлова был назначен главным контролером Петроградской конторы государственного банка.

Борис Иванов вспоминает, как в начале 1918 года Яков Михайлович отозвал его из армии (Иванов был председателем комитета пулеметного полка) и послал работать начальником Главного управления мукомольной промышленности. «Ты, — говорит Яков Михайлович, — булочник по профессии. Пойдешь мукомольную промышленность организовывать!»

Александр Федорович Мясников, работавший в Смоленске, писал Якову Михайловичу: «Слышал, что вы предполагаете перевести меня в центр. Объективно я полагаю, что через некоторое время, месяц-другой, это можно было бы сделать. Субъективно я готов во всякое время. Очень тянет на фронт. Впрочем, об этом лучше поговорить лично».

Разговор состоялся, и летом 1918 года, в разгар наступления белочехов, А. Ф. Мясников по рекомендации Якова Михайловича был назначен командующим Приволжским фронтом.

«Мне не раз приходилось слышать о том, насколько хорошо Яков Михайлович разбирался в людях, — пишет в своих воспоминаниях Лидия Александровна Фотиева *, — как он знал партийных и советских работников. В связи с этим вспоминается один разговор с Александром Дмитриевичем Цюрупой, работавшим тогда народным комиссаром продовольствия. В Наркомпрод нужен был член коллегии, и Яков Михайлович направил на эту работу тов. Рузера. Помню, с каким восхищением Цюрупа потом говорил:

«Ведь это просто поразительно, как хорошо знает Яков Михайлович партийные кадры, как он умеет каждому найти именно такое место, где он будет более всего полезен; знает цену каждому, словно насквозь че-

* Л. А. Фотнева — член партин с 1905 года. С марта 1918 года работала помощником секретаря Совнаркома, а с августа 1918 года — секретарем СНК н одновременно нсполняла обязанностн секретаря В. И. Леннна до его смертн.

ловека видит. Рузер прямо как будто рожден для этой работы».

Серафима Ильинична Гопнер встречала Якова Михайловича до 1918 года считанное количество раз на партийных и советских съездах и конференциях. Встречи эти были мимолетны, и, как думала Серафима Ильинична, Яков Михайлович имел о ней слабое представление. «В апреле 1918 года после оккупации Украины немцами, — вспоминает С. И. Гопнер, — я приехала в Москву. Я должна была встретиться с Я. М. Свердловым как с секретарем ЦК, чтобы решить вопрос о моей дальнейшей работе. Я готовилась к длительной, обстоятельной беседе и несколько волновалась. «Что, — думалось мне, — мог знать об одном из работников Екатеринослава секретарь ЦК?» Я ожидала, что мне придется подробно рассказывать о своем опыте партийной работы. Я предполагала, что мою характеристику запросят у кого-нибудь из находившихся в Москве украинских работников и известное время придется подождать, пока будет принято решение о моей дальнейшей работе».

Однако все получилось совсем не так, как полагала Серафима Ильинична.

«Через день или два после моего приезда в Москву Яков Михайлович пригласил меня к себе.

— Здравствуйте, товарищ Гопнер, — поднялся Яков Михайлович мне навстречу, — как добрались до Москвы? Как с жильем? Как с обедом? Плохо, наверное? (Москва в это время зверски голодала.)

— Да так, — начала я, — переночевала тут у товарищей, кое-как устроилась, да это неважно...

— То есть как так неважно? В Москве мы вас решили задержать на работе — значит, надо обосноваться прочно, наладить жилье, питание. Вот вам записка товарищу Петухову, коменданту второго Дома Советов, это бывшая гостиница «Метрополь», знаете? В ней мы поселяем членов ВЦИК. Отправляйтесь туда и обосновывайтесь. А вот насчет столовой... — Так началась моя беседа с секретарем Центрального Комитета партии.

— Ну а теперь насчет работы, — продолжал Яков Михайлович. — У вас есть уже немалый опыт не только подпольной работы. Вы участвовали в создании Советов на Екатеринославщине, были секретарем Екатеринославского Совета... Что вы скажете, если бы мы пред-

ложили вам пойти работать вместе с Аванесовым вторым секретарем ВЦИК?

Не понадобились ни длительные рассказы о себе, ни чьи-либо характеристики. Я была изумлена тем, что Яков Михайлович все обо мне знает и в ожидании приезда партийных кадров Украины, эвакуировавшихся в Москву, заранее решил, где кого использовать, исходя из опыта каждого...»

Лиза Драбкина, тогда совсем молодая девушка, работавшая в 1918 году в приемной Якова Михайловича, вспоминает такой случай:

«Как-то на прием пришел чуть сгорбленный человек с сильной проседью в густых темных волосах. Яков Михайлович в эту минуту разговаривал по телефону. Положив трубку, он сказал:

— Ну, слушаю тебя, Богдан!

Посетитель с недоумением посмотрел на Свердлова:

— Откуда вы меня знаете?

Потом, вглядевшись, вскрикнул:

— Товарищ Андрей! Ты?

Оказалось, что он когда-то работал с Яковом Михайловичем в Нижнем Новгороде, знал его под партийным именем «Андрей» и даже не подозревал, что этот «Андрей» и есть Свердлов. А Яков Михайлович знал и помнил о «Богдане» все — и где тот за эти годы работал, и где сел, и каким этапом шел, и где работает сейчас».

Яков Михайлович ежедневно принимал огромное количество товарищей, каждого он внимательно выслушивал, для каждого находил теплое слово, каждому находил наиболее целесообразное применение.

Не раз Яков Михайлович отправлял на работу товарища, который боялся, что не справится, что ему поручено слишком трудное дело, а готовиться некогда, времени нет. У Свердлова всегда находились в таком случае бодрящие слова, его горячая уверенность в творческой силе народа, в силе пролетарской революции передавалась собеседнику, вдохновляла и заставляла каждого напрячь все силы, чтобы оправдать доверие ЦК.

Старый член партии, бывший член коллегии ВЧК С. Г. Уралов так описывает свою первую встречу со Свердловым: «Надо признаться, что я внутренне волно-

вался, ведь мне впервые пришлось встретиться с членом и секретарем ЦК партии.

Однако после первых же слов, с которыми Яков Михайлович обратился ко мне, у меня пропала вся робость. Просто и задушевно, с приветливой улыбкой он спросил меня: «Вы, товарищ, из Саратова? Расскажите, какое там настроение и как работает организация».

Яков Михайлович, выслушав меня, принял решение и объявил мне, что он направляет меня работать в Центральный совет фабрично-заводских комитетов Петрограда, который помещается в Смольном. Тут же он написал сам записку к одному из руководителей Центрального совета, Н. Скрыпнику.

Меня поразила простота и сердечность в обращении Якова Михайловича и его особая душевная теплота. Чувствовалась в нем неиссякаемая любовь к рабочему классу, к делу партии — все это вызывало во мне чувство не только глубокого к нему уважения, но и очаровывало. Это чувство живет во мне до сих пор».

Яков Михайлович непрерывно черпал людей из низовых партийных организаций. Возникало новое дело, и Свердлов умел находить людей, умел их заинтересовать, вдохновить, заражал своим глубоким деловым оптимизмом. Он поддерживал живую связь с руководителями районных комитетов партии и партийных организаций крупных заводов и фабрик, изучал характеристики работавших там товарищей, вызывал их к себе, знакомился, беседовал и решал, кого на какую работу лучше всего направить.

Бывали, конечно, порой и ошибки. Бывало, что товарищ не справлялся с порученным ему делом. Обычно разговор Якова Михайловича с отзываемым товарищем кончался так: «Теперь вы понимаете, что в интересах партии поставить вас на другую работу, с которой вы лучше справитесь». Другая работа предлагалась тотчас же, тут же. Ни дня человек не оставался без дела. Свердлов заранее готовился к подобному разговору, все предусматривал и продумывал, где лучше и целесообразнее можно будет использовать несправившегося товарища.

Однако людей, которые отрывались от масс, злоупотребляли доверием партии, народа, своим положением или занимались интригами, подсиживанием, Яков Михайлович решительно смещал с занимаемых постов

и неизменно посылал на низовую работу, «на выучку к рабочему классу», как он частенько говорил. В тех же случаях, когда речь шла о работниках, занимавших ответственные посты, или когда проступок того или иного товарища был настолько серьезен, что требовал партийного обсуждения, Яков Михайлович без промедления выносил вопрос в Центральный Комитет, и Центральный Комитет принимал необходимые меры.

•

Важнейшую роль в жизни партии и страны играли в те годы съезды, партийные и советские, созывавшиеся поначалу очень часто. Особенно часто собирались в 1917—1918 годах съезды Советов — каждые три-четыре месяца.

На всероссийских съездах Советов обсуждались важнейшие вопросы государственного устройства, вопросы войны и мира, политическая линия Советского правительства. И каждый очередной съезд Советов, начиная с III, заслушивал отчеты Совнаркома и ВЦИК.

Мне довелось быть на VI и VII съездах партии, почти на всех всероссийских съездах Советов, проходивших в те годы, на многих заседаниях ВЦИК, собиравшихся, как правило, еженедельно. Далеко не все они и не всегда проходили гладко. Большое искусство требовалось тогда от председателя. Оно и понятно: ведь даже когда в собрании участвуют только единомышленники, от председателя многое зависит. От него зависит, насколько четко, живо, по-деловому идет собрание. Но куда ответственнее и сложнее роль председателя, когда собираются не единомышленники, а политические противники, когда среди участников собрания царят разногласия и бушуют политические страсти. Именно так в те годы и проходили многие собрания, митинги, съезды. Даже на заседаниях Центрального Комитета нашей партии против Ленина, против большинства ЦК выступали то Каменев с Зиновьевым, то Каменев и Рыков, то Троцкий с Бухариным.

Если так бывало на заседаниях ЦК большевиков, то что же сказать о ВЦИК, куда наряду с большевиками входили и эсеры и меньшевики, где без конца брали слово, сыпали язвительными репликами, учиняли обструкции такие ловкие ораторы и прожженные полеми-

сты, лидеры меньшевиков и эсеров, как Мартов, Спиридонова, Дан, Суханов, Карелин и другие? И если на заседаниях ЦК я никогда не бывала, если о жарких столкновениях, которые там порою возникали, знала только по рассказам Якова Михайловича и других товарищей, то заседаний ВЦИК я почти не пропускала и видела, какого накала достигала там порою атмосфера.

А съезды Советов: III, IV, V? Съезды, на которых в атаку на большевиков бросались десятки, а то и сотни меньшевиков и эсеров — делегатов съезда, — на которых порой пытались не дать говорить Ленину, поднимался неистовый шум и крик, предпринимались попытки сорвать работу съезда.

Каких только происшествий порою не случалось! Помню, как на одном из съездов Советов, кажется на IV, где-то за кулисами, за спиной президиума вспыхнул пожар. Никто, кроме председателя и двух-трех членов президиума, которым тут же доложили о пожаре, ничего не знал, и, пока боролись с пожаром, пока его потушили, съезд работал как ни в чем не бывало. Яков Михайлович с невозмутимым видом вел заседание.

На V съезде Советов, проходившем необычайно бурно, в разгар заседания вдруг грохнул оглушительный взрыв. Поднялась было паника, но председательствовавший Яков Михайлович мгновенно восстановил порядок, разъяснив делегатам, что случайно взорвались гранаты у стоявшего в фойе часового и никакой опасности нет.

Как ни неистовствовали враги большевиков, враги трудящихся, им ни разу не удалось сорвать работу ни одного съезда, не удалось помешать большевикам проводить необходимые постановления. Решающую роль тут играли сплоченность большевиков, их дисциплина и организованность в проведении политики, намеченной партией, Лениным. Но немало зависело и от председателя, от его искусства, выдержки, самообладания. Всеми этими качествами обладал Яков Михайлович.

Вскоре после Апрельской конференции он стал почти бессменным председателем на заседаниях ЦК и на партийных съездах; после Октября — на съездах Советов и подавляющем большинстве заседаний ВЦИК, на десятках ответственнейших заседаний, собраний, митингов.

Любое самое бурное собрание Яков Михайлович вел твердо, спокойно, уверенно, решительно пресекая всякие попытки тех, кто стремился сорвать работу собрания, нарушить его деловой ход.

Лидия Александровна Фотиева писала в своих воспоминаниях о Якове Михайловиче: «Я не раз наблюдала его как председателя того или иного многолюдного собрания и поражалась, как он умел подчинять своей воле многие сотни, а порой и тысячи людей. Его могучий голос перекрывал все шумы, его сильная воля покоряла массу. Он быстро наводил порядок в самой шумной и разношерстной аудитории и овладевал собранием».

Твердость при ведении собраний сочеталась у Якова Михайловича с величайшим уважением к принципам демократизма. Председательствуя на собрании, он никогда не нарушал основ демократии. Регламент он соблюдал жестко и неумолимо: кончилось время — кончай выступление. И регламент превращался в его руках в оружие, направленное против всех и всяческих дезорганизаторов.

Вспоминаю, как на V съезде Советов Яков Михайлович беспощадно пресекал многочисленные попытки левых эсеров выступать с многословными речами против политики нашей партии, и, когда те попытались устроить обструкцию, он безапелляционно заявил: «Принятый регламент дает мне право останавливать оратора». И левые эсеры вынуждены были замолкнуть — ведь и они голосовали за регламент.

Или VII съезд партии. На трибуну поднимаются то Бухарин, то Радек, то Рязанов, пытаясь под видом поправок и заявлений по мотивам голосования произносить все новые и новые речи против позиции Ленина, против большинства съезда. Но тщетно! Не успевают они произнести нескольких фраз, как неумолимо звучит голос Якова Михайловича: «Вы взяли слово по мотивам голосования, а вместо этого полемизируете. Я принужден был дать слово, но прошу держаться в пределах вашего заявления».

Отличительной чертой Свердлова как председателя было и то, что он легко и быстро ориентировался в любом оттенке политических формулировок, молниеносно опровергал неправильные, нечеткие предложения, мгновенно находил нужную формулировку, которую большинство собрания тут же и принимало. Недаром Демь-

ян Бедный, вручая Якову Михайловичу одну из первых своих книжек, изданных при Советской власти, сделал на ней такую шутливую надпись:

У дядюшки у Якова
Добра хватает всякого:
И волос, и голос,
И всегда готовая резолюция —
Да здравствует социальная революция!

Одним из коренных вопросов русской революции был вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством.

Владимир Ильич неустанно подчеркивал все значение этого вопроса. Он не только обосновал его теоретическую сторону, но и постоянно вел гигантскую практическую работу по завоеванию трудящегося крестьянства на сторону пролетариата. Отсюда вытекали и взаимоотношения нашей партии с левыми эсерами, за которыми в дни Октября шли значительные массы крестьянства.

Руководствуясь указаниями Ленина, наша партия заключила блок с левыми эсерами. Переговоры с руководством левых эсеров о вхождении их представителей в состав Советского правительства Центральный Комитет возложил на Якова Михайловича. Когда Мария Спиридонова, лидер левых эсеров, как-то добилась встречи с Владимиром Ильичем, он ответил ей: «Если можно, поговорите со Свердловым (он имеет поручение к Вам от нашего ЦК)...» Пришлось Якову Михайловичу повозиться с левыми эсерами и во ВЦИК, где их было вначале немало. В значительной мере благодаря такту Якова Михайловича, благодаря тому, что он умело проводил ленинскую линию, удалось в конце ноября 1917 года достигнуть соглашения с левыми эсерами о составе правительства.

Яков Михайлович не раз рассказывал мне, как смотрит Ильич на блок с левыми эсерами. Как и Ильич, Яков Михайлович считал, что доверять левым эсерам полностью нельзя, хотя блок с ними в настоящее время и необходим. Он говорил, что сама по себе партия левых эсеров и особенно ее головка крайне ненадежны, что они выражают интересы среднего крестьянства, ско-

рее даже его зажиточной верхушки, но никак не бедняков.

В то же время Яков Михайлович учитывал неоднородность партии левых эсеров, наличие среди них различных течений, и считал нужным укреплять то из них, которое отражало интересы бедноты и тяготело к большевикам. Этим определялось и его поведение в отношении левых эсеров. Он был внешне очень внимателен к левоэсеровской части ВЦИК и руководству их партии, оставаясь одновременно начеку, настороже.

Соглашение с левыми эсерами, которое было заключено в ноябре 1917 года, способствовало упрочению союза рабочего класса с крестьянством, укреплению руководящей роли пролетариата и слиянию Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов.

До декабря 1917 года рабочие и крестьянские Советы существовали раздельно, собирались на самостоятельные съезды и имели свои Центральные Исполнительные Комитеты.

10(23) ноября 1917 года в Петрограде открылся Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Большинство на съезде составляли левые эсеры, но немало среди делегатов было и правых эсеров, предпринимавших отчаянные попытки сорвать работу съезда. Под их нажимом левые эсеры беспрестанно колебались, то и дело отказывались от только что принятых решений, без конца возобновляли дискуссии по уже решенным съездом вопросам.

Решающее влияние на исход работы съезда оказало непосредственное участие в нем Ленина. Владимир Ильич неоднократно выступал на съезде, и раз от разу все более внимательно, все с большим одобрением слушали его многочисленные делегаты. Вместе с Владимиром Ильичем участвовал в работах съезда и Яков Михайлович.

В эти-то дни и было достигнуто соглашение о вхождении левых эсеров в состав Советского правительства. В Совнаркоме с сообщением о результатах переговоров с левыми эсерами выступил Яков Михайлович, подписавший от имени большевиков это соглашение.

14(27) ноября Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов вынес историческое решение

о слиянии ЦИК Советов крестьянских депутатов с ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов.

Джон Рид, присутствовавший на заседаниях Крестьянского съезда, в своей знаменитой книге «10 дней, которые потрясли мир» писал:

«Президент ЦИК Свердлов приветствовал съезд, и с криками «Да здравствует конец гражданской войны!», «Да здравствует объединенная демократия!» крестьяне вышли из съезда.

Было уже темно, и на покрытом ледяной коркой снегу отражался бледный лунный и звездный свет. Вдоль камней выстроились в полном походном порядке солдаты Павловского полка с оркестром музыки, который заиграл «Марсельезу». Среди громовых раскатов приветственных восклицаний солдат крестьяне выстроились, развернули огромное красное знамя Исполнительного Комитета Всероссийского Крестьянского Совета, расшитое золотыми буквами:

«Да здравствует союз революционных трудящихся масс».

За ним были еще знамена районных советов, Путиловского завода...

Откуда-то появились факелы, заливая оранжевым светом ночную темень и тысячами искр отражаясь на льдинках, и дым от них разносился над толпой, когда она двинулась с пением по Фонтанке...

Так шла огромная процессия по городу, все разрастаясь и развертывая все новые и новые красные знамена, расшитые золотыми буквами. Два старых крестьянина, согбенных трудом, шли рука об руку, и на их лицах было написано прямо-таки детское блаженство.

— Ну, — сказал один, — хотел бы я посмотреть, как они отнимут у нас теперь землю!

Возле Смольного Красная гвардия выстроилась по обе стороны улицы... На ступеньках Смольного собралось около сотни рабочих и солдатских депутатов со своими знаменами, темневшими на фоне лившегося из-за них через арку света. Подобно волнам, быстро двинулись они вниз по ступенькам, обнимали крестьян, целуя их, потом вошли в огромную дверь, поднялись шумными толпами по лестнице...

В огромном белом зале заседаний ждал ЦИК вместе с Петроградским Советом и тысячью зрителей.

Я. М. Свердлов.

К. Т. Новгородцева (Свердлова) в 1905 году.

Штаб-квартира Екатеринбургского комитета РСДРП.

Дом, в котором находилась нелегальная партшкола Екатеринбургского комитета в 1905 году (ныне музей Я. М. Свердлова).

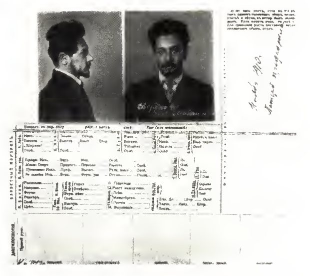
Дом в Нижнем Новгороде, где прошло детство Я. М. Свердлова.

Я. М. Свердлов. 1900 г.

Я. М. Свердлов. Снимок охранного отделения. 1903 г.

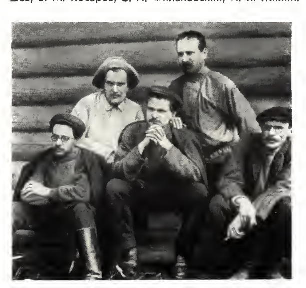
Я. М. Свердлов. 1904 г.

Я. М. Свердлов в группе заключенных в пермской тюрьме. 1906 г.



Я. М. Свердлов. Учетная карточка жандармского управления. Петербург, 1910 г.

Группа ссыльных большевиков в Нарыме. 1912 г. Слева направо: Я. М. Свердлов, В. В. Куйбышев, В. М. Косарев, З. И. Филановский, И. Я. Жилин.



Группа большевиков в туруханской ссылке. 1915 г. Сидят (слева направо): К. Т. Свердлова с сыном Андреем, Г. И. Петровский, Я. М. Свердлов. Стоят: С. С. Спандарян, Ф. Н Самойлов, И. В. Сталин, В. Н. Сергушева, В. Н. Яковлев, А. Е. Бадаев, Ф. В. Линде, Н. Р. Шагов.

Я. М. Свердлов (стоит, второй справа), Ф. И. Голощекин (сидит, крайний слева) в группе товарищей, возвращающихся из ссылки. Март 1917 г.

Я. М. Свердлов — Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1918 г.

В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, В. А. Аванесов на открытии временного памятника К. Марксу. Москва, 7 ноября 1918 г.

Я. М. Свердлов выступает с речью на закладке Дворца рабочих в Москве. Ноябрь 1918 г.

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов среди участников митинга по случаю открытия мемориальной доски памяти жертв революции. 7 ноября 1918 г.

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов в президиуме съезда сельскохозяйственных коммун и комбедов. Москва, декабрь 1918 г.

Выступление Я. М. Свердлова на митинге, посвященном проводам бойцов на фронт, на Красной площади. Москва, 1918 г.

Я. М. Свердлов. 1918 г.

Я. М. Свердлов на параде Всевобуча. Москва, август 1918 г.

Я. М. Свердлов в вагоне поезда во время поездки на фронт. Осень 1918 г.

Я. М. Свердлов в своем кабинете в Кремле.

Я. М. Свердлов, В. А. Аванесов, Демьян Бедный. 1918 г.

Я. М. Свердлов и К. Т. Новгородцева (Свердлова) с дочерью Верой. Конец 1918 — начало 1919 года.

Э. М. Склянский, Я. М. Свердлов, Н. И. Подвойский.

В этом зале царила торжественность, которая всегда вызывается великими моментами истории...

Когда звуки музыки послышались в коридоре и голова процессии появилась в дверях, президиум встал со своего места и потеснился для того, чтобы президиум крестьянского съезда мог рассесться, причем та и другая стороны обнялись. За ними на белой стене над пустой рамой, из которой был вырван портрет царя, скрестились два знамени... После нескольких слов приветствия Свердлова взяла слово Мария Спиридонова...»

На следующий день, 15(28) ноября, под председательством Я. М. Свердлова состоялось торжественное объединенное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Чрезвычайного съезда крестьянских депутатов и Петроградского Совета, на котором был образован ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На этом историческом заседании был положен конец раздельному существованию Советов рабочих и крестьянских депутатов, нанесен сокрушительный удар мелкобуржуазным партиям и в первую голову правым эсерам, пытавшимся использовать самостоятельность ЦИК крестьянских Советов для захвата в нем решающих позиций и превращения его в орудие контрреволюции.

КОНЕЦ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Дни неслись стремительно, с какой-то невероятной, головокружительной быстротой. Встречаясь с Яковом Михайловичем на ходу, на час-два перед сном, и то не каждый вечер, мы едва успевали поговорить, обменяться новостями, мнениями, обсудить особенно волновавшие вопросы. Не успел окончиться Крестьянский съезд, как в Питере, а там и по всей стране начались выборы в Учредительное собрание. Собственно, избирательная кампания началась еще до Октября, но теперь она развернулась вовсю.

Теперь, после установления власти Советов, никто из нас «Учредилку» всерьез не брал, но и отмахнуться от нее просто так, воспрепятствовать ее созыву было нельзя. Не раз говорил мне об этом Яков Михайлович, когда у нас с ним заходила речь об Учредительном собрании.

Якову Михайловичу немало довелось поработать в связи с выборами в Учредительное собрание. Вместе с М. С. Урицким, назначенным комиссаром по выборам, с Е. Д. Стасовой и другими работниками Секретариата ЦК Яков Михайлович участвовал в разработке инструкций и подробных указаний, которые рассылались Секретариатом ЦК по всем партийным организациям страны. Ряд документов Яков Михайлович составил сам.

Еще задолго до выборов, 1 июля 1917 года, выступая на Петроградской партийной конференции, Яков Михайлович говорил:

«Подготовку к выборам надо начинать сейчас же: организовать при заводах курсы агитаторов для посылки их по деревням, организовать ходоков... Пусть районы и подрайоны выяснят и выберут, кого послать с агитацией по деревням...»

23 сентября (6 октября) 1917 года был утвержден список кандидатов, рекомендуемых ЦК РСДРП(б) в Учредительное собрание. В их числе были: Ленин, Луначарский, Сталин, Бубнов, Милютин, Ногин, Шаумян, Стучка, Дзержинский, Петровский, Муранов, Бадаев, Крыленко, Ольминский, Свердлов — всего около 40 человек. Через несколько дней ЦК дополнительно рекомендовал местным партийным организациям для проведения в Учредительное собрание Володарского, Ворошилова, Джапаридзе, Калинина, Крупскую, Куйбышева, Мануильского, Мясникова, Невского, Подвойского, Сергеева (Артема), Стасову, Черепанова Сергея, Чугурина Ивана, Шверника, Шумяцкого и других.

Бывает, что какая-то отдельная деталь, легкий штрих говорят больше, нежели иное многословное описание, полнее и ярче раскрывают образ человека, выпукло освещают главное, чему подчинена его жизнь. Перед нами один из списков членов нашей партии, намеченных ЦК в состав Учредительного собрания, опубликованный 5(18) октября 1917 года на страницах большевистской газеты «Рабочий путь».

Такие списки публиковали в октябре 1917 года неоднократно. Здесь Бадаев, Ворошилов, Калинин, Крупская, Куйбышев, Ольминский, Свердлов, Сергеев (Артем), Шверник... — 118 человек, 118 большевиков. Приводится род занятий каждого. Больше всего рабочих, есть солдаты и матросы, журналисты, юристы, учи-

теля, инженеры. Немало среди них профессиональных революционеров, отдавших всю свою жизнь служению партии. Против фамилии Якова Михайловича в графе «род занятий» стоит: «партийный работник». Другой профессии, другой специальности у него не было никогда.

Выборы в Учредительное собрание состоялись в конце ноября — начале декабря 1917 года. Списки большевиков получили подавляющее большинство голосов в Петрограде и Москве, на Северном и Западном фронтах, расположенных ближе всего к столице, в Балтийском флоте и в промышленных районах страны.

Несмотря на то, что выборы проводились по спискам, представленным политическими партиями до Октябрьского переворота, и не отражали соотношения классовых сил, сложившегося в стране после победы пролетарской революции; несмотря на фальсификацию выборов в ряде мест и многочисленные подлоги Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание, в которой хозяйничали кадеты, выборы лишний раз подтвердили, что рабочий класс России и солдаты решающих фронтов в своей подавляющей массе шли за большевиками.

Однако на первое место по числу голосов, полученных по всей стране, по количеству депутатов в Учредительном собрании вышли эсеры, за которых голосовало в основном крестьянство. Причем надо учесть, что голосование проводилось по единым эсеровским спискам, составленным еще до Октябрьской революции, до раскола партии эсеров на правых и левых, и подавляющее большинство в этих списках составляли правые эсеры, тогда как крестьянская масса сразу после Октября, после принятия II съездом Советов Декрета о земле, пошла в своем большинстве за левыми эсерами, заключившими союз с большевиками.

Результаты выборов никак не отражали фактического соотношения сил, находились в прямом противоречии с интересами и волей широчайших народных масс, выраженными в решениях II Всероссийского съезда Советов.

Конечно, не могло быть и речи о передаче власти Учредительному собранию, да еще в таком составе. Это было бы предательством дела трудящихся, отказом от завоеваний Октября. «Советы, — говорил Ленин, — вы-

ше всяких парламентов, всяких учредительных собраний». Однако среди значительной части народа еще жила вера в Учредительное собрание. С этим нельзя было не считаться, и наша партия решила предоставить Учредительному собранию возможность собраться, чтобы поставить его перед выбором: либо оно признает победу революции и утверждает установленную волей подавляющего большинства трудящихся власть Советов, либо отвергает эту власть, чем неизбежно разоблачит перед всем народом свою контрреволюционную сущность.

До Октябрьских дней Временное правительство и меньшевистско-эсеровский ЦИК всячески оттягивали выборы в Учредительное собрание. Теперь же, после Октября, все буржуазные и мелкобуржуазные партии, от кадетов до правых эсеров и меньшевиков, развернули бешеную кампанию за немедленный созыв Учредительного собрания, намереваясь противопоставить его Советскому правительству и ЦИК, избранному II съездом Советов.

Они создавали всякие советы и комитеты, сформировали «Союз защиты Учредительного собрания», устраивали митинги и демонстрации, вели разнузданную клеветническую кампанию против большевиков, якобы препятствующих созыву Учредительного собрания. Все усилия были направлены на то, чтобы взять инициативу созыва Учредительного собрания в свои руки.

Но усилия их были тщетны. Большевистская партия, Советское правительство уверенно вели свою линию, полностью владели инициативой: 26 ноября (9 декабря) был опубликован декрет Совнаркома о созыве Учредительного собрания.

Пришлось большевикам выдержать бой и внутри собственной фракции Учредительного собрания. Опять Каменев, Рыков, Милютин и К°, входившие в бюро фракции, повели борьбу против линии ЦК, заявляя, что вопрос о власти в стране должно решить Учредительное собрание, что ЦК и Совнарком должны отказаться от контроля над созывом Учредительного собрания. Они дошли до того, что выдвинули требование созвать партийный съезд «для выяснения вопроса» об отношении к Учредительному собранию.

11(24) декабря Центральный Комитет специально рассмотрел вопрос о фракции Учредительного собрания.

С развернутым предложением выступил Ленин, потребовав смещения бюро фракции. Яков Михайлович в своем выступлении поддержал предложения Владимира Ильича. Было решено созвать фракцию, обсудить на ней тезисы, в которых формулировалась позиция большевиков по отношению к Учредительному собранию, и провести перевыборы бюро. Автором тезисов был Владимир Ильич.

На следующий день, 12(25) декабря, фракция единодушно приняла ленинские тезисы, противники ЦК потерпели очередное поражение.

20 декабря 1917 года (2 января 1918 года) Совнарком установил дату открытия Учредительного собрания — 5(18) января, а два дня спустя ВЦИК вынес решение: созвать 8(21) января III Всероссийский съезд Советов.

Важность этого решения трудно переоценить: судьба Учредительного собрания передавалась в руки съезда Советов, верховного органа власти и подлинного выразителя воли многомиллионных народных масс.

Партия, Советы развернули напряженную работу по подготовке съезда, разъясняя массам его значение. ВЦИК разослал по всей стране, всем Советам, армейским и фронтовым комитетам циркулярное письмо, в котором говорилось, что «лозунгу — вся власть Учредительному собранию — Советы должны противопоставить лозунг — власть Советам, закрепление Советской республики». Текст письма был написан Яковом Михайловичем.

3(16) января 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет рассмотрел и принял документ величайшей исторической важности — Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, составленную Лениным. Ленинская Декларация подтверждала основные декреты и постановления II съезда Советов, ВЦИК и СНК. «Россия, — гласила Декларация, — объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам».

Партия устами Ленина сказала свое слово об общественном строе и государственном устройстве Российской республики. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов одобрил и утвердил предло-

жения большевиков. Оставалось претворить в жизнь эти предложения, выражавшие волю народа.

Приняв Декларацию, ВЦИК утвердил представленный Лениным проект постановления о беспощадном подавлении всяких попыток со стороны кого бы то ни было присвоить себе функции государственной власти.

Итак, Учредительное собрание решили открыть 5 января 1918 года. В канун этого дня я не могла не волноваться. Мы знали, какую бешеную подготовку вела контрреволюция: всего за несколько дней до этого в Питере был раскрыт заговор, организованный «Союзом защиты Учредительного собрания». Заговорщики готовили к дню открытия «Учредилки» вооруженное восстание, намереваясь силой захватить власть. Меньшевики и правые эсеры вели неистовую агитацию, пытаясь поднять трудящихся столицы на массовую демонстрацию против Советов. Только благодаря своевременно принятым мерам контрреволюционные гнезда заговорщиков были разгромлены. Что же касается меньшевистско-эсеровских агитаторов, то рабочие хватали их за шиворот и тащили в ближайший Совет. Но все ли враги революции обезврежены? Что устроят кадеты, правые эсеры в самом Учредительном собрании, какую диверсию? Надо было быть готовым ко всему.

Настало 5 января 1918 года. В Питер съехалось со всех концов страны свыше 400 депутатов Учредительного собрания. Большинство — около 250 депутатов — правые эсеры, кадеты и представители прочих партий крупной и мелкой буржуазии.

Открытие Учредительного собрания было назначено на четыре часа дня в Таврическом дворце. Во избежание каких-либо вылазок со стороны контрреволюции внутри дворца и вокруг него была установлена надежная охрана — матросы с «Авроры» и с броненосца «Республика». Особенно надежно охранялся в эти дни Ильич, невзирая на его возражения. Ведь за несколько дней до этого, 1(14) января, на Ильича было совершено злодейское покушение. Его машину обстреляли, когда он уезжал с митинга в Михайловском манеже, где выступал. Только благодаря тому, что шофер не растерялся и, услышав стрельбу, развил большую скорость, машина с Ильичем ушла из-под обстрела и никто не пострадал. Разве можно было после этого оставить

Ильича без охраны? Он и в Таврический приехал из Смольного в закрытой машине, не к главному входу, а к одним из ворот во внутренний двор, которые открыли только по условному сигналу и откуда его провели в комнату большевистской фракции безлюдными коридорами. Товарищи, которым была доверена охрана Ильича, не отходили от него ни на шаг.

Заседание большевистской фракции, которым руководил Владимир Ильич, началось за час-два до открытия Учредительного собрания. Надо было наметить окончательный план действия и прежде всего решить вопрос, как открывать первое заседание Учредительного собрания. Все понимали, что правая часть «Учредилки» сделает все от нее зависящее, чтобы хоть теперь, хоть в последний момент вырвать инициативу из рук большевиков и устроить так, будто Учредительное собрание само открыло себя, продемонстрировав таким образом свою независимость от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Большевики этого допустить не могли. Собрание было поручено открыть от имени ВЦИК Свердлову.

Открыв собрание, Яков Михайлович должен был огласить Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа и предложить Учредительному собранию к ней присоединиться. Это вынудит собрание с первых же шагов определить свою позицию и ясно выразить свое отношение к Советской власти. Так был решен вопрос об открытии Учредительного собрания фракцией большевиков.

Усиленную подготовку к открытию Учредительного собрания вели и враги революции. Депутаты кадеты, правые эсеры, меньшевики были тщательно проинструктированы. Правое крыло Учредительного собрания решило на этот раз действовать дружно, организованно срывать все выступления большевиков, не давать им говорить, проваливать их предложения. Правые эсеры заранее наметили, в каких случаях нужно особо громко кричать и свистеть, в каких — аплодировать. Они разработали целую систему сигнализации и выделили ответственных лиц, поручив им подавать условные команды во время заседания. Все их силы были направлены на подготовку различных махинаций и фокусов, при помощи которых они рассчитывали одолеть большевиков.

«Были выбраны особые старосты-руководители, — писал в своих воспоминаниях один из правоэсеровских депутатов Б. Соколов, впоследствии белоэмигрант, — по знаку которых должно было идти голосование. Предусматривалась шумная оппозиция, и знаки согласно этому были особые, немые».

Огромный зал Таврического дворца к четырем часам вечера был переполнен. В зале собрались депутаты Учредительного собрания, а на хорах в качестве гостей — истинные хозяева страны, представители петроградских фабрик и заводов, революционных полков и флотских экипажей.

Едва депутаты, да и то не все — большевистская фракция чуть запоздала, — успели занять места, как на трибуну взобрался грузный престарелый Швецов, правый эсер, и ухватился за председательский колокольчик. Правые эсеры гнули свою линию: не дать представителю Советской власти открыть собрание. Пусть собрание откроет старейший из депутатов. А старейшим, как они утверждали, является Швецов, заранее подготовленный на роль председателя. Возмущенно загремели хоры и часть зала, гневные крики протеста слились с торжествующими воплями правых эсеров, а Швецов, беспомощно озираясь по сторонам, все звонил и звонил.

Якова Михайловича в последний момент задержали, и он на несколько минут опоздал. Бушевавшие страсти захлестывали трибуну, когда рядом с растерявшимся вконец Швецовым появился Свердлов. Властным и уверенным жестом он отстранил незадачливого претендента на роль председателя и решительно взял из его рук колокольчик. Это было сделано так спокойно, с таким чувством достоинства, что зал замер, и в наступившей тишине раздался мощный, глубокий голос Свердлова:

— Исполнительный Комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания. Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...

— Фальсифицированный! — раздался из зала истерический выкрик.

Растерявшиеся в первый момент правые эсеры подняли вой и свист, пытаясь сбить оратора, не дать ему

говорить. На лице Свердлова не дрогнул ни единый мускул. Слегка повысив голос, легко перекрывая истошные вопли, он с железным спокойствием продолжал:

— Центральный Исполнительный Комитет выражает надежду на полное признание Учредительным собранием всех декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров.

Столько было несокрушимой силы во всей фигуре Свердлова, в каждом его скупом жесте, что правые эсеры смолкли. Зал и хоры взорвались бурей аплодисментов, когда, закончив вступительную речь, Яков Михайлович заявил, что сейчас огласит текст Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

«Мне часто вспоминается его образ таким, каким он был в день Учредительного собрания, — пишет Л. Р. Менжинская, — это легкое движение руки, сметающее досадное препятствие, этот твердый, уверенный голос, умеющий заставить слушать себя разъяренную толпу, как будто воплощают основную черту его личности — непоколебимую волю».

В полной тишине, чеканя каждое слово, зачитал Свердлов текст Декларации, и едва он произнес последние слова, как на хорах загремел «Интернационал», его подхватили большевики-депутаты, весь зал встал, и никто не осмелился сесть, пока под высокими сводами гремел великий пролетарский гимн.

Как только замерли звуки «Интернационала», Яков Михайлович предложил приступить к выборам председателя. Первым он предоставил слово представителю эсеров. Взойдя на трибуну, тот начал поносить большевиков. В зале вновь поднялся шум, раздался пронзительный свист, на сей раз с большевистских скамей и сверху, с хоров. Без тени волнения, пряча полуулыбку, Свердлов произнес:

— Покорнейше прошу соблюдать тишину. Если потребуется, я собственной властью, данной мне Советами, смогу любого призвать к порядку!

Как и следовало ожидать, эсеровско-меньшевистское большинство встретило ленинскую декларацию в штыки, отказалось даже обсуждать ее. Большевики потребовали перерыва, чтобы обсудить по фракциям создавшееся положение. На заседании большевистской фракции Ленин предложил принять тут же написанную им

декларацию, которая была единодушно одобрена фракцией.

Выполняя волю громадного большинства народа, гласила Декларация, ВЦИК предложил Учредительному собранию подчиниться этой воле, признать завоевания Великой Октябрьской революции, признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но большинство Учредительного собрания отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России.

«Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, — говорили большевики, — что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания».

Огласив Декларацию, большевики покинули зал заседания, за ними ушли левые эсеры, разошлись и рабочие, солдаты, матросы, заполнявшие хоры. В сразу опустевшем зале остались лишь две с небольшим сотни политических дельцов, краснобаев, прожженных политиканов да несколько незадачливых, давно прогоревших претендентов на роль «народных вождей», ни в какой мере не представлявших трудовые массы России.

Конец Учредительного собрания был бесславен, похороны его прошли незаметно. В четыре часа пополуночи с 5 на 6 января 1918 года, когда наиболее рьяные кадеты, правые эсеры и меньшевики бушевали уже двенадцатый час подряд, упиваясь собственным красноречием, на трибуну поднялся балтийский матрос Анатолий Железняков, начальник караула Таврического дворца.

— Караул устал, — сурово произнес Железняков, — прошу очистить помещение!

В ответ раздались возгласы протеста, злобные выкрики. Кто-то еще выходил на трибуну, что-то говорил, кто-то за что-то спешно голосовал, но один за другим покидали депутаты зал: Учредительное собрание скончалось!

На следующий день, 6(19) января 1918 года, Совет Народных Комиссаров принял по предложению Ленина решение распустить «Учредилку». В тот же день Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет заслушал доклад Ленина и принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

Не прошло и недели, как вновь заполнились обширный зал и просторные хоры, вновь ожил, забурлил людской поток в широких коридорах, многочисленных переходах и роскошных залах Таврического дворца.

Со всех концов Петрограда, с далеких окраин, из пригородов стекались в Таврический дворец рабочие, солдаты, матросы, представители фабрик и заводов, полков и боевых кораблей. Вместе с питерцами к дворцу шли сотни посланцев трудящихся Москвы и Урала, Сибири, Украины, Поволжья...

10(23) января 1918 года начал свою работу III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который наряду с другими вопросами должен был окончательно решить и судьбу разогнанного Учредительного собрания.

Ровно в восемь часов на трибуну поднялся Яков Михайлович Свердлов, и его слова «объявляю третий Всероссийский съезд Советов открытым» потонули в буре приветствий и рукоплесканий. Торжественно и грозно загремел «Интернационал».

— Мы должны будем здесь вынести крайне ответственные... решения, — начал Свердлов, когда кончился гимн и стихла вновь вспыхнувшая овация. — Акт роспуска Учредительного собрания мы должны сопоставить с созывом III Всероссийского съезда Советов — этого верховного органа, который единственно правильно отражает интересы рабочих и крестьян.

Закончив вступительную речь, Свердлов предоставил слово представителям рабочих, солдат, моряков, пришедшим приветствовать съезд Советов. От имени революционных отрядов Петрограда выступил Железняков, несколько дней тому назад «закрывший» Учредительное собрание.

Овации в этот вечер вспыхивали беспрестанно. Вот на трибуне Джон Рид. Сидя в зале, я вместе с сотнями товарищей вслушиваюсь в его слова. Он заверяет делегатов съезда, что по возвращении в Америку расскажет американскому народу правду о революционной России.

Джона Рида сменяют посланцы норвежских, шведских, американских, английских рабочих... Впервые в истории звучат в свободной стране с такой высокой трибуны слышные на весь мир слова о дружбе и брат-

стве рабочих всех стран. III Всероссийский съезд Советов вылился в мощную демонстрацию международной пролетарской солидарности. Почетными председателями съезда были избраны Владимир Ильич Ленин и Карл Либкнехт.

Единодушно принял съезд предложенный Яковом Михайловичем текст приветствия зарубежным пролетарским организациям.

11(24) января съезд заслушал доклад о деятельности Совнаркома и отчет ВЦИК. Доклад о работе Совнаркома сделал Владимир Ильич Ленин, с отчетом ВЦИК выступил Яков Михайлович Свердлов.

Доклад Ленина был основным и центральным вопросом работы съезда. Владимир Ильич дал исчерпывающий анализ всей деятельности Советской власти за два с половиной месяца ее существования. Он показал, в каких условиях пришлось работать и какие трудности преодолевать, определил основные задачи, стоявшие перед пролетариатом и трудовым крестьянством России.

Подводя итоги проделанной работы, великий вождь пролетариата мог смело заявить, что трудящиеся России решительно встали на путь социалистических преобразований, одержали ряд крупных побед и никто никогда не свернет их с социалистического пути. Впереди немало трудностей, говорил Ильич, немало тяжелых испытаний, мы до социализма еще не дошли, но наше государство уже является социалистической Республикой Советов, и это величайшее из величайших завоеваний.

Так говорил Ленин, и учащенно бились сердца участников съезда — представителей великого народа, начавшего прокладывать дорогу человечеству в светлое царство коммунизма.

Яков Михайлович подробно доложил съезду о деятельности ВЦИК и закончил свой доклад призывом утвердить Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, отвергнутую Учредительным собранием. Напряженная тишина воцарилась в зале, когда Свердлов приступил к чтению ленинского документа. Как только он торжественно произнес первые слова Декларации, провозглашавшие Россию Республикой Советов, весь зал поднялся, и бурные овации делегатов долго не давали продолжить чтение. Гнев и негодование участников съезда вызвала наглость кучки эсеров и меньшевиков, демонстративно продолжавших сидеть на

своих местах, когда все стоя приветствовали Декларацию. Немалого труда стоило Свердлову утихомирить разбушевавшиеся страсти и продолжать заседание.

С напряженным вниманием выслушав текст, съезд огромным большинством утвердил Декларацию, определявшую основы советского государственного строя. Съезд одобрил политику Совнаркома и ВЦИК и выразил им полное доверие.

Вслед за докладами Ленина и Свердлова был заслушан доклад Сталина по национальному вопросу. Наша страна провозглашалась союзом свободных наций, федерацией советских республик.

III Всероссийский съезд Советов прошел под знаком дальнейшего укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Слияние ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов еще не дало полного слияния Советов на местах. Чтобы завершить объединение Советов, ВЦИК решил одновременно с III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов созвать III Всероссийский съезд крестьянских Советов.

Состав III крестьянского съезда ярко свидетельствовал о том, насколько выросло влияние большевиков в деревне за полтора с небольшим месяца, прошедших с предыдущего крестьянского съезда. Тогда, в конце ноября, на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов большевики имели всего 37 делегатских мандатов из 300 с лишним.

На III Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов картина была иная. Большевики и беспартийные, сочувствующие большевистской партии составили около половины всех делегатов съезда.

Крестьянский съезд собрался через три дня после открытия III Всероссийского съезда Советов, 13(26) января 1918 года в Смольном. На первом же заседании съезда от имени ВЦИК выступил Я. М. Свердлов, и съезд принял решение о слиянии с III съездом Советов рабочих и солдатских депутатов.

В тот же день в девять часов вечера в Таврическом дворце открылось первое объединенное заседание съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Открыл его Яков Михайлович. Все дальней-

шие заседания велись уже совместно, единым съездом. Слияние было завершено.

Меньшевики, правые эсеры, анархисты упорно пытались дезорганизовать работу съезда. Несмотря на свою малочисленность, они громко кричали с мест, стараясь помешать нормальному ходу заседаний. Меньшевистско-эсеровские депутаты бесконечно выступали по каждому вопросу, выдвигая возражения, поправки, оговорки к предложениям большевиков. По ряду вопросов колебалась и часть левых эсеров. Но большинство съезда уверенно шло за большевиками. Все попытки представителей обанкротившихся мелкобуржуазных партий нарушить работу съезда наталкивались на суровый отпор председательствующего на съезде Свердлова, решительно пресекались единодушием подавляющего большинства делегатов.

На заключительном заседании съезда Яков Михайлович внес два предложения, как бы закреплявших и подчеркивавших значение III съезда Советов. В издававшихся до III съезда важнейших законах и декретах указывалось: принимается «впредь до окончательного разрешения Учредительного собрания». По предложению Якова Михайловича съезд решил изъять оговорку «до утверждения Учредительного собрания» из всех документов Советской власти.

И второе: верховная революционная власть до III съезда именовалась: «Временное рабоче-крестьянское правительство». Под бурные аплодисменты делегатов Яков Михайлович предложил слово «временное» выбросить и «впредь именовать нашу верховную власть — рабоче-крестьянским правительством Российской Советской Республики».

Съезд избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в составе 306 человек, из них большевиков было 160, левых эсеров — 125, правых эсеров, меньшевиков и прочих — единицы. Председателем ВЦИК был избран Я. М. Свердлов, секретарем ВЦИК — В. А. Аванесов *.

---

* Варлам Александрович Аванесов — крупный советский работник. В революционном движении с 1903 года, в дни Октября — член ВРК. С ноября 1917 по 1919 год — член Президиума и секретарь ВЦИК. С 1919 года — заместитель наркома РКИ, затем заместитель наркома внешней торговли, член Президиума ВСНХ.

Как раз накануне III съезда Советов, через день-два после роспуска Учредительного собрания, мы с Яковом Михайловичем перебрались с Фурштадтской в Таврический дворец. Поселились мы вместе с несколькими товарищами в просторной пяти-шестикомнатной квартире в одном из флигелей дворца и зажили вновь коммуной, как во времена 1905 года на Урале.

Одна, самая большая, комната была общей и называлась то залом или приемной, то столовой, то спальней — по-разному, в зависимости от того, как она использовалась. Остальные комнаты были поменьше. Одну из них заняли мы с Яковом Михайловичем, другие — Володарский, Аванесов. Жил периодически и еще кое-кто из товарищей.

Все немудреное имущество каждого из нас, состоявшее из полудюжины стаканов и чашек, нескольких тарелок, ложек, ножей да вилок, было обобществлено.

Обедал каждый у себя на работе, а завтракали и ужинали мы обычно дома. Правда, весь завтрак и ужин состояли, как правило, из пустого чая да нескольких кусочков хлеба.

Вставали все обитатели квартиры около восьми утра, собирались к столу и около девяти разъезжались. Порядок был установлен строгий: никто не должен был опаздывать к завтраку и никто никогда не ел в одиночку, отдельно от других. Завтракали мы быстро, перебрасываясь шутками, длительные же разговоры откладывались на вечер, на ночь.

Домой я возвращалась по вечерам первой, грела чай и до прихода остальных садилась за книги. Часов около двенадцати ночи появлялся Володарский, а в час-два — Яков Михайлович и Варлам Александрович, возвращавшиеся обычно вместе.

Аванесов и Володарский семей не имели, и я была единственной женщиной в нашей коммуне, поэтому на меня возложили обязанность разливать чай. Ребят наших с нами не было, они все еще жили в Нижнем, у деда.

Ночью-то, за так называемым ужином, и происходили серьезные беседы. Нередко Яков Михайлович приводил с собой кого-нибудь из товарищей, а иногда и нескольких человек сразу, и они, как правило, остава-

лись обычно ночевать. Чаще всего это был кто-либо из приезжих, но заходили и питерцы, а поскольку время бывало уже позднее, то и они ночевали у нас.

За столом обсуждали события минувшего дня, вспоминали забавные эпизоды, обменивались планами на завтра. Страстно обсуждались основные вопросы политики партии, практической деятельности органов Советской власти. Немало хороших мыслей родилось за нашим столом, в живой, товарищеской беседе.

В нашей коммуне царила такая дружеская атмосфера, так все привязались друг к другу, что, когда правительство в марте 1918 года переезжало в Москву и мы покидали Петроград, Володарский, которому надлежало оставаться в Питере *, со слезами на глазах говорил:

— Возьмите, ну, право, возьмите меня с собой. Что я буду делать без вас, куда я один денусь?

Само собой разумеется, что основной темой большинства разговоров в те недолгие дни, что просуществовала наша коммуна в Таврическом, были вопросы войны и мира.

Сразу же после победы Октябрьской революции партия развернула решительную борьбу за мир. Без окончания мучительной войны, стоившей миллионов человеческих жизней, приведшей страну к экономической катастрофе, нечего было и думать об упрочении Советской власти, об успешном строительстве социалистического государства.

Передышку могло дать только немедленное прекращение войны с Германией, и приходилось идти на самые тяжелые жертвы, на самые унизительные условия, лишь бы добиться этой передышки.

Первым актом Советской власти, первым декретом, принятым II Всероссийским съездом Советов, был Декрет о мире. Советская Россия предложила всем странам, участвовавшим в войне, немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире.

Это предложение было встречено в штыки бывшими союзниками России. Буржуазия Англии, Франции, Соединенных Штатов всеми силами пыталась помешать выходу России из войны, стремясь использовать русского

* Незадолго до этого Володарский был назначен народным комиссаром по делам печати и редактором петроградской «Красной газеты».

солдата в качестве пушечного мяса. Дело дошло до того, что представители союзнических миссий в России предложили советскому главковерху Крыленко по 100 рублей за каждого солдата, остающегося на фронте.

Встретив со стороны «союзных» держав отказ участвовать в мирных переговорах, Советское правительство в начале декабря 1917 года само приступило к переговорам с Германией и Австрией и добилось временного прекращения военных действий, заключив соглашение о перемирии.

Мудро использовав ожесточенную борьбу двух групп империалистических разбойников — Германии и Австрии, с одной стороны, и Франции, Англии и США — с другой, вцепившихся друг другу в глотку, Советское правительство получило некоторую передышку. Передышка эта, однако, могла стать прочной лишь в том случае, если бы Россия вовсе вышла из войны, заключив мир с Германией. Но на пути к миру стояли тысячи трудностей. Вся международная и русская буржуазия, все ее пособники и прислужники — меньшевики, эсеры и прочие — всячески пытались воспрепятствовать героическим усилиям большевиков вывести Россию из войны.

Русские капиталисты, а вслед за ними меньшевики и эсеры развернули бешеную кампанию против большевиков, клеветнически обвиняя нашу партию в капитуляции перед исконным врагом России — Германией. На деле они не помышляли о сопротивлении вторгшимся в Россию ордам немецких захватчиков. Только бы затянуть войну, только бы не дать окрепнуть Советской власти! Пусть немецкие империалисты грабят и разоряют страну, пусть захватят хоть половину России, лишь бы удушить при их помощи большевиков, — вот что было нужно русским капиталистам и их меньшевистско-эсеровским лакеям. Немецкий разбойничий империализм был во сто крат ближе русской буржуазии, чем русские рабочие и крестьяне, разбившие цепи векового гнета и взявшие власть в свои собственные руки.

В этот архитяжелый момент, когда так важно было единство и несокрушимая монолитность партии, кое-кто из членов партии дрогнул и скатился на антипартийные позиции, выступив против заключения мира с Германией. Внутри партии оформилось течение, получившее наименование «левых коммунистов», к которому при-

мкнули все колеблющиеся, неустойчивые, запутавшиеся элементы. «Левые коммунисты», не скупясь на трескучие фразы, кричали о недопустимости переговоров с империалистами, требовали «революционной войны», чего бы это ни стоило. Во главе «левых коммунистов» стояли Бухарин, Пятаков, Оболенский (Осинский), Ломов, Яковлева, Радек, Манцев и другие.

Ожесточенную борьбу против ленинской линии развернул и Троцкий со своими единомышленниками, придумавший «хитроумную» формулу: войны не ведем, но и мира не заключаем.

Пока мирные переговоры с Германией, ведшиеся в Брест-Литовске, безрезультатно тянулись, «левые коммунисты» все больше активизировались, и борьба внутри партии обострялась.

28 декабря 1917 (10 января 1918-го) года Московское областное бюро РСДРП(б), где взяли верх «левые коммунисты», приняло решение считать необходимым мирные переговоры прекратить. В тот же день за прекращение переговоров с немцами высказался и Петербургский комитет партии.

Вожаки «левых коммунистов» — Бухарин, Пятаков, Ломов, Оболенский (Осинский), Преображенский принялись бомбардировать ЦК письмами, требуя немедленного созыва партийной конференции для обсуждения линии ЦК в вопросе о мирных переговорах с Германией.

Поскольку делегаты на конференцию выделялись комитетами, а не выбирались организациями, руководители же некоторых комитетов разделяли взгляды «левых коммунистов», такая конференция могла высказаться в их пользу, на что «левые коммунисты» и рассчитывали.

На заседании ЦК, рассматривавшего вопрос о созыве конференции, Владимир Ильич дал решительный бой «левым коммунистам», убедительно доказав, что конференция ничего не даст, и потребовал созыва партийного съезда. Четырежды пришлось выступать Владимиру Ильичу, прежде чем было принято окончательное решение.

Яков Михайлович, также неоднократно выступавший на этом бурном заседании, решительно поддерживал точку зрения Ильича. Поддержало Ленина и большинство членов ЦК. Требования «левых коммунистов» были отвергнуты, и ЦК вынес постановление о созыве пар-

тийного съезда, который и должен был окончательно решить вопрос о войне и мире.

Пока Троцкий, Бухарин и их сторонники навязывали ЦК бесконечные дискуссии, препятствуя принятию требований Ленина о немедленном заключении мира, пока вследствие этого решение не принималось, германское командование прервало переговоры, нарушило перемирие, и германские полчища двинулись в глубь России.

Основным виновником срыва переговоров был Троцкий. Он возглавлял в то время советскую мирную делегацию в Брест-Литовске. Когда 10 февраля 1918 года немцы предъявили советской делегации ультиматум, Троцкий вопреки прямому указанию Ленина принять ультиматум, если таковой будет предъявлен, заявил, что Советская Россия мира не подписывает, но войну прекращает.

18 февраля, после получения известий о немецком наступлении, Центральный Комитет партии заседал с незначительными перерывами почти целый день. Ленин, а вслед за ним Свердлов и еще ряд членов ЦК решительно потребовали возобновления мирных переговоров с немцами. Вопреки отчаянному сопротивлению Бухарина и маневрированию Троцкого было решено обратиться к немецкому правительству с предложением немедленно заключить мир. В тот же день партия приступила к мобилизации всех сил для отпора немецким захватчикам.

21 февраля был опубликован написанный Лениным декрет Совета Народных Комиссаров. «Социалистическое отечество в опасности! — писал Ленин. — Мы объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира, но они тянут с ответом и продолжают наступать. Все силы и средства страны надо целиком поставить на дело революционной обороны. Каждую позицию защищать до последней капли крови!»

В тот же день был создан Комитет Революционной Обороны Петрограда, на который было возложено руководство всеми военными действиями против немцев. Яков Михайлович вошел в состав Комитета и в его бюро. Им же было написано положение, определявшее задачи и круг обязанностей Комитета Революционной Обороны.

По призыву партии и Советского правительства луч-

шие, передовые представители рабочего класса шли на фронт. Формировались отряды новой армии, армии революционного народа. 23 февраля 1918 года был объявлен днем всеобщей мобилизации сил. Этот день и был увековечен как день рождения Красной Армии. Однако рабоче-крестьянская армия, которая только-только создавалась, не могла еще должным образом противостоять вымуштрованным, вооруженным до зубов германским захватчикам.

22 февраля был, наконец, получен ответ немецкого правительства на мирное предложение Советского правительства. Выдвинутые немцами условия мира были гораздо тяжелей тех, которые отверг ранее Троцкий. Но выхода не было, мир был необходим.

23 февраля Центральный Комитет собрался вновь. Яков Михайлович огласил германские условия. Сразу же взял слово Ленин. Политика революционной фразы, заявил он, окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то он выходит и из правительства, и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия.

И опять ожесточенно воюют против Ленина Бухарин, Троцкий... Даже среди сторонников Ленина не все были склонны подписать германские условия, столь они были тяжелы и унизительны.

Вновь и вновь берет слово Ленин: «Некоторые упрекали меня за ультиматум. Я его ставлю в крайнем случае... Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти... Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать».

Решались судьбы революции, и Ленин был вынужден говорить языком ультиматума. В этот критический момент, когда каждый час промедления грозил существованию Советской власти, один из ближайших сторонников Бухарина в тот период, Ломов, договорился до того, что предложил отстранить Ленина от руководства правительством. «Если Ленин грозит отставкой, — заявил Ломов, — то напрасно пугаются. Надо брать власть без В. И. Ленина».

Борьба продолжается. Снова и снова выступает Ленин. Убеждает, разъясняет, доказывает. Свердлов твердо и последовательно поддерживает Ильича, с Лениным уже большинство членов ЦК. За предложение без-

отлагательно принять германские условия голосует большинство Центрального Комитета. Одновременно ЦК решает всемерно усилить организацию обороны.

После того как Центральный Комитет вынес свое решение, вопрос был перенесен во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, который один был правомочен решать в государственном порядке судьбы республики, решать: война или мир.

Всю ночь с 23 на 24 февраля 1918 года, вплоть до утра, шли в Таврическом дворце заседания, решавшие, быть или не быть Республике Советов. Прежде чем созвать ВЦИК для вынесения окончательного решения, собрались фракции: большевистская и левоэсеровская, заседавшие в эту ночь то порознь, то совместно.

Как, какими словами описать ту бурю страстей, которая бушевала в эту ночь на заседаниях, сменявших без перерыва одно другое, как рассказать о том нечеловеческом напряжении, которое выпало на долю лучших из лучших большевиков в эти часы, когда решались судьбы революции?

Небольшой зал, где собралась большевистская фракция ВЦИК, был забит до отказа. Помимо членов ВЦИК, приглашены большевики — члены Петроградского Совета, партийный актив Питера. С группой товарищей из Смольного я протиснулась поближе к трибуне и примостилась с кем-то вдвоем на одном стуле.

Как ни тесно в зале, тишина порой стоит мертвая, ни шороха, ни движения. И мгновенный взрыв криков — за, против. Протесты, аплодисменты. Ораторы немногословны — мир! мир!! мир!!! Мир необходим, необходима передышка!

Мир? Это позор! Измена мировой революции!! Да здравствует революционная война!!!

Председательствует Яков Михайлович.

— По существу, — напоминает он. — Говорите только по существу...

Времени в обрез. Утром истекает срок немецкого ультиматума, остались считанные часы... С чем же, с какими предложениями пойдут большевики на заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета?

С каждым выступлением все яснее — большинство в зале за мир, за Ленина. Но немало и против. А ведь у левых эсеров наоборот. Там сторонников мира едини-

цы. Как же сложится соотношение сил при совместном обсуждении вопроса? Как оно сложится на самом заседании ВЦИК? До чего же важны единство и монолитность нашей фракции в этот момент!

В зале появляется Ленин. В начале заседания его не было. Яков Михайлович прерывает выступающего товарища и приглашает Ильича в президиум, но Ильич отрицательно машет рукой — не проберешься! — и становится у стены, среди потеснившихся товарищей. Лишь когда оратор кончает, образуется узкий проход, и Ильич с трудом протискивается вперед. Он садится в президиум с Яковом Михайловичем, и, пока продолжаются выступления, они часто, склонившись друг к другу, шепотом переговариваются. Затем Яков Михайлович берет слово и коротко, двумя-тремя фразами, от имени Ленина и своего напоминает собравшимся точку зрения большинства ЦК — мир.

Прения закончены. Подавляющим большинством голосов большевистская фракция выносит постановление: отстаивать на заседании ВЦИК предложение о заключении мира с Германией.

Когда решение было принято, попросил слова один из «левых» — Стеклов *.

— Решается судьба мировой революции. Каждый из нас за нее отвечает. В связи с этим прошу фракцию разрешить свободу голосования.

— Именно потому, что решается вопрос жизни и смерти революции, — парировал Яков Михайлович, — необходимо во ВЦИК провести решение большинства ЦК нашей партии и фракции. Ответственность берет на себя партия в целом, и сейчас, когда против нас выступают все фракции ЦИК, в наших рядах должна быть железная дисциплина и сплоченность. Ваш вопрос я ставлю на голосование и голосую: кто за неуклонное соблюдение партийной дисциплины, за безусловное подчинение меньшинства большинству, прошу поднять руки.

— Позвольте, — растерянно возражает Стеклов, — речь не о дисциплине, а о том, как голосовать...

* Ю. М. Стеклов — в прошлом меньшевик, после Февральской революции — оборонец, один из лидеров меньшевиков в меньшевистско-эсеровском Петроградском Совете. Накануне Октября перешел к большевикам. В дни борьбы за мир — «левый коммунист». После Октября некоторое время был редактором «Известий ВЦИК».

— Именно о дисциплине, о большевистской дисциплине. Так. Подавляющее большинство признает обязательной дисциплину. Прошу учесть, особенно в случае поименного голосования.

Как ни бурно шло заседание большевистской фракции, оно не могло идти ни в какое сравнение с тем, что поднялось на совместном заседании большевиков с левыми эсерами, происходившем уже в большом зале Таврического. Буйствовал и кое-кто из «левых коммунистов» — прежде всего Рязанов, — не пожелавших соблюдать партийную дисциплину и вновь выступавших против заключения мира. Прямо-таки неистовствовали левые эсеры, многие из которых кричали, что, какие бы решения ни приняли фракции, они будут голосовать против мира.

Яков Михайлович предоставляет слово Ленину. Речь Владимира Ильича лишена искусных ораторских приемов, но логика его непреоборима. Он сокрушает тех, кто идет против мира.

— Да, — говорит Ильич, — мир позорен. Да, он похабен, но не наша вина, что иного мира мы получить не можем. Значит, приходится принимать позорный, похабный мир, приходится, потому что иного выхода нет, потому что воевать мы не можем, для сопротивления германцам сил нет и взять их неоткуда. Война — это гибель, гибель Советской власти, гибель революции. Мир, какой бы он ни был, — передышка, которая позволит нам привести в порядок народное хозяйство, разрешить продовольственный вопрос, создать крепкую, могучую, боеспособную армию. И вот тогда, только тогда мы поговорим иначе с господами империалистами, тогда мы вернем сторицею все, что не по нашей вине теряем теперь...

Все! Третий час ночи, дальше откладывать заседание ВЦИК и вести споры по фракциям нельзя. Да и к чему спорить? Кого не убедил Ленин, того не убедит никто!

В три часа пополуночи с 23 на 24 февраля 1918 года открылось заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Слово для доклада получил Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин. В который уже раз за эти сутки Ленин взошел на трибуну, вновь и вновь разъясняя, растолковывая, убеж-

дая. В который раз занял председательское место Свердлов...

Невзирая на всю несокрушимость ленинских доводов, меньшевики и эсеры, правые и левые вместе, с пеной у рта долбили свое — нет, нет и нет! Нельзя принимать германские условия. Война! Война!! Война!!! «Левые коммунисты» угрюмо молчали.

К голосованию приступили уже утром. Большинство — за мир.

— Поименное голосование, — требуют меньшевики и эсеры. — Поименное!

Ну что же! Пусть будет поименное. По списку Яков Михайлович вызывает одного за другим членов ВЦИК на трибуну, и каждый, повернувшись лицом к переполненному залу, должен сказать: да или нет, мир или война. Один за другим поднимаются на трибуну большевики.

— Да, за мир, — звучат их твердые голоса.

— Нет, против, — заявляют эсеры и меньшевики.

А где же «левые коммунисты»? Многие из них покинули зал, уклонились от голосования, не желая голосовать за линию партии, но и не считая себя вправе нарушить партийную дисциплину.

Впрочем, кое-кто из них здесь. Вот на трибуне Луначарский. Он все время шел с «левыми», что-то скажет теперь?

— Да, за мир, — тихо произносит Луначарский и, закрывая руками судорожно дергающееся лицо, сбегает с трибуны.

Бухарин и Рязанов тоже присутствуют в зале. Один за другим они поднимаются на трибуну.

— Нет, против мира, — раздается в замершем зале пронзительный тенорок Бухарина, и слова его тонут в аплодисментах половины зала. Это эсеры и меньшевики приветствуют вождя «левых коммунистов». То же проделывает и Рязанов. Лишь они да еще Закс с Ветошкиным, четверо из всей большевистской фракции, проголосовали против заключения мира. 116 голосами против 85, при 26 воздержавшихся ВЦИК утвердил предложенную большевиками резолюцию о заключении мира.

26 февраля 1918 года Центральный Комитет выступил с обращением ко всем членам партии. В этом обращении излагались мотивы, побудившие ЦК согласить-

ся на условия мира, предложенные германским командованием. Центральный Комитет смело и открыто говорил партии, народу суровую правду. Центральный Комитет указывал на отсутствие единогласия в ЦК, подробно разъяснял, почему мир необходим, давал глубокий анализ сложившегося положения и определял задачи, стоявшие перед партией. Этот документ был написан В. И. Лениным и Я. М. Свердловым совместно.

Прошло несколько дней, и 3 марта 1918 года мир с Германией был заключен.

Между тем лидеры «левых коммунистов» не подчинились решению ЦК, не сложили оружия. Имея большинство в Московском областном бюро, они попытались превратить московскую партийную организацию в свою опору в борьбе против Центрального Комитета.

24 февраля, в день, когда было опубликовано решение ВЦИК о заключении мира с Германией, узкий состав Московского областного бюро РСДРП(б), куда входили Ломов, Манцев, Сапронов, Оболенский (Осинский), Яковлева, принял постановление о недоверии ЦК «ввиду его политической линии и состава».

Они дошли до того, что в объяснительном тексте к этому неслыханному документу писали: «Мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Странным и чудовищным назвал Ленин это заявление.

Надо было разъяснить московским большевикам, куда ведут их «левые коммунисты», развенчать этих оголтелых фракционеров и дезорганизаторов в глазах партийной организации, показать, что вопреки их архиреволюционным фразам они скатываются в болото контрреволюции. И Центральный Комитет направил в Москву Свердлова.

Яков Михайлович приехал в Москву вечером 3 марта и прямо с вокзала отправился в Моссовет, где как раз шел пленум Совета. На пленуме Яков Михайлович выступил с обстоятельной речью, подвергнув «левых коммунистов», как мне потом рассказывали, сокрушительной критике. Огромным большинством пленум Моссовета высказался за линию ЦК и ВЦИК, за мир.

4 марта собралось совместное заседание Московского областного бюро, окружкома и Московского городского комитета РСДРП(б). Яков Михайлович гневно обрушился на «левых коммунистов». Большинство пар-

тии, говорил он, идет за Лениным, за ЦК. Питерские рабочие высказались за мир. Они понимают, что вести в настоящее время революционную войну мы не можем. За мир большинство Советов. И в этот момент, когда так необходимо единство партии и сплоченность ее рядов, Московское областное бюро заявляет о своем недоверии ЦК!

Яков Михайлович потребовал от руководителей партийных организаций Москвы и области четкого и определенного ответа: одобряют ли они позицию узкого состава областного бюро, поднявшего восстание против Ленина, против ЦК, против партии? С каждым выступлением становилось яснее, что головка областного бюро не выражает мнения московской партийной организации, что чудовищная резолюция поддерживается только узким составом областного бюро, где большинство было за «левыми». Большинством голосов была принята резолюция в поддержку ЦК, одобрявшая заключение мира.

В ночь с 4 на 5 марта собралась Московская общегородская конференция РСДРП (большевиков), на которой присутствовали многочисленные представители московских фабрик и заводов. Московская партийная конференция отвергла путь раскола, на который тянули ее «левые коммунисты», и поддержала политическую линию Центрального Комитета, осудив фракционную антипартийную деятельность раскольников. С огромным вниманием делегаты конференции и многочисленные представители московского пролетариата слушали страстную речь Свердлова. «Левым коммунистам» не удалось повернуть московских большевиков против ЦК и использовать московскую организацию в своей борьбе против партии. Конференция сплотила московских большевиков вокруг ЦК и дала суровый отпор «левым коммунистам».

Предложение одного из главарей «левых коммунистов» Оболенского (Осинского) — не подписывать мирный договор и осудить позицию ЦК — собрало лишь 5 голосов из 116.

Сразу по окончании конференции Яков Михайлович вернулся в Петроград, где через день должен был открыться VII съезд партии.

Большая часть подготовительной работы к съезду была проведена Свердловым.

VII съезд партии открылся 6 марта 1918 года позд-

ним вечером в Таврическом дворце. По поручению Центрального Комитета съезд открыл Яков Михайлович Свердлов. В работе съезда участвовало 46 делегатов с решающим голосом и 58 с совещательным. На заседаниях съезда присутствовал партийный актив Петрограда, и мне довелось быть на всех заседаниях съезда, среди многочисленных гостей.

Это был первый съезд партии после победы Октября. Собрался он в исключительно сложных условиях, когда после триумфального шествия Советской власти наступил невероятно трудный период. Трудности усугублялись дезорганизаторской, раскольнической деятельностью «левых коммунистов» и троцкистов, все еще пытавшихся опрокинуть решения ЦК по вопросу о мире.

Съезду предстояло подвести итоги борьбы с «левыми коммунистами», укрепить единство партии; предстояло вынести окончательное суждение о Брестском мире. Съезд должен был организационно укрепить партию и наметить пути наведения социалистического порядка в народном хозяйстве.

Съезд длился всего три дня, с 6 по 8 марта, за это время были рассмотрены политический и организационный отчеты ЦК, заслушаны доклады о войне и мире, о пересмотре партийной программы и наименования партии и проведены выборы Центрального Комитета. Политический отчет ЦК был объединен с вопросом о войне и мире. С докладами по этим вопросам и по пересмотру программы выступил В. И. Ленин, организационный отчет ЦК сделал Я. М. Свердлов.

В центре работы съезда был доклад Ленина. Ленин дал исчерпывающий анализ положения, сложившегося в стране и в партии к моменту VII съезда. Он показал, в чем причины гигантских трудностей, вставших перед русской революцией, и указал пути их преодоления. Осветив весь ход борьбы внутри партии за мирную передышку, Ленин неопровержимо доказал, сколь необходимо было заключение мира, и наглядно показал, какими последствиями грозили авантюристические требования Бухарина, Троцкого и их сторонников.

На VII съезде партии Ленину и его ближайшим соратникам снова пришлось выдержать ожесточенный бой со сторонниками Троцкого и с «левыми коммунистами». «Левые коммунисты» мобилизовали все силы, чтобы на съезде подорвать единство партии. Они выставили Бу-

харина содокладчиком по основным вопросам повестки дня. Самые отъявленные «левые» — Радек, Рязанов, Оболенский (Осинский) и другие — под предводительством Троцкого и Бухарина выступали на съезде с многословными речами, полными яростных нападок на Ленина, на большинство Центрального Комитета, на партию. Не было такого вопроса, начиная с политического отчета ЦК и выборов Центрального Комитета до утверждения регламента и доклада мандатной комиссии, по которому они не пытались бы дезорганизовать работу съезда. Неоднократно в ходе заседаний приходилось Ленину брать слово и отбивать очередные атаки зарвавшихся «левых» оппозиционеров. Ближайшим помощником Ленина в его борьбе на VII съезде за единство партии был Яков Михайлович Свердлов, бессменно председательствовавший на всех заседаниях съезда.

Особенно бурно проходили заключительные заседания съезда, когда принимались решения. При обсуждении резолюции по политическому отчету ЦК значительным большинством голосов предложение «левых коммунистов» было отклонено, и съезд принял за основу резолюцию Ленина. Тогда «левые коммунисты» принялись выступать с бесконечными поправками, стремясь смазать и свести на нет значение ленинских предложений и формулировок. Но попытки их были тщетны. Большинством в 30 голосов против 12, при 4 воздержавшихся съезд принимает резолюцию Ленина, одобряющую линию ЦК и заключение мирного договора с Германией.

Потерпев полное поражение в основном вопросе, оппозиционеры выступают с новым предложением. Их озлобление против председателя, срывающего все их дезорганизаторские выходки, возрастает. Некоторые из них бросают оскорбительные реплики по адресу Свердлова. Когда ряд делегатов предлагает голосовать очередное предложение только «за» и Свердлов спрашивает согласия съезда, один из оппозиционеров кричит из зала:

— Что, не хватает гражданского мужества голосовать против?

— При чем тут гражданское мужество? — парирует Яков Михайлович. — Хорошо, что у вас есть гражданское мужество, чтобы вносить раскол... Буду вести заседание так, как необходимо.

Помимо организационного отчета ЦК, Якову Михайловичу было поручено вступительное слово при открытии съезда и заключительная речь перед закрытием. Он выступал также в прениях по докладу Ленина. Вместе с другими членами ЦК и представителями местных партийных организаций Свердлов подверг уничтожающей критике противников Ленина, страстно отстаивал ленинские позиции.

«Для многих из вас, — обращался Яков Михайлович к делегатам съезда и многочисленным партийцам, заполнившим зал, — конечно, совершенно новы те речи, которые вы только что слышали из уст тов. Рязанова, но мы к ним привыкли. Здесь неоднократно их слышали и привыкли не обращать на них никакого внимания».

Речь Якова Михайловича в прениях по докладу Ленина была преисполнена страстного гнева против авантюристов и раскольников.

«Если бы мы теперь бросили лучшие наши отряды в бой, — говорил Яков Михайлович, — это в данный момент было бы самоубийством не только политическим, но и чисто физическим. Если бы вы присмотрелись к тому, из каких элементов создавались наши питерские отряды, то убедились бы, что там были лучшие наши товарищи. Это были люди, без которых Октябрьская революция была бы безуспешной.

Мы должны заняться организационной, практической, созидательной работой, должны создать новые формы во всех областях жизни. Для этого нам нужны сотни, тысячи сознательных товарищей. И все эти сотни и тысячи мы будем бросать в пасть германскому империализму в тот момент, когда мы знаем, что эти жертвы оказываются ненужными, что есть возможность их избежать... Все эти соображения заставляют нас сделать последний шаг — подписать мир».

Настаивая на немедленном заключении мира, Яков Михайлович одновременно подчеркивал, что мирную передышку надлежит всемерно использовать для подготовки к грядущим боям.

Сколь бы страстной ни была полемика, до каких крайностей ни доходили «левые коммунисты», Яков Михайлович, как и Ильич, беспощадно критиковал оппозиционеров, но никогда в то же время не забывал, что среди них было немало преданных большевиков, пусть заблуждавшихся и сбившихся с правильного курса, но

членов единой Коммунистической партии. Ведь с «левыми коммунистами» одно время шли Дзержинский, Куйбышев, Урицкий, Ярославский и другие товарищи — верные сыны партии. Их надо было поправлять, надо было помочь им осознать ошибки, отсекая лишь тех, кто терял всякие грани во внутрипартийной борьбе, упорствовал в своем расхождении с партией, становился на явно антисоветские позиции и скатывался в лагерь контрреволюции. Единство партии Яков Михайлович хранил как зеницу ока.

«Интересы партии в целом, — говорил Свердлов, закрывая съезд, — выше интересов каждого члена партии. Я позволю себе выразить уверенность в том, что масса партийных организаций, масса членов партии ни в коем случае никогда не одобрят никакого шага, направленного к расколу... Я бы просил всех товарищей помнить, что никакие попытки раскола не должны иметь места нигде».

По предложению Ленина VII съезд изменил наименование нашей партии. С VII съезда партия стала называться Российской Коммунистической партией (большевиков). Съезд принял решение об изменении программы партии и образовал комиссию во главе с Лениным для составления новой программы.

VII съезд избрал Центральный Комитет партии в составе Ленина, Свердлова, Сталина, Стасовой, Дзержинского, Владимирского, Сергеева (Артема) и других.

VII съезд партии одобрил действия Советского правительства, заключившего мир с Германией. Теперь надлежало ратифицировать мирный договор. Эту задачу должен был решить съезд Советов. IV чрезвычайный Всероссийский съезд Советов собрался уже не в Петрограде, а в Москве, ставшей столицей нашей великой Родины.

Глава восьмая

МОСКВА

В НОВОЙ СТОЛИЦЕ

Сразу после окончания VII съезда партии Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. Поезд ВЦИК, в котором ехали и мы с Яковом Михайловичем, отправился из Петрограда 9 марта 1918 года и прибыл в Москву 10 марта. Владимир Ильич и Надежда Константиновна приехали 11 марта, с поездом Совнаркома. Поселились они вначале, как и ряд других товарищей, в том числе и мы с Яковом Михайловичем, в гостинице «Националь», преобразованной в 1-й Дом Советов.

На следующий же день после приезда Яков Михайлович, Аванесов, еще кто-то, сейчас уже не помню, отправились осматривать Кремль, так как еще до отъезда из Питера было решено разместить там Совнарком и ВЦИК. Пошла вместе с ними и я.

Яков Михайлович осматривал все очень придирчиво, прикидывал, что где разместить. Кто-то из сопровождавших нас москвичей сказал было, когда мы ходили по величественным залам Большого дворца, что вот, мол, подходящее помещение для Совнаркома.

— Что вы, батенька, — повернулся к нему Яков Михайлович. — Здесь — учреждение? Нет! Великолепный тут музей будет, для всего народа. Может, не сейчас, но со временем будет обязательно!..

Кремль тогда выглядел совсем иначе, чем теперь. На месте огромного здания, возвышающегося ныне возле Спасских ворот, которое примыкает к зданию бывших Судебных установлений и образует с ним единый архитектурный ансамбль, где помещается Советское

правительство, в беспорядке громоздились десятки небольших, двух-трехэтажных домишек и несколько древних монастырей — Чудов монастырь, еще какой-то. Жили там преимущественно монахи, которых переселили из Кремля только в конце 1918 года, еще какой-то люд: бывшие царские дворецкие, прислуга, и не разберешь.

Большой дворец, Арсенал, здание Судебных установлений выглядели снаружи примерно так же, как и теперь, но внутри них за годы Советской власти много перестроено и сделано вновь.

Улицы Кремля были покрыты булыжником, а площадь против Большого дворца — деревянным торцом. Асфальта не было и в помине.

Вправо от колокольни Ивана Великого, если встать лицом к Спасским воротам, где сейчас разбит сквер, простирался обширный пустынный плац. На нем проводились солдатские учения. Летом ветер гонял по плацу тучи пыли, а зимой он утопал в сугробах снега. В конце плаца у спуска в кремлевский сад буквой П возвышалась громоздкая галерея, в центре которой на высоком пьедестале торчал чугунный памятник одному из Романовых, кажется Александру II. Потолки галереи были покрыты мозаичными изображениями всех царей династии Романовых. Тайнинский сад был запущен, зарос.

Большого труда стоило Павлу Дмитриевичу Малькову, назначенному комендантом Кремля (в Питере он был комендантом Смольного), поддерживать хоть какую-то чистоту и порядок в Кремле. Не хватало средств, людей. Правда, кремлевские улицы регулярно подметались, в домах хорошо топили, но вот, например, под царь-колоколом я обнаружила как-то зимой труп неведомо как забравшейся туда собаки. Его долго не убирали. Стекла в здании против Арсенала были выбиты, стены изрешечены пулями — следами октябрьских боев. Перед Большим дворцом громоздились огромные поленницы запасенных впрок дров. Таков был Кремль в памятные дни 1918 года.

Закончив осмотр, Яков Михайлович пришел к выводу, что Совнарком и ВЦИК лучше всего разместить в здании Судебных установлений. Там же, в непосредственной близости от помещения Совнаркома, он присмотрел квартиру для Ильича, стремясь избавить его от

излишних хождений. Правда, когда мы осматривали помещение, комнаты, предназначавшиеся Ильичу, были захламлены и загажены до ужаса, требовался солидный ремонт, но зато их расположение было очень удобно.

Через день или два после приезда Ильича Яков Михайлович повез его и Надежду Константиновну в Кремль и поделился с ними своими соображениями. Владимир Ильич полностью одобрил предложения Якова Михайловича, и Совнарком и ВЦИК обосновались в здании Судебных установлений. В квартире Ильича начался ремонт.

Совнарком разместился в левом крыле здания, на третьем этаже, ВЦИК — в самом центре, на втором. Аппараты Совнаркома и ВЦИК были так малы, что не занимали и половины здания, большая часть которого первое время пустовала.

Владимир Ильич с Надеждой Константиновной прожили в «Национале» недолго и вскоре переехали в Кремль, не ожидая, когда будет окончен ремонт их квартиры. Поселились они поначалу в так называемом Кавалерском корпусе, на Дворцовой улице, в двух небольших комнатках.

Вслед за ними и мы с Яковом Михайловичем перебрались в Кремль. Переехали туда Сталин, Дзержинский, Цюрупа, Менжинский, Аванесов, Демьян Бедный, другие товарищи. Мы с Яковом Михайловичем заняли две комнаты в Белом коридоре, на третьем этаже здания, что против Детской половины Большого дворца. По соседству с нами, в том же Белом коридоре, расселились Демьян Бедный, Аванесов, другие товарищи. Получилось опять нечто вроде коммуны.

Яков Михайлович постоянно бывал у Владимира Ильича не только в кабинете, но и дома. Их отношения становились все ближе и ближе. Надежда Константиновна писала в своих воспоминаниях: «В «кавалерские покои» к нам часто заходил Яков Михайлович Свердлов. Наблюдая, как Владимир Ильич строчит свои работы, он стал убеждать его пользоваться стенографистом. Ильич долго не соглашался, наконец убедил его Яков Михайлович, прислал лучшего стенографиста».

Прошло недели две-три, ремонт в квартире Ильича закончился, и Ильич с Надеждой Константиновной перебрались в здание Судебных установлений. Вместе с ними поселилась и Мария Ильинична. А квартирка-то бы-

ла всего три комнаты. Потом добавили еще одну. Так и жил Ленин.

Не успело еще Советское правительство как следует обосноваться в Москве, как открылся Чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов. Съезд проходил с 14 по 16 марта 1918 года. На повестке дня стояли вопросы: о ратификации мирного договора, о перенесении столицы из Петрограда в Москву, выборы ВЦИК.

На съезд съехалось свыше 1200 делегатов. Большевики составляли около двух третей.

За день до открытия съезда, 13 марта, состоялось заседание большевистской фракции IV съезда, на котором Ленин выступил с докладом о Брестском мире. Подавляющим большинством была одобрена предложенная Лениным резолюция о ратификации Брестского договора.

«Левые коммунисты», не прекратившие после VII съезда партии своей антипартийной деятельности, вновь попытались выступить против Ленина, однако, потерпев полное поражение на VII съезде, они теряли своих последних сторонников, и те из них, кто не сложил оружия, все более явно превращались во враждебную партии кучку раскольников.

Открыл IV съезд Яков Михайлович. С докладом по основному вопросу — о ратификации Брестского договора — выступил Ленин. Съезд решительно отверг попытки меньшевиков, эсеров и «левых коммунистов» сорвать ратификацию договора и огромным большинством голосов утвердил предложенную Лениным резолюцию.

Чрезвычайный IV съезд Советов ратифицировал мирный договор с Германией вопреки всем и всяческим проискам врагов большевизма, а также утвердил предложенное Лениным постановление о переносе столицы нашей Родины из Петрограда в Москву. Съезд избрал новый состав ВЦИК в количестве 200 человек, из которых 140 было большевиков, 48 — левых эсеров, остальные — меньшевики, правые эсеры и анархисты. В Президиум ВЦИК от большевиков были избраны Я. М. Свердлов, В. А. Аванесов, М. Н. Покровский, М. Ф. Владимирский и другие.

Левые эсеры, потерпев поражение на съезде, не сочли нужным считаться с его постановлениями. В ответ на ратификацию Брестского мирного договора они заявили, что их представители уходят из Совнаркома и со

всех правительственных постов. Кое-кто из «левых коммунистов» оказался в этот момент ничем не лучше левых эсеров. Некоторые «левые коммунисты» вышли также из Совнаркома, стремясь вызвать правительственный кризис и сорвать заключение мира с Германией. Во ВЦИК, однако, и те и другие остались, намереваясь использовать Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет для борьбы против политики большевистской партии.

18 марта 1918 года, через день после окончания IV съезда Советов, Совет Народных Комиссаров рассмотрел вопрос «об общеминистерском кризисе в связи с уходом из правительства всех левых эсеров и некоторых тт. большевиков: Коллонтай, В. М. Смирнова, Оболенского (Осинского), Дыбенко». С сообщением по этому вопросу выступил Яков Михайлович.

Совет Народных Комиссаров поручил Якову Михайловичу «вступить в переговоры с Московским Областным Комитетом (большевиков. — *К. С.*) о возможности назначения на правительственные посты тт. москвичей». Одновременно Якову Михайловичу было поручено переговорить персонально с С. П. Середой и еще кое с кем из товарищей, намечавшихся на посты наркомов (наркома земледелия, наркома имуществ, председателя ВСНХ, наркома юстиции) взамен ушедших в отставку. На этом же заседании Совнаркома было заслушано сообщение Якова Михайловича о Высшем Военном Совете и принято его предложение вывести из состава Совета левого эсера Прошьяна, поскольку тот не может далее оставаться членом Высшего Военного Совета, раз левые эсеры ушли из Совнаркома. Членом Высшего Военного Совета был утвержден Н. И. Подвойский.

Прошло несколько дней, и все посты были замещены подлинными большевиками, верными последователями Ленина. Совнарком только выиграл от этой замены, стал крепче, монолитнее. Ставка левых эсеров и «левых коммунистов» на правительственный кризис была бита.

За всеми этими делами Якову Михайловичу первое время после переезда из Петрограда в Москву некогда было как следует заняться Секретариатом ЦК. Между тем Центральный Комитет фактически оказался без аппарата. Елена Дмитриевна Стасова и другие товарищи, работавшие ранее в Секретариате, остались в Пет-

рограде. Еще 11 марта 1918 года они разослали на места такое письмо:

«Центральный Комитет РКП(б) уведомляет, что он переместился в Москву. Точного адреса мы вам не можем сообщить, а потому просим непосредственно обращаться по адресу Центрального Исполнительного Комитета Советов, также переехавшего в Москву».

В Москве нужно было вновь создавать аппарат, налаживать работу Секретариата ЦК на новом месте. Центральный Комитет возложил это дело на меня. В конце марта 1918 года я была утверждена помощником секретаря ЦК РКП(б).

Помещался Секретариат ЦК сначала в «Национале», в двух комнатах, затем в «Метрополе», ставшем 2-м Домом Советов. В конце лета 1918 года Секретариату отвели целую квартиру в 4-м Доме Советов, на Моховой, как раз напротив Кремля (здание, где сейчас находится приемная Председателя Президиума Верховного Совета СССР). В квартире было комнат пять-шесть, а некоторое время спустя нам предоставили и вторую квартиру, смежную с первой, так что Секретариат ЦК стал занимать уже комнат десять-двенадцать.

Как и прежде, Яков Михайлович непосредственно руководил всей практической деятельностью Секретариата ЦК, вникал во все дела и вопросы.

По важнейшим вопросам я иногда обращалась непосредственно к Владимиру Ильичу: звонила ему по телефону и тут же получала необходимые указания. Но это было редко. Как правило, все вопросы Секретариата, которые нужно было решить с Ильичем, согласовывал с ним Яков Михайлович.

Яков Михайлович бывал в Секретариате раз-два в неделю, иногда даже реже, обычно по вечерам. Чаще я ходила к нему во ВЦИК, где он вел основной прием и по делам советским и по партийным.

Домой Яков Михайлович возвращался так поздно, зачастую такой измотанный, что дома с делами я к нему никогда не обращалась.

После переезда в Москву Яков Михайлович, как и все остальные товарищи, работал невероятно много, не щадя себя, нисколько не думая о здоровье.

Нередко бывало, что часть бумаг Яков Михайлович забирал домой и дома вновь садился за дела, над ко-

торыми просиживал до трех-четырех часов утра, пока все не было рассмотрено. Ночное время он по-прежнему использовал и для работы над книгами. Если дел было очень много, то книгам Свердлов уделял полчаса-час, если же документов было поменьше, то на книги отводилось не менее двух-трех часов. Так и получалось, что он опять спал не более пяти часов в сутки.

Чем больше приходилось Якову Михайловичу работать, чем шире становился круг его обязанностей и возрастала ответственность, тем с большим душевным подъемом он работал. Напряженная деятельность, разрешение сложных задач доставляли Якову Михайловичу высшее удовлетворение, хотя порою он и валился с ног от усталости. Но как бы ни был Яков Михайлович перегружен, он всегда был все тем же отзывчивым и внимательным товарищем и другом, с ним легко и радостно было работать, к нему каждый мог обратиться по любому вопросу, с любой просьбой.

Питерская работница Е. С. Федорова, член партии с 1916 года, работавшая в годы гражданской войны в подполье в Сибири, вспоминает: «Удивительно просто и легко было беседовать с Яковом Михайловичем. Как-то забывалось, что перед тобой секретарь Центрального Комитета партии и председатель ВЦИК. С какой теплотой он расспрашивал о своих товарищах, старых сибирских большевиках. Всех он помнил по имени и знал о них, к стыду моему, больше, чем я. С какой заботой этот большой человек спрашивал меня, хорошо ли я устроилась, как живут мои родные, не нужна ли в чем его помощь».

Глафира Ивановна Окулова (Теодорович), работавшая бок о бок с Яковом Михайловичем в Президиуме ВЦИК, писала:

«При разрешении самых сложных задач, при чрезвычайной часто экстренности их выполнения Якова Михайловича никогда не покидала его выдержка, никогда вокруг него не было никакой суеты, никакой нервозности. В самых тревожных условиях он был спокоен и тверд, всегда гипнотизирующе решителен был его голос. Никогда я не слышала никаких окриков. Иногда беседа с тем или иным товарищем имела очень строгую сущность, но всегда она велась в совершенно товарищеских тонах. Несмотря на его суровую строгость, его любили все товарищи, работавшие под его руковод-

ством. Эта любовь к нему как к руководителю была величайшей двигательной силой в общем деле».

Любое дело горело в руках Свердлова. Теперь, когда на его плечи лег такой груз, ему особенно пригодилось умение организовать свое и чужое время, привычка работать чуть не круглые сутки, постоянно ограничивая себя в сне. Рабочий день Свердлова был организован до предела. Усвоенное еще в подполье правило — не оставлять на завтра ни одного вопроса нерешенным — он соблюдал неукоснительно. Ни одного документа, ни одной бумаги он не оставлял нерассмотренными, не откладывал на следующий день. Яков Михайлович никогда не разбрасывался, никогда не оставлял дела, пока оно не было доведено до конца. Решив какой-либо вопрос, он сразу, без малейшей передышки, «раскачки», брался за другой.

«Мне, как секретарю Совнаркома, — вспоминает Л. А. Фотиева, — не раз приходилось в дни болезни Владимира Ильича после ранения докладывать Свердлову полученные на имя В. И. Ленина и Совнаркома документы и материалы. Меня поразила исключительная быстрота ориентировки, которой обладал Яков Михайлович. Очень быстро разбирался он в любом, зачастую очень сложном и запутанном вопросе, в любом документе. Он сразу схватывал суть вопроса, казалось, на лету с полуслова понимал собеседника и тут же быстро и смело принимал решение. Ни один вопрос не оставался у него нерешенным, ни один документ без нужды не задерживался. Эта быстрота ориентировки была у Свердлова столь необыкновенна, настолько выделяла его среди других работников, что оставила в моей памяти неизгладимое впечатление...»

Очень считался Яков Михайлович с мнением товарищей, постоянно советовался с другими членами ЦК, с наркомами, ответственными партийными и советскими работниками, с рядовыми партийцами, беспартийными рабочими и крестьянами, особенно когда речь шла о серьезных вопросах. Он не навязывал товарищу свою точку зрения и стремился прежде всего убедить его в своей правоте. Характерна переписка Якова Михайловича с руководителями Нижегородского губкома партии и губисполкома по поводу одного ответственного работника, освобожденного в Нижнем с занимаемого им поста. Яков Михайлович написал нижегородцам, что счи-

тает их решение ошибочным, и, когда они ответили, что, если Яков Михайлович настаивает, они отменят свое решение, он телеграфировал: «Настаивать отмене решения губкома считаю лишним, могу лишь советовать».

Давая те или иные указания или распоряжения, Яков Михайлович всегда тщательно проверял, как они выполняются. Указания его всегда были предельно четкими, ясными, исчерпывающими. Он был беспощадно требователен, когда это вызывалось интересами дела, но с каждого требовал по силам, никогда не придирался, не дергал людей, а если кому и указывал на промахи, то, несмотря на всю суровость указаний, делал их всегда в товарищеском тоне, не оскорбляя работника и не унижая его человеческого достоинства.

Наиболее серьезные вопросы, встававшие перед ним, Яков Михайлович обсуждал с Ильичем. Либо он связывался с ним по телефону, либо, если телефонного разговора было недостаточно, шел к Ильичу или разговаривал с Ильичем при очередной встрече, бывал же он у Владимира Ильича ежедневно, а нередко и по нескольку раз в день.

Вопросы же, выдвигавшиеся жизнью перед председателем ВЦИК и секретарем ЦК, решение которых определяло политическую линию, Яков Михайлович вносил на обсуждение Центрального Комитета, считая, что только коллектив может найти наиболее мудрое и правильное решение.

Такт Якова Михайловича, неизменное уважение к мнению товарищей, сочетавшиеся с непоколебимой твердостью и непреклонностью, когда надо было проводить решения ЦК, решения партии, способствовали созданию деловой, товарищеской атмосферы в любой области работы. «Если нам удалось в течение более чем года вынести непомерные тяжести, — говорил Ленин, — которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо, так быстро, так единодушно решать труднейшие вопросы, то это только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный, талантливый организатор, как Яков Михайлович».

Яков Михайлович решительно пресекал грубость, зазнайство, бестактность отдельных ответственных работников, какие бы высокие посты они ни занимали. Особенно отличался барским пренебрежением к окру-

жающим Троцкий, но и ему это не сходило с рук. Как-то в конце декабря 1918 года Яков Михайлович писал Троцкому, допустившему бестактную выходку в отношении главкома Красной Армии Вацетиса:

«Мне сообщили, что Ваше распоряжение произвело на Вацетиса удручающее впечатление. Особенно тем, что телеграмма не была зашифрована и принята через всех его подчиненных... Вы должны устранить конфликт, чтобы не осталось и следа от него. В случае же невозможности ликвидировать конфликт, никаких решений не принимайте, а выезжайте все в Москву. К сказанному мною присоединяется и Владимир Ильич».

Предельно требователен был Яков Михайлович к самому себе. П. Д. Мальков вспоминает такой эпизод:

«Однажды Яков Михайлович, отправляясь на фронт, поручил мне подобрать из реквизированных у буржуазии товаров шубы и теплые куртки для подарков красноармейцам. Пошел я в Моссовет. Хотя там и знали, что я комендант Кремля, но показать мне, что у них имеется, отказались. «Давайте, — говорят, — письменное предписание». Тогда я и говорю, что пришел по указанию Якова Михайловича, это его распоряжение... Меня тут же повезли в магазин на Кузнецком мосту, конфискованный у какого-то буржуа, где находилось много теплой одежды. Там я подобрал все, что было нужно. Когда мы привезли в Кремль шубы и куртки и Яков Михайлович пришел посмотреть, что подобрано для подарков, я попросил его хоть что-нибудь взять себе. Он ходил либо в кожанке, либо в легком пальтишке, шубы у него не было, надвигалась зима.

— Вам же ходить не в чем, — сказал я Якову Михайловичу. Он страшно рассердился.

— Мы отбираем у буржуазии, чтобы одеть наших красноармейцев, наш народ, а не ответственных работников! — решительно заявил Яков Михайлович и категорически отказался взять себе хотя бы самую дешевенькую курточку».

В первые годы существования Советской власти, когда приходилось преодолевать отчаянное сопротивление врагов революции — белогвардейцев, меньшевиков, эсеров, — когда шла острая борьба внутри партии, от каждого большевика требовалась особая бдительность. Яков Михайлович был беспощаден в борьбе с врагами революции. Но, будучи суров к врагам, он с возмущением

говорил о тех, кто порой подменял бдительность подозрительностью, особенно когда речь шла о людях из нашей среды, о членах единой великой семьи, какой является наша партия.

СЕМЬЯ. ДРУЗЬЯ И ТОВАРИЩИ

Недели через две после переезда из Петрограда в Москву, в двадцатых числах марта 1918 года, Яков Михайлович поехал в Нижний Новгород. Он выступил там на собрании партийного актива с докладом о VII съезде партии, выступал по вопросам партийного и советского строительства на объединенном заседании Нижегородского губкома партии, президиумов губисполкома и горисполкома.

Возвращаясь в Москву, Яков Михайлович забрал с собой ребятишек, которые все еще жили в Нижнем, у деда. Наконец-то наша семья была в сборе!

Двенадцать лет мы прожили с Яковом Михайловичем до революции, и все эти годы, за вычетом двух лет туруханской ссылки, были годами беспрестанных скитаний, постоянного преследования, коротких встреч и долгих разлук. Редкие дни и недели, проведенные вместе на свободе, на нелегальном положении, сменялись месяцами и годами тюремного заключения, суровой ссылки, вдали друг от друга. Арест, тюрьма, этап, ссылки. Опять тюрьма, опять ссылка — такова была наша жизнь. Впервые по своим документам, не опасаясь ареста, мы зажили только после Октября. Но в первые месяцы Советской власти жили как на биваке. Сегодня Питер: Фурштадтская, Таврический; завтра Москва: «Националь», Белый коридор. Мы с Яковом Михайловичем то в Питере, то в Москве, ребята у деда, в Нижнем. И вот, наконец, мы все вместе. Страшнейшая нагрузка не давала Якову Михайловичу возможности больше, чем на несколько часов в сутки, появляться дома. Редко он выкраивал какое-то воскресенье, чтобы немного отдохнуть. Но он был здесь, рядом, всего через один-два квартала. Ему не надо было остерегаться охранки, не грозил каждую минуту арест, не надо было прятаться, скрываться.

Яков Михайлович пользовался каждой возможностью, чтобы повозиться с ребятишками, побыть с ними

вместе. Мы оба уходили из дому около девяти часов утра и возвращались поздней ночью, когда детишки давно уже спали, и все же Яков Михайлович находил время пристально следить за их ростом, за формированием сознания, характера.

Прежде всего ребятам принадлежало утро. Если Яков Михайлович был не слишком измучен, он вставал немного раньше обычного и немедленно брал к себе сына и дочурку. В спальне у нас лежал большой пушистый ковер, и что только они на нем не вытворяли! То Яков Михайлович превращался в коня, становился на четвереньки и бегал по комнате, а ребята сидели на нем верхом, то начиналась «французская борьба» с сыном, по всей квартире неслись воинственные крики и громкий хохот.

Дома Яков Михайлович обедал не всегда, чаще в столовой, но хоть на полчаса домой днем обычно заглядывал. Часа в три-четыре у меня, в Секретариате ЦК, звонил телефон, и Яков Михайлович сообщал, что он выходит. Встречались мы возле Троицких ворот и шли домой вместе. Ребята уже ждали. Яков Михайлович расспрашивал их, что они делали, как провели день.

С каким-то изумительным умением и тактом обращался Яков Михайлович с сыном и дочерью. Он никогда не повышал голоса, разговаривая с ребятами, держал себя с ними на равной ноге, по-товарищески, но авторитет его у ребят был непререкаем. Любую его просьбу они выполняли мгновенно и охотно, к каждому замечанию прислушивались. Разговаривал он с ними всегда вполне серьезно, никогда не сюсюкал и не подделывался под ребячий разговор, но умел находить такие слова и такой тон, что понимали они друг друга великолепно, хотя сыну шел только восьмой год, а дочери — шестой.

У меня сохранился в памяти забавный эпизод из туруханских времен, когда Андрею было пять, а Верушке три года.

Андрей иногда дразнил сестру, пугал ее и порою доводил до слез. Несколько раз и я и Яков Михайлович пытались внушить сыну, что так поступать нельзя, но нашего внушения хватало на несколько дней, а потом все опять шло по-прежнему.

Однажды, когда Андрей начал с серьезным видом уверять Веру, что под нашими окнами ходит страшный

старик с мешком и собирается ее забрать и Вера готова была разреветься, Яков Михайлович, слышавший через стенку разговор, быстро вошел в комнату, опустился на четвереньки, взъерошил волосы, распушил бороду и двинулся на Андрея с таким грозным рычанием, что мальчишка заревел в голос. Яков Михайлович поднялся, поправил волосы и своим обычным голосом сказал:

— Что, брат, страшно? Не нравится? И Верушке не нравится, когда ты ее пугаешь. Так и условимся: будешь пугать Веру — я буду пугать тебя.

Свердлов решительно пресекал у детей всякие проявления иждивенчества, развивал у них самостоятельность, уважение к труду. Яков Михайлович требовал, чтобы ребята сами убирали свои кровати, чтобы соблюдали опрятность и чистоту в комнате, держали в порядке свои вещи, игрушки. С непередаваемой иронией он высмеивал сына, если тот просил кого-нибудь пришить оторвавшуюся пуговицу. И так во всем. В то же время он никогда не ставил перед ребятами непосильных задач, чтобы не отбить у них охоты делать что-то самостоятельно.

Простыми и доходчивыми словами рассказывал Свердлов нашим детям, кто такие буржуи и почему был плох царь, зачем рабочие совершили революцию, что за люди большевики, и ребята его понимали.

Помню, как однажды горько разрыдался семилетний Андрей, когда один из товарищей в шутку назвал его анархистом, как, захлебываясь слезами, он твердил: «Неправда! Неправда! Я большевик, как папа!»

Запомнился мне и такой разговор, который вел отец с сыном в тяжелый январский день 1919 года, когда было получено известие о зверском убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Имя Либкнехта часто произносилось у нас в доме и хорошо было известно ребятам. Мы с Яковом Михайловичем собирались на траурный митинг, когда Андрей вдруг подошел к отцу, как-то необычно робко прижался щекой к его руке и, глядя снизу вверх, спросил:

— Папа, Либкнехт был революционер, большевик?

— Да, — ответил Яков Михайлович, — настоящий революционер.

— А его убили буржуи?

— Ну конечно, буржуи.

— Но ведь и ты, папа, тоже революционер. Значит, тебя буржуи тоже могут убить?

Яков Михайлович пристально посмотрел на мальчика, ласково потрепал его по голове и очень серьезно, очень спокойно сказал:

— Конечно, сынка, могут убить, но тебе не надо этого бояться. Когда я умру, я оставлю тебе наследство, лучше которого нет ничего на свете. Я оставлю тебе ничем не запятнанную честь и имя революционера.

Лишь после революции, после переезда в Москву получил Яков Михайлович возможность видеться с отцом, с братьями и сестрами. Отец нет-нет да и приезжал к нам из Нижнего. Брат Якова Михайловича, Вениамин, работавший членом коллегии НКПС, и сестры жили в Москве. Когда все собирались вместе, семья получалась большая, веселая, дружная.

Нередко у нас гостил младший брат Якова Михайловича — тринадцатилетний Герман, смышленый и остроумный мальчик.

Герман родился уже после ухода Якова Михайловича из семьи, когда отец Свердлова женился вторично, и до 1917 года Яков Михайлович его почти не знал. Теперь же, когда условия позволяли, Герман часто приезжал к нам. Отличительным его свойством был врожденный неистощимый юмор. Самый заурядный эпизод он рассказывал так, что все покатывались со смеху. А какой гомерический хохот стоял, когда Герман читал вслух и по-своему комментировал обычные, всем с детства известные русские сказки! Если во время чтения Германа Яков Михайлович бывал дома, то трудно было определить, кто искреннее и заразительнее хохотал: кто-либо из ребят или Яков Михайлович. Только сам рассказчик, Герман, сохранял невозмутимый вид.

Вскоре после приезда ребят из Нижнего мы перебрались в просторную четырехкомнатную квартиру в так называемой Детской половине Большого дворца. Две комнаты, смежные с нашей квартирой, Яков Михайлович попросил оборудовать специально для приезжих. Многие из товарищей, знавших ранее Якова Михайловича, приезжая в Москву по делам, шли прямо к нему и находили у нас пристанище.

Кто у нас только не бывал, кто не останавливался на день-другой, а то и неделю! Нередким гостем был Филипп Голощекин, работавший в 1918 году секретарем

Уральского обласТкома партии. Бывал Маркел Сергушев, секретарь Нижегородского губкома в те годы, Борис Краевский, командовавший армией на каком-то из фронтов, Маркуша Минкин, председатель Пензенского губисполкома, Ваня Чугурин, Артем (Сергеев), Н. Толмачев... Останавливались комиссары и политические работники, приезжавшие с фронтов гражданской войны; большевики-подпольщики с оккупированных немцами территорий и из районов, где свирепствовали орды белогвардейцев; партийные и советские работники из центральных областей страны, с Урала, Поволжья. Немало было среди них старых боевых товарищей Якова Михайловича, сормовчан и уральцев, нарымчан, колпашевцев, туруханцев и питерцев. Но бывали и такие, с которыми ранее Свердлов не был знаком.

Яков Михайлович живо интересовался каждым отдельным человеком, стремился проникнуть в самую его душу, узнать мысли и настроения, как можно полней определить его свойства, сильные и слабые стороны. Сплошь и рядом Якова Михайловича не удовлетворял разговор с тем или иным товарищем в официальной обстановке служебного кабинета, зачастую стеснявшей собеседника. Он заставлял товарища подождать, а затем, когда освобождался, приглашал его домой, беседовал по душам и, конечно, оставлял ночевать. Комнаты для приезжих никогда не пустовали.

Москва в те годы голодала, Яков Михайлович не допускал для своей семьи никаких поблажек, и питались мы скверно. Тем дороже было внимание товарищей, приезжавших из хлебных районов Сибири, из Средней Азии, с юга и привозивших изредка продукты или присылавших с оказией продовольственные посылки.

Несколько раз мы получали муку, крупу, масло. Но что бы мы ни получали, все немедленно выставлялось на стол, раздавалось товарищам.

Яков Михайлович нередко уходил утром из дому со свертком, чтобы передать присланные издалека масло, крупу, фрукты тому или иному товарищу.

«К Якову Михайловичу, — вспоминает Феодосия Ильинична Драбкина, — приезжало много товарищей из провинции. Бывало, привозили ему продукты. И все это было общим достоянием. Он был председателем ВЦИК, а идет, бывало, со свертком, несет яблоки, если

кто заболел из товарищей. Он знал, кому что врач прописал, и приносил, когда у него было».

Якову Михайловичу было совершенно чуждо мелкое, мещанское чувство собственности, жадность, эгоизм. Он всегда готов был всем, что мы имели, поделиться с товарищами. В то же время Яков Михайлович не терпел и мелкобуржуазного нигилизма, распущенности, небрежности. Еще в ссылке он охотно отдавал любую вещь тому из товарищей, кто действительно нуждался, но сурово порицал тех, кто ложно понимал коммунистическое отношение к предметам личного обихода, без спросу брал чужие вещи, обращался с ними неряшливо, небрежно.

Яков Михайлович был неизменно подтянут и опрятен, того же требовал и от окружающих. Он беспощадно высмеивал каждого, кто считал чуть ли не достоинством революционера невнимание к своему внешнему виду, к одежде.

Особенно горячие стычки случались у Якова Михайловича с Бухариным. Еще в Питере, а потом и в Москве Бухарин бывал у нас. Он как раз принадлежал к числу людей, отличавшихся редкой небрежностью, распущенностью и неопрятностью. Пуговицы у него на куртке всегда были оторваны вовсе или болтались на одной ниточке, воротник рубахи засален, галстук помят и сдвинут набок.

— Ну как тебе не стыдно, — говорил Яков Михайлович Бухарину, — ходишь свинья свиньей. Уж не думаешь ли ты, что ты и твои «левые» друзья станете ближе рабочему классу, если будете выглядеть оборванцами? Ты же не рабочий по виду, а типичный люмпен! Только великая нужда и вековечная нищета заставляют русского рабочего плохо одеваться, и все же он старается быть аккуратным. А вот погоди, прогоним белогвардейцев, покончим с разрухой, двинемся вперед, и наш рабочий оденется получше любого немца или англичанина!

Яков Михайлович не терпел пышности и помпезности, но считал, что внешний вид советского учреждения, каждого советского и партийного работника должен отвечать тем высоким задачам, какие на них возложены.

Осенью 1918 года Свердлов выезжал в Саратов, где выступал на митинге в железнодорожных мастерских и

на чрезвычайном заседании Саратовского Совета. В. П. Антонов-Саратовский, бывший тогда председателем Саратовского губисполкома, рассказывает:

«Свердлов обратил внимание, что на здании исполкома Саратовского Совета большой транспарант — «Саратовский Совет», что стол в президиуме был покрыт зеленой скатертью с кистями и у стола стояли хорошие кресла: он сказал, что так и нужно, нужно, чтобы люди, переступая порог Совета, чувствовали, что исполком — солидное учреждение, где обитает власть.

Когда зашли в президиум, Яков Михайлович сказал, что ничего сегодня еще не ел, принесли ему тарелку жирных щей с мясом и поставили прямо на сукно стола. «Что вы, — говорит он, — нельзя же прямо на сукно, испортите, подложите хотя бы газету!»

●

Любопытно складывался первое время наш быт в Кремле.

Когда мы переехали в Кремль, часть старых дворцовых служащих — дворецкие, швейцары, те, кто отвечал за порядок в покоях и за дворцовое имущество, — оставалась на своих местах. Детская половина Большого дворца находилась в ведении двух царских швейцаров — Алексея Логиновича и Ивана Никифоровича, которым вместе было не менее ста пятидесяти лет.

Алексей Логинович был невысок, сухощав, крайне подвижен и постоянно весел. Его седые волосы топорщились ежиком, а неизменная улыбка пряталась в небольших, густых, аккуратно подстриженных изжелта-белых усах. Он так и сыпал прибаутками, никогда не лез за словом в карман. Был он за главного.

Иван Никифорович с виду был прямой противоположностью Алексею Логиновичу. Он был очень высок, совершенно лыс и вместо усов носил пышные бакенбарды. От него трудно было услышать хотя бы слово, он всегда молчал и почти никогда не улыбался.

Вся мебель, посуда, белье находились в полном распоряжении этих двух стариков. У них были ключи от шкафов, мы же не знали, что там есть и где находится.

Своих вещей ни у кого из нас, представителей новой власти, не было, если не считать одежды да книг. Ни Ленин, ни Свердлов, ни Дзержинский, никто другой

не имели ни посуды, ни достаточного количества постельного белья. В «Националe» все мы пользовались имуществом гостиницы, а когда переехали в Кремль, то наши квартиры были оборудованы всем необходимым из кремлевских вещевых складов и из того же «Националя» и «Метрополя». Естественно, что, переехав из Белого коридора в Большой дворец, мы ничего с собой не взяли.

Встретили нас старики не очень приветливо. Шутки и прибаутки Алексея Логиновича порою носили довольно язвительный характер, а Иван Никифорович молчал особо угрюмо и значительно. Внимательно и настороженно присматривались старые швейцары, прожившие в царских покоях не менее полувека каждый, к представителям новой власти. Конечно, открыто и явно своего недовольства они не выражали — власть есть власть! — но ежедневно в десятках мелочей сказывалось то недоверие и пренебрежение, с которым они к нам относились.

А как они следили за каждым шагом Малькова, часто бывавшего в нашей квартире! Коменданта Кремля они побаивались, но его же почему-то и считали наиболее подозрительным человеком, способным утащить ложку или тарелку. Стоило появиться Малькову, как они принимались пристально следить за ним. Старики прятались за дверью, по углам, исподтишка наблюдая за Мальковым, думая, что никто их хитрости не разгадывает, тогда как то седой ежик Алексея Логиновича, то лысина Ивана Никифоровича, высовывавшиеся в самый неподходящий момент, с головой выдавали незадачливых сыщиков.

С тех пор прошло около сорока лет. Мало кто теперь помнит, как жили в первые годы Советской власти руководители нашей страны. Давным-давно умерли оба старика швейцара Детской половины, а я до сих пор помню, как менялись они у нас на глазах, как менялось их отношение к нам, к товарищам, которые у нас бывали. Самым наглядным показателем была посуда, обычная столовая и чайная посуда. И еще скатерти.

С первого дня мы пользовались всей мебелью, какая была в квартире, о посуде же и других вещах, хранившихся в тайниках стариков, мы просто не знали. С посуды все началось. Первое время Алексей Логинович

выставил в буфет несколько тарелок, чашек, самое необходимое, и этим ограничился. Бывало, собирался народ, садились чаевничать, а посуды не хватало. Я несколько раз спрашивала Алексея Логиновича, нет ли еще чего-нибудь, но он в ответ разводил руками:

— Клавдия Тимофеевна, все тут, как есть все, ни одной чашечки, ни ложечки больше нету!

На этом разговор и кончался. Приходилось товарищам пить чай по очереди да посмеиваться над скудостью сервировки стола советского «президента». Ну да наши «министры» и «губернаторы», собиравшиеся у Якова Михайловича, были народом простым, неизбалованным, и отсутствие стаканов и чашек мало кого огорчало. Как-то ночью Яков Михайлович вернулся домой с группой товарищей, и мы затеяли чаепитие. Алексея Логиновича не было, и я сама пошла искать посуду. Выдвинув один из ящиков буфета, я обнаружила черепки от разбитых в разное время тарелок и чашек. Находка меня удивила. Наутро я спросила Алексея Логиновича, к чему он хранит этот лом.

— Клавдия Тимофеевна, голубушка, — ответил он, — сегодня вы здесь, завтра вас нету. Вам что? А весь спрос с меня. Вернется батюшка-царь, спросит: «Куда, Алешка, черт старый, дворцовую посуду подевал?» Ну, я ему и выложу черепочки-то. «Так и так, — скажу, — ваше императорское величество, виноват, что не уберег, побили большевики — это, извините, вы то есть, — только пропасть ничего не пропало, хоть и побитое, а сохранил». Для отчета, значит.

Как ни пыталась я убедить Алексея Логиновича, что царь не вернется, он вздыхал в ответ, согласно кивал головой, но оставался при своем мнении...

Шли дни, недели. И вот однажды, возвращаясь домой, я увидела Алексея Логиновича и Ивана Никифоровича, тащивших в помойку черепки разбитой посуды. Им я ничего не сказала, но в тот же вечер сообщила эту новость Якову Михайловичу.

— Здорово, — сказал Яков Михайлович, — страшно здорово! Обязательно расскажу Ильичу. Ведь это значит, что даже такая старозаветная публика, как дворцовые швейцары, поверила в Советскую власть, поняла, что царь не вернется!

Я никогда не проверяла Алексея Логиновича, никогда не считала посуды в буфете, знала, что всего в

обрез, и немало удивилась, обнаружив как-то, что, сколько бы народу у нас ни собралось, всем хватает стаканов, чашек, тарелок. На столе стали появляться какие-то вазочки, обычная селедка однажды была подана не на тарелке, как всегда, на красивом блюде: ассортимент посуды расширялся на глазах. Вскоре же произошло и совсем знаменательное событие.

Однажды у нас должен был собраться народ, и, уходя на работу, я предупредила Алексея Логиновича, что придет человек десять-двенадцать. Ничего, кроме воблы да пшенной каши, к обеду не было, но посуду-то поставить надо было заранее.

Прихожу домой и вижу, что стол покрыт роскошной крахмальной скатерью с царской короной и вензелями. Никогда до этого скатертей у нас не было, на столе лежала простая клеенка. Я как-то спросила Алексея Логиновича, нет ли скатерти, но он так безнадежно развел руками, что я к этому вопросу больше не возвращалась. И вот скатерть, да какая! Я отправилась к Алексею Логиновичу, но не успела и рта раскрыть, как он вовсю раскричался. Усы у него встопорщились, лицо покраснело, голос стал тонким, пронзительным.

— Да как же, матушка, помилуйте, — неистовствовал старик, — да вы знаете, для кого я стол накрывал? Да вы можете понимать, что за человек Яков Михайлович, а вы говорите — скатерть! Грех вам, все клеенки да клеенки, разве это соответствует? Ведь Феликс Эдмундович придет, Варлам Александрович, может, сам Ильич будет, надо, чтобы все как следует. Хорошо, я, старик, порядок понимаю, забочусь, вот и клееночку долой. Стол полагается скатертью застилать, а не клеенками!

Я же оказалась виновата, что до сих пор мы обходились без скатерти!

Отношение стариков менялось с каждым днем. Ходили они оба обычно в серых, мышиного цвета форменных сюртучках и таких же брюках. Но однажды тот и другой из каких-то своих сундуков вытащили и надели расшитые золотыми позументами, пахнувшие нафталином парадные ливреи. Было и смешно и трогательно. Несколько дней Яков Михайлович воевал с ними, прося их вернуться к прежнему виду, они упорно твердили одно: «Не приличествует!» С большим трудом удалось Якову Михайловичу уговорить стариков снять ливреи.

Жизнь наша в Москве, как и в Питере, шла в каком-то необычайно стремительном, бодром темпе. Победа революции, зримые успехи в переустройстве общества, в строительстве новой жизни наполняли сердца наши огромной радостью. Ведь свершилось то, чему были отданы все наши помыслы, ради чего мы, большевики, жили и боролись. Было положено начало строительству нового, коммунистического общества. И какие бы трудности ни стояли на пути, было радостно сознавать, что революция торжествует, что мы успешно движемся вперед, делаем пусть первые, но уверенные шаги к коммунизму.

А жизнь была нелегкой. Если подойти с чисто житейской точки зрения, то, пожалуй, в туруханской ссылке мы питались лучше, чем в Кремле. Во всяком случае, там мы все были всегда сыты, а вот в Кремле не всегда. Оно и понятно, слишком тяжелое наследство получил наш народ от старого строя. Все было в обрез, на всем надо было экономить. О себе, о собственном благе большевики думали меньше всего. Рабочий класс, трудящиеся нашей Родины вручили нам, большевикам, власть именно потому, что мы полнее, чем кто-либо другой, выражали их интересы и сокровенные чаяния, что, будучи авангардом рабочего класса, мы были прежде всего его составной частью, жили и боролись в тех же условиях, что и любой рабочий, любой крестьянин. Мы не использовали предоставленную нам народом власть в узкоэгоистических, своекорыстных целях, не помышляли о собственном благополучии. Сотни и тысячи большевиков, выдвинутых на ответственные посты, как и стоявшие у станков, всю свою жизнь отдавали борьбе за народное дело, решительно и сурово боролись с излишествами, если кто-либо из нашей среды пытался устроить себе роскошную жизнь. Мы были очень щепетильны во всем, что касалось нашей личной жизни, личного поведения. Вот народный комиссар продовольствия — Александр Дмитриевич Цюрупа *, человек, распоряжавшийся всеми продовольственными ре-

* А. Д. Цюрупа — старый большевик, член партии с 1898 года. В 1918—1921 годах—народный комиссар продовольствия, затем нарком РКИ, председатель Госплана, с 1921 года — заместитель председателя Совнаркома. Неоднократно избирался членом ЦК РКП(б).

сурсами страны, порою валился с ног из-за недоедания. Только вмешательство Ильича, чуть не насильно заставившего его отдохнуть и улучшить питание, спасло Александра Дмитриевича.

Партия не могла допустить, чтобы лучшие из лучших ее сынов безвременно сгорели. Яков Михайлович рассказывал мне, что не раз говорил с ним Владимир Ильич о тех условиях, в которых жили наши ответственные работники. Ленин, Свердлов, как и другие товарищи, прекрасно понимали, сколь важно сохранить силы и здоровье ведущих работников, на плечи которых легла нечеловеческая нагрузка, а быт зачастую был неустроен, семьи бедствовали. И Яков Михайлович, прислушиваясь к замечаниям и мыслям Владимира Ильича, продумывал меры общественного порядка, вроде создания детских садов в Домах Советов, организации там столовых для ребят, устройства дополнительного питания больным, особо перегруженным товарищам.

Еще в Питере, в Смольном, по указанию Якова Михайловича, была организована столовая для ответственных работников, чтобы обеспечить их относительно сносным питанием и хоть немножко сберечь им силы. С переездом правительства в Москву столовую перевели в Кремль. Давали там чаще всего все ту же пшенную кашу, но зато хорошо сваренную и обильно политую маслом. Из этой же столовой, насколько помню, получал жидкий суп да пшенную кашу и Владимир Ильич.

А сколько сохранилось записок Якова Михайловича вроде такой вот:

«Тов. Петерс!

Прошу дать т. Рахья как больному бутылку портвейну.

Я. Свердлов»

Или такой:

«I Дом Советов.

Уважаемые товарищи! Считаю выселение Инессы Арманд невозможным. При отъезде ее по партийному поручению прошу никакому выселению ее семью не подвергать.

С тов. приветом Я. Свердлов»

Немало было и таких записок Якова Михайловича:

«В I Дом Советов.

Прошу предоставить комнату ответственному партийному товарищу Загорскому-Лубоцкому. Крайне необходимо».

«IV Дом Советов.

Прошу предоставить квартиру в одну-две комнаты т. Постышеву».

Или:

«Коменданту Кремля.

Прошу выдать подателям делегатам жел.-дор. рабочих 25 фунтов хлеба».

Бывало, Яков Михайлович освобождал вечер от всяких дел, приходил домой пораньше и говорил:

— Собирайся! Пойдем смотреть, как живут наши старики.

И мы шли к кому-нибудь из «стариков», как называл Яков Михайлович уральцев, с которыми вместе работал в прошедшие годы. Однажды отправились мы к Митрофанову, бывшему пермяку, теперь, в 1918 году, члену Президиума ВЦИК и члену коллегии Наркомзема. Приходим. Вся семья дома: сам Александр Христофорович, его жена, ребята. В квартире неприбрано, обстановка убогая.

Жена Митрофанова, с которой ни Яков Михайлович, ни я знакомы не были, страшно смутилась. Как же, пришел товарищ Андрей, да еще председатель ВЦИК, а в комнате беспорядок, ни усадить гостей некуда, ни угостить нечем, даже чая горячего нет. Она было засуетилась, но Яков Михайлович так весело и непринужденно принялся подшучивать над неустроенностью нашего быта, с таким интересом и вниманием расспрашивал ее о хозяйственных делах, что вскоре от первоначальной неловкости не осталось и следа. Мы засиделись за полночь, вспоминая прошлое, мечтая о будущем, а было оно таким светлым, так ощутимо вырисовывалось все значение Октябрьской победы, что житейские мелочи и неурядицы казались пустяком, недостойным внимания.

Как-то ночью, в начале лета 1918 года, Яков Михайлович явился домой сам не свой.

— Ты понимаешь, — сказал он, — был у меня сегодня Подвойский. Только что приехал и опять уезжает. Направляем его на подавление чехословацкого мятежа. Ты же знаешь Николая Ильича. Человек он редкостной бодрости, оптимизма, энергии. Чудесный чело-

вечище! А тут, чувствую, что-то не то. Нервничает, волнуется. Но молчит. Посоветовались мы с Варламом * и решили осторожно разузнать, что с ним стряслось. Бились, бились, еле выяснили. Оказывается, его жинка с тремя дочурками попала в руки к чехам. Повезла детей питерских рабочих в Уфу, а туда нагрянули чехи и ее сцапали. Где дочки, неизвестно.

Я хорошо знала Подвойского, неоднократно сталкивалась с его женой Ниной Августовной, всегда сдержанной, спокойной, удивительно скромной большевичкой **, секретарствовавшей в 1917 году в ПК. Знала я, как любил семью Николай Ильич, как он был привязан к ребятам, и, услышав страшное известие, растерялась. Чем помочь?

Но Яков Михайлович уже все продумал. Одному из товарищей, уезжавшему в район Уфы, он поручил принять все меры к освобождению Нины Августовны из лап белочехов.

Как оказалось, Нина Августовна сидела в уфимской тюрьме, а трех ее дочурок, старшей из которых — Олесе — было всего десять лет, приютил кто-то из знакомых. Получив указание Якова Михайловича, товарищи не то обменяли Нину Августовну на кого-то из офицеров, захваченных нашими в плен, не то устроили ей побег и помогли вместе с ребятами выбраться из Уфы.

Через линию фронта Нина Августовна перебралась в районе Балашова, куда перед этим прибыл Николай Ильич, и совершенно случайно они встретились прямо на улице. Легко себе представить радость Николая Ильича, считавшего свою семью погибшей. Об участии во всем этом Якова Михайловича Подвойский так никогда и не узнал.

Вспоминается и другой эпизод, происшедший осенью 1918 года.

— Пойдем-ка к Феликсу Эдмундовичу, — предложил однажды вечером Яков Михайлович, — не нравится он мне последнее время. Вид у него архискверный, на квартире у себя совсем не бывает, пропадает круглые сутки на работе. Здоровье никуда, и лечиться не лечится. Надо посмотреть, как он живет.

---

* Варлам Александрович Аванесов.

** Нина Августовна Подвойская — старая большевичка, член партии с 1902 года, работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС со дня его основания.

Пришли мы на Лубянку, в ВЧК. Яков Михайлович предъявил часовому свой мандат, и нас сразу пропустили. Пока мы шли по бесконечным коридорам, многие из встречавшихся нам сотрудников здоровались с Яковом Михайловичем, с некоторыми из них он задерживался, разговаривал. Чекисты хорошо знали Свердлова. Он нередко бывал в ВЧК, интересовался их делами, следил за работой. Многих чекистов он знал раньше: ведь партия посылала в ЧК лучших большевиков.

Дошли до кабинета Дзержинского. Заходим. Феликс Эдмундович согнулся над бумагами. На столе стакан, до половины наполненный какой-то мутно-серой жидкостью. Небольшой кусочек черного хлеба. В комнате холод. Часть кабинета отгорожена ширмой.

Увидев нас, Феликс Эдмундович с радостной улыбкой поднялся навстречу. С Яковом Михайловичем их связывала большая, горячая дружба. Мы сели к столу. Случайно заглянув за ширму, я увидела кровать Дзержинского, покрытую простым солдатским одеялом. Поверх одеяла небрежно брошена шинель, подушка смята. Было ясно, что Дзержинский как следует не спит, разве приляжет ненадолго, не раздеваясь.

Мы просидели у Дзержинского около часа и ушли. Яков Михайлович был сосредоточен, задумчив. Некоторое время шли молча.

— Плохо живет Феликс, — заговорил, наконец, Яков Михайлович, — сгорит. Не спит по-человечески, питается отвратительно. Нельзя так дальше. Без семьи ему нельзя. Надо предпринять что-то, с Ильичем посоветоваться...

Дзержинский, подобно сотням других большевиков, до революции скитался по тюрьмам и ссылкам. Жена его Софья Сигизмундовна также долго сидела в тюрьме, в тюрьме у нее родился и сын Ясик. Революция застала Софью Сигизмундовну с сыном за границей, в Швейцарии, и Дзержинский был оторван от семьи. Вот об этом и думал Яков Михайлович.

— Да, — продолжал он, — семью обязательно надо вытащить. И им без него нелегко, и ему тяжко. Приедет семья, квартира оживет, Дзержинский хоть изредка станет бывать дома, отдыхать. Иначе пропадет.

Яков Михайлович не успокоился, пока Дзержинский

не съездил за границу к семье, а там и Софья Сигизмундовна с Ясиком приехали в Москву.

Когда тяжело заболел Варлам Аванесов, живший бобылем, и врачи потребовали, чтобы за ним был организован тщательный уход, Яков Михайлович велел немедленно перевести его к нам на квартиру. Аванесову прописали вино, фрукты. Яков Михайлович всех поднял на ноги, пока не достали все, что требовалось. А ведь достать тогда в Москве хорошее вино и фрукты было непросто.

«Забота Якова Михайловича о товарищах была огромна, — пишет в своих воспоминаниях Е. Д. Стасова. — Когда ЦК партии переехал в Москву, мне пришлось остаться в Петербурге. Весной 1918 года умер мой отец, и я тяжело переживала эту утрату. Яков Михайлович прислал мне сердечную записку, в которой писал, что я не должна чувствовать себя одинокой, у меня есть большая семья — партия».

Внимательно и любовно относился Яков Михайлович к бойцам, охранявшим Кремль, часто с ними беседовал, интересовался их бытом и условиями службы, расспрашивал, что пишут им из дому. Не случайно красноармейский клуб в Кремле был назван после смерти Якова Михайловича клубом имени Я. М. Свердлова.

Питерский рабочий-большевик Антонов рассказывает, что летом 1918 года он с группой других рабочих был направлен на фронт. Ехать надо было через Москву. Пришли они на Николаевский вокзал, бились, бились, никак не могут на поезд попасть, все до отказа забито. Вдруг видят: идет по перрону Свердлов, приезжавший на несколько дней в Петроград. Ни Антонов, никто из его товарищей знакомы с Яковом Михайловичем не были, но видели его не раз на митингах и собраниях. Вот они и решили к нему обратиться.

«Товарищ Свердлов, — вспоминает Антонов, — не выслушав даже до конца, сказал: «Идемте со мной». Подходим к поезду. Яков Михайлович моментально дал распоряжение о прицепке двух вагонов, куда мы и поместились, а часть пошла к нему в вагон, куда и я попал. Всю дорогу до самой Москвы ехали очень весело...

Утром 2 августа мы уже были в Москве. Опять встретили Я. М. Свердлова... Он взял на себя все хлопоты по нашей отправке. По его распоряжению нам

был подан обед. Он сел вместе с нами и повел веселую товарищескую беседу.

После обеда направились в оперативный отдел. Приезжаем туда, там встретили нашего великого вождя В. И. Ленина. Последний, как видно, был страшно занят и просил нас обождать, сказал, что он желает с нами побеседовать. Через час показывается Ленин и с ним Я. М. Свердлов. Присели к столу и стали беседовать. Тов. Ленин подробно обрисовал международное положение и весь ход событий в России, давал нам наставления и отвечал на задаваемые ему вопросы; затем Я. М. Свердлов проводил нас на автомобиль и распрощался с нами».

Нередко Яков Михайлович бывал в Моссовете, в районных Советах, интересуясь и проверяя на месте, как ведется в Советах прием посетителей, насколько живо и быстро реагирует советский аппарат на просьбы и жалобы трудящихся.

Однажды, направляясь в Моссовет, Яков Михайлович пригласил и меня. Время подходило часам к девяти вечера, но в Моссовете еще работали, в приемной сидели отдельные посетители. С них Яков Михайлович и начал. Он подсел к старичку рабочему, разговорился с ним, расспросил, зачем он пришел сюда, за какой нуждой. Побеседовал и с другими. Со всеми запросто, по-товарищески. Себя он не называл, а в лицо его не все знали, ведь портреты в те годы печатали редко.

Побеседовав с посетителями, мы пошли по отделам. Яков Михайлович расспрашивал сотрудников, чем они занимаются, как понимают свои обязанности, тут же давал советы, делал товарищеские замечания. Детально, не только по отчетам и докладам, вникал Яков Михайлович в работу столичных Советов.

А с какой горестью встречал Яков Михайлович каждое известие о гибели кого-либо из товарищей. Страшно тяжело он переживал внезапную смерть Володарского, павшего в Петрограде от руки правоэсеровского убийцы. Володарский был убит 20 июня 1918 года из-за угла, в тот момент, когда, закончив выступление на одном рабочем митинге, ехал на другой. В теле его было обнаружено шесть пуль. Так оборвалась чудесная жизнь любимого оратора питерских рабочих, пламенного трибуна революции, которому было всего 28 лет!

Едва узнав о гибели Володарского, Яков Михайло-

вич тотчас выехал в Петроград для участия в похоронах. Перед отъездом он говорил мне:

— Бесконечно жаль Володарского, погиб преданный революционер. Тяжелая утрата, но хоть смерть замечательная — на боевом посту!

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Завоевав власть, трудящиеся нашей Родины под водительством большевистской партии приступили к строительству социалистического общества. На первый план выдвинулись теперь задачи создания советской государственности, строительства нового, небывалого в истории человечества государственного строя.

Миллионные массы трудящихся приобщались к делам управления всей жизнью страны через Советы. Советы были созданы творческой инициативой масс, и вся их деятельность нуждалась в упорядочении, требовала выработки стройных организационных форм, определенной системы, которой поначалу не было. Даже связь центральной власти с местами была первое время очень слаба, процветало местничество. Сплошь и рядом самостийно возникали губернские, а то и уездные Советы народных комиссаров, Советы обороны той или иной губернии, зачастую мало считавшиеся с центральной властью. А уж если кое-где в таких Советах верховодили эсеры или меньшевики (что иногда бывало), так получалось совсем скверно.

Центральный Комитет партии, Владимир Ильич, особенно после переезда в Москву, все большее и большее внимание уделяли вопросам советского строительства, налаживанию нашей государственности. Яков Михайлович, поставленный партией во главе Центрального Исполнительного Комитета Советов, стоял в самом центре этой гигантской созидательной работы, возглавляемой Лениным.

Он вел решительную борьбу за сплочение партийных организаций, за укрепление их роли в руководстве Советами, профессиональными союзами и другими массовыми организациями трудящихся.

Налаживанию взаимоотношений партийных организаций с советскими органами Яков Михайлович уделял самое серьезное внимание. На примере работы Центрального Комитета он показывал, как руководит пар-

тия советским аппаратом. Выступая в Нижнем, Свердлов говорил: «Никогда не было, чтобы ЦК вмешивался во внутреннюю техническую работу комиссариатов, но ЦК строго проводит общеполитический контроль всей советской работы... Все принципиальные декреты проходят через ЦК. Политика всех ведомств является политикой ЦК».

Неустанно Яков Михайлович подчеркивал значение самой тесной связи органов власти с трудящимися, привлечения широчайших масс трудящихся к делам управления государством. Выступая 1 апреля 1918 года во ВЦИК, он говорил: «Только благодаря самой тесной связи с широкими массами рабочих и крестьян нам удается проводить все те мероприятия, которые мы намечаем. Только постольку, поскольку нам удается выделить из массы достаточное количество активных, сознательных работников, могущих практически проводить в жизнь намеченные мероприятия, поскольку мы имеем кадры таких товарищей, — мы можем сказать, что дело обеспечено. Но чтобы иметь кадры таких подготовленных для деловой работы, для управления страной товарищей, нужно привлечь значительно более широкие слои, чем в настоящее время, к нашей работе, к делу управления страной, к общегосударственной работе».

Яков Михайлович был инициатором создания первых в нашей стране специальных курсов агитаторов и инструкторов ВЦИК. Эти курсы впоследствии были преобразованы в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, заслуженно снискавший себе славу кузницы партийных и советских кадров, долгие годы любовно именовавшийся «Свердловкой».

Первые учебные программы курсов Яков Михайлович разрабатывал сам; сохранился такой список, написанный рукой Свердлова:

Труд и капитал и история классовой борьбы — Ленин.

Аграрный вопрос — Ярославский.

Продовольствие — Цюрупа, Свидерский.

Организация Советской власти — Владимирский.

Парламентаризм и диктатура буржуазии — Покровский.

Строительство Советов — Петровский.

Национальный вопрос — Сталин.

Советы и народное просвещение — Луначарский.

Яков Михайлович читал на курсах лекции о государстве, интересовался учебой слушателей, их бытом, нуждами. Не раз после встречи со слушателями он говорил мне:

— Ну и народ, что за народ! С таким народом только горы ворочать.

Руководствуясь указаниями Владимира Ильича, Яков Михайлович вел самую решительную борьбу с местничеством. Получив из Самары телеграмму об организации там Совета обороны Самарской губернии, Владимир Ильич направил ее Якову Михайловичу, написав: «Надо эту глупость отменить».

В тот же день Яков Михайлович телеграфировал в Самару:

«Образование Совета обороны Самарской губернии считаем нецелесообразным, могущим внести только путаницу. Предлагаем отменить постановление о его создании».

Ряд документов, посланных на места, Ленин и Свердлов подписывали вместе.

«Партийный комитет не должен вмешиваться в деятельность учреждений, непосредственно подчиненных центру, — писали Ленин и Свердлов в Астрахань, когда Астраханский губком партии и губисполком попытались вмешаться в работу Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта. — Он имеет право лишь представлять свои соображения Цека... Вмешательство возможно изнутри или при наличности специального поручения Цека в том или другом конкретном вопросе... Лишь в случае неисполнения декретов и работы против постановлений центральной власти возможно непосредственное вмешательство.

Ленин. Свердлов»

Узнав, что Московский Совет не посчитался с указаниями ВСНХ, Яков Михайлович дает телефонограмму:

«В Президиум Моссовета. Копия ВСНХ.

Согласно полученной мной телефонограммы председателя ВСНХ о нарушении Моск. Советом постановлений ВСНХ, считаю необходимым указать, что Моск. Совету предоставляется право обжаловать то или иное постановление Центрального Советского учреждения

в Совнаркоме или ВЦИК, но ни в коем случае не отменять его своим решением. Впредь до отмены Совнаркомом или ВЦИК постановления Центрального Советского учреждения подлежит безусловному выполнению.

Председатель ВЦИК Свердлов»

В то же время от каждого центрального учреждения, от всех работников центральных аппаратов Свердлов требовал внимательного и тактичного отношения к местным товарищам и учреждениям. Твердое руководство и дисциплина, говорил он, необходимы, но нельзя путать их с самоуправством и комчванством. Одному из ответственных товарищей Яков Михайлович писал 26 августа 1918 года: «Посланный Вами в Вятку т. Медведев оказался крайне нетактичным, создавшим ряд конфликтов с вятскими товарищами, приведших к невозможности с ним работать. Его необходимо оттуда убрать в интересах работы. Вообще при посылке на места надо иметь в виду, чтобы товарищи действовали в полном контакте с местными работниками. Особые чрезвычайные полномочия не должны переходить границ, за которыми начинается резко враждебное отношение местных работников. В Вятке сидит у нас хорошая публика, хотя в большинстве очень молодая. Среди них, как и в других местах, можно провести все, что требуется, нужны лишь такт и авторитет не на основании только бумажки, а на основе работоспособности, большого опыта и проч. ...

С товарищеским приветом Я. Свердлов»

Огромную работу партия развернула по созданию советского законодательства, по внедрению порядка и новой, советской законности, обеспечивающей интересы трудящихся. Во главе органов советской юстиции были поставлены испытаннейшие большевики, закаленные ленинцы: Петр Иванович Стучка, Дмитрий Иванович Курский, Петр Ананьевич Красиков. Народный комиссариат внутренних дел возглавлял Григорий Иванович Петровский, ВЧК — Феликс Эдмундович Дзержинский.

Всеми работами по созданию советского законодательства руководил В. И. Ленин, сам являвшийся крупнейшим юристом. Яков Михайлович, как глава верхов-

ного советского законодательного органа, был одним из ближайших помощников Владимира Ильича в этом сложном деле. Он принимал непосредственное участие в разработке таких важнейших декретов, как декрет о суде, о гражданском браке и детях; кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном и семейном праве; кодекс о труде, и ряда других, закладывавших основы советского законодательства.

Самую решительную борьбу вел Яков Михайлович с фактами беззакония, самоуправства, допускавшимися на первых порах отдельными органами Советской власти, с безосновательными арестами, которые порою имели место. Узнав, например, что в Нижегородской губернии арестована группа работников земельных органов, Яков Михайлович потребовал тщательного расследования всех обстоятельств дела. Он телеграфировал в Нижегородский губком партии:

«Городе Воскресенском арестован завлесподотделом Суханов другие Предлагаю срочно выяснить причины арестов выслать Нижнего специальную комиссию включив туда представителей Губземотдела Гублесотдела Результаты сообщить.

Пред. ВЦИК Свердлов»

Как-то в конце лета 1918 года ВЧК был раскрыт контрреволюционный заговор среди работников кооперации. ВЧК арестовала большую группу кооператоров. Среди арестованных были и такие, об участии которых в заговоре прямых данных не было, но они постоянно общались с заговорщиками, в связи с чем и были арестованы в целях профилактики. Александр Дмитриевич Цюрупа, тогда народный комиссар продовольствия, считал, что кое-кого из кооператоров арестовали зря, и обратился к Якову Михайловичу. Яков Михайлович пишет:

«Дзержинскому, Петерсу.

Прошу немедленно освободить кооператоров по списку, представленному... т. Цюрупой. Задержать из них лишь тех, против кого имеются какие-либо данные.

Свердлов»

Сознавая, какие большие права предоставлялись органам ВЧК в условиях жесточайшей борьбы с

контрреволюцией, сколь сложны были стоявшие перед ВЧК задачи и какая огромная ответственность лежала на Феликсе Эдмундовиче, Яков Михайлович старался постоянно вникать в работу Чрезвычайных комиссий и неизменно оказывал Феликсу Эдмундовичу посильную помощь.

Руководители органов Советской власти в Воронеже как-то обратились к Якову Михайловичу с жалобой на местную ЧК. Яков Михайлович ответил:

«Переговорю с Дзержинским, считаю нецелесообразными ваши нападки на ЧК. Необходимо относиться с полным доверием к своим учреждениям, где созданы особо тяжелые условия работы».

В конце декабря 1918 года коллегия ВЧК направила своего представителя в Астрахань для проверки работы местной ЧК. Яков Михайлович дал следующее указание руководителям астраханских советских и партийных организаций:

«ВЧК направляет отсюда в Астрахань т. Мороза, это хороший товарищ, с изрядным тактом. Все сведения, доходящие из Астрахани, говорят, что там в ЧК много непорядков... Тов. Мороз должен детально ознакомиться со всей работой ЧК и военного контроля. Прошу оказать ему всяческое содействие в этом ознакомлении».

Бывали случаи, когда, получив записку Якова Михайловича с замечаниями по поводу работы ЧК, Феликс Эдмундович рассылал ее в качестве директивы ВЧК всем чекистским органам, не меняя ни одного слова, поставив лишь свою подпись.

Уже тогда, в конце 1918 — начале 1919 года, Яков Михайлович задумывался над тем, что с упрочением советской государственности, по мере разгрома сил контрреволюции сферы деятельности органов ЧК должны сужаться, а права ограничиваться. Он говорил мне, что делился своими мыслями с Ильичем и Ильич горячо поддержал его.

В начале марта 1919 года, будучи в Харькове на съезде Компартии Украины и Всеукраинском съезде Советов, Яков Михайлович пришел к выводу, что наиболее подходящей кандидатурой на пост председателя Всеукраинского ЦИК является Г. И. Петровский, работавший народным комиссаром внутренних дел. Свое мнение он сообщил Центральному Комитету. Ленин,

Сталин и другие члены ЦК согласились с предложением Якова Михайловича, и Петровский вскоре уехал на Украину.

Вернувшись из Харькова уже тяжело больным, Яков Михайлович написал Владимиру Ильичу и другим членам ЦК короткую записку, в которой предложил на место Петровского назначить народным комиссаром внутренних дел Дзержинского, с тем чтобы усилить контроль со стороны Наркомвнудела над ВЧК. Это предложение Якова Михайловича было принято. В конце марта 1919 года Феликс Эдмундович Дзержинский был назначен народным комиссаром внутренних дел.

Как ни важны были вопросы взаимоотношений центра с местами, внедрения порядка и законности во все сферы государственного управления, уточнения и совершенствования функций различных органов Советской власти, все же это были лишь частности, лишь отдельные стороны единого целого — нового советского государственного строя.

Основным законом, законом нашего Советского государства, рожденного Октябрем, явилась первая Советская Конституция, которая была создана менее чем через год после победы Октября. В основу Советской Конституции легла ленинская Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Конституция подытоживала опыт советского строительства, в ней был воплощен опыт народных масс, создававших и строивших Советское государство.

В составлении текста Конституции участвовали десятки людей — виднейшие деятели партии и Советского государства, крупные юристы, законоведы, руководствовавшиеся ленинскими указаниями и советами. Работа над текстом Конституции велась в несколько этапов: сначала во ВЦИК, затем в ЦК, и лишь после этого проект Конституции был представлен Всероссийскому съезду Советов.

Яков Михайлович принимал деятельнейшее участие во всех работах, связанных с составлением текста первой Советской Конституции. Начало работе над составлением Конституции положил Центральный Комитет партии, принявший 30 марта 1918 года решение о создании комиссии для разработки Советской Конституции. Проведение этого решения в жизнь было возложено на Свердлова.

Уже 1 апреля 1918 года ВЦИК заслушал доклад Якова Михайловича, содержавший ряд наметок по разработке Конституции, и образовал комиссию в составе В. А. Аванесова, А. М. Бердникова, М. Н. Покровского, М. А. Рейснера, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и ряда других для разработки Конституции Советской Республики. Председателем комиссии был утвержден Яков Михайлович.

Когда мы с Яковом Михайловичем возвращались в этот вечер из «Метрополя», где проходили заседания ВЦИК, в Кремль, он мне в шутку сказал, что, повидимому, ночует дома последний раз, а там придется переселиться в «Метрополь», где будет работать комиссия. Так оно и получилось. Работы в комиссии оказалось столько, что Яков Михайлович действительно перебрался в «Метрополь», туда перенес для экономии времени прием и по линии ЦК и ВЦИК. Там и ночевал.

Левые эсеры и специалисты буржуазного толка, входившие в состав комиссии или привлекавшиеся в качестве экспертов, оспаривали чуть не каждое положение, выдвигавшееся большевиками, то и дело пытались разводить дискуссии, без конца представляли на рассмотрение комиссии различные проекты конституционного устройства Советского государства один нелепее другого. Причем настоятельно требовали постатейного обсуждения каждого из таких проектов.

Только ленинские советы и указания, опыт в области советского строительства, накопленный Яковом Михайловичем за время работы на посту председателя ВЦИК, умение полемизировать с политическими противниками, решительная помощь работавших с ним бок о бок товарищей, в первую очередь Сталина и Аванесова, помогли ему добиться успешной работы комиссии.

Комиссия закончила свою работу к июню 1918 года и передала составленный ею проект в комиссию ЦК РКП(б), возглавляемую Лениным. Комиссия ЦК внесла в проект ряд поправок. 10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов утвердил Конституцию Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

РАЗГРОМ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

V Всероссийский съезд Советов знаменателен не только тем, что утвердил Советскую Конституцию, но и тем, что в ходе съезда было навсегда покончено с левыми эсерами.

Отношения с левыми эсерами после IV съезда Советов, ратифицировавшего Брестский мир, после выхода представителей левых эсеров из Совнаркома все ухудшались. Яков Михайлович постоянно говорил, что и во ВЦИК с ними стало невозможно работать. Да я и сама видела, как на каждом заседании ВЦИК, на котором мне приходилось присутствовать, они то и дело устраивали обструкции, кричали, пытались сорвать работу, все более и более открыто объединялись с правыми эсерами и меньшевиками.

14 июня 1918 года ВЦИК вынужден был принять решение об исключении из Советов правых эсеров и меньшевиков, вставших на путь организации контрреволюционных заговоров и мятежей.

Озлобление левых эсеров, являвшихся в своей значительной массе выразителями интересов кулачества, росло по мере развертывания в деревне классовой борьбы. В лице кулачества Советская власть, рабочий класс встретили самого свирепого, самого зверского и кровожадного врага, голодом душившего молодую социалистическую республику. Кулаки поднимали контрреволюционные мятежи, срывали поставки хлеба, накапливали запасы и гнали из зерна самогон, занимались мешочничеством и спекуляцией, а рабочие Питера, Москвы, крупнейших промышленных центров голодали. Норма выдачи хлеба летом 1918 года была вновь доведена до одной восьмушки на два дня.

По призыву Ленина партия, рабочий класс, опираясь на поддержку беднейшего крестьянства, поднялись на борьбу за укрепление Советской власти в деревне, за хлеб. В промышленных городах из передовых рабочих формировались продовольственные отряды и направлялись на село. В деревнях создавались комитеты бедноты. Социалистическая революция развертывалась в деревне все шире и шире.

Левые эсеры принимали в штыки все мероприятия Советской власти, все ее декреты по продовольственным вопросам, организацию комбедов.

Левые эсеры вели разнузданную агитацию против Брестского мирного договора, затевали одну провокацию за другой, стремясь вызвать военное столкновение с Германией и втянуть Советскую Россию в гибельную войну.

В конце июня 1918 года ЦК левых эсеров принял решение об организации вооруженного восстания, ставя своей целью свержение Советского правительства и захват власти. Планы заговорщиков были одобрены дипломатическими представителями Англии, США и Франции, находившимися в Москве.

Восстание приурочивалось к V съезду Советов. Заговорщики намеревались арестовать президиум съезда, захватить Кремль, правительственные здания, телеграф, почту и вокзалы, объявить возглавляемое Лениным правительство низложенным и декларировать переход власти в руки левых эсеров.

Для практического осуществления своих замыслов левые эсеры, используя то, что они занимали еще ряд руководящих постов в некоторых правительственных учреждениях и даже в ВЧК, стали стягивать в Москву вооруженные силы и готовить к бою воинские части столицы, руководство в которых им удалось захватить. ЦК левых эсеров, возглавивший подготовку восстания, стремился застать большевиков врасплох, не дать им организоваться для отпора и тщательно конспирировал свои действия.

Восстание предполагалось осуществить посредством ряда комбинированных ударов. Руководство левых эсеров намеревалось укомплектовать охрану Большого театра, где должен был происходить V съезд Советов, своими боевиками и их силами совместно с наиболее оголтелыми левыми эсерами из числа делегатов съезда арестовать его президиум.

В районе Покровских ворот, в бывшем Трехсвятительском переулке, помещался штаб отряда ВЧК, командовал которым левый эсер Попов. В этом отряде, насчитывавшем до тысячи человек, левым эсерам удалось собрать немало деклассированных элементов и кулачья, и они намеревались использовать отряд Попова в качестве основной ударной силы.

Отъявленный авантюрист, террорист, левый эсер Блюмкин получил задание убить германского посла в Москве графа Мирбаха и таким путем спровоцировать

разрыв Брестского мира и возобновление войны с Германией.

Таков в общих чертах был план заговорщиков. События развернулись в дни V съезда Советов.

В соответствии с намеченным планом главари левых эсеров попытались выставить в Большом театре на время съезда свою охрану. Их настойчивость насторожила Якова Михайловича, руководившего практической подготовкой съезда. Не подав левым эсерам виду, что их возня замечена, он согласился предоставить им возможность участвовать в охране Большого театра, но одновременно дал указание принять необходимые меры предосторожности.

Таким образом, часть постов в помещении театра заняла перед началом съезда левоэсеровская охрана. Однако невдалеке от каждого из левоэсеровских часовых, не спуская с них глаз, стояло по два-три человека. Это были специально выделенные боевые группы из числа охранявших Кремль латышских стрелков и других особо надежных частей. Ни один из левоэсеровских боевиков и пальцем не мог пошевелить, не обратив на себя внимания.

Одновременно надежная охрана была выставлена и вокруг театра, в близлежащих улицах и переулках. В день открытия съезда, 4 июля, было опубликовано объявление, что посторонние в дни съезда к театру допускаться не будут, а трамвайная остановка у Большого театра отменяется (трамвай проходил тогда по Театральной площади, ныне площадь Свердлова).

Ни Яков Михайлович, конечно, ни кто другой из большевиков не имели достоверных фактов о преступных замыслах левых эсеров, ничего не знали о готовившейся авантюре. Но чем ближе был V съезд Советов, тем больше усиливалась у Ленина, Свердлова, Дзержинского, у других большевиков настороженность в отношении левых эсеров, тем пристальнее они наблюдали за их подозрительными действиями.

V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов открылся 4 июля 1918 года. Собралось 1164 делегата. Большевиков было среди них 773, левых эсеров — 353.

Никогда еще Якову Михайловичу не приходилось председательствовать на столь бурных собраниях, как первые заседания V Всероссийского съезда Советов.

Никогда, ни на одном съезде, ни на одном собрании не разыгрывались столь острые конфликты, не развертывались столь грозные события.

С первых же минут работы съезда начались обструкции левых эсеров. С занимаемых ими мест беспрестанно неслись истошные вопли, оглушительный свист.

Еще до того как был утвержден порядок дня, слово якобы для приветствия от трудящихся Украины взял левый эсер Александров. В демагогическом выступлении он обрушился на Брестский мир и требовал возобновить военные действия против Германии. Левые эсеры громкими криками поддерживали своего оратора и устроили ему овацию. Яков Михайлович поднялся с председательского места.

«Я верю, — сказал он, — что политический вопрос, который был поднят в приветственной речи, несомненно, найдет свое отражение во вполне определенной воле съезда, а не в тех или иных восклицаниях... Я не сомневаюсь в том, что преобладающее число тех оваций и аплодисментов, которые заслужил оратор, относятся не к его словам, а целиком и полностью к борющимся украинским рабочим и крестьянам».

На трибуну выбегает Спиридонова, за ней Карелин... «Палачи!», «Изверги!» — вопят из зала левые эсеры. И снова поднимается Свердлов, и снова заставляет смолкнуть разбушевавшихся эсеров. Утихомирив зал, Яков Михайлович предоставляет слово для внеочередного заявления представителю большевиков, который сообщает съезду, что в армии различными темными элементами ведется агитация не подчиняться власти и переходить в наступление против немцев. На эти провокации Советское правительство ответило приказом: предавать подобных агитаторов суду чрезвычайного трибунала.

— Долой! — вопят левые эсеры.

— Не судить мы будем, а поддерживать это здоровое движение! — кричит с трибуны получивший слово Камков. Закатывает истерику Спиридонова, но у большевиков нервы крепкие. Они вносят на рассмотрение съезда резолюцию:

«Решение вопросов о войне и мире принадлежит только Всероссийскому съезду Советов и установленным им органам центральной советской власти: Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народ-

ных Комиссаров. Никакая группа населения не смеет, помимо Всероссийской советской власти, брать на себя решение вопроса о перемирии или наступлении... Благо Советской Республики есть высший закон. Кто этому закону противится, тот должен быть стерт с лица земли».

Левые эсеры в бешенстве. По призыву одного из своих вожаков, Карелина, они вскакивают с мест и, заявив, что принимать участия в голосовании не будут, демонстративно покидают зал.

— Итак, — провозглашает Свердлов, чеканя каждое слово, — фракция левых социалистов-революционеров покинула зал заседания. Заседание Всероссийского съезда Советов продолжается!

Резолюция большевиков ставится на голосование, и съезд единогласно ее принимает. На этом закончилось первое заседание V Всероссийского съезда Советов.

На следующий день съезд возобновил работу. С отчетными докладами Совнаркома и ВЦИК выступили Ленин и Свердлов. Вновь, как и на первом заседании, бушевали и неистовствовали левые эсеры, вновь не смолкали крики и вопли. Атмосфера с каждым часом накалялась. Многие из эсеров, кто не утратил способности трезво смотреть на вещи и не все знал, думали: «Чем это кончится?»

Развязка наступила 6 июля — началась левоэсеровская авантюра.

В этот день около трех часов пополудни Блюмкин, снабженный подложными документами, на которых его сообщники — сотрудники ВЧК из числа левых эсеров — подделали подпись Дзержинского, пробрался в здание германского посольства. Добившись свидания с послом Мирбахом, Блюмкин бросил в него бомбу и смертельно ранил посла. Выскочив затем из окна посольства, Блюмкин кинулся в ожидавшую его машину и помчался в штаб отряда Попова.

Вслед за этим мятежники выступили. Они начали хватать коммунистов, появлявшихся в районе Покровских ворот, открыли беспорядочную стрельбу по близлежащим зданиям, выслали отряды для занятия телеграфа и телефонной станции. К ним присоединилась незначительная часть расквартированного в Покровских казармах полка имени 1 марта.

Взять телефонную станцию мятежникам не удалось,

но телеграф они захватили и разослали телеграммы, в которых сообщали, что правящей партией отныне являются левые эсеры и что по постановлению ЦК левых эсеров убит «представитель германского империализма граф Мирбах».

В первой из разосланных телеграмм говорилось: «К сведению телеграфистов и телефонистов. Всякие депеши за подписью Ленина и Свердлова... задерживать, признавая их вредными для советской власти вообще и правящей в настоящее время партии левых эсеров в частности».

Дзержинский, узнав о покушении на Мирбаха, немедленно выехал на место преступления. В германском посольстве он выяснил, что преступление совершил Блюмкин, бежавший к Попову. Созвонившись с Лениным и Свердловым, Феликс Эдмундович поехал в отряд Попова в сопровождении трех чекистов, намереваясь выяснить обстановку и арестовать Блюмкина. Но что они вчетвером могли поделать против взбунтовавшихся бандитов? Мятежники обезоружили и арестовали Дзержинского. Вслед за Дзержинским был схвачен председатель Моссовета П. Г. Смидович. Воспользовавшись тем, что большинство охраны ВЧК состояло в этот день из их людей, левые эсеры захватили здание ВЧК. Находившиеся в помещении руководящие работники ВЧК — большевики были арестованы.

Первые шаги восставших соответствовали их планам и, как им казалось, предвещали удачу. Кое-кто из главарей восстания заявил арестованным Дзержинскому и Смидовичу, будто Совнарком уже арестован и власть перешла к левым эсерам. Но они рано торжествовали.

Выступление левых эсеров произошло как раз в то время, когда Яков Михайлович готовился открыть очередное заседание съезда. Ленин в театр еще не приехал.

Времени терять было нельзя. Яков Михайлович собрал самых доверенных товарищей из находившихся в этот момент в Большом театре. Быстро был намечен план действий. Четко и ясно давал Свердлов необходимые указания. Между тем ничего не подозревавшие делегаты заполняли зал и шумно рассаживались по местам. Все готово. Пора начинать заседание.

Однако заседание не открывается. Представитель большевиков вносит предложение провести совещание фракций. Левые эсеры собираются в одном из обшир-

ных фойе Большого театра, большевики — на Малой Дмитровке, 6, в школе агитаторов ВЦИК.

Выход — через оркестр. Все остальные двери закрыты. У выхода — часовые. Мандаты проверяет заместитель секретаря ВЦИК Глафира Ивановна Окулова. Она дает указание выпускать только тех, кто предъявляет карточку члена большевистской фракции съезда. Каждому большевику говорит: «Быстро на Дмитровку!»

Членов фракции левых эсеров из зала не выпускают: они собираются здесь, в театре, им выходить незачем!

Все делается быстро, без суеты. С точностью часового механизма приходят в движение все заранее подготовленные силы. Молниеносно убраны эсеровские часовые, все помещение Большого театра в руках большевиков, вокруг здания сомкнулось железное кольцо.

Фракция левых эсеров в сборе. Никто не понимает, что произошло. Но прийти в себя, предпринять что-либо они не успевают. Широко распахиваются двери фойе, в дверях — вооруженные красноармейцы.

— Спокойствие, товарищи! В связи с тем что левые эсеры организовали в городе выступление, мы вынуждены вас задержать. Сопротивление бесполезно.

Рассчитывавшие захватить власть и арестовать Советское правительство главари левых эсеров сами оказались под надежной охраной. Мятеж был обезглавлен.

Владимир Ильич уже знал об убийстве Мирбаха и выступлении левых эсеров. Яков Михайлович отправился к нему в Кремль, чтобы сообщить о событиях, разыгравшихся на съезде.

Приняв неотложные меры к подавлению мятежа, Владимир Ильич и Яков Михайлович, сколь ни тягостна была эта миссия, поехали в германское посольство, чтобы выразить соболезнование Советского правительства по поводу гибели посла.

На следующий день, 7 июля, в «Правде» было опубликовано правительственное сообщение:

«Левые эсеры начали восстание против советской власти. Они захватили на время комиссариат Дзержинского, арестовали председателя Дзержинского...

Советской властью задержаны, как заложники, все бывшие в Большом театре делегаты V съезда Советов из партии левых эсеров, а равно приняты все меры для немедленного военного подавления и ликвидации мятежа...»

Борьбу против мятежников возглавил Ленин. Яков Михайлович — рядом с Ильичем.

По распоряжению Ленина во всех районах Москвы были сформированы красногвардейские отряды, на всех вокзалах и заставах столицы выставлены сильные заслоны, к гнезду мятежников стянуты войска. «Мобилизовать все силы, — приказывал Ленин, — поднять на ноги все немедленно для поимки преступников».

Яков Михайлович дает телефонограмму в Моссовет: «ЦИК предлагает Президиуму Московского Совета рабочих депутатов немедленно созвать пленарное заседание Московского Совета. О наивозможно скором часе созыва немедленно уведомить. Председатель ЦИК Свердлов».

Другая телефонограмма: «Во все районы отдать предписания, установить постоянное дежурство в районах, держать в полном порядке службу связи и тесный контакт с фабрично-заводскими комитетами так, чтобы по первому призыву можно было вывести рабочих на улицу. Свердлов».

Большевики не теряли ни часу, ни минуты. В ночь с 6 на 7 июля весь район, где засел отряд Попова, был оцеплен войсками. Общее командование было возложено на Н. И. Подвойского.

Пролетариат Москвы поднялся на защиту Советской власти. Во всех районах города становились под ружье рабочие фабрик и заводов. Делегаты V съезда — большевики и московский партийный актив, были направлены в районные Советы и партийные комитеты, в воинские части и на предприятия, комиссарами вокзалов, рот, казарм.

По распоряжению Ленина все машины, не имевшие специальных пропусков за подписью В. И. Ленина или Я. М. Свердлова, задерживались.

Утром 7 июля войска двинулись против мятежников. Но сражения не произошло. После первых же артиллерийских выстрелов полупьяные бандиты, подбадривавшие себя всю ночь спиртом, бросились бежать. Они пытались прорваться на Курский вокзал, но, встретив сильный заслон, повернули на Владимирское шоссе, где большинство из них и было схвачено. Многие разбежались по городу, но вскоре были выловлены, и только одиночкам, в том числе и Попову, удалось удрать и перейти к белогвардейцам.

Среди мятежников были и такие, которых толкнули на выступление обманом. Они внимательно слушали арестованного Дзержинского, гневно разоблачавшего виновников мятежа, и уже 7-го утром освободили Феликса Эдмундовича.

Несмотря на то, что мятежники тщательно готовились к восстанию, что в их руках была вооруженная сила и на их стороне внезапность нападения, авантюра левых эсеров, которая могла бы стоить немалых жертв, кончилась полным провалом. Она разоблачила до конца левых эсеров, сорвала с них маску, обнажила перед народом их истинное лицо. Со всех концов страны в Москву летели телеграммы, резолюции и постановления многочисленных собраний и митингов, требовавшие суровой кары предателям революции.

А делегаты V съезда — левые эсеры все еще сидели взаперти, под охраной, в Большом театре. Они сидели, злые, полуголодные. Многие из рядовых эсеров проклинали своих вожаков, затеявших преступную авантюру.

8 июля ЦК РКП(б) вынес о них специальное постановление. Текст постановления написан Яковом Михайловичем на бланке Совета Народных Комиссаров. Центральный Комитет решил в ночь с 8 на 9 июля произвести проверку отношения делегатов V съезда Советов — левых эсеров к левоэсеровской авантюре и не причастных к ней освободить. Все материалы по этому вопросу было решено передать в следственную комиссию.

Комиссия для расследования дела об убийстве Мирбаха и об организации мятежа левых эсеров была образована Совнаркомом 7 июля. В нее вошли П. И. Стучка, Я. С. Шейнкман и В. З. Кингисепп.

Распад в партии левых эсеров ускорился. Та ее часть, которая была связана со средними слоями крестьянства и беднотой, выделилась в самостоятельные группы, просуществовавшие непродолжительное время и примкнувшие вскоре к большевикам, а остальные открыто перешли в лагерь контрреволюции. Партия левых эсеров как самостоятельная политическая партия фактически перестала существовать.

9 июля V съезд Советов возобновил прерванную работу. Заслушав сообщение правительства о событиях 6—7 июля, съезд одобрил мероприятия по ликвидации

мятежа и единодушно принял решение об изгнании левых эсеров из Советов.

10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов утвердил Конституцию Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, на весь мир заявив этим актом, что Республика Советов стоит прочно и нерушимо, уверенно идет по пути социализма.

12 июля, в пятницу, по всей Москве прошли многолюдные митинги, на которых с докладами об итогах V Всероссийского съезда Советов выступили Ленин, Свердлов, Луначарский, Петровский, Крыленко и другие члены ЦК и народные комиссары.

Тогда, в 1918—1919 годах, пятница вообще была в Москве партийным днем. Каждую пятницу на крупных предприятиях в клубах и больших залах перед рабочими выступали руководящие работники партии и Советского правительства. Во вторник или среду в «Правде» сообщалась тема очередного партийного дня, указывалось, где состоятся митинги и собрания и кто будет выступать. Где именно какой оратор должен был выступать, в сообщении не указывалось.

Кому где выступать, решал обычно Московский комитет партии и агитотдел ВЦИК. Участвовал в распределении докладчиков и Секретариат ЦК. Мне неоднократно приходилось звонить Владимиру Ильичу и ставить его в известность, где ему в очередную пятницу предстоит выступить. Владимир Ильич внимательно выслушивал и неизменно говорил: «Хорошо, хорошо, спасибо, что предупредили, обязательно буду».

Не было случая, чтобы Владимир Ильич сослался на занятость, чтобы уклонился от выступления перед рабочими. Ни разу Ленин не пропустил собрания, никогда не опаздывал и не заставлял себя ждать.

Мне не раз доводилось бывать на митингах и собраниях с Владимиром Ильичем. Я помню, как загорался Ильич на собраниях, как оживлялся во время бесед с рабочими перед началом или по окончании собрания.

Запомнились мне партийные дни в середине сентября 1918 года, когда Владимир Ильич еще не оправился от последствий ранения, еще не приступил к работе. В неразрывном общении с рабочим классом, с народом черпали в эти дни силу Центральный Комитет партии, Советское правительство. 13 и 20 сентября по всей Москве прошли собрания и митинги, посвященные от-

четам народных комиссаров рабочему классу. Перед рабочими отчитывались Свердлов, Луначарский, Цюрупа, Чичерин, Петровский, Середа, Крыленко, Подбельский.

●

Как-то в середине июля 1918 года, вскоре после окончания V съезда Советов, Яков Михайлович вернулся домой под утро, уже светало. Он сказал, что задержался на заседании Совнаркома, где, между прочим, информировал членов СНК о последних известиях, полученных им из Екатеринбурга.

— Ты не слыхала? — спросил Яков Михайлович. — Ведь уральцы расстреляли Николая Романова.

Я, конечно, ничего еще не слыхала. Сообщение из Екатеринбурга было получено только днем. Положение в Екатеринбурге было тревожное: к городу подступали белочехи, зашевелилась местная контрреволюция. Уральский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, получив сведения, что готовится побег Николая Романова, содержавшегося под стражей в Екатеринбурге, вынес постановление расстрелять бывшего царя и тут же привел свой приговор в исполнение.

Яков Михайлович, получив сообщение из Екатеринбурга, доложил о решении облсовета Президиуму ВЦИК, который одобрил постановление Уральского областного Совета, а затем информировал Совет Народных Комиссаров.

В. П. Милютин, участвовавший в этом заседании СНК, так писал в своем дневнике:

«Поздно возвратился из Совнаркома. Были «текущие» дела. Во время обсуждения проекта о здравоохранении, доклада Семашко, вошел Свердлов и сел на свое место на стул позади Ильича. Семашко кончил. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слово для сообщения.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай... Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИК постановил одобрить...

— Перейдем теперь к постатейному чтению проекта, — предложил Ильич...»

СТРОИТЕЛЬСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Заключив мир с империалистической Германией, Советская Россия добилась мирной передышки, но партия, Ленин прекрасно понимали, что эта передышка не может быть ни длительной, ни прочной. Против молодой Советской Республики объединились все силы внутренней контрреволюции и международного империализма. Русские помещики, буржуазия, кулачество при поддержке англо-французских, североамериканских, японских и германских империалистов разжигали гражданскую войну, полчища иностранных интервентов вторглись на территорию нашей Родины.

Каждый день, каждый час передышки партия использовала для укрепления обороноспособности страны, для создания могучей, боеспособной Красной Армии.

Вопросы обороны республики, строительства ее Вооруженных Сил стояли в центре внимания партии и Советского правительства. Лучшие свои силы партия бросила на фронты. Во главе молодой рабоче-крестьянской Красной Армии встали испытанные большевики: Ворошилов, Гусев, Еремеев, Кедров, Киров, Куйбышев, Мясников, Орджоникидзе, Подвойский, Сталин, Толмачев, Фрунзе, Ярославский... Армию сплачивали и цементировали боевые, закаленные коммунисты, в ее первых рядах шли металлисты Питера, шахтеры Донбасса, ткачи Иванова, передовые рабочие Москвы и Тулы, Урала и Украины.

Во главе всего дела обороны Советской Республики, строительства Вооруженных Сил страны стоял Ленин. Яков Михайлович был среди ближайших помощников Владимира Ильича. Нередко те или иные указания по военным вопросам Владимир Ильич давал совместно с Яковом Михайловичем.

В разгар чехословацкого мятежа, 27 июля 1918 года Центральный Комитет потребовал от Петроградского комитета выделить «агитаторов-комиссаров на чехословацкий фронт»: «Сейчас есть не менее острая потребность в партийных работниках, которые могли бы на чехословацком фронте просвещать, объединять и дисциплинировать советские войска... Сюда необходимо сейчас направить многочисленных активных, боевых партийных работников».

Документ подписан: «По поручению ЦК Российской партии коммунистов Ленин, Свердлов».

Осенью 1918 года, когда создалось тревожное положение под Царицыном, Реввоенсовету республики было дано указание:

«Предлагаем принять самые срочные меры подаче помощи Царицыну. Исполнение донести.

Ленин, Свердлов»

А вот телеграмма главкому в связи с положением на Восточном фронте.

«Арзамас. Вацетису.

Крайне удивлены и обеспокоены замедлением с взятием Ижевского и Воткинского. Просим принять самые энергичные меры к ускорению. Телеграфируйте, что именно предприняли.

Предсовнаркома Ленин.
Председатель ВЦИК Свердлов»

В начале декабря 1918 года в адрес Ленина и Свердлова пришло письмо руководителей 10-й армии Ворошилова, Щаденко и Пархоменко, которые сообщили, что не могут сработаться со вновь назначенным членом Реввоенсовета армии Окуловым, так как Окулов, пользуясь поддержкой Троцкого, игнорирует руководство 10-й армии и мешает работать. На этом письме рукою Ленина написано:

«Троцкому. Получили следующий протест...», дальнейший текст написан рукой Свердлова: «Еще раз в виду крайне обострившихся отношений Ворошилова и Окулова, считаем необходимым замену Окулова другим.

Свердлов»

Сколько их было, таких документов!

В организационном отчете ЦК РКП(б) VIII съезду партии указывалось: «В июле — августе 1918 года сотни работников, предварительно инструктированные т.т. Лениным и Свердловым, пошли на фронт».

Все основные законы, все декреты, партийные и правительственные решения, связанные с созданием Красной Армии, со строительством Вооруженных Сил, разрабатывались при непосредственном участии Якова Михайловича. Он постоянно выступал по вопросам строительства Красной Армии, о положении на фрон-

тах, несколько раз выезжал на фронты — в Царицын, на Восточный фронт — для непосредственного участия в решении особо серьезных военных вопросов.

Яков Михайлович поддерживал самую живую, тесную связь почти со всеми крупными партийными работниками, ставшими по решению партии во главе Вооруженных Сил республики, постоянно советовался с ними, запрашивал мнение по тем или иным вопросам военной работы, перенимал их опыт. Ведь большинство из них он давно и близко знал, со многими был связан крепчайшими узами товарищества и дружбы.

Когда летом 1918 года встал вопрос о переходе на военную работу Михаила Васильевича Фрунзе, являвшегося тогда председателем Иваново-Вознесенского губисполкома, Бюро Военных Комиссаров, соблюдая формальность, попросило его заполнить анкету. Был там такой вопрос: «Кто рекомендует?». Фрунзе ответил: «Справиться у Свердлова». Якова Михайловича запросили, и он написал все, что требовалось.

Климент Ефремович Ворошилов в марте 1918 года телеграфировал Якову Михайловичу из Луганска:

«Организуется Красная Армия, готовая выступить по первому требованию, куда укажут... В области организуем отряд, с которым уйду на фронт.

Председатель Совета Ворошилов»

Занимаясь как руководитель Секретариата ЦК расстановкой партийных сил, Яков Михайлович уделял большое внимание подбору партийных кадров на командную и политическую работу в Красную Армию. Десятки испытанных большевиков были направлены по его рекомендации членами РВС армии, командирами и комиссарами дивизий и бригад. То и дело мы получали в Секретариате распоряжения Якова Михайловича оформить того или иного товарища на руководящую командную или политическую работу. Нередко Яков Михайлович рекомендовал товарищей непосредственно руководству Реввоенсовета республики или какого-либо из фронтов.

Яков Михайлович принимал непосредственное участие в организации политработы в Красной Армии, участвовал в ряде совещаний политработников, руководил работами совещания начальников политотделов фронтов, которое состоялось в январе 1919 года и опре-

делило задачи политотделов как органов, руководящих всей партийной жизнью в армии.

В годы гражданской войны огромную роль играла партизанская борьба в тылу врага, партийная работа на территории, временно оккупированной интервентами или захваченной белыми. Центральный Комитет партии неустанно занимался организацией партийной работы во вражеском тылу, поддерживал постоянную связь с действовавшим там большевистским подпольем, посылал в тыл врага самых испытанных работников, наиболее опытных конспираторов. Практическая сторона этой работы в значительной мере лежала на нас — на Секретариате ЦК. То и дело у нас появлялись товарищи, перебравшиеся через фронт из Белоруссии и с Украины, из Сибири, Урала и с Дальнего Востока, с севера и юга, запада и востока страны. Почти с каждым из таких товарищей Яков Михайлович встречался лично, многих водил к Владимиру Ильичу, а уж тех, кого в тыл противника направлял ЦК, он обязательно инструктировал сам, не передоверяя этого дела Секретариату.

Ф. В. Линде, член ЦК Коммунистической партии Латвии в 1918—1919 годах, вспоминает:

«Я приехал из оккупированной в то время Латвии. Яков Михайлович как раз лично занимался вопросами, связанными с работой на территориях, занятых врагом. Подробно рассказал ему, как быстро удалось партии перейти на нелегальную работу после оккупации немцами Латвии. Яков Михайлович остался очень доволен работой латышских большевиков в тылу у немцев. С глубоким уважением он говорил и о той преданности латышских большевиков, которую они показали по укреплению Советской власти в самые тяжелые месяцы ее существования». Бывало, что в Секретариате появлялся крупный партийный работник и предъявлял нам такую записку:

«В Секретариат ЦК т. Новгородцевой.

Предъявителю сего т. Бокию прошу выдать мандат, что он является агентом ЦК Российской коммунистической партии, командируемым в ОК Западной области и Краевой комитет для подробного ознакомления с постановкой и ведением нелегальной работы в оккупированных местностях...

Я. Свердлов»

Списки всех партийных работников, явок по Уралу и Сибири, по ряду других районов страны, пароли для связи с большевистским подпольем Яков Михайлович в Секретариат не давал, держал у себя. Даже мне не показывал.

15 сентября 1918 года в Москве было созвано первое совещание представителей коммунистических организаций областей, оккупированных интервентами. Работой совещания руководил Свердлов. Совещание решило создать при ЦК РКП(б) Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных республик и областей: Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии.

К концу октября Центральное бюро подготовило созыв конференции этих организаций; конференция обсудила задачи коммунистов в оккупированных местностях и вопрос о подготовке вооруженных восстаний. Были также заслушаны доклады делегатов о положении на местах.

Яков Михайлович приветствовал конференцию от имени ЦК РКП(б), подробно осветил особенности работы на оккупированной территории.

Особенно оживленной была связь у Якова Михайловича с сибиряками, где в подполье работало немало наших близких товарищей. Через связистов Яков Михайлович пересылал письма в Сибирь, постоянно получал оттуда подробные донесения, письма от товарищей. Самую горячую заботу проявлял Яков Михайлович о семьях товарищей, работавших в подполье.

В начале 1919 года он писал в Сибирь: «Дорогие товарищи, ваши записки получили. Мы ни на минуту не забываем о вас. Посылали неоднократно деньги, мало — не по нашей вине. Теперь решили создать специальное Сибирское бюро ЦК из пяти человек... Внутренне мы крепче, чем когда-либо. Возможны временные неудачи, но значения они не могут иметь. Мы победим. Привет всем вам от всех нас».

Тесную связь поддерживал Яков Михайлович с Голощекиным и другими товарищами, вошедшими в Сиббюро ЦК, созданное в конце 1918 года Центральным Комитетом для руководства партийной работой в Сибири.

Приходили письма от Нейбута, Масленникова, Яковлева, Шумяцкого, работавших в колчаковском тылу, от товарищей с Украины, с Запада.

Несмотря на непрерывные аресты, пытки и казни, подпольные партийные организации в тылу врага росли, крепли, набирали сил, стояли во главе масс, поднимавшихся на борьбу за свое освобождение.

Тяжелой была эта борьба. Сколько прекрасных товарищей, закаленных большевиков сложили свои головы! Не стало наших чудесных екатеринбуржцев Сережи Черепанова и Маруси Авейде, растерзанных колчаковцами. Пали от рук палачей туруханцы Александр Масленников, пламенный агитатор и трибун Боград, Валентин Яковлев, погибла Ольга Дилевская и многие, многие другие. Но недаром сложили они свои головы, недаром отдали свою жизнь за дело партии. Высоко вознеслось над Уралом и Сибирью победное Красное знамя коммунизма, на котором алеют капли и их крови. Никогда не забудут уральцы и сибиряки их славные имена.

30 АВГУСТА 1918 ГОДА...

День 30 августа 1918 года начался как обычно. Как всегда, шли в Секретариат ЦК посетители, много было бумаг, писем. Около полудня раздался телефонный звонок. Я сняла трубку и услышала голос Якова Михайловича:

— Из Питера получено сообщение: убит Урицкий. Феликс выезжает туда...

Все было как обычно, а Урицкого не стало, не стало пламенного революционера, так много сделавшего для победы Октября, для упрочения Советской власти. Сначала Володарский, теперь Урицкий.

30 августа была пятница — партийный день. По городу шли митинги, собрания. Владимир Ильич должен был выступать в Басманном районе и в Замоскворечье, на заводе Михельсона; Яков Михайлович — в Лефортовском районе, во Введенском народном доме. Тема была: «Две власти — диктатура пролетариата и диктатура буржуазии».

Под вечер я созвонилась с Яковом Михайловичем: как, состоятся собрания? Он даже удивился: что же, мы испугаемся всякой буржуазной сволочи? Прятаться начнем? Конечно, состоятся! И об Урицком расскажем.

Мне в этот день обязательно нужно было съездить

в Кунцево, к ребятишкам, жившим там на даче. Вечером, закончив наиболее срочные дела, я захватила кое-какие продукты и отправилась в Кунцево, решив там переночевать. Яков Михайлович обещал тоже подъехать попозже ночью.

Только я приехала на дачу, как позвонил Яков Михайлович. Я с трудом узнала его обычно спокойный голос, столько в нем было тревоги:

— Ильич ранен... тяжело...

Ничего больше Яков Михайлович не добавил, не сообщил никаких подробностей, сказал только, чтобы я его не ждала — не приедет, чтобы на следующий же день перебиралась с ребятами в Москву, и положил трубку.

Спать я не могла. Едва рассвело, я собрала пожитки, погрузила ребят в машину и поехала в Москву. Кремль выглядел как-то необычно, настороженно. Все было то же, что и вчера, что и неделю назад, и не то. Так же, как и обычно, стояли у кремлевских ворот часовые, но вид у них был необычно суровый, на лицах — тревога, руки крепче, чем всегда, сжимали винтовки. С небывалой придирчивостью проверяли они пропуска.

Как и всегда, встречались редкие в этот ранний час прохожие, но все они шли быстро, куда-то спешили. Над Кремлем повисла угрюмая, тревожная тишина.

В нашей квартире было пусто, кровать Якова Михайловича стояла нетронутой. Ночь он провел возле Ильича — то в его квартире, то в кабинете, «примостившись на стульях», как писала потом Надежда Константиновна.

Встретились мы с Яковом Михайловичем только днем в его кабинете, когда я пришла к нему с неотложными делами Секретариата. Он коротко рассказал мне подробности злодейского покушения и сказал, что положение Ильича тяжелое, но не безнадежное. «Тяжелое, но не безнадежное» — это Яков Михайлович повторял постоянно, пока в состоянии Ильича не наметился перелом и дело не пошло на поправку.

Ни в этот раз, ни позднее я не заметила и не замечала у Якова Михайловича ни тени растерянности, никакой нервозности. Он казался еще тверже, еще решительнее и собраннее, чем всегда. Надежда Константиновна, которая узнала о покушении, только вернув-

шись с какого-то совещания, когда Ильич был уже доставлен домой, писала:

«У нас в квартире было много какого-то народу, на вешалке висели какие-то пальто, двери непривычно были раскрыты настежь. Около вешалки стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный... «Как же теперь будет?» — обронила я. «У нас с Ильичем все сговорено»,— ответил он».

Как должное принял Яков Михайлович всю тяжесть ответственности, которая легла теперь на его плечи. Ответственность эта была тем больше, что многих членов ЦК в первые дни после покушения на Ильича не было в Москве: Дзержинский уехал в Петроград, Сталин был в Царицыне, Артем — на Украине, кто был на фронте, кто где.

В дополнение к его постоянной работе в ЦК и во ВЦИК Якову Михайловичу пришлось теперь решать и основные вопросы по Совнаркому. Он же и председательствовал на ряде заседаний СНК, проходивших во время болезни Ильича.

«В те дни, — вспоминает Л. А. Фотиева, — когда Владимир Ильич после ранения был тяжело болен, работа по Совнаркому перешла к Я. М. Свердлову, который продолжал одновременно работу и во ВЦИК и в ЦК партии.

Яков Михайлович приходил тогда ежедневно часа на два-три в Совнарком и работал в кабинете Владимира Ильича».

Григорий Иванович Петровский писал: «Во время болезни Владимира Ильича Совнарком собирался на краткие заседания, которыми руководил Я. М. Свердлов».

Дома Яков Михайлович в эти дни почти не бывал, ночевал обычно у себя в кабинете, а если и приходил на несколько часов, то такой измотанный, что жутко становилось. Однако утром, после короткого сна, он снова был бодр, снова полон энергии. Несколько раз он говорил мне, как ему сейчас пригодилось, что он постоянно участвовал в работе Совнаркома, был в курсе всех дел, как это теперь облегчает ему работу.

— Но как трудно, — говорил Яков Михайлович, — как невозможно трудно без Ильича!

Выступая 2 сентября 1918 года на заседании ВЦИК, Яков Михайлович говорил: «Каждый из вас рос в каче-

стве революционера, работал и воспитывался под руководством товарища Ленина. Вы знаете, что товарища Ленина заменить мы не можем никем».

Яков Михайлович узнал о покушении, когда вернулся из Введенского народного дома, с собрания. Ему сообщили о случившемся по телефону, и он сразу кинулся к Ильичу. Ильич был уже дома. Около него хлопотали Вера Михайловна Бонч-Бруевич — первая из врачей, оказавшая ему помощь, и Мария Ильинична. Затем приехали профессора Розанов, Минц. Вернулась Надежда Константиновна.

Вызвав Аванесова, Петровского и Курского, Яков Михайлович поехал с ними в ВЧК, куда была доставлена Каплан. Он проверил, как ведется расследование, какие меры принимаются для раскрытия чудовищного злодеяния. Первые допросы Каплан он поручил Петровскому и Курскому.

В тот же вечер Яков Михайлович обратился от имени ВЦИК к трудящимся нашей Родины.

«Несколько часов тому назад, — говорилось в воззвании, — совершено злодейское покушение на товарища Ленина... На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще бо́льшим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертельный удар...

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах! Теснее ряды!

Председатель ВЦИК Я. Свердлов»

Со всех концов страны и из-за границы, с фронтов, с фабрик и заводов, из деревень и сел летели в Москву, в Кремль сотни, тысячи телеграмм, резолюций, постановлений. Гневом и ненавистью к врагам трудящихся дышали слова рабочих и крестьян на митингах Москвы, Петрограда, Тулы, Нижнего, Иванова — сотен городов, тысяч сел необъятной России. Теснее сомкнули коммунисты свои ряды.

2 сентября, через день после покушения на Ленина,

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял решение о красном терроре. «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти, — гласило постановление ВЦИК, — рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

День спустя, 3 сентября 1918 года, Каплан, совершившая злодейское покушение на Ленина, по приговору ВЧК была расстреляна. Приговор привел в исполнение комендант Кремля, бывший балтийский матрос Павел Дмитриевич Мальков.

●

Прошло несколько дней, и могучий организм Ильича справился с последствиями тяжелого ранения. Ильич начал поправляться. Уже в середине сентября он приступил к работе. Однако Ильич поторопился. Ему вновь стало хуже. Врачи категорически настаивали на длительном отдыхе где-нибудь вне Москвы, за городом.

Тогда Яков Михайлович поручил Малькову объездить Подмосковье и найти такое помещение, которое можно было бы в короткий срок привести в порядок, чтобы Ильич смог туда переехать. Он предупредил Малькова, что дом подобрать надо хороший, с обширным участком, лучше с парком, но не слишком большой, не роскошный. Не поедет в такой Ильич.

Мальков осмотрел ряд особняков, которых немало тогда пустовало под Москвой, и остановил свой выбор на бывшем имении Рейнбюта в Горках. Яков Михайлович одобрил выбор Малькова и ему же поручил оборудовать Горки, чтобы Ильич мог поскорее туда переехать, предупредив, что местопребывание Ильича надо сохранить в тайне.

Прошло несколько дней, все необходимое было сделано, дом приведен в порядок, и Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной переехал в Горки. Яков Михайлович сам следил, чтобы в Горках было все нужное.

Яков Михайлович и раньше часто бывал на квартире Ильича, часто он ездил и в Горки. А то посылал Ильичу коротенькие записки, информируя его по важнейшим вопросам, пересылал наиболее важные документы.

Иногда Яков Михайлович брал с собой к Ильичу

ребят, особенно часто Верушку. С ней он бывал у Ильича в Москве, с ней и с Андреем ездил в Горки. Владимир Ильич привязался к Верушке и охотно с ней возился...

Минул сентябрь. В первых числах октября стали поступать вести о начале революционных событий в Германии. Вопреки предписаниям врачей Ильич хотел прервать отдых, хоть ненадолго приехать в Москву. 1 октября 1918 года он писал Якову Михайловичу:

«Дела так «ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам... Надо созвать *завтра* соединенное собрание.

ЦИК

Московского Совета

Райсоветов

Профессиональных союзов и прочая и прочая...

Назначьте собрание в среду в 2 ч... мне дайте слово на 1/4 часа вступления, я приеду и уеду назад. Завтра утром пришлите за мной машину (а по телефону скажите только: *согласны*).

Привет! Ленин»

Все указания Ленина были выполнены, собрание состоялось, правда, не в среду, а в четверг, но сам он на собрании не присутствовал.

«Согласия на приезд Ильич не получил: несмотря на его страстную просьбу дать это согласие, — вспоминает Н. К. Крупская, — берегли сугубо его здоровье. Объединенное собрание было назначено на 3-е, на четверг, а 2-го, в среду Ильич лишь написал собранию письмо. Объединенное собрание заслушало письмо Ильича, приняло резолюцию в том духе, в каком хотел Ильич...

Ильич знал, что машины за ним не пришлют, а все же в этот день сидел у дороги и ждал машины...»

Это был редкий случай, когда Яков Михайлович поступил вопреки воле Владимира Ильича. Воля Ильича была для Якова Михайловича законом, его авторитет — непререкаемым. С первых шагов своей революционной деятельности Яков Михайлович видел в Ленине великого вождя и учителя, и это отношение к Ильичу пронес через всю свою жизнь. С апреля 1917 года, когда Яков Михайлович впервые встретился с Владимиром Ильичем, в дальнейшем, когда близко сошелся с ним, к этому чувству прибавилась любовь к Ильичу как к че-

ловеку, как к товарищу и другу. На VI съезде Советов, подводя итоги пережитому за год, Яков Михайлович говорил: «Каждому из вас понятно, что все мы, кем бы мы ни были, связываем всю нашу революцию и нашу революционную борьбу с именем нашего вождя товарища Ленина».

В свою очередь, и Владимир Ильич, пристально наблюдавший за ростом Свердлова, все больше и больше ценил его, полагался на его политическое чутье и практический опыт.

Каково было отношение Владимира Ильича к Якову Михайловичу, я поняла, пожалуй, впервые в Октябрьские дни. Было это числа 26—27 октября 1917 года. Я случайно встретилась с Ильичем в одном из коридоров Смольного. Он шел вдвоем с Надеждой Константиновной, о чем-то вполголоса разговаривая с ней. Вид у него был усталый, выражение лица сосредоточенное, хмурое.

Эта встреча была первой после 1906 года, после IV съезда партии, и Ильич меня, конечно, не узнал. Ведь лет-то прошло немало, да и на IV съезде говорить мне с ним с глазу на глаз не довелось. С Надеждой Константиновной же мы встречались не раз.

Я посторонилась и издали поклонилась им, а Надежда Константиновна, увидев меня, подошла и поздоровалась. Ильич остановился и ждал, пока мы кончим разговор, но было видно, что он торопится и не очень доволен этой неожиданной задержкой.

— Ты знаешь, кто это? — обратилась к нему Надежда Константиновна.

Чуть прищурившись, Ленин внимательно посмотрел на меня. Я подошла.

— Ведь это же Клавдия Тимофеевна Новгородцева, заведующая «Прибоем», жена Якова Михайловича!

Надо было видеть, как мгновенно изменился Ильич. Разгладились морщины на высоком лбу, ласковая улыбка словно озарила лицо, а в глазах загорелись такие теплые, такие веселые и хорошие искорки. Дружески, как очень близкому человеку, он пожал мне руку, сказал пару слов, и мы разошлись.

В дальнейшем я нередко видела Владимира Ильича вместе с Яковом Михайловичем, иногда присутствовала при их разговорах, постоянно слышала от Якова Михайловича о Владимире Ильиче и все больше убеждалась,

какое единогласие было между ними. Они как-то удивительно быстро, буквально с полуслова понимали друг друга. Любую мысль, любое указание Владимира Ильича Яков Михайлович сразу подхватывал и безоговорочно принимал. Принимал не только потому, что безгранично верил в великую мудрость и прозорливость Ильича, но и потому, что строй его собственных мыслей полностью соответствовал мыслям Ильича.

В одном из блокнотов Якова Михайловича я видела как-то копию его записки Чичерину. Яков Михайлович писал, что надо подготовить ноту Финляндии в связи с тем, что финны накапливают свои войска возле нашей границы. Заканчивается записка так: «С Владимиром Ильичем я не говорил на этот счет, но не ожидаю возражений с его стороны. Сделать это нужно сегодня же... Если считаете необходимым, снеситесь предварительно с Ильичем. Я на заседании и не могу сам переговорить».

Я не знаю ни одного случая за время совместной работы Владимира Ильича с Яковом Михайловичем, чтобы Яков Михайлович разошелся с Ильичем в каком-либо серьезном, принципиальном вопросе.

Единодушие Якова Михайловича с Владимиром Ильичем ярко проявлялось и на заседаниях ВЦИК, в которых Владимир Ильич постоянно участвовал в первые годы революции. Мне особенно запомнилось объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета и представителей профсоюзов в мае 1918 года. Это было еще до разрыва с левыми эсерами, и их было полно в зале. Были и правые эсеры и меньшевики.

Ленин выступал с докладом о текущем моменте, и вся эта публика ополчилась против Ленина, против нашей партии, попыталась дать большевикам жестокий бой. Фракция левых эсеров выставила своего содокладчика — Камкова. В прениях выступали искушенные в словесных боях закоренелые противники большевизма вроде Дана и Мартова. И вот когда прения подошли к концу, когда надо было подвести итог, с заключительным словом по докладу Ленина выступил Свердлов.

Владимиру Ильичу надо было уехать, и в момент напряженнейшей борьбы он покинул заседание, предоставив Якову Михайловичу выступить за него с заключительным словом. Сидя тогда в зале, я подумала, каким доверием Ильича надо было для этого располагать! И Яков Михайлович оправдал это доверие. Он подверг

эсеров и меньшевиков сокрушительной, уничтожающей критике.

Часто принимая кого-либо из товарищей, беседуя с посетителями, Владимир Ильич приглашал Якова Михайловича, и они вместе вели беседу. Бывало, Владимир Ильич поручал Якову Михайловичу принять вместо себя того или иного товарища.

Вот, например, Владимиров, в те годы один из руководителей продовольственного дела в стране, пишет Ленину, что считает нужным поехать на юг для организации военного снабжения и т. д. Владимир Ильич отвечает: «Почему Вы не сговорились со Свердловым, как мы условились?»

Или на заседании Совнаркома подают Ильичу записку, что надо бы принять декрет о посылке на фронт уполномоченных СНК. Ильич пишет в ответ:

«Какой декрет? Я думал: заявим здесь и все. Свердлов «отберет» людей».

Бывало, Владимир Ильич брал телефонную трубку, чтобы дать Якову Михайловичу какое-либо практическое указание, и в ответ слышал спокойный голос Свердлова: «Уже». Это значило, что уже сделано, уже меры приняты, уже люди посланы, уже указания даны.

Как-то, помнится, осенью 1918 года в Колонном зале Дома Союзов должно было состояться какое-то собрание. Мы часто ходили на собрания вместе с Яковом Михайловичем, но тут он позвонил, что немного задержится, и я пошла одна. Собрание еще не началось. В фойе стоял Владимир Ильич, окруженный группой товарищей. Были тут, кажется, Владимирский, Ярославский, Мальков, еще кто-то, уже сейчас не помню. Владимир Ильич говорил о необходимости запечатлеть текст Советской Конституции на обелиске Свободы, что недавно был установлен против Моссовета, на месте снесенного Советской властью памятника царскому генералу Скобелеву. В тот момент, когда я подошла, он горячо развивал свою мысль.

— Да-да, — говорил Владимир Ильич, — обязательно надо высечь текст Конституции, обязательно!

В это время подошел Яков Михайлович. Ильич обратился к нему:

— Яков Михайлович, следовало бы подумать о том, чтобы текст нашей Конституции запечатлеть на обелиске Свободы перед Моссоветом. Как ваше мнение?

— Ну что ж! — ответил Яков Михайлович. — Вот после собрания и пойдем посмотрим, как оно получилось. Как раз вчера текст Конституции высечен. Уже готово.

Владимир Ильич расхохотался:

— Ну конечно! У Якова Михайловича всегда «уже готово»!

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Шли дни за днями, и каждый день был до предела наполнен событиями, делами, большими и малыми.

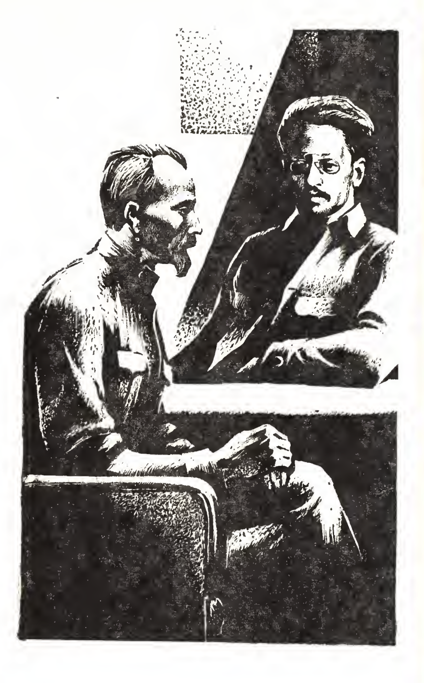
Осенью 1918 года в Москву начали съезжаться посланцы молодого поколения трудящихся нашей Родины. 29 октября открылся I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи, принявший историческое решение об организации Российского Коммунистического Союза Молодежи — славного комсомола.

Съезд направил делегацию к Ленину. Тепло и любовно встретил Ильич делегатов, обстоятельно обсудил с ними задачи, стоявшие перед комсомолом. А когда беседа окончилась, Владимир Ильич направил делегатов к Якову Михайловичу. Он вручил им записку, в которой писал Якову Михайловичу, чтобы тот распорядился выдать делегатам девять обедов в совнаркомовской столовой.

Беседа с делегатами произвела на Якова Михайловича большое впечатление.

— Что за замечательный народ, организаторы комсомола, — говорил он потом, — какая энергия, энтузиазм, какое понимание своих задач, широта взглядов, перспективы!..

Один из участников этой делегации, поэт Александр Безыменский, подробно описал встречу комсомольцев с Лениным и Свердловым. О беседе с Яковом Михайловичем он пишет: «Делясь впечатлениями от только что закончившейся беседы с Владимиром Ильичем, мы двинулись к товарищу Свердлову. Завязался длинный разговор об организационном построении комсомола, его ЦК, губкомов и райкомов. Великий знаток организационных дел, Яков Михайлович дал нам множество советов, точных указаний, вместе с нами планировал развитие областей работы РКСМ, вместе с нами помечтал, кое за что пожурил.



Когда наша беседа приблизилась к концу, наш «докладчик» показал Якову Михайловичу записку Владимира Ильича. Товарищ Свердлов весело улыбнулся, позвал какого-то товарища, попросил его принести девять талонов на обед и, спрятав записку Ленина в ящик стола, отдал нам талоны...

Попрощавшись с нами, Яков Михайлович приметил, что мы не уходим, переглядываемся, топчемся на месте.

— Признавайтесь, товарищи! Вы еще что-то хотите мне сказать?

Тут вышел вперед один из нас:

— Да, Яков Михайлович. У нас к вам огромная просьба... Отдайте нам записку Ленина. Десяткам поколений советской молодежи эта записка расскажет о Ленине больше и лучше, чем сотни статей».

●

6 ноября 1918 года в Москве открылся VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. Съезд этот был необычный, особенный: он собрался ровно через год после победы Октября, подводил итоги первому году существования Советской России. Открывая съезд, Яков Михайлович говорил: «Ровно год тому назад открывался съезд Советов, передавший власть в России в руки рабочих и крестьян. Тот съезд открывался под звуки выстрелов, под грохот орудийных залпов... теперь мы можем сказать с полной уверенностью, что по всему лицу России Советская власть стоит твердо и незыблемо».

Была у VI съезда Советов и еще одна особенность: съезд был почти целиком большевистским, тогда как на всех предыдущих съездах, начиная со II, не менее трети делегатов составляли эсеры, меньшевики и прочие. На VI съезде из тысячи трехсот примерно делегатов большевиков было около тысячи двухсот пятидесяти и лишь три-четыре десятка составляли представители других партий и беспартийные.

Съезд проходил с исключительным подъемом, с редким единодушием. Бурными овациями встретили делегаты съезда предложение об избрании Ильича почетным председателем съезда, а что поднялось, когда Ильич взошел на трибуну и начал свой доклад о международном положении! Казалось, обрушится потолок Большого театра, развалятся стены!

Но и это было не все. В разгар работ съезда были получены сведения о начале революции в Германии, и когда Яков Михайлович сообщил, что германский кайзер Вильгельм свергнут, что в Гамбурге власть перешла в руки рабочих, матросов и солдат, а по всей Германии идут митинги и демонстрации, поднялась новая буря оваций, и под сводами Большого театра долго гремело могучее «ура». Со всех концов страны, от рабочих, красноармейцев, крестьян шли бесконечные письма и телеграммы. Трудящиеся нашей Родины приветствовали VI съезд Советов, приветствовали германскую революцию и слали самые горячие приветствия Владимиру Ильичу и Карлу Либкнехту.

•

К октябрю 1917 года в России скопились сотни тысяч военнопленных. В своем подавляющем большинстве это были немецкие, венгерские, австрийские, чешские, югославские рабочие и крестьяне. Среди них было немало революционеров, многие из военнопленных всей душой были с трудящимися России, с большевиками.

Сразу после Октября в Питер, в Смольный, затем в Москву, в Кремль, потянулись десятки делегаций от многочисленных групп военнопленных, желавших отдать себя служению революции и просивших использовать их в борьбе молодой Советской России против ее внешних и внутренних врагов. На сотнях митингов и собраний военнопленные выносили постановления о поддержке Советской власти. В ряде мест в дни революционных боев военнопленные вливались в отряды красногвардейцев, а кое-где и возглавляли эти отряды, героически сражаясь плечом к плечу с русскими рабочими, солдатами и крестьянами против белогвардейцев и интервентов.

Центральный Комитет партии очень быстро оценил ту роль, которую могут сыграть военнопленные. Помню, как однажды в Кремле собралось у нас несколько товарищей. Речь зашла о военнопленных. Яков Михайлович разъяснил одному из уральцев, что военнопленные — это десятки тысяч будущих агитаторов, которые разбредутся по городам и деревням Германии, Австрии, Венгрии и будут рассказывать о том, что они видели в России, о том, как мы завоевали власть и строим но-

вое государство — государство трудящихся. Необходимо, подчеркивал Яков Михайлович, растолковать военнопленным ясно и вразумительно, на их родном языке, все значение нашей революции, значение того, что именно мы заключили мир, разъяснить суть нашей мирной политики.

Среди военнопленных была развернута большая организационная и агитационная работа. При ЦК РКП(б) была образована так называемая федерация иностранных групп РКП(б), на которую была возложена работа по объединению коммунистов из числа военнопленных, подготовка из их среды агитаторов и пропагандистов, постановка широкой печатной пропаганды.

Яков Михайлович был одним из инициаторов и практических организаторов этого дела. Мы в Секретариате ЦК постоянно получали от него указания по организации работы среди военнопленных. Венгерский коммунист Бела Кун, ставший во главе федерации иностранных групп, часто бывал у нас дома. Был он с виду угрюм, на первый взгляд несколько грубоват, но надо было видеть, какой теплой, мягкой улыбкой озарялось его лицо, когда Бела Кун разговаривал с Яковом Михайловичем. А какое нежное, полное глубокой скорби письмо прислал он мне из Будапешта, получив весть о смерти Якова Михайловича!

В середине ноября 1918 года, как раз после VI съезда Советов, предполагалось провести конференцию венгерских коммунистов из числа военнопленных. Яков Михайлович принимал горячее участие в ее подготовке, в обеспечении делегатов всем необходимым. 31 октября он писал в Наркомпрод:

«Прошу сделать все возможное для снабжения продуктами венгерской конференции в 120 человек...»

В ВЧК:

«Прошу оказать необходимое содействие т. Бела Кун и его товарищам венграм по их обмундированию на европейский лад».

Теперь, когда в Германии грянула революция, когда рухнула германская монархия и распалась Австро-Венгерская империя, бывшие военнопленные, в первую очередь коммунисты, рвались домой, на родину.

Бела Кун не хотел терять ни часу. Он готов был ехать в Венгрию тут же, в первый же момент. И дей-

ствительно, вскоре он уехал. Перед отъездом зашел проститься, долго разговáривал с Яковом Михайловичем.

Революция в Германии положила конец господству германских оккупантов над обширными территориями нашей Родины. 13 ноября 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет аннулировал Брестский договор. Германские войска стремительно покатились на запад. Скидывали ненавистное ярмо оккупации народы Украины, Белоруссии, Прибалтики. ВЦИК принял постановление о признании независимых советских республик — Эстляндии, Литвы, Латвии.

Сам не свой от радости ходил в эти дни Петр Иванович Стучка. Старый большевик, один из руководителей латвийских коммунистов, крупный деятель нашей партии и Советского государства, Стучка горячо любил свою многострадальную родину, любил славный, трудолюбивый и мужественный латышский народ и всей душой стремился в Ригу. Однако улицы Риги еще попирал сапог немецких оккупантов. Тем не менее большевики Латвии, твердо веря в скорое освобождение своей родины, решили созвать в январе 1919 года I Вселатвийский съезд Советов.

Радостный явился Стучка к Якову Михайловичу и от имени трудящихся Латвии и латвийского правительства пригласил его на открытие съезда. Яков Михайлович внимательно выслушал Стучку, с минуту помедлил и, улыбаясь, ответил:

— Приглашение принимаю с радостью, но... при одном условии: приеду на съезд только в том случае, если рабочие Латвии освободят Ригу и созовут съезд в своей столице.

Рига была освобождена 3 января 1919 года, и Вселатвийский съезд открылся в назначенный срок. С веселым, приподнятым настроением уезжал Яков Михайлович в Ригу. Кто мог тогда знать, что недолго просуществует Советская власть в Латвии, что много лет пройдет до той поры, когда вновь войдет латышский народ в дружную семью советских народов? Кто мог знать, что Яков Михайлович не доживет до этих дней, что это была одна из последних его поездок? Никто этого тогда не знал, и радостное оживление царило на вокзале, когда мы провожали Якова Михайловича в путь.

В Риге Свердлова встретил Петр Иванович Стуч-

ка — председатель латвийского советского правительства, встретили другие товарищи. 13 января Яков Михайлович, как и обещал, выступил перед делегатами I Вселатвийского съезда Советов.

В своей приветственной речи он отметил, какой значительный вклад внесли трудящиеся Латвии в борьбу русских рабочих за свободу и независимость Советской России. Яков Михайлович напомнил делегатам о решении ВЦИК признать независимость Латвии и выразил твердую уверенность, что это не ослабит, а упрочит узы дружеских связей трудящихся Латвии с рабочими и крестьянами России, сблизит Латвию и Россию. В тот же вечер Яков Михайлович участвовал в заседании латвийского советского правительства.

Как вспоминает Ф. В. Линде, Яков Михайлович «вникал в мельчайшие детали нашей работы. Особенно его интересовала структура верховного органа власти нашей республики, которая отличалась от структуры РСФСР. Тут же он сделал карандашный набросок, и мне пришлось подробно объяснять работу всех наркоматов и их взаимоотношения, порядок прохождения декретов и постановлений правительства (я был тогда народным комиссаром юстиции Советской Латвии). В то время заседания правительства происходили в здании бывшего лифляндского дворянского ландтага, то есть Дома рыцарства, где теперь находится Президиум Верховного Совета Латвии. Стены зала заседаний тогда еще были покрыты разноцветными эмалированными гербами лифляндских дворян. Яков Михайлович с большим любопытством рассматривал эти гербы и просил П. И. Стучку объяснить, какому барону какой герб принадлежит. Так как ни Петр Иванович, ни кто-либо другой в геральдике искушен не был, то он в шутку обещал Якову Михайловичу поручить наркому внутренних дел Латвии изловить самих баронов и с гербами послать их в Москву для объяснений».

Вернувшись из Риги, Яков Михайлович недолго пробыл в Москве. В конце января он выехал в Минск и 31 января участвовал в заседании Центрального бюро КП(б) Белоруссии.

2 февраля 1919 года в Минске открылся I съезд Советов Белоруссии. Съезд открыл А. Ф. Мясников и первое слово предоставил председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Долго не

смолкавшей овацией встретили делегаты съезда появление Якова Михайловича на трибуне.

«Русский пролетариат, — заявил Свердлов, — никогда не забудет того, что вы первыми приняли на себя удар и натиск германского империализма, остановив его продвижение в глубь страны».

Из Минска Яков Михайлович проехал в Вильно и только оттуда вернулся в Москву.

В конце февраля 1919 года Яков Михайлович выехал в Харьков, на III съезд КП(б)У и III Всеукраинский съезд Советов.

III съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины открылся 1 марта 1919 года. В день открытия съезда Яков Михайлович выступил с приветственной речью от имени ЦК РКП(б). Он вспомнил о том, как несколько месяцев тому назад ему пришлось приветствовать II съезд КП(б)У, но это было в Москве, так как Компартия Украины была тогда в подполье. Теперь она стала на Украине правящей партией, собрала свой съезд в столице Украины свободно и легально.

Яков Михайлович говорил о целостности, единстве Российской партии коммунистов, независимо от того, какие бы самостоятельные национальные республики ни возникли на месте бывшей Российской империи. «Мы... полны сознанием... — говорил он, — что в качестве партии остаемся единой Российской Коммунистической партией...»

Четырежды выступал Яков Михайлович на III съезде КП(б)У, призывая украинских большевиков к единству, к сплоченности. В Коммунистической партии Украины тогда было не все благополучно. Шла ожесточенная внутрипартийная борьба, носившая порой не вполне принципиальный характер. Много примешивалось личного, ненужного. Обострял разногласия Пятаков, один из бывших лидеров «левых коммунистов», занимавший руководящий пост в ЦК КП(б)У.

Много лучшего оставлял желать и ход дискуссии в первые дни съезда. Яков Михайлович телеграфировал нам с Аванесовым из Харькова: «На съезде временами страсти разгораются, присутствие все время оказывается полезным, говорят... Улаживаю кучи ведомственных конфликтов между военным, продовольствием, совнархозами».

С обстоятельной речью выступил Яков Михайлович

по отчету ЦК КП(б)У. Он дал резкий отпор тем, кто пытался нарушить единство украинских большевиков.

«Я только не понимаю, — говорил Яков Михайлович, — как могут товарищи, выступившие здесь, перед партийным съездом, бросать друг другу столь тяжелые и необдуманные обвинения, которые здесь бросались... мы должны прежде всего подходить друг к другу как старые партийные товарищи.

Здесь имеются у нас две группы, ведущие резкую борьбу... Ни те, ни другие товарищи не имеют права забывать, что они являются членами одной общей партии, и как бы сегодня ни сложилось большинство на этом съезде, какой бы ЦК ни был избран, он должен будет объединить всех товарищей, работающих на Украине, он должен будет получить общие директивы от ЦК Российской Коммунистической партии и проводить их здесь в жизнь... только при наличии крепкой партийной организации можно справиться с той огромной разрухой, с которой приходится встречаться везде и всюду».

Как только закончился партийный съезд, открылся III Всеукраинский съезд Советов. Яков Михайлович принял участие в его работах и лишь после этого выехал в Москву. Это была последняя поездка Якова Михайловича...

«ДО ПОСЛЕДНЕГО БИЕНИЯ СЕРДЦА...»

Уже в Харькове, в дни напряженной борьбы за единство украинских большевиков, Яков Михайлович почувствовал первые приступы болезни. Но он не хотел ей поддаваться, твердо верил, что преодолеет болезнь, как это бывало уже не раз, как это было в царских тюрьмах и в Максимкином Яру, в Курейке и в Монастырском. Дел было слишком много, дел важных и неотложных, и он не считал себя вправе терять хоть час.

6 марта, выступив на III Всеукраинском съезде Советов, Яков Михайлович выехал из Харькова в Москву, но и в дороге он продолжал напряженную работу. В Белгород, Курск, Орел, Тулу, Серпухов летели телеграммы.

«Белгород, Комитету коммунистов

Выезжаю из Харькова 6 марта в 21 час, буду в Белгороде в 23 часа. Прошу придти в мой поезд совместно с президиумом Исполкома.

Свердлов»

«Курск, Губком коммунистов

Проезжая Курск, считаю целесообразным переговорить по некоторым вопросам, партийным и советским. Прошу придти в мой поезд совместно с президиумом Губисполкома. Буду в Курске в пять часов утра седьмого марта.

Пред. ВЦИК Свердлов»

«Орел, Губком коммунистов, Губисполком

...Прошу придти в мой поезд президиумы...

Пред. ВЦИК Свердлов»

«Тула, Губком коммунистов, Губисполком

...Прошу прибыть...

Пред. ВЦИК Свердлов»

«Серпухов, Реввоенсовет Республики...»

Десятки людей, возглавлявших губернии и армии, шли в поезд председателя ВЦИК, докладывали Свердлову о состоянии дел, советовались, получали указания. А температура у Якова Михайловича ползла вверх...

В Белгороде, узнав о проезде Свердлова, на станции собрались сотни крестьян, ходоки от сел и деревень. Яков Михайлович вышел к ним в демисезонном пальтишке, в котором ходил постоянно. Это было все то же пальто, которое он получил еще в 1909 году в Екатеринбурге, по выходе из тюрьмы, с плеч одного местного либерала. Другого Свердлов так и не приобрел.

Вопросов у крестьян к председателю ВЦИК было множество, беседа затянулась чуть не на два часа, а когда Яков Михайлович вошел в вагон, ему стало настолько плохо, что пришлось лечь.

Но в Курске повторилось то же. Превозмогая предательскую слабость, Яков Михайлович провел всю намеченную работу, побеседовал и с посланцами курских крестьян. К Орлу стало еще хуже. А в Орле в железнодорожном депо в связи с его приездом собралось около тысячи рабочих. Яков Михайлович отправился на митинг. Когда он появился на самодельной трибуне, его встретили овацией.

В депо было холодно, сквозь выбитые стекла свистал ветер.

С огромным вниманием слушали Якова Михайлови-

ча орловские железнодорожники. Это было последнее выступление Свердлова, последняя речь товарища Андрея.

Когда Яков Михайлович приехал домой, на нем уже лица не было. Смерили температуру: 39 градусов с лишним. Однако утром он встал и, как я ни сопротивлялась, ушел. Ведь за время его отсутствия накопилась масса неотложных срочных дел. Особенно волновал его ход подготовки к VIII партийному съезду.

Еще в конце января, когда был решен вопрос о сроках созыва съезда, Яков Михайлович телеграфировал членам ЦК, которых не было в Москве:

«Нами намечен партийный съезд на 10 марта. Предполагаемый порядок дня: 1. Программа. 2. Коммунистический Интернационал. 3. Военное положение и военная политика. 4. Работа в деревне. 5. Организационные вопросы... Право избирать (делегатов съезда. — *К. С.*) имеют члены партии, вошедшие за 6 месяцев до съезда, быть избранным — вошедшие до Октябрьской революции. Прошу немедленно сообщить Ваше отношение.

Свердлов»

В середине февраля Яков Михайлович передал в Секретариат ЦК для рассылки всем губкомам написанный им циркуляр о порядке подготовки к съезду. 20 февраля он выступил на собрании коммунистов Рогожского района Москвы с докладом о задачах VIII съезда партии. В этот же день писал одному из членов ЦК, прося его прислать набросок части программы партии, так как «программная комиссия заканчивает предварительную работу».

Перед самым отъездом в Харьков Яков Михайлович написал руководителям ряда губкомов: Самарского, Вологодского, Воронежского, давая им советы, как проводить предвыборную кампанию к съезду.

Вот и теперь, сразу по приезде, невзирая на болезнь, Яков Михайлович с головой ушел в дела, решал предсъездовские вопросы. На следующий день после приезда он участвовал в заседании Совнаркома, провел заседание президиума ВЦИК, созвал товарищей, занимавшихся подготовкой съезда партии, а к ночи ему стало совсем плохо. Это было 9 марта.

Однако он и тут не хотел сдаваться. По требованию Якова Михайловича я в эту же ночь отправила Ильичу

несколько документов, с которыми Яков Михайлович хотел немедленно ознакомить Ленина.

Тайком от Якова Михайловича я приложила к этим документам короткую записку от себя. Я написала Ильичу, что вчера у Якова Михайловича температура была 39°, а сегодня к ночи поднялась до 40,3°...

На следующий день, уже не спрашивая Якова Михайловича, впервые вызвали врачей. Были приглашены два крупнейших специалиста, созвали консилиум. Диагноз был краток — испанка. Испанка, нечто вроде нынешнего вирусного гриппа, свирепствовала тогда в России, в Европе, тысячами косила людей. Но Яков Михайлович был молод, сердце у него работало бесперебойно, и врачи надеялись на благополучный исход. Однако ему становилось все хуже.

Сестры Якова Михайловича не покидали нашей квартиры ни на минуту, из Нижнего приехал старик отец, из Саратова — наш старый товарищ еще по Перми, врач по образованию, Александр Николаевич Соколов. Приехал Ваня Чугурин, беспрестанно появлялся Варлам Аванесов...

Вереницей шли к Якову Михайловичу люди. Шли члены ЦК и работники московской организации, члены ВЦИК, наркомы и начавшие съезжаться делегаты VIII партийного съезда. Сколько было среди них товарищей, сколько боевых соратников, друзей! Всех волновал вопрос, что со Свердловым, как он? Каждый хотел ободрить, сказать дружеское слово, никто не думал о печальном конце.

Но не было никакой возможности всех пустить к Якову Михайловичу. С каждым днем он становился слабей, болезнь захватила легкие. Лишь некоторые члены ЦК, самые близкие товарищи приходили в комнату к Свердлову и то оставались там всего несколько минут. Приходил Дзержинский. Приходили Сталин, Загорский, Ярославский, Смидович, Петровский, Владимирский, Стасова...

Владимир Ильич уезжал в эти дни в Петроград. Он вернулся 14 марта и сразу позвонил Якову Михайловичу, но Свердлову уже трудно было говорить. В этот день он стал терять сознание, начался бред. В бреду он все время говорил о VIII съезде партии, пытался вскочить с кровати, искал какие-то резолюции. Ему казалось, что резолюции украли «левые коммунисты», он просил не

пускать их, отобрать резолюции, прогнать их прочь. Он звал сына, хотел ему что-то сказать...

Отчаянно, мучительно боролся подорванный тюрьмами и ссылками, неимоверной нагрузкой и напряжением организм Свердлова. Все было напрасно.

16 марта, на восьмой день после возвращения с Украины, наступило резкое ухудшение. Весть об этом мгновенно распространилась по Кремлю. Все члены ЦК, десятки самых близких товарищей собрались в комнатах, смежных с той, где Свердлов вел свой последний бой с неумолимой смертью. К Якову Михайловичу мы уже не впускали никого. Вместе с сестрами Якова Михайловича, с Аванесовым и Соколовым мы несколько суток не отходили от его изголовья...

Несмотря на то, что в соседних комнатах было полно народу, в квартире царила тишина. Мы не слышали почти ни звука. Вдруг около четырех часов дня за стеной послышалось какое-то движение, дверь тихо открылась, и вошел Ильич. Двое суток, с момента возвращения из Питера, порывался Владимир Ильич к Якову Михайловичу, но его не пускали. Ведь все равно помочь он не мог ничем, а риск заразиться был слишком велик. Но 16 марта, узнав, что Якову Михайловичу стало еще хуже, Ленин махнул рукой на все запреты. Остановить его никто не смог, да и не решился. Быстро пройдя через толпу товарищей, Владимир Ильич вошел к Якову Михайловичу. В этот момент к Свердлову на мгновение вернулось сознание. Он узнал Ильича и ласково, но жалобно, как-то по-детски беспомощно улыбнулся. Владимир Ильич взял его за руку и нежно, ласково стал гладить эту ослабевшую руку.

В страшной, мучительной тишине прошло десять минут, пятнадцать... Рука Якова Михайловича безжизненно упала на одеяло. Владимир Ильич как-то судорожно глотнул, низко опустил голову и вышел из комнаты. Его окружили. Он молча взял со стола свою кепку, резко надвинул ее на самые глаза и, ни на кого не глядя, никому не сказав ни слова, по-прежнему низко склонив голову, ушел.

Через несколько минут Якова Михайловича не стало. «Пока сердце бьется у меня в груди, пока в жилах моих струится кровь, — говорил Яков Михайлович, — я буду бороться». И он боролся до самого конца, до самой последней минуты, всего себя отдав партии,

«Товарищи, первое слово на нашем съезде, — говорил Владимир Ильич Ленин, открывая VIII съезд партии, — должно быть посвящено тов. Якову Михайловичу Свердлову... если для всей партии в целом и для всей Советской республики Яков Михайлович Свердлов был главнейшим организатором... то для партийного съезда он был гораздо ценнее и ближе... Здесь его отсутствие скажется на всем ходе нашей работы, и съезд будет чувствовать его отсутствие особенно остро».

Из Харькова и Уфы, из Киргизии, Питера и Тулы, из Польши, с Урала и из Киева, из Германии и Венгрии, от собраний коммунистов и комсомольцев, с фронтов, с заводов и из деревень летели в Москву бесчисленные телеграммы. В Москве, Петрограде, Киеве, Харькове был объявлен траур. Вся страна, миллионы трудящихся зарубежных стран выражали свою скорбь о тяжелой утрате.

18 марта 1919 года Москва провожала Якова Михайловича Свердлова в его последний путь. Десятки тысяч пролетариев столицы собрались на Красную площадь, прилегающие улицы и переулки. В почетный караул у гроба встали члены ЦК, члены президиума ВЦИК, наркомы. У кремлевской стены, в самом центре, под мемориальной доской зияла глубокая могила. Ленин шагнул вперед. «Мы опустили в могилу, — скорбно произнес Владимир Ильич, — пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь Якова Михайловича оборвалась внезапно, неожиданно, в самый разгар кипучей работы, когда он далеко не достиг полного расцвета своих сил. Ведь ему еще не было и 34 лет!

Преждевременная смерть Свердлова была тяжелым ударом для рабочего класса и Коммунистической партии, для его близких, для десятков и сотен товарищей, тысяч боевых соратников.

Тяжела была утрата для большевиков, прошедших совместно со Свердловым через годы подполья, воздвигавших вместе с ним величественное здание социализма в первые годы существования Советской власти. Тяжела была утрата для Владимира Ильича Ленина.

Для Ленина смерть Свердлова была не только утратой крупного партийного деятеля и советского работника, но — и прежде всего — ближайшего соратника и помощника, с которым он так дружно работал, утратой близкого человека, друга...

Надежда Константиновна Крупская писала:

«16 марта... Ильич заторопился, пошел (к Якову Михайловичу. — *К. С.*). Пришел ужасно расстроенный... Ильич мало говорил обычно о своих переживаниях и тут, вернувшись от Якова Михайловича, он говорил лишь о безнадежном состоянии Якова Михайловича, но видно было, как он расстроен.

В лице Якова Михайловича партия и Советская власть теряли крупнейшего организатора, ни на минуту не отрывавшегося от масс, не отступавшего перед трудностями, умевшего вникать во все мелочи».

Выступая 18 марта 1919 года на экстренном заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, посвященном памяти Якова Михайловича, Ленин говорил:

«Такого человека, который выработал в себе этот исключительный организаторский талант, нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одно лицо, одного товарища, совмещающего в себе такие способности».

Каждое слово Владимира Ильича, посвященное памяти Якова Михайловича, все его многочисленные выступления, в которых он упоминал о Свердлове, дышали любовью к Якову Михайловичу и глубокой скорбью.

«Найти настоящего заместителя тов. Якову Михайловичу Свердлову, — говорил Ленин в своей речи о кандидатуре на пост председателя ВЦИК, — задача чрезвычайно трудная, так как совместить в одном лице и ответственного партийного работника, к тому же знающего историю партии, и вместе с тем человека, прекрасно разбирающегося в людях и умеющего выбирать их на ответственные советские посты, — почти невозможно. Совместить в одном товарище все те функции, которые нес на себе тов. Свердлов, — ...было бы невозможно...»

...Шло время, прошел год. 16 марта 1920 года, в годовщину смерти Якова Михайловича, Ленин выступал на траурном заседании памяти Я. М. Свердлова, состоявшемся в Большом театре. 29 марта 1920 года, на

IX съезде партии, Ленин говорил: «Наша партия прожила теперь первый год без Я. М. Свердлова, и эта потеря не могла не сказаться на всей организации ЦК. Так уметь объединить в одном себе организационную и политическую работу, как умел это делать тов. Свердлов, не умел никто...»

Якова Михайловича не стало, но память о нем навсегда сохранилась в сердцах большевиков, в сердцах трудящихся всего мира.

Длительное время после смерти Свердлова, примерно до ноября 1919 года, Оргбюро ЦК заседало на нашей квартире, в домашнем кабинете Якова Михайловича. Мне не раз приходилось вести протоколы этих заседаний, и я помню, как часто, обсуждая тот или иной вопрос, члены Оргбюро думали вслух, как поступил бы в данном случае Свердлов, и искали то решение, которое принял бы он.

Якова Михайловича не стало, товарищ Андрей покинул свой пост, но на его место становились десятки, сотни новых бойцов. «Память о тов. Я. М. Свердлове...— говорил Ленин, — будет служить не только вечным символом преданности революционера своему делу, будет служить не только образцом сочетания практической трезвости и практической умелости, полной связи с массами, с умением их направлять, — но будет служить и залогом того, что все более и более широкие массы пролетариев, руководясь этими примерами, пойдут вперед и вперед к полной победе всемирной коммунистической революции».

Бессмертны имена тех, кто вместе с Лениным создавал большевистскую партию в годы подполья, кто вел наш народ на Октябрьский штурм, вынес все тяготы первых лет борьбы нашей Родины за свободу, не дрогнул и не изменил ленинскому знамени в годы тяжких испытаний, в годы великих побед. И ярко сияет среди имен ближайших соратников Ленина славное имя безвременно павшего в этой великой борьбе Якова Михайловича Свердлова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава шестая

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Глава седьмая

РЕСПУБЛИКА СОВЕТОВ

Глава восьмая

МОСКВА

Свердлова К. Т.

С24 Яков Михайлович Свердлов. 3-е изд. М., «Молодая гвардия», 1976.

400 с. с ил.

О выдающемся деятеле Коммуинстической партии и Советского государства, одном из ближайших соратников Владимира Ильнча Ленииа Якове Михайловнче Свердлове написаио много нитересных киnг. Особую ценность среди них представляют воспомниаиня его жеиы — Клавдии Тимофеевны Свердловой (Новгородцевой). Написаниые жнво, ярко, увлекательио, воспомнианияя раскрывают иам биографию этого замечательиого профессиоиального революциоиера, которому, по словам В. И. Леиниа, довелось «...выразить полнее и цельиее, чем кому бы то нн было другому, самые главиые и самые сущеcтвенные черты пролетарской революции...».

С $\frac{70302-308}{078(02)-76}$ БЗ—053—017—76 ЗКП1(092)

Клавдня Тимофеевна Свердлова
ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СВЕРДЛОВ

Редактор **М. Фырннн**
Художннк **К. Фаднн**
Художественый редактор **Б. Федотов**
Техиический редактор **Н. Носова**
Корректоры **Л. Четыркина, В. Назарова**

Сдано в набор 29/VI 1976 г. Подписаио к печатн 9/XI 1976 г. А07472. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Печ. л. 12,5 (усл. 21) + + 8 вкл. Уч.-нзд. л. 22,9. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 03 к. Б. З. № 53, п. 17, 1976 г. Заказ 1081.

Типографня ордена Трудового Красиого Зиамеии изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес нзд-ва н тнпографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

о-

эт-
ш-
но
ав-
од-
ю,
ь-
ам
эм
е-

)2)